2566

6

~~1307.~~

2586
1307.

ИСТОЧНИКИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

И

ГОСУДАРСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА.

Сочиненіе генеральнаго штаба полковника

АСТАФЬЕВА,

состоящаго при николаевской академіи генеральнаго штаба.

—

I-е ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СОВРЕМЕННОМУ ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ.

КНИГА I.

С.-Петербургъ.
1862.

38 Библиотека ИФ СССР

74330

ПОСВЯЩАЕТСЯ

РУССКОМУ НАРОДУ

(ВЪ ГОДЪ ЕГО ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ)

1862.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. стран.

Историческое изслѣдованіе началъ Политической Экономіи 1

Глава II.

Теоретическое изслѣдованіе началъ Политической Экономіи 45

Глава III.

Земля какъ жилище человѣка 71

Глава IV.

Народъ и человѣкъ и ихъ назначеніе 108

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Изслѣдованія современной физіологіи и философіи доказываютъ намъ, что человѣкъ есть звено всей неразрывной цѣпи не только всего человѣчества, но всего животнаго царства.

Не смотря на безконечное разнообразіе звеньевъ этой цѣпи, подъ этимъ разнообразіемъ таится извѣстнаго рода единство и жизнь ихъ всѣхъ течетъ по однимъ естественнымъ, непреложнымъ біологическимъ законамъ. Разнообразіе это представляетъ въ царствѣ животномъ постепенныя ступени развитія, идущаго отъ нисшихъ организацій къ высшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ въ немъ одно цѣлое существо, живущее безконечною жизнію.

Очевидно, что общество, или государство, занимающее средину между человѣчествомъ и человѣкомъ, есть только часть человѣчества и вмѣстѣ съ тѣмъ небольшая частица всего органическаго царства.

Человѣкъ, общество и человѣчество находятся въ такой тѣсной и неразрывной связи и зависимости между собою, что было бы невозможно коснуться, даже поверхностно, общества, или государства, не затронувъ человѣка или всего человѣчества, которое все можетъ подразумѣваться въ человѣкѣ, какъ въ своемъ представителѣ.

Вотъ почему всѣ энергическіе труды самыхъ благонамѣренныхъ людей, создававшихъ идеаланыя, неестественныя общества и человѣка, съ одними только совершенствами, чтобъ уменьшить бѣдствія общественной жизни, были односторонни и не достигали цѣли.

Современное направленіе естественныхъ наукъ, въ особенности философіи, ясно указываютъ прямой путь, по которому необходимо должно идти при изслѣдованіи общественной жизни.

Можно ли думать о благосостояніи государства, не из-

учивъ первой основной его частицы—человѣка, не опредѣливъ условій его индивидуальнаго благосостоянія.

Изученіе это вынуждаетъ глубокое изслѣдованіе матеріи и духа: основныхъ началъ организма человѣка, служащаго источникомъ всѣхъ побуждемій частной и общественной его дѣятельности, выражающихъ собою его конечную жизнь.

Такое изслѣдованіе откроетъ намъ по своей связи, естественные, непреложные законы, по коимъ существуетъ не только человѣкъ, но государство, человѣчество и цѣлая вселенная, которая есть также единица.

Жизнь человѣка, общества и государства зависитъ отъ средствъ, составляющихъ богатство. Всѣмъ извѣстно, что богатство бываетъ матеріальное и духовное. Возможно ли пользоваться ими и цѣнить ихъ вполнѣ, безъ знанія самой ихъ сущности.

Это ведетъ опять-таки къ изученію физическаго и духовнаго міровъ, или среды, въ которой живетъ человѣкъ, представляющихъ неисчерпаемое сокровище индивидуальной и общественной жизни не только человѣка, но государства и всего человѣчества, т. е. опять къ изслѣдованію духа и матеріи и къ философическому воззрѣнію на ихъ отношенія.

По существующимъ понятіямъ, до сихъ поръ Политическая экономія вращалась только съ промысленными, матеріальными общественными, нуждами, а потому понималась ложно. Такимъ путемъ она никогда не достигнетъ положительной цѣли и здравый смыслъ безполезно будетъ путаться въ опроверженіи постоянно вновь появляющихся экономическихъ софизмовъ.

По нашему мнѣнію, для того, чтобъ Политическая экономія стала на истинную точку отправленія и пошла по прямому пути ей необходимо, для начала своихъ будущихъ экономическихъ изслѣдованій, принять въ свои соображенія современные физіологическіе, психологическіе, философическіе и всѣхъ наукъ положительные выводы, потому-что они всѣ должны клониться къ удовлетворенію нуждъ человѣка, т. е. цѣли Политической экономіи и служить ей надежнымъ подспорьемъ.

Такое изложеніе не будетъ нисколько отступленіемъ, а напротивъ скорѣе и вѣрнѣе приведетъ къ истинѣ, безъ которой не только Политическая экономія, но самый простой учебникъ есть химера.

Цѣль этого сочиненія была выразить: возможность такого метода изложенія Политической экономіи въ источникахъ естественной жизни государства, долженствующаго служить краеугольнымъ камнемъ всѣмъ наукамъ, обнимающимъ всѣ отрасли государственной общественной жизни.

Представляя на судъ просвѣщенныхъ читателей первый опытъ источниковъ Политической экономіи, какъ начало дальнѣйшаго труда, въ самомъ грубомъ видѣ, я знаю, что онъ можетъ имѣть не только погрѣшности, но самые важные недостатки, которыхъ я, по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ и по неимѣнію еще разработанныхъ матеріяловъ другими науками, не могъ избѣжать.

Для исправленія и усовершенствованія его необходимо общее усиліе, потому что дѣло идетъ объ общественномъ благосостояніи, и критика. Я съ благодарностію приму всѣ замѣчанія, потому-что только очищенныя критикою мысли, могутъ быть приняты за основаніе и принести пользу, а этой пользы я сердечно желаю Русской родной землѣ и Русскому Народу, который нынѣ уже сознательно вырывается изъ пеленокъ.

Ал. Астафьевъ.

ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА.

Законы (человѣческіе) есть паутина, въ которой слабая муха запутывается, а жукъ пролетаетъ свободно.»

(*Изреченіе одного изъ мудрецовъ древности*).

Естественные законы совсѣмъ другое дѣло, тамъ всякое отступленіе отъ закона наказывается природою, по мѣрѣ вины каждаго. безъ лицепріятія.

—

«Ни какая великая истина, однажды открытая, не была потеряна; и не было никогда сдѣлано ни одного важнаго открытія, которое бы не разрушало всѣхъ противуполагаемыхъ ему преградъ».

Бокль.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С.-Петербургъ, Сентября 9 186 года.

Цензоръ: *В. Бекетовъ.*

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

ИСТОЧНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА.

ГЛАВА I.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Зло было, есть и будетъ вѣчно; оно измѣняетъ только формы своего проявленія.
(Всѣмъ извѣстная истина).

Благоденствіе, или возможное счастіе человѣка и общества безъ истины и свободы недостижимо (*).

Независимаго вполнѣ человѣка и общества мы не находимъ ни въ исторіи, ни въ настоящую эпоху, потому что если бы мы предположили, что они не зависятъ отъ внѣшнихъ условій, то найдемъ, что они зависятъ отъ своей собственной несовершенной организаціи, которая иногда препятствуетъ прямымъ путемъ

(*) Многіе понимаютъ счастіе жизни, не только въ удовлетвореніи нуждъ и въ достиженіи комфорта, но и въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ желаній. Извѣстно всѣмъ, что совершеннаго счастія нѣтъ на землѣ, а потому въ Политической экономіи мы будемъ, подъ словомъ благоденствіе и счастіе, понимать удовлетвореніе нуждъ и достиженіе возможнаго комфорта.

доходить до истины, съ которой только и можетъ быть достигнуто счастіе. Слѣдственно, для человѣка и общества не можетъ быть абсолютнаго благоденствія.

Основываясь на семъ должно искать въ жизни только возможнаго счастія, которое таится въ исполненіи естественныхъ законовъ природы, обусловливающихъ благосостояніе человѣка и общества. Законы эти открываются черезъ фактическое изслѣдованіе природы, человѣка и общества и физіологіи послѣднихъ или изъ историческаго анализа науки Политической экономіи, въ которой долженъвыражатся механизмъ общественной жизни способомъ эмпирическимъ потому, что теоретическое ученіе находится въ тѣсной связи съ дѣйствительною жизнію и вытекаетъ изъ нея, какъ изъ своего источника.

Вглядываясь въ историческій ходъ идей Политической экономіи, отъ начала появленія ея, какъ науки, до современнаго ея состоянія, можно, съ безошибочною точностію, отдѣлить всѣ ея заблужденія и вывесть вѣрное заключеніе о настоящемъ ея состояніи, т. е. выработать истины, на которыхъ можетъ быть основано зданіе науки современной Политической экономіи, или возможное счастливое существованіе человѣка и общества Такой взглядъ на судьбу науки даетъ возможность, не увлекаясь настоящими, господствующими идеями, постепенно, безпристрастно и гораздо вѣрнѣе опредѣлить ея предметъ, объемъ и цѣль. Въ этомъ отношеніи Робертъ Моль, представивъ историческій ходъ идей Политической экономіи, оказалъ великую услугу всему человѣчеству. Онъ замѣчаетъ, что: она, со стороны содержанія, въ современномъ положеніи, находится въ ложныхъ отношеніяхъ къ общественному организму и *не признаетъ законныхъ требованій отдѣльныхъ личностей отъ жизни*; въ формальномъ отношеніи несостоятельность ея оказывается въ томъ, что она не вполнѣ различаетъ предметы, подлежащіе ея вѣдѣнію и потому смѣшиваетъ разнородныя функціи жизни, въ ущербъ не одной только научной обработкѣ, но и самому способу постановки нѣкоторыхъ вопросовъ. Съ другой стороны, хотя Политическая экономія и не достигла еще цѣли своихъ стремленій, т. е. не-

погрѣшительной истины, ея современное направленіе тѣмъ не мѣнѣе отличается строгою системою и чисто научною обработкою отдѣльныхъ частей; нѣкоторые спорные вопросы, требующіе дальнѣйшаго изученія, и другія улучшенія, необходимыя для общей правильности ея системы, имѣютъ въ этомъ случаѣ не болѣе какъ второстепенное значеніе. Въ главныхъ своихъ положеніяхъ промышленная школа, т. е. система Политической экономіи, основанная на свободѣ конкуренціи, представляетъ уже нѣчто цѣлое и заключенное, и каково-бы ни было послѣдующее развитіе ея, какъ науки, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время, она займетъ въ исторіи такое же независимое и самостоятельное мѣсто, какъ и предшествовавшія ей школы: меркантильная и физіократическая. Вдумываясь въ историческій ходъ науки Политической экономіи, или въ механизмъ общественной жизни и въ ея отношенія къ настоящему порядку вещей, нельзя не раздѣлять, болѣе или менѣе, убѣжденій Роберта Моля, и не признать, что для этой науки еще въ будущемъ предстоитъ много открыть новаго и лучшаго, соотвѣтствующаго условіямъ и прогрессу современной, безпрерывно обновляющейся жизни общества.

Политико-экомическія понятія древнихъ состояли въ насиліи, которое считалось закономъ. Основою государственнаго благосостоянія считали земледѣліе и военное дѣло. На человѣка смотрѣли какъ на животное или орудіе, которое можетъ доставлять пользу государству. Это влекло за собою рабство и несвободный трудъ. Изъ древнихъ писателей замѣчательны Ксенофонтъ, Платонъ, какъ идеалистъ, и Аристотель.

Перейдя средніе вѣка, которые, какъ выраженіе борьбы: разума съ природою, не представляютъ ничего поучительнаго для Политической экономіи, мы только въ позднѣйшее время можемъ остановиться на проявленіи политико-экономическихъ научныхъ идей—въ меркантильной системѣ.

Не входя въ подробный разборъ меркантильной системы, отжившей уже свое время, изъ которой очень немного можно извлечь для нашего времени, скажемъ, однакоже, хотя нѣсколько словъ о ней, слѣдуя разбору Роберта Моля. Началомъ появленія

Политической экономіи, въ формѣ науки, можно принять происхожденіе меркантильной системы, которая коренится въ идеѣ, что богатство состоитъ въ золотѣ и серебрѣ, т. е. она принимала орудіе мѣны за богатство, или форму за сущность самаго предмета. Слѣдствіемъ чего проповѣдывала покровительство только одной торговлѣ. Короче, она осуществила въ теоріи идеи, которыя за долго до нея еще существовали въ практической жизни, чему можетъ служить примѣромъ система Кольберта. Теорія, основывая народное богатство на деньгахъ, естественно ставила главнымъ источникомъ: *пріобрѣтеніе звонкой монеты и внѣшнюю торговлю.* Слѣдствіемъ чего и всѣ административныя мѣры подчинялись этому ложному условію.

Результатомъ такого стремленія явилось ученіе о *торговомъ балансѣ*, который доказывалъ, какъ единственное средство увеличить народное богатство тѣмъ, чтобы вывозъ превышалъ ввозъ товаровъ и разность, или прибыль, получаемая отъ того государствомъ, составляла желаемую цѣль всей меркантильной системы, которая могла развиться только при условіяхъ современной ей дѣйствительной жизни государствъ, наэлектризованныхъ этой идеей.

Считая приращеніе богатства въ накопленіи звонкой монеты, она обратила все свое вниманіе только на тѣ средства, которыя способствовали къ достиженію главной цѣли, забывая о всестороннемъ развитіи народныхъ производительныхъ силъ. Эта цѣль заставила покровительствовать, изъ всѣхъ отраслей промышленности, только мануфактурную, къ которой и обращались всѣ административныя мѣры; явились привилегіи, ссуды капиталовъ, монополіи, правила фабрикаціи, колоніальная система и торговые трактаты. Несостоятельность основныхъ положеній меркантильной системы очевидна: она проявилась не вслѣдствіе сознательнаго мышленія, а вслѣдствіе обобщенія практической дѣятельности современнаго общества, т. е. изъ экономической жизни европейскихъ государствъ послѣдней половины XVII вѣка.

Изъ историческаго изслѣдованія жизни тогдашняго общества мы видимъ, что первою побудительною причиною къ проявленію

такихъ идей была роскошь Дворовъ того времени; которая заставляла изыскивать средства, для покрытія издержекъ. Слѣдствіемъ чего было покровительство мануфактурной промышленности, доставлявшей предметы сбыта, и внѣшней торговлѣ, какъ средствамъ, ведущимъ къ цѣли, забывая обо всемъ прочемъ. Причина ея господства и того, что она привилась очень скоро и оставалась почти въ продолженіи цѣлаго столѣтія, было то, что она удовлетворяла желаніямъ только сильныхъ, господствующимъ потребностямъ и интересамъ, не имѣя противниковъ, и потому считалась истиною.

Это убило совершенно свободную конкуренцію. Дѣйствительная жизнь обществъ, въ послѣднее время существованія меркантильной системы, выражала рѣзко противорѣчія, противоположныя ея принципамъ, что осуществилось въ ученіи физіократической школы. Въ ученіи меркантильной системы также понимали, какъ и у древнихъ, человѣка машиной, которая существуетъ только для пользы государства. Презрѣніе ясно выражалось къ матеріальному труду. Балансъ мѣновой и балансъ торговый, какъ единственное средство пріобрѣсти богатство, считавшееся въ деньгахъ, занималъ умы.

Физіократы принимали за основаніе своего ученія: «что міръ управляется неизмѣнными нравственными и физическими законами, въ изученіи которыхъ замѣчается человѣческая умственная дѣятельность, выражающаяся еще въ практикѣ присвоеніемъ предметовъ, удовлетворяющихъ человѣческимъ потребностямъ». Физіократы понимали тогда еще необходимость ввести въ науку Политической экономіи не одинъ вещественный, но и нравственный элементъ, который долженъ основываться на идеѣ *справедливости*, т. е. истинѣ, стоящей, по понятіямъ Кене, въ тѣсной связи съ полезностію, вытекающихъ изъ человѣческой природы. Выводя изъ человѣческой природы назначеніе человѣка: жить въ обществѣ, Кене и послѣдователи его основательно полагали, что благо каждой отдѣльной личности въ обществѣ можетъ развиваться только подъ условіемъ охраненія правъ всѣхъ прочихъ личностей, и что это благо должно утратить слѣды сво-

его развитія при каждомъ нарушеніи права, даже каждой отдѣльной личности. Они предполагали, довольно вѣрно, что справедливость, для своего осуществленія, требуетъ свободы и права собственности, т. е. экономической свободы, которая разрѣшаетъ каждой личности дѣлать все, что не вредитъ только ближнимъ и располагать своею собственностію по произволу. Безъ справедливости, свободы и правъ собственности, вытекающихъ изъ самой природы человѣка, физіократы не допускали свободнаго развитія человѣческихъ интересовъ, т. е. прогресса общественной жизни, въ которой обязанность закона и правительства должна состоять въ охраненіи только справедливости, свободы и права собственности каждой личности.

Изъ этого краткаго взгляда на ученіе физіократовъ видно, что оно является не искусственнымъ, стремящимся достигнуть цѣли, созданной фантазіею человѣка, какъ это было у меркантилистовъ или есть у современныхъ соціалистовъ, но вытекало изъ естественныхъ законовъ природы и не могло ограничиваться одними экономическими интересами, а необходимо требовало болѣе обширнаго поприща, на которомъ оно могло коснуться разнообразныхъ сторонъ жизни. Физіократы показали связь экономическихъ отношеній съ политическими. Недостатокъ ученія физіократовъ заключается въ томъ, что они точкою отправленія взяли матеріальное богатство, и измѣряли цѣнность и полезность *труда* количествомъ матеріальныхъ его результатовъ, что и навело ихъ на ложныя воззрѣнія, касательно производства и относительно значенія различныхъ, производительныхъ средствъ, а также вовлекло ихъ допустить положенія, противурѣчащія дѣйствительной жизни общества. Главною причиною всѣхъ заблужденій можно считать: отвлеченность ихъ ученія.

Не смотря на всѣ недостатки системы физіократовъ, она все-таки дала истинное понятіе о монетѣ, какъ орудіи мѣны и въ основаніи человѣческихъ обществъ признала существованіе *неизмѣнныхъ законовъ природы*, которые открыли отношенія между общественною жизнію и правительственною дѣятельностію. Она сознала, что общественный организмъ живетъ самобытною

жизнію, и что только нарушенія естественнаго его развитія, возникающія изъ среды того же самаго организма, должны устраняться правительственною властію.

Односторонность мнѣній многихъ послѣдователей школы физіократовъ о формѣ правительственной власти привело ихъ къ мысли сосредоточенія ея въ формѣ деспотизма, въ одномъ лицѣ, придавая ей слишкомъ исключительное значеніе, что навлекло на нихъ множество, отчасти справедливыхъ, отчасти и несправедливыхъ нареканій.

Физіократы также оказали великія услуги философіи и всѣмъ нравственно - политическимъ наукамъ. Робертъ Моль говоритъ: «нѣтъ никакаго сомнѣнія (стр. 228 и 229), что система физіократовъ, какъ по своему ученому достоинству, такъ и по вѣрному пониманію общихъ основаній народнаго хозяйства, стоитъ гораздо выше меркантильной. Многими истинами мы обязаны ей и по настоящее время, но тѣмъ не менѣе ученіе ихъ не полно и односторонне: въ немъ совершенно не поняты и не оцѣнены цѣлыя отрасли промышленности, и только посредствомъ ошибочныхъ выводовъ и заключеній могла быть возстановлена видимая связь между этими ученіями и дѣйствительностію. Физіократія, какъ наука, не смотря на многія заслуги, не могла расчитывать на постоянное значеніе, и давно уже окончила свое существованіе, но тѣмъ не менѣе мы обязаны уваженіемъ и благодарностію, относительно ея благонамѣренныхъ и даровитыхъприверженцевъ. Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что она не оказала особеннаго вліянія на дѣйствительную жизнь. Это легко объясняется тѣмъ, что она не имѣла опоры ни въ одной изъ могущественныхъ составныхъ частей современнаго общества, хотя имѣла въ виду избавить отъ угнетенія массу народа, и это направленіе, какъ всеобщая и живая потребность, могла послужить ей прочнымъ основаніемъ. Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что въ половинѣ 18-го столѣтія земледѣльческій классъ, въ главнѣйшихъ государствахъ и преимущественно во Франціи, какъ центрѣ физіократическаго ученія, не имѣлъ еще никакаго политическаго значенія; что у физіократовъ не было ни силы,

ни средствъ возвести новое ученіе изъ области ихъ умозрѣнія на степень неотразимаго требованія, и что физіократія въ общемъ направленіи своемъ не могла показать сильнаго вліянія на жизнь. Что касается остальныхъ классовъ общества, то сословія, раздѣленныя на цехи, смотрѣли съ неблагопріятной точки зрѣнія на свободу, водворенную противъ ихъ желанія, а высшіе и образованные его слои, противились распространенію и встрѣчали насмѣшкою новое ученіе, относившее ихъ къ категоріи безполезныхъ потребителей. Можетъ быть, новое ученіе постиглабы совершенно другая судьба, еслибъ оно успѣло, въ смыслѣ теоріи, удержаться болѣе продолжительное время, хотя нельзя отвергать того, что положенія, высказанныя физіократами, содѣйствовали въ извѣстной степени къ развитію нравственныхъ элементовъ реформы во Франціи; но тѣмъ не менѣе прочному и непосредственному вліянію ихъ не благопріятствовали обстоятельства».

Лучшаго отчета, какой сдѣлалъ Робертъ Моль, объ ученіи физіократовъ трудно сдѣлать, и мы увидимъ въ послѣдствіи, что должна взять изъ этого ученія, въ свои основанія, современная Политическая экономія.

Физіократія представляетъ собою экономическую, философскую школу, (какъ и должна быть Политическая экономія) которая первая открыла, въ экономическихъ явленіяхъ, естественные, непреложные законы. Слѣдствіемъ чего ясно обнаружилась система управленія народомъ, т. е, что дѣйствія власти могутъ быть только отрицательныя, т. е. *устраненіе* того, что препятствуетъ исполненію естественныхъ, непреложныхъ законовъ къ развитію народной жизни.

Адаму Смиѳу, положившему начало промышленной школѣ, суждено было развить въ возможной степени совершенства, основные начала народнаго богатства, именно: о цѣнѣ, трудѣ, капиталѣ, монетѣ и т. д. открывшіе поле для новаго взгляда на производство, распространеніе богатствъ и потребленіе.

Ученіе промышленной школы поставило трудъ, который заключается въ дѣятельности человѣка, выражающей жизнь, глав-

нымъ источникомъ цѣнности и богатства. Оно не ограничивало трудъ, какъ физіократія, однимъ производствомъ сырыхъ матеріаловъ, но пріобщало еще къ нему обработку и передачу ихъ, разъяснило понятіе о капиталѣ, раздѣленіи занятій и соперничествѣ, какъ объ основныхъ силахъ механизма общественной жизни. Ученіе промышленной школы указало на три одинаково важные главные элемента промышленной общественной дѣятельности, именно: *земледѣліе, мануфактуру и торговлю.* Оно опредѣлило вѣрно границы участія правительственной власти въ экономической жизни государства, относительно равнаго покровительства этимъ тремъ родамъ промышленности и указало весь вредъ отъ частныхъ и государственныхъ монополій, отъ цеховъ, корпорацій, премій на ввозъ и вывозъ продуктовъ, охранительныхъ тарифовъ и т. п.

Мы видимъ, что основанія промышленной школы остаются въ главныхъ чертахъ неизмѣнимыми до сихъ поръ. Попытки: произвести реформу въ ученіи Адама Смиѳа, состояли въ изученіи отдѣльныхъ экономическихъ вопросовъ, не представляя въ сущности ничего болѣе, какъ дальнѣйшее развитіе этого ученія, исключая нѣкоторыхъ отраслей: какъ *полицейское, финансовое и государственное право,* а также и политическія науки, которыя получили новую жизнь. Ученіе Ад. Смиѳа, проникнувъ глубоко въ народную жизнь, произвело не мало перемѣнъ въ дѣйствительной жизни государствъ, и «особенно», какъ говоритъ Робертъ Моль, «оно симпатизируетъ и соотвѣтствуетъ требованіямъ и стремленіямъ, развивающимся въ европейскихъ обществахъ въ послѣдніе періоды времени, что господствующимъ интересомъ въ современной жизни можетъ по справедливости назваться *интересъ политическій*, отличающійся также разлагающимъ направленіемъ».

Нѣкоторые видятъ въ этомъ направленіи разрушеніе стараго порядка вещей, въ которомъ не было истины и справедливости и предвидятъ въ немъ освобожденіе отъ ига страшныхъ угнетеній, сдавливавшихъ народную жизнь; другіе напротивъ сожалѣютъ о разрушеніи корпоративнаго быта, къ которому относятъ

органическія начала общественной жизни, и съ торжествомъ открываютъ въ будущемъ всеобщее распаденіе.

Современное общественное мнѣніе колеблется между этими взглядами, діаметрально противоположными, однакоже замѣтно склоняется къ первому.

Ученіе промышленной школы, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ этому разлагающему, отрицательному направленію политической жизни. Оно также стремится разрушить корпоративныя учрежденія стараго порядка вещей, указывая на его недостатки и утвердить права индивидуальной личности; оно даетъ предчуствовать, что съ паденіемъ закоренѣлыхъ, отживающихъ идей, можетъ возстановиться истинное экономическое общественное благосостояніе народовъ.

Основною мыслію ученія Адама Смиѳа была *необходимость свободнаго проявленія экономической дѣятельности, совершенной ея независимости отъ государства.* Новая промышленная школа, удовлетворяя нѣкоторымъ особенно нравственнымъ требованіямъ новаго поколѣнія, служа источникомъ раціональныхъ стремленій къ открытіямъ, произвела крайнюю дешевизну всѣхъ произведеній промышленности, что есть непосредственный результатъ свободной конкуренціи.

Робертъ Моль, относительно содержанія ученія Адама Смиѳа, имѣетъ такое мнѣнія: «что въ вопросахъ объ источникахъ богатства, о существенныхъ свойствахъ силъ природы человѣческаго труда и капиталовъ, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о послѣдствіяхъ раздѣленія труда и наконецъ въ вопросахъ о цѣнахъ, мѣнѣ, заработной платѣ, доходахъ различныхъ родовъ, формахъ потребленія и т. д. нельзя ожидать существенныхъ и радикальныхъ измѣненій. Изслѣдованія, относящіяся сюда, отличаются глубокимъ анализомъ и чрезвычайно вѣрною постановкою вопросовъ, связь ихъ столь естественна и въ цѣломъ составѣ своемъ достигаютъ они столь близко математической точности, что выведенныя изъ нихъ основныя экономическія понятія, могутъ, безъ всякаго сомнѣнія, назваться однимъ изъ лучшихъ результатовъ человѣческаго мышленія»....

Съ другой стороны Робертъ Моль упрекаетъ ученіе Адама Смиѳа: въ стремленіи *атомистически* разлагать общественную жизнь и за преслѣдованіе цеховъ, корпорацій, привилегій, т. е. всякихъ общественныхъ соединеній, имѣющихъ цѣлію образовать промышленную дѣятельность, къ чему привелъ это ученіе пристрастный взглядъ на выгоду самообладанія и свободу конкуренціи.

Главнѣйшую ошибку ученія Адама Смиѳа Робертъ Моль находитъ въ томъ, что, стремясь разрушить старый отжившій порядокъ вещей, оно не предлагало ничего въ замѣнъ его. Городское сословіе, съ паденіемъ цеховыхъ учрежденій, вслѣдствіе промышленной школы, доведено было до положенія мелкихъ торговцевъ, что отозвалось вредно на фабричномъ классѣ и дало перевѣсъ въ договорахъ капиталистамъ. Фабричный классъ народа черезъ это лишился средствъ существованія, кромѣ заработной платы и возможности предпринять что-либо для своего обезпеченія, чрезъ что явилась въ немъ безнадежность и отчаяніе, которыя усиливаются постепенно отъ конкуренціи другихъ однородныхъ фабрикантовъ и отъ увеличивающагося народонаселенія.

Это въ свою очередь породило стремленіе въ капиталистахъ фабрикантахъ притѣснять рабочій классъ пониженіемъ заработной платы и увеличеніемъ рабочаго времени, что невольно должно было возбудить ненависть въ рабочемъ классѣ.

Всѣ эти обстоятельства дали справедливую причину противникамъ промышленной школы упрекать въ безчеловѣчномъ взглядѣ на рабочій классъ, въ особенности обратить вниманіе на дѣтей, употребляемыхъ въ работу, которые истощаютъ свои силы въ такихъ трудахъ, и на рабочихъ, лишившихся заработной платы, по случаю введенія машинъ. Такимъ образомъ, открыли, что пауперизмъ можетъ подрывать существованіе всего государства.

Конечно, подобное обвиненіе скорѣе можетъ быть отнесено къ административнымъ властямъ и цѣлямъ, нежели къ принципу науки, но во всякомъ случаѣ Политическая экономія должна обратить вниманіе на судьбу милліоновъ людей, которыхъ подавляетъ современная промышленность и указать средства выд-

ти изъ этого ужаснаго положенія. Все это приводитъ къ тому заключенію, что политическія цѣли государства требуютъ экономическій соразмѣрности.—Это ученіе упрекали въ ограниченности взгляда на человѣческую личность, которую понимали, будтобы, только исключительно въ смыслѣ производительной силы.

Кромѣ того одинъ изъ важныхъ недостатковъ промышленной школы, по мнѣнію Роберта Моля, состоитъ въ томъ, какъ выражается въ Экономистѣ (книжка 2, годъ V, Февраль) авторъ статьи «Робертъ Моль о Политической экономіи (стр. 44 и 45). Что «Политическая экономія не принимаетъ въ расчетъ, что промышленная жизнь распадается сама по себѣ на нѣсколько сферъ по объему и значенію. Отъ изложенія экономическихъ понятій она прямо обращается къ началамъ народнаго хозяйства, между тѣмъ, какъ ученію о немъ должно было предшествовать разсмотрѣніе экономическихъ условій жизни отдѣльныхъ лицъ, семействъ и наконецъ цѣлыхъ сословій общества» Въ экономическихъ условіяхъ этихъ группъ не можетъ существовать противорѣчій, но каждая изъ нихъ отличается особенностями, требующими отдѣльнаго анализа и опредѣленій; отсюда могутъ быть выведены заключенія, которымъ можетъ быть, суждено подѣйствовать не только на отдѣльныя положенія, но и на всю экономическую науку. Германскіе экономическіе писатели, правда, подраздѣляютъ предметъ своихъ изслѣдованій на три обширныя отрасли: на ученіе о народномъ богатствѣ, народномъ благосостояніи и государственномъ хозяйствѣ; но этого еще недостаточно для точнаго систематическаго построенія Политической экономіи, и, до той поры, пока не будетъ обращено вниманія на указанныя экономическія сферы, она не будетъ свободна отъ упрека, которому подвергаются вмѣстѣ съ ней и другія политическія науки отъ упрека въ неестественномъ переходѣ отъ атомистическихъ частей къ цѣлому Но главнѣйшій недостатокъ, по моему мнѣнію, политической и экономической системъ новаго времени состоитъ, какъ было и во времена меркантильной системы,—это въ стремленіи власти-души общественнаго организ-

ма: къ пріобрѣтенію возможно большаго количества денегъ, которыя нерасчетливо расходуются.

Однимъ словомъ слабыя стороны этого ученія состоятъ въ недостаткѣ строгаго аналитическаго метода и въ требованіи излишней свободы частныхъ лицъ, какъ и у физіократовъ. Недостатокъ строгаго аналитическаго метода повлекъ за собою расколъ въ ученіи, выразившійся въ различныхъ направленіяхъ, какъ то: отвлеченномъ, либеральномъ, эклектическомъ, историческомъ, протекціонномъ и общественномъ (соціальномъ.) Главнѣйшій же недостатокъ промышленной школы состоитъ въ томъ, что она имѣетъ сущностью два различныхъ предмета: *матеріальное богатство и благосостояніе*, обнаруживающія несостоятельность этого ученія, служившее новою причиною къ расколу.— одни обратились къ развитію матеріальнаго производства, другіе—благосостоянію.

Робертъ Моль замѣчаетъ, что пора радикальныхъ измѣненій, которыя должны произвести въ ученіи промышленной школы, наступаетъ, что видно изъ необходимости преобразованій въ самой дѣйствительной жизни общества,

Противодѣйствіе промышленной школы Робертъ Моль видитъ въ двухъ формахъ проявленія. Одну онъ называетъ филантропической, а другая, по его мнѣнію, осуществляясь въ цѣлыхъ системахъ, распадается на отдѣльныя школы. Первая стремится противодѣйствовать только въ частныхъ случаяхъ проявленіямъ зла въ дѣйствительной жизни, послѣдняя стоитъ въ рѣзкой противоположности съ существующимъ порядкомъ вещей.

Дѣятельность филантроповъ состоитъ въ стремленіи облегчить бѣдствія нѣкоторыхъ обществъ административными мѣрами, но, не смотря на всю благонамѣренность ихъ и доброе желаніе, стремленіе это можно сравнить съ штопаньемъ ветхаго платья. Здѣсь необходимо уничтожить источники зла, а не его внѣшнее проявленіе. Отъ другой формы проявленія, которой представителями являются коммунисты и соціалисты, еще менѣе можно ожидать пользы, нежели отъ филантроповъ.

Соціалисты очень вѣрно выставляютъ общественные недостат-

ки, но зато средства, которыми предлагаютъ исправить ихъ, очень невѣрны. Однимъ словомъ оправдываютъ пословицу: «la critique est aisée, mais l'art est difficile».

Главныя основанія коммунизма суть: всеобщее равенство людей и правъ ихъ на матеріальныя богатства. Несообразность этого положенія очевидна и ниже всякой критики.

Соціалисты считаютъ, что только одинъ трудъ даетъ право на матеріальныя богатства. Каждый индивидуумъ можетъ пріобрѣтать столько, сколько его трудъ можетъ доставить. Очевидно, что эта идея, какія бы ни принимала формы, должна оказаться неисполнимою въ примѣненіи, во первыхъ потому, что самый трудъ хотя и должно считать средствомъ богатства, не можетъ ничего произвести безъ капитала, или собственно богатства матеріальнаго или духовнаго, а во вторыхъ въ обществѣ есть много личностей, которыя не въ состояніи трудиться.

Эта основная идея соціализма совершенно неприложима къ дѣйствительности и очевидно должна повлечь за собою неосновательныя второстепенныя послѣдствія.

Изъ желанія исправить недостатки промышленной школы соціалисты выказали стремленіе пересоздать всю человѣческую жизнь: религію, нравы, даже государства, не на основаніи естественныхъ законовъ, а по капризу своей фантазіи, приписывая всевозможныя свойства и качества человѣческой природѣ. Общій недостатокъ всѣхъ соціальныхъ ученій состоитъ: 1) въ непрочности теоріи, въ которой отсутствуетъ ученый элементъ, 2) въ хаосѣ практическихъ положеній и 3) въ непониманіи и незнаніи естественныхъ непреложныхъ законовъ организаціи общества, что приводитъ ихъ къ произволу избирать странныя мѣры, которыя поэтому не могутъ быть съ пользою примѣнимы и исполнены. Въ наше время Политическую экономію, въ современномъ ея состояніи, упрекаютъ будтобы въ развитіи темныхъ сторонъ человѣческаго быта, тогда какъ эти темныя стороны, какъ мы видѣли, были слѣдствіемъ предшествовавшаго времени. Экономическая наука служила къ проведенію старыхъ формъ жизни.

Конечно, нельзя отвергать, чтобы совершенно были несправедливы всѣ упреки, дѣлаемые экономическому ученію, которое отчасти не гармонируетъ съ окружающею насъ дѣйствительностью, но если возьмемъ во вниманіе, что мы живемъ въ переходную пору, то невольно должны смотрѣть снисходительнѣе на нѣкоторые недостатки экономическаго ученія, которые такъ рѣзко выставляетъ Роберто Моль.

Мнѣ кажется, нельзя упрекать науку, остановивъ ея на половинѣ дороги, въ недостаткахъ, когда она еще не успѣла выработать многихъ жизненныхъ экономическихъ вопросовъ. Истины ея развиваются, правда, медленно, но зато и долго живутъ въ послѣдствіи. Жизнь общества идетъ тихо, въ ней все слагается постепенно, на основаніи здравыхъ экономическихъ понятій.

Экономическую науку еще упрекаютъ и въ томъ, что она разрушила благосостояніе рабочаго класса: развитіемъ мануфактурной дѣятельности и отрицаніемъ покровительственныхъ учрежденій, но противники забываютъ, что рабочіе представляютъ въ общественной жизни совершенно новое явленіе, потому что съ увеличеніемъ народонаселенія, рабочій классъ неминуемо долженъ увеличиться, а также и въ слѣдствіе развитія мануфактурной промышленности.

Главное достоинство взгляда Роберта Моля на Политическую экономію, состоитъ въ томъ, что онъ показалъ паралель экономическихъ ученій съ дѣйствительною жизнію, но его упрекаетъ сотрудникъ Экономиста (годъ V, книжка 2, стр. 57) въ пропускѣ одной замѣчательной черты и выражается слѣдующими словами: «именно метода, на основаніи котораго разработывались эти ученія». Онъ (Робертъ Моль) говоритъ: «Если вглядѣться въ характеръ творенія Адама Симѳа, то нельзя не согласиться, что въ основѣ его лежитъ методъ историко—аналитическій. Слѣдовавшіе за Адамомъ Смиѳомъ экономисты держались проложенаго имъ пути, съ тѣми только отличіями, что мало обращали въ немъ вниманія на историческіе элементы. Далѣе видимъ дѣятелей, считавшихъ Политическую экономію наукою отвлеченною, и рѣзко отличавшихъ въ ней теорію отъ приложенія; но такое

воззрѣніе не привилось къ наукѣ, постоянно тяготѣвшей къ методу аналитическому, развившему ее до той формы, въ которой находится она въ настоящее время.

На этой послѣдней ступени ея развитія, методъ ея можетъ назваться историко-физіологическимъ; подъ этимъ разумѣется стремленіе къ систематическому описанію экономическаго порядка вещей, человѣческихъ потребностей и законовъ, въ силу которыхъ онѣ удовлетворяются.

Дальнѣйшее развитіе Потитической экономіи будетъ зависѣть какъ отъ частной разработки вопросовъ, такъ и отъ общаго взгляда на науку. Въ новѣйшей Исторіи Политической экономіи, извѣстной своею ученою дѣятельностью, разсѣявшей туманъ заблужденій и ложныхъ понятій противниковъ Экономическаго ученія, является знаменитый Бастіа.

Идеи его о различныхъ предметахъ Политической экономіи выразились въ перепискѣ, въ преніяхъ, въ газетахъ и изданы подъ заглавіемъ: «Oeuvres complétes de Frederic Bastiat.» (Paris 1855).

Первый томъ сочиненія заключаетъ Correspondence (переписку), второй le libre-échange (свободную мѣну) третій Cobden et la ligue ou l'agitation anglaise pour la liberté des échanges» (Кобденъ и Англія, или волненія въ Англіи за свободную мѣну) четвертый и пятый томы носятъ заглавіе: Sophismes économiques (Экономическія заблужденія) шестой томъ подъ заглавіемъ: Harmonies économiques» (Экономическія гармоніи). Всѣ сочиненія Фридерика Бастіа отличаются особеннымъ взглядомъ, который онъ бросилъ, какъ свѣтлую истину на всѣ темные, сомнительные вопросы Политической экономіи; въ особенности противъ заблужденій соціалистовъ.

Въ картинѣ современной литературы Политической экономіи онъ одинъ рельэфнѣе всѣхъ на первомъ планѣ выдается изъ полотна, какъ могучій ратоборецъ *за истину* и *свободу*, т. е. за основныя условія благоденствія и счастія частной и общественной жизни.

Замѣчательнѣе другихъ изъ его сочиненій, въ этомъ родѣ, это 4, 5 и 6 томы, заключающіе въ себѣ Экономическія заблужденія и Экоиомическія гармоніи, въ которыхъ онъ разсматриваетъ почти всѣ экономическіе темные вопросы со всѣхъ сторонъ, для открытія истины отъ кажущихся заблужденій.

Упрекнуть прежнихъ и новыхъ дѣятелей науки Политической экономіи можво только въ излишней скромности, сдѣлавшей ихъ односторонними: они давали наукѣ слишкомъ тѣсныя рамки, боясь показаться пристрастными къ своему предмету.

74330

Одни, изъ послѣдующихъ вышеприведеннымъ писателямъ, занимались изслѣдованіемъ существующихъ законовъ механизма общественности, тогда кахъ эги законы тѣсно связаны съ цѣлой природой. Начавъ ихъ изслѣдованіе, нельзя не коснуться среды, въ которой живетъ общество, а среда эта есть часть цѣлаго міра, законы коего вездѣ одни и тѣже; слѣдовательно, также должны подвергаться изслѣдованію—иначе выводы не могутъ быть справедливы. Нѣкоторые принимали за основаніе Политической экономіи: *стремленіе къ полезному*, отъ чего впадали въ туже ошибку, потому что пользу можетъ сознавать только разумъ, слѣдовательно въ области духовнаго міра, а потому стремленіе къ полезному требовало разсмотрѣнія духовной и физической природы человѣка и среды, въ которой онъ находится. Тоже самое видимъ и у тѣхъ, которые брали основаніемъ Политической экономіи: *взаимныя услуги, или побужденіе къ общественности.* Это только одно изъ побужденій человѣческой природы, и никогда не можетъ быть принято за основаніе науки, долженствующей имѣть цѣлію: благосостояніе человѣка. Не смотря на всю односторонность этого основанія, развитіе его влекло за собою изслѣдованіе предметовъ духовнаго и физическаго міра.

Началомъ требованія услугъ могутъ только быть безчисленыя разнообразныя побужденія человѣка, изъ коихъ каждое есть источникъ новыхъ нуждъ, которыя всѣ сосредоточиваются въ его природѣ, служащей связью матеріи и духа. Значитъ и для изслѣ-

дованія подобнаго основанія Политическая экономія должна бы была изслѣдовать міровые законы.

Многіе ограничивали объемъ науки общественнымъ богатствомъ, забывая, что богатство можетъ быть духовное и матеріальное, что первое и основное богатство человѣка есть умъ, и что какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго богатствъ развить и пріобрѣсти иначе нельзя, какъ изъ предметовъ вселенной.

Мишель Шевалье находитъ слѣдующее опредѣленіе Политической экономіи самымъ лучшимъ. Онъ говоритъ: «Она есть примѣненіе новыхъ началъ, существующаго и признаннаго права къ мѣнѣ произведеній и услугъ между людьми». Здѣсь довольно неопредѣленно значеніе права и предполагаетъ ли авторъ, пользуясь тѣмъ, что онъ вводитъ въ Политическую экономію право, изслѣдовать источники духовной жизни человѣка и общества, которая должна входить въ основаніе Политической экономіи?

Другіе разсматривали вопросъ съ точки удовлетворенія естественныхъ побужденій человѣка, или личнаго интереса, это болѣе приближало къ истинному воззрѣнію на науку, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вовлекало въ другую крайность, понимая безразличное удовлетвореніе побужденій человѣческой природы, которая влагаетъ въ человѣка часто такія эгоистическія стремленія, которыя не могутъ быть благодѣтельны для ближнихъ, среди которыхъ онъ живетъ. Этимъ самимъ упускали изъ вида самое основаніе Политической экономіи: *благоденствіе общественной жизни.* При такомъ понятіи, Политическая экономія не можетъ, говоритъ только о сдѣлкахъ между людьми, которые заботятся и хлопочутъ объ интересахъ, и притязаніяхъ, ограничивающихъ другъ друга. Ея поприщемъ должны быть: духовный и физическій міры.

Нѣкоторые разумѣютъ Политическую экономію наукою о трудѣ. Ежели подразумѣвать подъ словомъ трудъ вообще физическую дѣятельность человѣка, въ которой выражается жизнь его и общества, то такое опредѣленіе науки близко подходитъ къ истинному.

Тогда Политическая экономія должна обнимать все существо-

ваніе человѣка и общества, или ихъ жизнь, потому что жизнь есть ничто иное, какъ усиліе, или трудъ. Слѣдовательно, Политическая экономія должна будетъ представить исторію образованія и развитія труда, т. е. жизни.

Изъ подобнаго представленія развитія труда, наука въ состояніи будетъ вывести естественные законы механизма общественной жизни, слѣдуя которымъ общество можетъ дѣйствовать правильнѣе, т. е. естественно, а слѣдовательно и выгоднѣе.

При такомъ опредѣленіи, вся цѣль науки должна будетъ состоять въ различіи истины ото лжи, т. е. въ выводахъ, что все естественное есть истина, а неестественное есть ложь. Остальное можетъ быть предоставлено уму человѣка избирать то или другое, т. е. полезное или вредное для его благосостоянія.

Наука о трудѣ, или жизни, образовалась постепенно. Сперва, конечно, явился трудъ; а потомъ наука, какъ матерія и сила, т. е. матерія проявила жизнь усиліемъ, или трудомъ; извѣстно, что свойства матеріи составляютъ душу, высшая способность которой есть умъ, выражающійся въ наукѣ.

Каждый человѣкъ имѣетъ нужды, удовлетворяемыя трудомъ. Съ образованіемъ увеличаются потребности, которыя развиваютъ трудъ, увеличивающій въ свою очередь потребности. Здѣсь мы видимъ круговоротъ, что одно вытекаетъ изъ другаго и снова входитъ въ первоначальный свой источникъ, простираясь до безконечности, выражающейся въ прогрессѣ безконечности жизни человѣчества.

Слѣдовательно, если Политическую экономію считать наукою о трудѣ, то значитъ, что ее необходимо признать *наукою бытія*, жизни, или существованія человѣка и общества (*). При такомъ понятіи она должна будетъ заняться изслѣдованіемъ естественныхъ законовъ жизни вообще и въ частности, опредѣлить взаимныя отношенія матеріи и силы не только въ человѣкѣ, общества, государствѣ, во всемъ человѣчества, но и въцѣломъ органическомъ

(*) Здѣсь, подъ словомъ бытіе должно разумѣть естественное существованіе, или благоденствіе. т. е. какъ предписываетъ природа.

царствѣ и во всей вселенной, какъ средѣ, которую даровала природа человѣку для развитія и поддержанія жизни. Однимъ словомъ, какъ бы экономисты ни ставили вопросъ, какъ бы ни желали быть скромны, въ отношеніи своей науки, они все таки должны непремѣнно, опредѣляя предметъ и цѣль ея, дать ей болѣе обширное значеніе. Иначе они никогда не достигнутъ до истинной своей цѣли.

Душа человѣка испытываетъ пріятныя или непріятныя ощущенія и заставляетъ его избавляться своею дѣятельностію однѣхъ и увеличивать количество другихъ. Изъ этого общаго источника души происходятъ болѣе опредѣленныя понятія, какъ то: нужды, желанія, наклонности, трудъ, потребленіе, благосостояніе, удовольстіе и наслажденіе; слѣдовательно, основаніемъ Политической экономіи, въ побужденіяхъ личнаго интереса, должна быть душа, какъ источникъ жизни, проявляющейся въ дѣятельности человѣка, общества и всего человѣчества.

Если предположимъ сущностью Политической экономіи: благосостояніе общества, то его достигнуть иначе нельзя, какъ полнымъ изображеніемъ общественнаго механизма. Тогда начала, или происхожденіе науки Политической экономіи все также недолжно искать, какъ предполагаетъ Бастіа, въ однѣхъ человѣческихъ усиліяхъ, т. е. въ соціальномъ принципѣ. Онъ говоритъ: «въ этой-то способности, данной людямъ, между всѣми твореніями, трудиться однимъ для другихъ, въ этой-то передачѣ усилій, въ этомъ обмѣнѣ услугъ, со всѣми запутанными и безконечными комбинеціями, неограничивающимися пространствомъ и временемъ, въ этомъ-то именно и состоитъ экономическая наука; здѣсь указываются ея начала и опредѣляются ея границы».

«Слѣдовательно,» говоритъ авторъ, «въ область Политической экономіи входитъ всякое усиліе, способное удовлетворить, подъ условіемъ отдачи нужды инаго лица, нежели то, которое дѣлаетъ это усиліе, а затѣмъ нужды и удовлетворенія, относящіяся къ усиліямъ такого рода.

Это понятіе объ объемѣ науки отвергаетъ изслѣдованіе существованія отдѣльной, недѣлимой единицы общества, или человѣка.

Съ этимъ согласиться также нельзя. Такой взглядъ на науку будетъ односторонній. Какимъ образомъ, излагая правила для достиженія благосостоянія общества, наука можетъ создать эти правила безъ изслѣдованія законовъ индивидуальной жизни основной единицы общества? Нисколько не отвергая идеи, что истины Политической экономіи должны имѣть прямое и непосредственное вліяніе на общественное устройство и на права и обязанности, изъ него вытекающія, нельзя не замѣтить, что богатство и бѣдность, истина и ложь, добро и зло въ обществѣ распредѣляются не случайно, а вслѣдствіе извѣстныхъ непреложныхъ законовъ, потому что общество представляетъ собою нѣчто въ родѣ органическаго существа полнаго страстей и разумныхъ побужденій. Это должно придавать значеніе поступкамъ частныхъ лицъ, составляющихъ плоть и кровь общества,—а не распоряженіямъ самой власти.

Кромѣ того Бастіа говоритъ: «человѣкъ постоянно стремится замѣнять полезность трудовую полезностью даровой: посредствомъ вѣтра, тяжести, теплоты, упругости паровъ, онъ производитъ тоже, что прежде дѣлалъ силою своихъ мускуловъ».

«Но чтоже при этомъ происходитъ»? спрашиваетъ авторъ, «полезное дѣйствіе остается, а усиліе влечетъ за собою меньшую услугу; а меньшая услуга предполагаетъ меньшую стоимость. Слѣдовательно, съ каждымъ прогрессомъ часть стоимости уменьшается, но какъ? Не сокращеніемъ полезнаго дѣйствія, а *замѣною* полезности трудовой полезностью даровою, богатства общественнаго—богатствомъ естественнымъ. (*) Съ одной точки зрѣнія уменьшенная часть стоимости уже выходитъ изъ области Политической экономіи, (**) также какъ и изключается

(*) Надобно замѣтить, замѣною только несовершенною. Здѣсь трудъ, или усилія человѣка, въ примѣненіи къ естественной силѣ, хотя меньшія но все-таки должны подразумѣваться.

(**) Мнѣ кажется, что часть стоимости, или цѣнности никогда не можетъ выходить изъ области науки, сущность которой есть польза, выражающаяся въ цѣнности, потому что съ естественными силами неразрывно соединяется и трудъ человѣка.

изъ нашихъ расчетовъ, потому, что она болѣе не обмѣнивается, не продается и не покупается: человѣчество пользуется ею безъ усилій и т. д. Но съ другой стороны, еслибъ наука вовсе не обращала на нее (стоимость) вниманія; то непремѣнно впала бы въ заблужденіе, (даже въ непростительное) «потому что упустила бы изъ виду самое существенное, самое главное во всѣхъ вещахъ: результатъ полезное дѣйствіе она (наука) меньше примѣчала бы гармоніи въ соціальномъ порядкѣ».

Основываясь на томъ, что услуги оказываются даромъ безъ вознагражденія, Бастіа говоритъ: «Въ этомъ случаѣ она (услуга) дѣлается, кажется скорѣе вслѣдствіе симпатическаго принципа, чѣмъ по личному интересу. Тутъ происходитъ уже дареніе, а не мѣна. Поэтому, кажется, что она уже не принадлежитъ къ Политической экономіи».

«Въ самомъ дѣлѣ подобные результаты, по своему дѣйствію и по своему побужденію, скорѣе нравственные, чѣмъ экономическіе.

Изъ этого видно, что Бастіа не допускаетъ нравственнаго элемента въ наукѣ Политической экономіи, а ограничиваетъ ее только мѣною, значитъ впадаетъ въ такую же односторонность, какъ и его предшественники. Мы спросимъ автора: какимъ образомъ онъ отдѣлитъ нравственное начало отъ мѣны, отъ предложенія и требованія услугъ, отъ труда, отъ пользованія собственностію, отъ раздѣленія занятій и т. п. чисто экономическихъ вопросовъ. Если онъ отвергаетъ нравственность, основной элементъ души, то съ однимъ холоднымъ умомъ, безъ сердца, безъ любви, состраданія, безъ участія и симпатіи къ ближнему Политическая экономія никогда не достигнетъ своей цѣли, т. е. *благоденствія общества*. Положимъ, еслибы и начали сухое изслѣдованіе механизма мѣны въ обществѣ, можемъ ли мы опредѣлить его законы, не касаясь источниковъ силъ, приводящихъ его въ движеніе, т. е. сердца и ума, представляющихъ вмѣстѣ душу человѣка, которая служитъ инициативою всей его дѣятельности, или жизни. Далѣе авторъ продолжаетъ «такимъ образомъ: объ эти отрасли знанія (мораль и Политическая экономія) имѣютъ

точки соприкосновенія, (*) а такъ какъ двѣ истины не могутъ быть противоположны, то, если экономистъ видитъ въ явленіи бѣдственныя послѣдствія, а моралистъ въ тоже время приписываетъ ему счастливыя дѣйствія, тогда смѣло можно сказать, что кто-нибудь изъ нихъ ошибается. Такимъ-то образомъ однѣ науки подтверждаются другими». И съ этими выводами Бастіа согласиться нельзя, потому что онъ хочетъ: (что очевидно) чтобы всѣ науки выводили свои истины, независимо ни отъ какой общей идеи, которая бы вела ихъ къ одной общей цѣли, потому что предполагается возможнымъ разногласіе истинъ одной науки съ другою. Допустивъ такое разъединеніе, безъ общей связи, науки и вся цивилизація рода человѣческаго могла бы сдѣлаться хаосомъ. Для этого, образованіе, вообще, ведущее человѣка, общество, государство и все человѣчество къ совершенству, какъ цѣли ихъ существованія, состоящее изъ разнородныхъ знаній, или наукъ, должно имѣть одну цѣль, къ которой бы могли стремиться всѣ его части (науки), достигая каждая своей спеціальной цѣли, тогда ни одна наука не будетъ противорѣчить своими истинами другой, потому что ихъ будетъ связывать одна общая идея.

Какая же общая идея должна вести науки къ одной цѣли? Это идея: *польза человѣка*, удовлетвореніе его нуждъ, желаній т. е. личнаго благосостоянія, а за нимъ уже удовлетвореніе и общаго государственнаго благосостоянія, безъ чего наука и всѣ образованіе будутъ безполезны, а это очевидно должно составлять предметъ Политической экономіи, какъ общей науки, указывающей цѣли всѣмъ наукамъ, служащихъ къ удовлетворенію нуждъ человѣка раздѣльно.

Бастіа говоритъ: «Въ области идей, какъ и въ области фактовъ, всѣ связано, все сцѣпляется, всѣ истины основываются

(*) Нетолько мораль но и всевозможныя науки должны соприкасаться и вытекать изъ политической экономіи, какъ изъ общаго источника и служить ей подспорьемъ, потому что всѣ онѣ клонятся къ пользѣ человѣка и общества.

однѣ на другихъ и нѣтъ ни одной науки, которая не должна бы была, для современной полноты своей, обнимать ихъ всѣ. Справедливо говорятъ, что для безконечнаго разума есть только одна истина. Слѣдовательно одна наша слабость заставляетъ насъ изучать въ отдѣльности извѣстный порядокъ явленій, и выходящія отсюда классификаціи никогда не могутъ бытъ свободны отъ нѣкотораго произвола».

«Точно изложить факты, причины ихъ и слѣлствія — есть истинная заслуга». Это обстоятельство заставляетъ обратиться къ нравственной сторонѣ экономическаго принципа, развитіе котораго должно значительно измѣнить объемъ, цѣль и сущность науки, потому что для изслѣдованія нравственно-естественныхъ силъ, двигающихъ общественный механизмъ, требуется тщательное изученіе соціальныхъ и политическихъ условій.

Вотъ почему политико-экономисты должны откинуть излишнюю скромность и дать болѣе обширный объемъ Политической экономіи, не боясь упрековъ за пристрастіе къ своей наукѣ.

Не входя въ дальнѣйшее критическое изслѣдованіе какъ прежнихъ, такъ и новыхъ мыслителей, скажемъ: что они почти всѣ, исключая Кене, опредѣляя науку, давали ей слишкомъ тѣсныя рамки, упуская большею частію духовный елементъ, долженствующій приниматься равно за господствующее начало жизни человѣка и политическаго существованія государствъ, какъ и матеріальное начало. Поэтому, какъ мнѣ кажется, современная Политическая экономія должна получить болѣе общее опредѣленіе, которое бы могло обнимать духовный и физической міры — однимъ словомъ, все, что можетъ служить къ удовлетворенію благосостоянія человѣка и общества, или законныхъ ихъ побужденій, т. е. естественной ихъ жизни; а потому, вмѣсто, существовавшаго назнанія Политическая экономія ее приличнѣе назвать ***Наукой Бытія***, а теорію бытія государствъ — государственнымъ хозяйствомъ, или государствовѣденіемъ.

ГЛАВА II.

ТЕОРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Никакая власть человѣческая не можетъ измѣнить законъ природы; она можетъ только отчасти противиться ему.

Изъ критическаго разбора всѣхъ системъ Политической экономіи, какъ науки, мы можемъ вывесть заключеніе, что, въ настоящее время, она есть теорія труда или цѣнности. Миль утверждаетъ, что Политическая экономія есть наука, а не искусство. Въ большей части опредѣленій Политической экономіи вводятъ матеріальное богатство; нѣкоторые опредѣляютъ ее: *теоріею цѣнности*, какъ Бастіа, или *наукой о цѣнностяхъ*, какъ Мэкъ-Коллохъ.

Не входя въ разборъ справедливы или нѣтъ подобныя воззрѣнія, мы примемъ за цѣль науки: благосостояніе человѣка и общества, а за предметъ ея ихъ существованіе, или бытіе. Изъ критико-историческаго и современнаго состоянія науки мы видимъ, что истины ея должны развиваться изъ природы человѣческой личности и среды ея окружающей, или вселенной, т. е. истины Политической экономіи должны быть основаны на законахъ природы, открываемыхъ естественными и другими науками.

Политическая экономія должна обнимать непосредственно только дѣятельность, возникающую отъ соприкосновенія человѣка и общества съ ихъ средою, т. е. ихъ жизнь, или естественное существованіе.

А потому разсмотримъ начала, на которыхъ можетъ быть основана современная Политическая экономія, или Наука Бытія.

Жизнь всякаго органическаго разумнаго существа проявляется въ дѣятельности, для исполненіи которой необходимо усиліе.

Всякое едва замѣтное движеніе ума или организма есть уже трудъ, легкій или тяжелый, что зависитъ отъ обстоятельствъ. Этимъ оправдывается выраженіе, что «*жизнь есть страданіе*», потому то малѣйшее проявленіе ея требуетъ усилія, или труда. Человѣкъ, какъ вѣнецъ творенія, является царемъ вселенной, что даетъ ему право свое личное благо ставить фокусомъ дѣятельности всей своей жизни, пользуясь дарами природы, для достиженія своего личнаго благосостоянія.

Всѣ побужденія человѣка, какъ существа разумнаго, сознательны. На основаніи чего, каждое человѣческое дѣло, произведеніе физическаго или умственнаго труда должно предполагать въ себѣ какую-нибудь цѣль, т. е. удовлетворять какому-нибудь побужденію человѣка, его нуждамъ, удовольствію, или комфорту, и тогда оно не безполезно, — иначе трудъ его можно считать движеніемъ бѣлки въ колесѣ. Слѣдовательно, главною цѣлію физической и умственной дѣятельности, и всей человѣческой жизни (частной и общественной), должно быть благосостояніе, потому что оно состоитъ въ удовлетвореніи нуждъ и всѣхъ желаній человѣка. Изъ этого видимъ всю важность удовлетворенія личнаго, или частнаго благосостоянія человѣка, которое должно служить основаніемъ и для общаго блага, потому что не возможно представить себѣ общество и государство бѣдствующими, ежели каждая личность, входящая въ ихъ составъ, — благоденствуетъ. Народное богатство не достижимо безъ благосостоянія частныхъ лицъ, гдѣ большинство бѣдно, тамъ нѣтъ истинаго богатства; по довольству частныхъ лицъ можно заключить о благосостояніи общества.

Человѣкъ есть звѣно въ цѣпи человѣчества, а цѣпь крѣпка, когда каждое звѣно ея крѣпко. Слѣдовательно, общество, государство и все человѣчество тогда только будутъ благоденство-

вать, когда ихъ основная частица, т. е. человѣкъ будетъ благоденствовать.

Значитъ, всякая власть, принимающая за основаніе своего управленія общій интересъ, стремящаяся удовлетворять только его, пренебрегающая и забывающая для него личное благосостояніе человѣка, никогда не достигнетъ благоденствія, ввѣренныхъ ея попеченію людей, потому что дѣйствуетъ на ложномъ основаніи.

Слѣдовательно, основаніемъ общему интересу долженъ служить частный, безъ удовлетворенія котораго нельзя и думать объ общемъ.

Общій интересъ можетъ удовлетворяться только отъ избытка частныхъ лицъ, которые, для своей же пользы, должны сами опредѣлять его величину и сущность (*).

Политическая экономія намекала на благосостояніе человѣка, какъ на простой и плодотворный принципъ, еще при самомъ своемъ рожденіи, къ которому постоянно приближалась и для котораго наконецъ, можетъ быть теперь, настало время совершенно опредѣлиться.

Принимая духъ владыкою каждаго разумнаго существа, умственный трудъ человѣка долженъ стоять выше физическаго и служить ему инціативой (**).

Добро и зло, истину и ложъ и всѣ отвлеченныя понятія человѣкъ первоначально познаетъ умомъ изъ того, что опытъ, черезъ внѣшнія чувства, покажетъ ему полезнымъ или вреднымъ, истин-

---

(*) Подъ избыткомъ всегда должно разумѣть то, что остается отъ удовлетворенія необходимыхъ нуждъ.

(**) Между тѣмъ въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ въ управленіи преобладаетъ деспотизмъ, или произволъ, какъ у дикихъ племенъ, всегда отдается предпочтеніе физическому труду передъ умственнымъ, ограниченнымъ людямъ и льстецамъ передъ людьми съ умомъ и характеромъ, тамъ даже избираютъ въ общественные дѣятели людей по одной наружности, напримѣръ: за красоту, за искусство ѣздить верхомъ, стрѣлять, плясать и т. п. Слѣдствіемъ чего является въ управленіи общая неурядица и безтолочь.

нымъ или ложнымъ. Другаго прирожденнаго понятія онъ ни о чемъ имѣть не можетъ. Значитъ, опытъ и факты служатъ началомъ мысли, а мысли или истины, выработанныя здравымъ умомъ и приведенныя систематически къ родовому понятію, получаютъ названіе наукъ. Слѣдовательно, открытіе какойбы то нибыло истины, зависитъ отъ здраваго ума и должно быть основано на фактахъ, т. е. способомъ эмпирическимъ. Истина не мыслима безъ здраваго ума, равно какъ и здравый умъ — безъ истины.

Какая можетъ быть истина, ежели основаніемъ ей служило одно умствованіе, ни на чемъ не основанное, въ которомъ совершалась только переборка отвлеченныхъ идей транцендентальной философіи, въ области абсолютнаго. Такія умозрѣнія могутъ только породить однѣ, ни къ чему непримѣнимыя, гипотезы. Вирховъ говоритъ: «Кто отвергаетъ эмпиризмъ, тотъ отвергаетъ тѣмъ самымъ всякое человѣческое вѣдѣніе и показываетъ незнаніе самаго простаго (факта) закона, что безъ вещественныхъ предметовъ мысль—non sens». Бюхнеръ по этому поводу, изъясняется такъ: «Мыслить и существовать точно также неразлучно одно съ другимъ, какъ духъ съ матеріей, какъ сила съ веществомъ, а нематеріальный духъ есть совершенно произвольное предположеніе».

Итакъ, истина, мысль и здравый умъ должны итти рука объ руку съ существованіемъ человѣка, или другими словами: мысль есть его бытіе, а цѣль его существованія есть его личное благо, или истина. Основываясь на семъ, совершенно отвлеченныхъ, не основанныхъ на внѣшнихъ чувствахъ, истинъ въ наукѣ Политической экономіи мы не допускаемъ: онѣ безполезны, и занятіе такимъ трудомъ почти тоже самое, что носить воду въ рѣшетѣ.

«Если философія», говоритъ Вихровъ, «хочетъ быть наукою дѣйствительною, то она должна идти однимъ только путемъ — естествовѣдѣнія. Опытъ долженъ быть источникомъ ея изысканій. Только въ такомъ случаѣ она будетъ, по содержанію и по методѣ, естествовѣдѣніемъ; тогда конкретною цѣлію философіи

будетъ познаніе индивидуальнаго бытія, а не изслѣдованіе міроваго устройства и стремленіе къ абсолютному, ибо примѣръ всѣхъ временъ показываетъ намъ какъ безплодны прежнія стремленія къ обобщенію, какъ безнадеженъ путь къ абсолютному».

Изъ этого видимъ, что философія должна, изслѣдованіе своихъ истинъ основывать на фактахъ, потому что безъ опыта внѣшнихъ чувствъ не только нельзя открыть истины, но даже имѣть о чемъ нибудь понятіе.

Не отвергая совершенно доказательствъ Вихрова скажемъ однакоже, что конкретною цѣлію философіи не можетъ быть ни познаніе индивидуальнаго бытія, потому что это составляетъ предметъ физіологіи; ни изслѣдованіе также міроваго устройства (предметъ астрономіи), ни стремленіе къ абсолютной отвлеченности (предметъ метафизики); ни изысканія, служащія началомъ всѣхъ началъ, или божества, и понятіе о всемогуществѣ, которыя составляютъ предметъ богословскихъ наукъ и т. п. Отдѣливъ отъ философіи изслѣдованіе истинъ, несправедливо ею захваченныхъ, принадлежащихъ по праву другимъ наукамъ, на ея долю не остается ничего. Открытіе истинъ очевидно есть прямая обязанность здраваго смысла, и притомъ одно только открытіе истинъ не можетъ составлять науки; потому что наукою называется систематическое собраніе мыслей, или приведеніе видовыхъ истинъ къ родовому понятію. Наука должна научать; а учить, какъ открывать истину невозможно, потому, что это зависитъ отъ здраваго ума, отъ количества и качества мозга, отъ совершенства внѣшнихъ чувствъ, отъ той среды, въ которой живетъ человѣкъ и отъ многихъ другихъ условій. Слѣдовательно, то, что понимали до сихъ поръ подъ философіей, нельзя назвать наукой, а скорѣе мышленіемъ, открывающимъ истину во всемъ, которое долженъ обусловливать и входить основаніемъ не только во всѣ науки, но даже въ каждый обыкновенный разговоръ. Въ такомъ смыслѣ философія, будетъ ни что иное, какъ здравый смыслъ, долженствующій вырабатывать истины вообще и въ частности, для каждой науки, сообразно ея цѣли и сущности, не смотря на то, будетъ ли это естественная, математи-

ческая, политическая и т. п. наука. Тогда каждая наука будетъ имѣть свою философію, или здравый смыслъ. Наука безъ здраваго смысла, неоснованная на фактахъ, не можетъ заключать въ себѣ истинъ, слѣдовательно не можетъ удовлетворять нуждамъ человѣка и служить къ его пользѣ.

Въ такомъ смыслѣ философію можно будетъ понимать скорѣе духомъ всѣхъ наукъ, или направленіемъ современной цивилизаціи. Исторія философіи тогда превращается попросту въ исторію умственной дѣятельности существовавшихъ понятій всего человѣчества.

Ежели философію считать сборомъ истинъ, относящихся къ отвлеченному изслѣдованію бытія вообще, конечной причины, развитію религіознаго чувства, обобщающаго народъ въ одно цѣлое, которыя, будучи собраны въ систему, должны служить кодексомъ, дающимъ основныя истины для всѣхъ наукъ и имѣющимъ цѣлію клонить ихъ всѣ къ одной цѣли, то для этого сама философія должна быть положительной наукой, имѣть опредѣленный предметъ и извѣстную цѣль, къ которой бы она могла направлять частныя цѣли всѣхъ наукъ, давая имъ свои общія основныя истины. До сихъ поръ, т. е. до современнаго успѣха естественныхъ наукъ, давшихъ столько фактовъ, которые, какъ данныя, вводятся въ изслѣдованія философіи, она къ сожалѣнію отличалась неопредѣленнымъ своимъ направленіемъ и цѣлію. Пока философія не будетъ имѣть опредѣленнаго объема и цѣли, пока не приметъ эмпирическаго способа изслѣдованія истинъ, она до тѣхъ поръ будетъ хаосомъ отвлеченныхъ понятій и не можетъ быть твердымъ основаніемъ для умственной дѣятельности всѣхъ наукъ. Тогда ей лучше оставить свою цѣль: быть началомъ всѣхъ наукъ, и результаты своихъ выводовъ раздѣлить и отдать каждой наукѣ то, что будетъ принадлежать каждой изъ нихъ по праву. Напримѣръ: изслѣдованіе о Богѣ—теологіи; изслѣдованіе міроваго устройства — астрономіи; жизни, или бытія вообще и въ частности—естественнымъ наукамъ; отвлеченныя умствованія—метафизикѣ и т. д. Мнѣ кажется, что подъ словомъ философія, должно понимать одинъ только здравый смыслъ,

т. е. изслѣдованіе истинъ, что есть принадлежность каждой науки; тогда каждая наука будетъ имѣть, какъ и должно быть, свою философію.

Ежели усвоить себѣ мысль, что философія, или здравый смыслъ есть достояніе каждой науки, вырабатывающей необходимыя для нихъ основныя истины, то цѣль ея должна быть тождественна съ науками—иначе будетъ дисгармонія.

Принимая за истину, что здравый смыслъ, или философія должна имѣть съ науками одну и туже цѣль, благоденствіе человѣка, или полезность неминуемо будетъ и ея цѣлію. Здравый смыслъ, или философія должна стремиться, чтобы ея истины были примѣнимы къ пользамъ и нуждамъ человѣка, иначѣ она будетъ безполезна. Томасъ Моръ первый доказалъ, что философія должна служить къ пользамъ и нуждамъ человѣка. Де него всѣ философы, въ особенности древніе, считали даже машины Архимеда плодъ отвлеченныхъ умозрѣній, какъ и онъ самъ—шалостію, недостойнымъ занятіемъ великаго математика.

Современная философія смотритъ на вещи совершенно иначе: она отвлеченную философію древнихъ и трансцендентальную философію новѣйшую, витавшія только въ области абсолютнаго, никогда неунижавшіяся до того, чтобы быть примѣненными къ пользамъ и нуждамъ человѣка, въ свою очередь считаетъ безполезными, и обратилась къ истиной цѣли, именно къ тому, чтобы каждая ея истина никогда не оставалась однимъ только умозрѣніемъ, а непремѣнно былабы такова, чтобы могла примѣняться къ пользамъ и нуждамъ человѣка; тогда только философія будетъ не безполезнымъ занятіемъ, а будетъ служить къ удовлетворенію личнаго интереса человѣка и выполнитъ свое прямое назначеніе, тогда ее, какъ здравый смыслъ, какъ и каждую науку, удовлетворяющую нужды человѣка, можно будетъ считать подспорьемъ Политической экономіи, которая имѣетъ цѣлью пользу, или благо человѣка. Иначе здравый смыслъ, мыслящій безполезно, или философія, занимающаяся изобрѣтеніемъ отвлеченныхъ, ни къ чему непримѣняемыхъ гипотезъ, не понятна.

Слѣдовательно, философія, обусловливая истины всѣхъ наукъ, стремящихся въ частности къ выполненію одной общей цѣли Политической экономіи: *благоденствію человѣка*, невольно выполнитъ свое прямое назначеніе, предполагаемое направленіемъ современной цивилизаціи. Значитъ, философія, чтобы достигнуть своей цѣли, т. е. быть полезною, или служить къ благосостоянію человѣка и давать общее направленіе всѣмъ наукамъ, должна взять на себя роль Политической экономіи или слиться съ нею, и быть ея необходимою принадлежностію для того, чтобы выводы ихъ не противорѣчили другъ другу, а вытекалибы изъ одного источника, т. е. природы.

Всѣ науки, имѣющія предметомъ цѣлую вселенную или ея часть, естественно раздѣляются, какъ и самый міръ на двѣ противоположныя сферы: на физическую и духовную. Однѣ изъ нихъ изучаютъ внѣшній, осязаемый нашими чувствами, міръ, другія внутренній, или духовный міръ.

Принимая въ соображеніе современную цѣль Политической экономіи: *благосостояніе человѣка и общества* эта наукане можетъ быть отнесена отдѣльно ни къ одной изъ этихъ сферъ, къ которымъ относятся всѣ науки, не исключая и философіи, занимающейся разработкою не матеріальнаго, или духовнаго міра, а обнимать эти двѣ сферы разомъ. Здѣсь рождается вопросъ: можетъ ли Политическая экономія, имѣющая своею конкретною цѣлію: *благосостояніе, или счастіе человѣка*, соединяющая въ себѣ какъ физическій, такъ и духовный міры, которому природа дала средою цѣлую вселенную, служащую ему для достиженія его благосостоянія, не обнимать этихъ двухъ міровъ вмѣстѣ. Можетъ ли она, для открытія какой бы то нибыло своей истины, не коснуться духа и матеріи, такъ тѣсно связанныхъ между собою и находящихся въ такой зависимости, что одно безъ другаго немыслимы. Мы видимъ, что нѣтъ ни одного вопроса, изъ магеріальнаго или нравственнаго міра, котораго бы не должна была касаться Политическая экономія посредственно или непосредственно.

Политическая экономія должна имѣть предметомъ своимъ человѣка и общество, т. е. полное разсмотрѣніе естественныхъ законовъ, ихъ бытія или счастливаго существованія. До сихъ поръ мы видимъ, что мораль захватывала всѣ человѣческія чувства: отеческую, материнскую и сыновнію любовь, дружбу, благотворительность и т. п.; такъ точно дѣлали и другія науки, пользуясь малолѣтствомъ Политической экономіи, оставляя ей на долю только матеріальное удовлетвореніе личнаго интереса, тогда какъ безъ тщательнаго разсмотрѣнія этихъ чувствъ и ихъ источника нельзя и думать о благосостояніи человѣка. Если скажутъ, что разсмотрѣніе законовъ нравственности, есть дѣло нравственной философіи, то я скажу, что тогда нравственная философія и философія вообще, должны подчинить свои цѣли совершенно Политической экономіи, для того, чтобы послѣдняя могла пользоваться ихъ истинами, для изслѣдованія своихъ законовъ. Иначе истины ихъ могутъ противорѣчить другъ другу. Ни одно изъ умствованій человѣка не можетъ назваться наукой, если оно не представляетъ изслѣдованія истинъ, или законовъ природы, а всякій законъ природы, существовавшій еще прежде мысли человѣка, можетъ открываться ему только посредствомъ наблюденія явленій природы. Повѣрять свои выводы человѣкъ можетъ историческими, существовавшими, или настоящими фактами и, убѣдившись въ точности и вѣрности этихъ законовъ, открывать по нимъ будущія, ожидаемыя событія, подобно тому, какъ, зная законъ природы, что если солнце, сойдетъ съ видимаго горизонта земли на другое полушаріе, онъ, по прошедшему, опредѣленному непреложными фактами закону, можетъ положительно предсказать, что будетъ ночь, или то, что брошенный камень къ верху, по опредѣленному прежде закону тяготѣнія, упадетъ внизъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, придавая такое обширное значеніе Политической экономіи, какъ анализу законовъ вселенной, которые проявляются въ конечной жизни человѣка и безконечной жизни общества, эта наука никогда вполнѣ не утвердится, какъ и всѣ науки, занимающіяся изслѣдованіемъ законовъ природы въ частности. Но, принявъ во вниманіе ея цѣль, мож-

но сказать, что она одна будетъ имѣть положительное основаніе, будетъ гораздо раціональнѣе, нежели философія, и не будетъ одностороннимъ сборникомъ идей, а изслѣдуетъ всѣ вопросы жизни и природы вообще, которые могутъ служить посредственно или непосредственно къ благосостоянію человѣка, общества и всего человѣчества.

Всѣ науки, какъ выраженіе умственнаго труда, служатъ къ удовлетворенію одной или нѣсколькихъ нуждъ человѣка, къ его пользамъ, удовольствію и комфорту, потому, что мысль неразрывно связана съ существомъ человѣка, а существованіе съ желаніемъ пользы, лучшаго и даже комфорта. Всѣ науки представляютъ собою средство образованія вообще, которое даетъ возможность человѣку достигать усовершенствованія своей несовершенной природы, т. е. цѣли его индивидуальной жизни. Благо человѣка, къ которому ведутъ частными своими цѣлями всѣ науки, по нашимъ понятіямъ, составляетъ цѣль Политической экономіи потому, что она стремится сдѣлать людей счастливыми, т. е. обнимаетъ своею цѣлію не одну или нѣсколько нуждъ, какъ дѣлаетъ каждая наука, а всѣ нужды человѣка и общества разомъ, составляя фокусъ, въ которомъ должны сосредоточиваться всѣ науки частными своими цѣлями.

Это обстоятельство заставляетъ считать каждую науку только частію Политической экономіи и полагать, что каждая наука должна обусловливать свою частную цѣль общею цѣлью Политической экономіи, т. е. *благосостояніемъ человѣка и общества*, къ чему должна стремиться вся умственная ихъ дѣятельность.

Если современная философія не въ ладу, съ принципами Политической экономіи и если цѣль послѣдней примемъ за общую, обнимающую частныя цѣли всѣхъ наукъ, то невольно является мысль: не должна ли сама Политическая экономія, имѣющая цѣлію благосостояніе человѣческаго общества, т. е. счастливое бытіе людей вообще и въ частности бнимать всѣ науки или служить для нихъ источникомъ, вырабатывая основныя истины для всѣхъ наукъ? Не можетъ ли она, по цѣли своей назнаться: наукою всѣхъ наукъ и взять на себя отчасти роль философіи, т. е. быть общей

связью всѣхъ наукъ, отыскивая свои истины эмпирическимъ путемъ, призывая для того на помощь всѣ науки?

Тогда Политическая экономія, какъ источникъ, ядро, или корень всѣхъ наукъ, которыя будутъ служить къ достиженію ея общей цѣли, должна будетъ, способомъ эмпирическимъ открывать истины, или естественные законы жизни человѣка и общества потому, что нельзя думать о ихъ счастіи, не узнавши прежде ихъ природы, побужденій и среды, въ которой онѣ живутъ. Человѣкъ есть модель цѣлой вселенной, отражающейся въ немъ, какъ солнце въ каплѣ воды. Для этого Политическая экономія, въ разрѣшеніи своихъ вопросовъ, должна анализировать, во первыхъ: частную и общественную жизнь человѣка, изученіе которыхъ невозможно, безъ тщательнаго разсмотрѣнія физической и духовной его природы, т. е. философическое изслѣдованіе матеріи и силы и взаимнаго ихъ вліянія другъ на друга, и во вторыхъ, среду, въ которой существуетъ человѣкъ, т. е. изслѣдованіе естественныхъ законовъ цѣлой вселенной, въ которой поставленъ человѣкъ, соединяющій въ своемъ сознаніи міръ вещественный и міръ духовный, однимъ словомъ, если Политическая экономія, по современному, все болѣе и болѣе уясняющемуся понятію, будетъ принимать на себя изложеніе правилъ: *какимъ образомъ человѣкъ и общество должны достигать въ жизни благоденствія*, то она волею или неволею, въ своихъ изслѣдованіяхъ, должна будетъ и обнимать не только законы существованія человѣка, но и міровые законы цѣлой вселенной, и опредѣлитъ ихъ эмпирическимъ путемъ, потому, что безъ нихъ она никогда не въ состояніи будетъ узнать истины, т. е. существованія какъ всей природы, такъ и малѣйшей ея частицы,—человѣка.

Нѣкоторыя, выработанныя такимъ образомъ отвлеченныя истины, Политическая экономія передастъ, смотря по ихъ назначенію, другимъ наукамъ развивать въ частности, сообразно ихъ цѣлямъ, т. е. для удовлетворенія какой-нибудь нужды человѣка.

Итакъ, подъ словомъ Политическая экономія будемъ разумѣть науку, имѣющую цѣлію: изслѣдованіе естественныхъ законовъ, по

*

коимъ могутъ достигать своего благоденствія человѣкъ и общество. (*).

Слѣдовательно, главнѣйшій первоначальный вопросъ Политической экономіи долженъ состоять въ отысканіи такихъ законовъ, которые бы обезпечивали благосостояніе каждой отдѣльной личности, потому что соединеніе этихъ личностей, въ смыслѣ собирательномъ, составляетъ семейство, общество, государство и все человѣчество, долженствующія въ своемъ существованіи слѣдовать тому же основному, естественному закону, по которому существуетъ каждая отдѣльная личность, потому что она есть тотъ же цѣлый, отдѣльный міръ, только въ маломъ видѣ. Тогда дальнѣйшее развитіе этой науки получитъ незыблемое основаніе. По этому то примѣненіе общихъ истинъ Политической экономіи къ части человѣчества, т. е. къ государству, въ теоретическомъ смыслѣ слѣдуетъ назвать наукою Государственнаго хозяйства, или наукою государствовѣдѣнія, общія правила котораго могутъ примѣняться ко всякому государству.

Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ науки, имѣющія цѣлію удовлетворять нужды порознь, служащія къ пользѣ человѣка, должны получить свои основанія также изъ Политической экономіи, какъ ея части.

Политическая экономія тогда только можетъ быть примѣнима съ пользою, когда ея истины, долженствующія служить основаніемъ другимъ наукамъ, на пользу человѣчества, будутъ составлять полное цѣлое и проистекать изъ естественныхъ, физіологическихъ свойствъ человѣка, или людей, составляющихъ собою

(*) Подъ словомъ благоденствія человѣка въ общественной жизни должно понимать удовлетвореніе только естественныхъ, законныхъ и необходимыхъ, для блага жизни, побужденій, потому что нуждамъ и желаніямъ человѣка нѣтъ предѣла: одинъ находитъ счастіе въ томъ, въ чемъ другой видитъ несчастіе. Получивъ желаемое, человѣкъ удовлетворяется только на время, и новыя желанія снова одно за другимъ возобновляются. Такова его природа.

Итакъ, можно допустить только временное, возможное благосостояніе, или счастіе человѣка, но совершеннаго никогда:—оно недостижимо.

общество, доходящее иногда объемомъ до государства, т. е. основаны на законахъ природы, потому, что человѣкъ и общество совершенно зависятъ отъ своей организаціи, и окружающей ихъ природы. Малешотъ сказалъ: «Въ нашемъ разумѣ нѣтъ ничего, чтобы не прошло чрезъ органы чувства: совершенно свободной воли, поступковъ, которые были бы независимы отъ множества впечатлѣній и обстоятельствъ, имѣющихъ рѣшительное вліяніе на самого сильнаго по характеру человѣка, не существуетъ».

Если мы вообразимъ человѣка совершенно независимаго отъ произвола другихъ людей, то воля его будетъ все-таки зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, окружающей его среды. Наконецъ, самыя привычки дѣйствуютъ деспотически на людей. Есть такіе люди, которыхъ можно считать, при всей ихъ независимости, рабами своихъ привычекъ. Лафатеръ сказалъ, что *«человѣкъ свободенъ какъ птица въ клеткѣ и можетъ двигаться въ извѣстныхъ опредѣленныхъ предѣлахъ.»*

Поступки отдѣльныхъ лицъ зависятъ отъ характера, образа жизни того народа, къ которому принадлежитъ человѣкъ. Гальтонъ говоритъ, что: «различіе въ нравственномъ характерѣ и физическихъ свойствахъ различныхъ племемъ Южной Африки зависитъ отъ разницы въ почвѣ и растительности этихъ земель».

Тоже самое вліяніе имѣетъ и общество на человѣка, который входитъ въ его составъ. Оно само подготовляетъ преступленія, потому что преступникъ является лишь его орудіемъ (*). Болѣе глубокій взглядъ на исторію человѣчества убѣждаетъ насъ, что тамъ, гдѣ казался произволъ или случай открывается дѣйствіе непреложныхъ законовъ природы. Сочиненіе Бокля. «Исторія цивилизаціи въ Англіи» (**), можетъ служить

(*) Большая часть преступленій совершается низшимъ классомъ, вслѣдствіе недостатковъ къ удовлетворенію естественныхъ побужденій, и недостатка воспитанія и образованія. Вся нравственная природа человѣка тѣсно связана съ тѣми условіями, которыми онъ окруженъ; чѣмъ выше становится цивилизація, тѣмъ меньше преступленій.

(**) Hystory of zyvilyzation in England.

доказательствомъ неразрывной связи человѣка съ природой и что поступки, дѣйствія и явленія въ жизни не только человѣка, но общества, государства и всего человѣчества суть слѣдствія вліянія окружающей ихъ природы или естественныхъ непреложныхъ законовъ, которымъ волею или неволею повинуется все человѣчество. Тысячелѣтній опытъ съ неопровержимою достовѣрностію убѣдилъ естествоиспытателей въ неизмѣнности законовъ природы. Статистика доказала, что во всей массѣ историческихъ явленій жизни народовъ существовали и существуютъ непреложные законы, что всѣ поступки людей зависятъ отъ закона естественной необходимости, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свободный выборъ дѣйствія играетъ очень незначительную роль. Въ sistéme de la Nature, въ одномъ мѣстѣ говорится, «человѣкъ есть созданіе природы, онъ существуетъ въ природѣ, подчиняется ея законамъ; онъ не въ состояніи избавиться отъ нихъ; даже мысль его подчинена этимъ законамъ; тщетно умъ его силится проникнуть за предѣлы видимаго міра, онъ принужденъ постоянно вращаться въ этихъ предѣлахъ»! То, что казалось неяснымъ, чѣмъ-то чудеснымъ, требующимъ для объясненія сверхъестественной силы, теперь озарено уже свѣтомъ опыта и представлено простымъ дѣйствіемъ силъ природы, теперь предразсудокъ долженъ пасть предъ народнымъ развитіемъ и знаніе должно заступить его мѣсто. Все что дѣлалось на свѣтѣ, дѣлается и будетъ дѣлаться, было и будетъ естественнымъ путемъ, т. е. необходимымъ взаимнодѣйствіемъ силъ природы, которыя отъ вѣка и до сихъ поръ производятъ и горы и моря и все живое; «все это творится», говоритъ Бюхнеръ, «какъ выраженіе строгой необходимости. Гдѣ сталкивается огонь съ водою, тамъ являются пары, и ихъ упругая сила дѣйствуетъ на окружающую среду. Гдѣ упало на землю растительное сѣмя — начинается прозябаніе, гдѣ блеститъ молнія, тамъ и раздается громъ». Тоже надо сказать и о людяхъ: ихъ судьба находится въ ихъ рукахъ на столько, на сколько это позволяютъ естественные законы, которымъ они подчиняются. Авторъ продолжаетъ: «Все, что рождается, необходимо должно и

умереть; ничто живое не дѣлаетъ исключенія изъ этого закона, смерть вѣрнѣйшій разсчетъ, который можно только сдѣлать»...

«Никакая рука не удержитъ движенія земли, никакая власть не остановитъ на небѣ солнца, не удержить ярости борящихся стихій, никакой призывъ не пробудитъ мертвеца отъ вѣчнаго сна,..... никакая рука изъ облаковъ не подастъ умирающему съ голоду куска хлѣба, ни одно небесное явленіе не будетъ сверхъестественнымъ». Фейербахъ опредѣляетъ еще ближе; онъ говоритъ: «природа глуха къ мольбамъ и къ вопросамъ человѣка и отсылаетъ его за отвѣтами къ самому себѣ».

«Чудеснаго на свѣтѣ ничего нѣтъ», говоритъ Бюхнеръ, «все убѣждаетъ насъ въ неизмѣнной сообразности законовъ природы, подъ вліяніемъ которыхъ мы находимся (*).» Необыкновенная сообразность и непреложность законовъ природы не должна порождать въ человѣкѣ тяжелаго чувства, напротивъ дать увѣренность, что ничто ни въ насъ, ни внѣ насъ не совершается по произволу, но по необходимости. Вмѣстѣ съ чувствомъ увѣренности приходитъ спокойствіе, самодовольствіе и самоуваженіе. Это все даетъ какую-то внутреннюю крѣпость, которая основана не на шаткомъ сомнѣніи и суевѣріи, а на твердомъ знаніи истины. Человѣкъ тогда понимаетъ себя уже не рабомъ или игрушкою какого-то надъ собою произвола, который можетъ распоряжаться его судьбою по своей прихоти, а чѣмъ-то самостоятельнымъ.»

Нашъ видимый міръ идетъ какъ заведенный механизмъ часовъ, что доказалъ Гумбольтъ въ своемъ «Космосѣ,» въ которомъ изобразилъ міръ совокупностью естественныхъ законовъ.

Неизмѣняемость законовъ природы такова, что она не допускаетъ дѣйствій какого-нибудь посторонняго вмѣшательства. Взаимная связь ихъ такова, какъ выражается Фейербахъ, что, «кто отмѣнитъ одинъ законъ природы -отмѣнитъ всѣ».

Общая связь вещей въ природѣ такъ крѣпка, что ничего нель-

(*) А если что иногда теперь и кажется чудеснымъ и сверхъестественнымъ, то это потому, что умъ человѣческій еще не успѣлъ себѣ того объяснить.

зя отдѣлить отъ нея, не затронувъ другаго, что повлекло бы за собою нарушеніе равновѣсія, а за нимъ и разрушеніе всего.

«Міръ, говоритъ Бюхнеръ, есть безконечное цѣлое, сплоченное изъ одинаковыхъ матерій и сдерживаемое одинаковыми силами». Гдѣ имѣетъ силу одинъ законъ, тамъ имѣютъ силу и всѣ прочіе».

Основные естественные законы всякаго матеріальнаго и духовнаго образованія какойбы то ни было органической или не органической формы, всюду должны быть одинаковы. Вотъ почему и въ образованіи государства, какъ существа, мы находимъ одни и тѣже непреложные естественные законы жизни. Эти общіе одинаковые законы природы не ограничиваются только нашей планетой, но относятся ко всему міровому пространству. Исторія образованія земли, какъ планеты, доказываетъ намъ аналогію съ развитіемъ и происхожденіемъ другихъ міровыхъ тѣлъ. До какогобы разстоянія не достигла зрительная труба человѣка, для узнанія небесныхъ законовъ, везде встрѣчается одинъ и тотже непреложный законъ тяготѣнія и притяженія, котораго механическій порядокъ подводится подъ математическія формулы, опредѣляется вычисленіемъ и можетъ только разсматриваться, какъ свойство матеріи. Общественный механизмъ государства есть гармоническое, организованное цѣлое, какъ механизмъ небесной и какъ механизмъ цѣлой вселенной. Каждая частица матеріи, послѣдній атомъ вселенной и человѣкъ выполняетъ своимъ существованіемъ общій законъ вселенной. Вотъ почему философія Политической экономіи, или Науки Бытія, основываясь на фактахъ естественныхъ наукъ, выведетъ, сообразно съ ними, умозрительно свои отвлеченныя истины, которыя должны примѣняться къ обществу въ теоріи государственнаго хозяйства, или государствовѣдѣнія. Ея дѣло будетъ состоять въ опредѣленіи эмпирическимъ путемъ этихъ законовъ, въ разрѣшеніи задачи: можетъ ли человѣкъ безпрепятственно, повинуясь силѣ своей природы, дѣлать все, даже еслибы проявленіе его дѣятельности наносило вредъ ближнему или цѣлому обществу, т. е. «laisser faire, laisser passer». Не требуетъ ли условіе самаго существо-

ванія общества, ограниченія природныхъ побужденій человѣка и не ограничиваются ли они самыми законами естественной жизни общества. Принимая въ основаніе всему законъ природы, никакой гибкій умъ, никакое краснорѣчіе не могутъ доказать, что бы человѣкъ, живя въ обществѣ себѣ подобныхъ, долженъ былъ бы грабить, убивать и т. п., повинуясь своимъ естественнымъ побужденіямъ. Такіе поступки индивидуальной личности непремѣнно встрѣтили бы, по естественному закону гармоніи жизни каждаго общества, сопротивленіе въ другихъ личностяхъ, безъ всякихъ даже гражданскихъ законовъ, которые создаются естественно вслѣдствіе побужденій другихъ личностей и общаго интереса, именно: изъ желанія устранить непріятныя и вредныя столкновенія личностей, служащихъ необходимыми орудіями въ цѣломъ государственномъ механизмѣ, значитъ, зловредныя побужденіи однаго сдерживаются сопротивленіемъ всѣхъ; слѣдовательно, гражданскіе законы должны только правильно слѣдовать направленію, которое указываютъ естественные законы общественной жизни, вытекающіе изъ общихъ законовъ организаціи человѣка и всего человѣчества, а не создаваться фантазіей власти. Это самое заставляетъ смотрѣть совершенно съ двухъ противоположныхъ точекъ на жизнь изолированнаго человѣка, взятаго отдѣльно отъ общества и въ обществѣ, когда онъ входитъ въ составъ его и долженъ подчиняться условіямъ гармоніи общественнаго организма, иногда стѣсняющаго условія его индивидуальнаго бытія.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что люди, служа небходимыми орудіями общаго механизма, большею частію неотвратимо подвергаются непріятнымъ столкновеніямъ и уничтоженію, и какъ существа разумныя, въ общей суммѣ, получаютъ болѣе непріятныхъ, нежели пріятныхъ впечатлѣній. Это происходитъ отъ естественнаго порядка вещей, потому, что большая часть людей, по своей природѣ, хочетъ избавиться отъ труда и стремится къ удовольствію. Это порождаетъ все зло общественной и частной жизни, но это же зло, служитъ и началомъ добра, потому, что заставляетъ людей, опасаясь зла, стремиться къ благотворной

дѣятельности, для устраненія его. Слѣдовательно, борьба зла и добра или различіе интересовъ людей, есть начало общественной жизни и прогресса, какъ въ человѣкѣ, такъ и въ государствѣ.

Такое страдательное положеніе людей въ общественномъ механизмѣ заставило нѣкоторыхъ утопистовъ, съ благою цѣлію, отвергать изученіе его законовъ, и создавать идеальныя общества по своей фантазіи, устраняя ложь, заблужденія и всѣ такъ называемыя естественныя непохвальныя побужденія человѣка, т. е. идти противъ естественныхъ законовъ.

Составители искуственной организаціи общества забыли, что для того, чтобы общество могло исполнить ихъ фантазію, каждая личность, входящая въ его составъ, должна отрѣчься отъ свободной воли, данной ей природой. Для этого утописты сперва должны былибы уничтожить естественный законъ природы, т. е. быть всемогущими деспотами, совершенно отнимая отъ людей свободную волю;—на повѣрку выходитъ, что они хотѣли —сами не знали чего.

Благодаря природѣ, которая уравновѣсила силы каждаго изъ смертныхъ, мы знаемъ, что составители искуственныхъ обществъ не имѣютъ такой силы, чтобы могли побороть естественные законы, а потому и не думаемъ, чтобы они могли когда-нибудь подвергнуть общество своимъ опытамъ.

Разнообразные до крайности вымыслы соціалистовъ, строителей системъ и неестественныхъ обществъ, какъ Луи-Блянъ, Сенъ-Симонъ, Фурье, Кабе и другіе, доказываютъ своими заблужденіями, что къ истинѣ только одинъ прямой путь, и что, сойдя съ него, человѣкъ попадаетъ въ неопредѣленное пространство заблужденій и что подобныя системы могутъ быть безчислены и создаваться ежеминутно. Такое занятіе человѣческаго разсудка можно сравнить развѣ только съ занятіемъ метафизика Хемницера. Мишель Шевалье говоритъ, (Политическая экономія и Соціализмъ) «я скажу болѣе,—гдѣ та добродѣтель, которая вслѣдствіе натяжки или изолированія или вслѣдствіе примѣненія ея, наперекоръ справедливости и здраваго смысла, не привела къ пре-

ступленію? Человѣкъ существо свободное (*) вотъ почему *злоупотребленіе всего, ему возможно* и всякое уклоненіе отъ прямой цѣли, если онъ того пожелаетъ легко. Вы до тѣхъ поръ не уничтожите совершенно злоупотребленій и уклоненій, пока не уничтожите самой человѣческой свободы, (т. е. его природы) »

«Предписывать закономъ благотворительность, значитъ развращать общество; этимъ самымъ уничтожается взаимная симпатія между благотворителемъ и облагодѣтельствованнымъ. Вы отнимаете свободу у перваго, тогда какъ эта свобода и даетъ цѣнность доброму дѣлу. Вы разрушаете въ душѣ втораго благодарность къ благодѣтелю, благодарность, составляющую всю награду послѣдняго. Политическая экономія (наука бытія) совѣтница законодателя не можетъ быть могущественнѣе закона (природы). Всякое соціальное ученіе, стремящееся уничтожить отвѣтственность человѣка и задумывающее избавить его отъ меча, которымъ грозитъ ему собственная свобода, будетъ, въ своемъ родѣ, подобно химерамъ алхимиковъ, противорѣчить нашей природѣ, будетъ противорѣчить условіямъ существованія рода человѣческаго на землѣ».

«Нововводители думаютъ, что у нихъ въ карманѣ тайна успѣха; нѣтъ, — то разрушеніе общества и подавленіе личности. Не смотря на честнѣйшія стремленія, они потеряютъ всякую возможность достигнутъ блага и невольно приведутъ ко злу. Они также, для движеній ими затѣваемыхъ, нуждаются въ точкахъ опоры. Эти точки могутъ быть ими найдены только въ существѣ человѣческой природы, въ тѣхъ истинахъ, которыя святая премудрость открыла разумѣнію людей».

«Поэтому, всякое ученіе, благоразумно упирающееся на эти неподвижныя точки, можетъ надѣяться на успѣхъ. Напротивъ, всякая система, которая, вмѣсто того чтобы искать въ нихъ

(*) Въ томъ смыслѣ, что природа его свободно проявляетъ въ немъ свои индивидуальныя свойства, т. е. человѣкъ дѣлаетъ то, что повѣлеваетъ преимущественно дѣлать его мозгъ, кровь, темпераментъ, среди обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находится, но не его собственно свободная воля.

опоры, задумаетъ поколебать ихъ самихъ, можетъ быть увѣрена въ неудачѣ».

Въ наукѣ бытія, эти неподвижныя точки естественной жизни человѣка и общества, суть: собственность , семейство, свобода, (ограниченная общественными условіями) трудъ, мѣна, раздѣленіе занятій и всѣ естественныя побужденія человѣка и общества вообще.

Изъ этого видимъ. какъ шатки должны быть всѣ утопіи, не смотря на все доброе желаніе ихъ авторовъ: построить искуственное общество, котороебы только наслаждалось жизнею. Очевидно, что они, отвергая общіе естественные законы организма общества , никогда не достигнутъ предполагаемой цѣли. (*)

Вотъ почему Политическая экономія, отрицая всякую искуственность, должна только заняться изслѣдованіемъ общихъ естественныхъ законовъ жизни человѣка, общества, семейства и человѣка, иначе общество будетъ человѣческое изобрѣтеніе, а люди автоматами; тогда судьба государства будетъ зависѣть отъ прихоти ихъ основателей.

(*) Легко себѣ представить какое невыносимое можетъ быть положеніе, когда человѣкъ или общество находится въ неестественномъ состояніи.

Предположимъ, что власть, какаябы она нибыла, принудитъ человѣка стоять съ поднятой рукою къ верху. Черезъ десять минутъ положеніе его уже станетъ для него невыносимымъ , и чѣмъ долѣе будетъ оно продолжаться. тѣмъ будетъ напряженнѣе и мучительнѣе. Онъ будетъ, можетъ быть, повиноваться, пока позволитъ ему естественный законъ его организаціи, но потомъ, не смотря на все желаніе и упорство, происходящія изъ страха наказанія, рука его опустится и приметъ положеніе, опредѣленное природой.

Тоже самое бываетъ съ обществомъ и съ государствомъ, которымъ утописты и неразумные законодатели навязываютъ неестественные законы, наприм. какъ преслѣдованіе иновѣрцевъ, опредѣленіе, для удовлетворенія своей прихоти, обременительныхъ налоговъ, запрещеніе свободно совѣщаться о своихъ интересахъ и т. п. а потомъ удивляются, что являются люди изъ такого общества, оказывающіе явное неповиновеніе власти.

Между тѣмъ общественныя явленія, какъ законы природы, среди которыхъ мы живемъ, доказываютъ противное. Для изслѣдованія организаціи механизма общественной жизни, проявляющейся въ обмѣнѣ услугъ и въ раздѣленіи труда, ясно доказываютъ естественные непреложные законы общественной жизни, такъ что мы можемъ почти прослѣдить весь ея механизмъ. Возьмемъ, для примѣра, деревенскаго столяра Бастіа (*).

(*) Бастіа говоритъ: «этотъ человѣкъ, (столяръ) цѣлый день строгаетъ доски, дѣлаетъ столы и шкапы, онъ жалуется на свое положеніе, а между тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ получаетъ онъ отъ общества, въ замѣнъ своего труда. Прежде всего, вставая каждый день съ постели, онъ одѣвается и изъ принадлежностей своей одежды самъ онъ ничего не сдѣлалъ; для того, чтобы имѣть такое платье, хотя простое, нужно было употребить огромное количество труда, промышленности, перемѣщеній, остроумныхъ изобрѣтеній. Американцы должны были произвести хлопчатую бумагу, индѣйцы индиго, французы шерсть и ленъ, бразильцы кожу; всѣ эти матеріалы нужно было перевезти въ различные города, выдѣлать ихъ, выпрясть, выткать, выкрасить и проч.»

«Далѣе, онъ завтракаетъ: чтобы каждое утро у него былъ хлѣбъ, который онъ ѣстъ, нужно было распахать землю, оградить ее, воздѣлать, унавозить, засѣять; нужно было заботливо сохранить жатву отъ расхищенія, нужно было, чтобы между безчисленнымъ множествомъ народа царствовала извѣстная безопасность, пшеницу нужно было сжать, смолоть, муку замѣсить, и приготовить; или съ помощью труда обратить желѣзо, сталь, дерево, камень въ рабочія орудія; одни люди должны были овладѣть силою животныхъ, другіе тяжестію паденія воды и проч. Каждый въ отдѣльности изъ этихъ предметовъ предполагаетъ огромную массу труда употребленнаго въ дѣло».

«Этотъ человѣкъ каждый день употребляетъ не много сахара, не много масла, пользуется какой-нибудь посудой».

«Онъ отправитъ своего сына въ школу, чтобы тотъ получилъ образованіе, которое, при всей своей ограниченности, предполагаетъ такое количество изслѣдованій, познаній, предварительныхъ изученій, что ужасается воображеніе».

«Онъ выходитъ изъ дому и находитъ мощеную и освѣщенную улицу. Оспариваютъ у него собственность, онъ найдетъ адвокатовъ, для защиты своихъ правъ, судей для поддержанія ихъ, служителей правосудія для исполненія приговора; а все это предполагаетъ еще пріобрѣтеніе знаній, слѣдовательно образованія и средствъ существованія».

Изъ анализа механизма общественнаго организма мы видимъ, что каждый человѣкъ, занимающійся даже скромнымъ мастерствомъ, получаетъ за свой ничтожный трудъ, отъ массы общества, несоразмѣрное количество услугъ, которыхъ онъ самъ себѣ ни когдабы не доставилъ, еслибы располагалъ собственными своими силами. Бастіа говоритъ: «Смѣло можно сказать, что въ одинъ день, онъ (столяръ) потребляетъ столько, сколько самъ не произвелъбы въ продолженіи десяти столѣтій».

«При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла видно, что этотъ столяръ, за всѣ оказанныя услуги, платитъ также услугами. Еслибы онъ акуратнѣе велъ свои счеты, то убѣдилсябы, что за все онъ платилъ посредствомъ своего скромнаго ремесла, и все что было сдѣлано въ его пользу въ количествѣ или по времени получило уже, или получитъ свое вознагражденіе».

«Стало быть, общественный механизмъ долженъ быть очень остроуменъ, очень могущественъ, когда ведетъ къ тому особенному результату, что каждый человѣкъ, даже поставленный въ самомъ ничтожномъ положеніи, въ одинъ день получаетъ гораздо больше удовлетворенія, чѣмъ можетъ самъ произвести въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій».

Если вдуматься серьезно въ этотъ удивительный механизмъ безчисленныхъ сдѣлокъ, которыя должны были совершиться,

---

«Онъ идетъ въ церковь: и церковь, и книга, которую онъ несетъ, составляютъ памятники человѣческаго разума. Его поучаютъ нравственности, просвѣщаютъ умъ, возвышаютъ душу, а для этой жизни надобно, чтобы другой человѣкъ могъ посѣщать библіотеки, семинарію, пользоваться всѣми источниками человѣческаго преданія и притомъ онъ долженъ жить, не заботясь о нуждахъ своего тѣла».

«Если нашъ ремесленникъ отправляется въ дорогу, то находитъ, что для сбереженія его времени и облегченія труда, другіе люди огладили, уровняли землю, засыпали овраги, срыли горы, укрѣпили берега рѣкъ, уменьшили треніе, провели каменные или желѣзные пути для колесъ, подчинили своей власти лошадей или паръ и проч».

«Нельзя не быть поражену совершенно крайней несоразмѣрностью, которая существуетъ между удовлетвореніями, получаемыми этимъ человѣкомъ, которыхъ онъ самъ не могъбы себѣ доставить и проч.»

чтобы удовлетворить одного человѣка, напр. столяра, то невольно сознаемъ всю сложность и вмѣстѣ всю простоту общественнаго механизма. Мы убѣждаемся, что за каждую услугу, получаемую столяромъ, каждый изъ производителей, въ свое время, получилъ вознагражденіе или право на вознагражденіе, передавая его въ цѣлости или въ раздробленномъ видѣ, пока оно все не уровнялось употребленіемъ этого столяра.

Есть ли возможность не признавать естественнаго закона въ организаціи общества, который дѣйствуетъ безъ всякаго постороняго вмѣшательства, повинуясь внутренней силѣ, во всей массѣ общества, въ которомъ каждый человѣкъ одаренъ своею самобытною жизнію? Вникнувъ въ неразрывную связь отдѣльныхъ личностей, составляющихъ собою общій организмъ государства, нельзя отвергать, что инициатива человѣческой дѣятельности, или жизни заключается въ личномъ интересѣ, который служитъ основаніемъ механизму органической жизни цѣлаго общества. Человѣкъ становится осью всей дѣятельности общественнаго механизма, а потому, отнимая у него свободу и предписывая ему неестественные законы жизни, создаемъ руками человѣческими грубый механизмъ, тогда какъ въ основаніи его находится тѣло и душа человѣка, первыми свободными дѣятелями которой являются умъ и сердце. Бастіа говоритъ: «кто отвергаетъ свободу, тотъ не вѣритъ въ человѣчество».

Сколько бы не анализировали общественный механизмъ, мы все таки приходимъ къ тому убѣжденію, что точка опоры его находится въ человѣкѣ, въ его разумѣ и въ его сердцѣ, зависящихъ отъ организма, а организмъ отъ матеріи, изъ которой онъ сотворенъ,—значитъ, человѣкъ есть альфа и омега Политической экономіи. Этотъ-то только механизмъ или лучше сказать его законы, по мнѣнію Бастіа, должны быть предметомъ Политической экономіи. (*)

(*) Мнѣ кажется, что не одинъ общественный механизмъ, но и механизмъ, которымъ дѣйствуетъ жизнь каждой отдѣльной личности, входящей въ его составъ, представляющей предметъ Физіологіи и психологіи.

А потому смѣшны до крайности всѣ изобрѣтатели и строители новыхъ системъ и общественныхъ организацій, которые мечтаютъ создать, хотя и съ добрымъ желаніемъ, общества съ лучшимъ механизмомъ, нежели устроила природа. Отвергающіе натуральную школу забываютъ, что по одной фантазіи, устроить общество нельзя. Основаніемъ его должны быть естественные законы, которые предполагаютъ свободу человѣка, но свободу не абсолютную, а если можемъ такъ выразиться, общественную, или *экомическую*, т. е. ограниченную условіями общественной жизни. Вотъ почему Политическая экономія, въ естественныхъ побужденіяхъ человѣка, выражающихъ стремленіе его нанести вредъ ближнему или въ свободѣ труда и въ правѣ собственности, не отрицаетъ мѣръ нѣкоторыхъ стѣсненій, потому что абсолютная свобода личности въ общественномъ механизмѣ вредна и должна имѣть свои границы. Много упрековъ падало на Политическую экономію за то, что она, для блага человѣчества, стремилась открыть строгую истину черезъ изслѣдованіе непреложныхъ естественныхъ законовъ человѣческой жизни. Она не колеблясь смѣло высказала, что личный интересъ человѣка долженъ быть поставленъ основаніемъ науки Политической экономіи и считаться законнымъ двигателемъ всей дѣятельности общества. Она ясно указа а, что ея истина сокрыта въ самой природѣ. Многіе *упрекаютъ* ее въ томъ, что она, поддерживая личный интересъ и свободу человѣка, будто бы враждебна бѣдняку и льститъ богачу, что она не только не въ силахъ облегчить большаго количества страждующихъ — но даже оскорбляетъ несчастнаго за нищету, что она предлагаетъ экономію для нищихъ, воздержаніе умирающимъ съ голоду, что она будтобы поощряетъ эгоизмъ, признавая личный интересъ и соперничество основнымъ двигателемъ всей человѣческой дѣятельности.

Противники натуральной школы, упрекая Политическую экономію за откровенность, прикрываясь гуманною цѣлію, хотѣли построить общество, по своей прихоти, придавая ему неестественныя свойства, созданныя капризомъ своей фантазіи, вооб-

ражая, что можетъ существовать подобное общество. Они забыли, что общество, состоящее изъ людей, не есть дѣло случая, насилія или мудрости человѣческой, что оно не создалось прихотью законодателя, что общіе непреложные, естественные законы, вытекающіе изъ физической и духовной природы человѣка, служатъ основаніемъ обществу и человѣчеству.

Бюхнеръ говоритъ: «Взгляните безпристрастно въ кругъ себя и скажите: добродѣтель ли главный двигатель человѣческихъ дѣйствій общества, въ которомъ люди умираютъ съ голоду, тогда какъ житницы ихъ переполнены хлѣбомъ. Общество, въ которомъ сильный живетъ на счетъ слабаго, не вправѣ говорить, что натуральная школа разрушаетъ его нравственность».

Принявъ за основаніе Политической экономіи естественныя побужденія человѣка, проявляющіяся въ его духовной природѣ, т. е. въ сознаніи, руководящія дѣйствіями его физической жизни, получимъ законы, легко примѣнимые ко всякому обществу (*).

Эта неразрывная связь жизни человѣчества, государства и человѣка съ жизнію цѣлой вселенной, которые повинуются и исполняютъ одни и тѣже непреложные законы природы, невольно заставляютъ нѣкоторые вопросы, составлявшіе прежде достояніе философіи, внести въ Политическую экономію, которая, какъ общая наука, должна выработывать свои истины, обусловивъ ихъ своею общею цѣлію: *благосостояніемъ, или счастіемъ человѣка и общества* и передать изъ нихъ нѣкоторыя, какъ основанія, всѣмъ наукамъ, для спеціальнаго развитія, сообразно цѣли каждой, къ удовлетворенію одной какой-нибудь нужды или побужденія человѣка.

Послѣ всего этого рождается вопросъ: въ чемъ же будетъ состоять сущность Политической экономіи, если представимъ что она должна имѣть предметомъ своимъ благосостояніе общества или его бытіе? Извѣстно, что общество состоитъ изъ лю-

(*) Ни одно ученіе не способно такъ ясно доказать необходимость государственнаго и общественнаго порядка, какъ ученіе натуралистовъ, которые только возстаютъ противъ нарушенія естественныхъ законовъ

дей; слѣдовательно и человѣкъ, какъ выраженіе существенныхъ разнородныхъ свойствъ общественнаго атома (*), долженъ быть ея предметомъ.

Изъ наблюденій видно, что человѣкъ и общество, независимо отъ окружающей ихъ среды, сами по себѣ существовать не могутъ, потому что міръ заключаетъ въ себѣ всѣ данныя, служащія къ удовлетворенію ихъ физическихъ и духовныхъ побужденій.

Удовлетвореніе своихъ нуждъ, или пріобрѣтенное черезъ это благо, человѣкъ получаетъ не иначе какъ посредствомъ предметовъ природы или помощію себѣ подобныхъ людей.

Благу, или удовлетворенію, пріобрѣтаемому черезъ потребленіе должно предшествовать производство богатства и услугъ, которыя могутъ достигаться только физическими и умственными усиліями человѣка, т. е. трудомъ. Трудъ человѣческій, или дѣятельность, выражающая жизнь, направленная къ удовлетворенію частныхъ и общественныхъ потребностей, черезъ производство богатствъ и услугъ, должна составлять, какъ свойство человѣческой природы, предметъ Политической экономіи, или Науки Бытія. Это можно пояснить еще слѣдующимъ образомъ.

Въ физической и умственной дѣятельности выражается частная и общественная жизнь, которая можетъ только поддерживаться посредствомъ матеріальнаго или духовнаго богатствъ, слѣдовательно, предметомъ Науки Бытія должна быть жизнь общества и человѣка, какъ его основнаго зародыша, а также и окружающій ихъ міръ, служащій имъ средою, доставляющій къ жизни необходимыя средства, или богатства, безъ коихъ не только не можетъ достигаться ихъ благосостояніе, но продолжаться и развиваться даже ихъ жизнь.

Робертъ Моль, разбирая систему Кене, формулируетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «міръ управляется неизмѣнными нравственными законами, въ изученіи которыхъ заключается человѣческая умственная дѣятельность, но этимъ не исчерпывается еще вся сфера человѣческой дѣятельности, которая необходимо выра-

---

(*) Опредѣленіе котораго смотри ниже, въ IV главѣ.

жается еще въ практикѣ, направляемой на присвоеніе предметовъ, удовлетворяющихъ человѣческимъ потребностямъ! Изъ соотношенія этихъ сферъ дѣятельности, развивается въ человѣческой жизни то, что мы привыкли называть *нравственнымъ началомъ*, которое, по смыслу ученія Кене, представляется въ формѣ извѣстной соотвѣтственности между нравственной дѣятельностію человѣка и извѣстными ему міровыми законами».

Жизнь вообще выражается: 1) дѣятельностію, т. е усиліемъ, или *трудомъ*, служащимъ къ производству *богатствъ*, обусловливая *цѣнность* и 2) потребленіемъ богатствъ и услугъ, которыя производятъ наслажденіе, или благо, заключающее въ себѣ *полезность*. Вотъ двѣ противоположности: трудъ и благо, какъ добро и зло, около которыхъ обращается частная и общественная экономическая дѣятельность, или жизнь, долженствующая, какъ нѣкоторые полагаютъ, служить предѣломъ Науки Бытія, или Политической экономіи, за который, она переходить не можетъ, предоставляя все остальное другимъ наукамъ, служащимъ ей подспорьемъ. Но это можетъ быть только тогда, когда всѣ науки, будутъ подчинены цѣли Политической экономіи.

Понятія о злѣ и благѣ, а слѣдовательно и полезности, зависятъ сколько отъ общественнаго мнѣнія, столько же и отъ личныхъ свойствъ человѣка, который можетъ быть ослѣпляемъ страстями, предразсудками, невѣжествомъ и воображеніемъ. Свободный человѣкъ, по произволу, сообразно своихъ представленій, блуждая въ неопредѣленномъ пространствѣ неясныхъ желаній, стремится къ полезности, т. е. къ благу, и доходитъ очень часто до противоположности, т. е. зла.

Душевное настроеніе человѣка, какъ нѣкоторые полагаютъ, должно быть основано *не на страхѣ внѣшняго наказанія, а на удовлетвореніи потребностямъ души—на повиновеніи внутреннему голосу человѣка*, что совершенно согласно съ закономъ природы отдѣльнаго существованія каждой личности; но общественный организмъ требуетъ въ основаніе своей жизни отъ людей другихъ условій—иначе еслибъ каждая личность, входящая въ его составъ, дѣйствовала по внушенію только своего

личнаго интереса, то общество не моглобы существовать. Свобода и право собственности могутъ назваться главнѣйшими проявленіями идеи справедливаго: онѣ заключаются въ правѣ каждой отдѣльной личности, дѣлать все, что не вредитъ общественнымъ интересамъ, что не нарушаетъ правъ прочихъ личностей и располагать по произволу предметами, которые, по особеннымъ свойствамъ своей природы, могутъ быть присвояемы человѣкомъ. Такую свободу, для отличія отъ абсолютной, необходимо назвать *общественной, или экономической.*

Душа человѣка, а слѣдовательно и нравственное его настроеніе, какъ свойство организма, зависятъ отъ матеріи, изъ которой онъ состоитъ. Совершенство и несовершенство человѣческой организаціи, въ цѣпи человѣчества, является въ поразительномъ и безконечномъ разнообразіи, и по закону природы должно произвести такое же поразительное разнообразіе въ духовной природѣ человѣка, которая можетъ выразиться въ различныхъ степеняхъ доброй и дурной нравственности, въ истинныхъ или ложныхъ понятіяхъ. Принудить человѣка думать, какъ желаетъ добродѣтельная человѣческая фантазія, нельзя, потому что это противно естественному закону природы; тогда можно было бы произвести искуственную организацію общества и сдѣлать идеальнаго человѣка. Человѣка можно удержать отъ дурныхъ поступковъ, вредныхъ для соціальной жизни, только страхомъ наказанія, потому что, по врожденному личному эгоизму, онъ стремится прежде удовлетворить свой личный интересъ, нежели ближняго или общій и даже въ ущербъ послѣднимъ.

Вотъ почему, если современная философія противорѣчитъ истинамъ Политической экономіи, то ей самой необходимо изслѣдовать эмпирическимъ путемъ естественные законы духовнаго начала человѣческой жизни, на которомъ бы она могла создать свои экономическіе законы нравственности, ведущіе человѣка и общество къ *благосостоянію* (*), въ противномъ случаѣ фи-

(*) Такое положеніе не должно служить противорѣчіемъ идеямъ, высказаннымъ выше о безполезности философіи, которыя были ни что иное какъ предположеніе, подлежащее еще строгому общественному суду.

лософія должна совершенно подчиниться цѣли Политической экономіи, т. е. клонить свои истины къ благу человѣка и общества.

Ежели предоставить каждому человѣку, въ общественной жизни дѣйствовать, не стѣсняясь, повнушенію собственнаго индивидуальнаго настроенія, воображая, что нравоученіе можетъ исправлять дурнаго человѣка, то люди безъ страха наказанія, по своей рязнообразной природѣ, никогда не моглибы составить правильной ассоціаціи. И тотъ, кто мечтаетъ устроить общество изъ людей, нравственное настроеніе которыхъ былобы основано не на страхѣ наказанія, а на удовлетвореніи только одного личнаго интереса, тотъ жестоко ошибается, тотъ смѣшиваетъ индивидуальную жизнь человѣка съ условіями жизни его въ обществѣ тогдабы вышло беззаконное общество, а главное забываетъ естественный законъустройства механизма общественной жизни, что въ обществѣ, благо каждой отдѣльной личности, можетъ развиваться только подъ условіемъ сохраненія правъ всѣхъ прочихъ личностей.

Вотъ почему Политическая экономія должна не только касаться, но и выводить сама истины нравственной философіи, юридическаго права и всѣхъ наукъ, долженствующихъ служить, для удовлетворенія личнаго и общаго интересовъ человѣка и общества, ежели принципы послѣднихъ наукъ не соотвѣтствуютъ ея цѣли по состоянію современной философіи, которая имъ даетъ направленіе.

Отъ примѣненія къ дѣйствительности ложныхъ, отвлеченныхъ истинъ философіи и другихъ наукъ, несоотвѣтствующихъ цѣли Политической экономіи, часто страдаютъ милліоны людей, напрягается общественный организмъ и разстраивается ихъ благосостояніе. Вотъ почему Политическая экономія, или Наука Бытія должна стараться всѣми возможными средствами сдерживаться отъ фантазій, къ чему лучшимъ способомъ можетъ служить полемика; отъ основательности выводовъ Политической экономіи зависитъ судьба милліоновъ людей и государствъ.

Наука Бытія должна указать истинную точку воззрѣнія на благо, которое человѣкъ заключаетъ какъ въ своемъ внутреннемъ

духовномъ мірѣ, такъ и въ физическомъ, а также находитъ его и въ предметахъ цѣлой вселенной, представляющей среду, въ которой онъ существуетъ. Слѣдовательно, духовный и физическій міръ человѣка и цѣлая вселенная, если не вполне, то посредственно должны составлять сущность Политической экономіи, потому что безъ основательнаго знанія предметовъ, находящихся въ средѣ и въ области этихъ двухъ міровъ, нельзя имѣть истиннаго о нихъ понятія, а слѣдовательно и о благѣ, которое они могутъ доставить.

Какъ *производство* богатствъ, такъ *распредѣленіе* и *потребленіе* ихъ, выражая процессъ частной и общественной жизни, также должны входить въ существо Науки Бытія. Основавіемъ къ потребленію богатствъ и услугъ служатъ физическія и духовныя *побужденія* человѣка, происходящія вслѣдствіе естественныхъ нуждъ и потребнотей человѣческой природы, громко высказывающихся въ человѣкѣ и въ обществѣ, какъ въ живыхъ, разумныхъ существахъ. Слѣдовательно, чтобъ изучить потребности необходимо прежде знать ихъ корень, который таится въ организмѣ человѣка, т. е. его природу. Это заставляетъ Политическую экономію, или науку бытія прежде всего анализировать физическую и духовную стороны человѣка, вникнуть въ ихъ взаимную связь, составляющую всю гармонію жизни, т. е. разсмотрѣть сущность матеріи и духа вообще, которыя, черезъ взаимное дѣйствіе, производятъ жизнь.

Значитъ, для отысканія своихъ основныхъ началъ, Политическая экономія должна, пользуясь выводами естественныхъ наукъ, способомъ эмпирическимъ, открывать свои истины, таящіяся въ глубинѣ человѣческой природы, т. е. волею неволею отчасти захватывать арену философіи. Отъ человѣка она перейдетъ къ семейству, общинѣ и государству. Духовныя и физическія силы, которыми одаренъ человѣкъ, дѣйствуя объективно, встрѣчаются съ такими же силами другихъ людей, чрезъ что производятъ равнодѣйствующія силы, представляющія данныя, изъ которыхъ слагается жизнь семейства, общины и государства, какъ единицъ, или живыхъ, разумныхъ, органическихъ существъ, проявъ-

ляющихъ свое бытіе самобытною жизнію, имѣющихъ свои индивидуальныя побужденія, какъ и одинъ человѣкъ, сообразныя съ ихъ организаціей, выражающіяся различными учрежденіями, законоположеніями, обычаями, дѣйствіями и отправленіями общественнаго организма, сообразно ихъ природѣ.

Естественныя побужденія человѣка въ организмѣ общества переобразовываются въ другія (только по наружности) стремленія, приличныя его величинѣ, такъ напримѣръ: побужденіе человѣка къ самосохраненію, къ борьбѣ, къ разрушенію и т. п. въ государствѣ, какъ въ живомъ организмѣ, выражаются его военной системой; стремленіе человѣка къ истинѣ — осуществляется изданіемъ законовъ и его судоустройствомъ. Побужденіе человѣка признавать высочайшее существо выражается религіозными учрежденіями и т. д. Это доказываетъ, что побужденія общества, составляющія инициативу его экономической дѣятельности, имѣютъ источникомъ стремленія человѣка, который представляетъ собою зародышъ общественной жизни.

Вотъ почему, для изслѣдованія естественныхъ законовъ экономической жизни общества, Политическая экономія должна прежде тщательно изучить природу человѣческой жизни, выражающуюся во взаимномъ сочетаніи матеріи и силы, и среду, въ которой живетъ человѣкъ, или окружающій его міръ, поддерживающій эту жизнь.

Затѣмъ уже Политическая экономія, или Наука Бытія должна обратиться къ изслѣдованію силъ, дѣйствующихъ въ гармоніи общественнаго механизма, какъ живаго органическаго существа, полнаго страстей и разумныхъ побужденій, т. е. выразить здоровое и естественное существованіе, или жизнь общества, пользующагося благосостояніемъ.

Потребленіе человѣкомъ богатствъ и услугъ, уничтожающее отношеніе полезностей, производитъ физическое и духовное его благосостояніе.

Наука Бытія, указавъ всю важность для общества личныхъ богатствъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ человѣческой природы, должна будетъ показать различіе между потребленіемъ частнымъ и об-

щественнымъ , или производствомъ передаточныхъ богатствъ, т. е. изучить предварительно существо человѣка, а потомъ существо общества, или гармонію механизма общественной жизни.

За потребленіемъ богатствъ и услугъ, она , по естественному порядку вещей, должна будетъ изучить пружины общественнаго механизма. Для удовлетворенія своихъ потребностей, т. е. для достиженія своего благосостоянія, человѣкъ долженъ трудиться. Здѣсь опять являются тѣже двѣ крайности, какъ зло и добро: трудъ, и благо, которое есть результатъ богатствъ и услугъ, что подтверждаетъ и священное писаніе изрѣченіемъ: *въ потѣ лица твоего снеси хлѣбъ твой.*

Вотъ начало прогресса частной и общественной жизни, или стремленія къ безпрерывному приращенію полезностей (благъ) и уменьшенію усилій (труда), т. е. къ увеличенію добра и уменьшенію зла.

Благосостоянія своего, въ организмѣ общественной жизни, человѣкъ достигаетъ *раздѣленіемъ труда*, т. е. раздробленіемъ зла и потребленіемъ капитала, или блага.

За раздѣленіемъ труда, по естественному порядку вещей, въ обществѣ людей, должна слѣдовать свободная *мѣна богатствъ и предложеніе услугъ*, удовлетворяющихъ благосостоянію человѣка, мѣриломъ которой служитъ *цѣнность*. Цѣнность богатствъ и услугъ опредѣляется стоимостью ихъ производства, т. е. трудомъ, представляющимъ собою источникъ богатства, или капитала.

Измѣненіе цѣнности, или уклоненіе отъ этого естественнаго порядка жизни общественнаго организма производитъ естественная или искуственная *монополія* и *недѣятельность*, какъ въ физическомъ, такъ и духовномъ отношеніяхъ, слѣдствіемъ котораго бываетъ кризисъ неестественнаго, или болѣзненнаго состоянія общества.

Соперничество людей какъ производителей , такъ и потребителей, которые, своей личной свободой опредѣляютъ норму *спроса и предложенія*, служащихъ основными законами обще-

ственной жизни, подобно регулятору, приводитъ цѣнность въ нормальное положеніе.

Спросъ и предложеніе ведутъ за собою въ обществѣ *распредѣленіе богатствъ и услугъ*, законы распредѣленія которыхъ, въ соціальной жизни, могутъ только опредѣляться отношеніемъ ихъ къ цѣнности и полезности, доходящей до *роскоши* и *комфорта*.

И такъ, первыми предметами, непосредственно принадлежащими изслѣдованію Политической экономіи, или Науки Бытія являются *благосостояніе*, т. е. счастливая жизнь, или естественное существо человѣка, какъ основаніе общественнаго механизма, которая требуетъ: 1) физіологическаго разсмотрѣнія его организаціи, какъ источника жизни общества, 2) среды, т. е. цѣлой вселенной, служащей для развитія и поддержанія этой жизни, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ которой, суть явленія, долженствующія приниматься источникомъ общественной экономической жизни общества и Политической экономія, или Науки—Бытія; онѣ суть:

3) Богатство, или капиталъ (собственность),
4) Трудъ вообще, т. е. физическій и умственный
5) Раздѣленіе труда.
6) Полезность.
7) Потребленіе капитала, или богатства.
8) Мѣна.
9) Цѣнность.
10) Монополія.
11) Недѣятельность общественной жизни.
12) Соперничество, или конкуренція.
13) Спросъ.
14) Предложеніе услугъ.
15) Распредѣленіе богатства.
и 16) Роскошь и комфортъ.

Затѣмъ, Политическая экономія должна представить общественный механизмъ въ полномъ составѣ и гармоніи, въ коемъ выражается жизнь государства, предоставивъ политикѣ разви-

вать свои истины между народныхъ отношеній государствъ, какъ единицъ, существующихъ среди себѣ подобныхъ государствъ и народовъ всего человѣчества.

Вотъ предметы, которые, по моему мнѣнію, должны составлять все существо Науки Бытія, или, такъ называвшейся прежде, Политической экономіи, потому что служатъ источниками личныхъ и общественныхъ богатствъ, отъ которыхъ зависитъ физическое и духовное благосостояніе человѣка и общества, т. е. то, что должно составлять предполагаемый предметъ Политической экономіи.

Изъ этого анализа предмета, сущности и цѣли Политической экономіи, или Науки Бытія, мы видимъ, что она посредственно или непосредственно не только касается, но входитъ и захватываетъ истины многихъ наукъ, не исключая и философіи. Еслибы Политическая экономія сама взяла на себя трудъ разработывать общія начала: напримѣръ, что такое матерія и сила, взаимное ихъ вліяніе, добро и зло, пользу и вредъ и другія истины, принадлежащія философіи и другимъ наукамъ, то она не толькобы вышла изъ предѣловъ, назначаемыхъ ей цѣлію, т. е. благосостояніемъ человѣка и общества, но она бы потерялась въ хаосѣ безчисленнаго разнообразія предметовъ, изученіе которыхъ требуетъ спеціальной разработки.

Какъ тѣсно связаны между собою различныя формы матеріи, составляющей природу, такъ точно и сила, происходящая отъ нихъ, т. е. духъ, а слѣдовательно и науки, какъ проявленіе духа.

Люди, потребности и нужды, составляющіе предметы всѣхъ наукъ, такъ тѣсно связаны въоб щественной жизни, что разграничить науки рѣзко не возможно, и въ особенности отдѣлить отъ нихъ Политическую экономію, или Науку Бытія, которая, по цѣли своей, должна непремѣнно захватывать и пользоваться истинами другихъ наукъ, въ особенности философіей, для вывода своихъ общихъ истинъ, долженствующихъ служить основаніемъ всѣмъ наукамъ, что дали замѣтить еще физіократы, оказавъ великія услуги философіи и всему циклу наукъ нравственно-политическихъ.

Если предположимъ, что цѣли всѣхъ наукъ, не исключая и философіи, подчинены общей цѣли Науки Бытія, то тогда ей нѣтъ надобности непосредственно касаться предметовъ спеціально принадлежащихъ другимъ наукамъ, истины которыхъ она уже найдетъ въ нихъ готовыми и сообразными съ своею цѣлію, тогда она можетъ пользоваться ими по своему усмотрѣнію потому что всѣ науки должны служить къ удовлетворенію нуждъ и потребностей человѣка и общества, чѣмъ достигается ихъ благосостояніе, т. е. цѣль Науки Бытія. Но для достиженія этой цѣли, всѣ науки, не исключая и философіи, должны обусловливаться цѣлію Науки Бытія, т. е. благосостояніемъ человѣка и общества, иначе Политическая экономія сама должна былабы разработывать ихъ идеи.

Для доказательства этой мысли, мы воспользуемся выводами Лилеева, *о происхожденіи наукъ, изложенными въ Экономистѣ, книжка 3-я* (приложеніе къ Экономическому указателю 1860 г.) въ статьѣ «*основныя начала Политической экономіи*». Онъ говоритъ: Науки медицинскія, изучая организмъ человѣка, опредѣляютъ начала физической пользы и вреда, физическаго блага и зла (мнѣ кажется, что сюда должно былобы отнести и всѣ науки естественныя). Онѣ указываютъ человѣку, что можетъ способствовать и что вредитъ его физическому благосостоянію и что, въ случаѣ разстройства тѣлеснаго его организма, можетъ содѣйствовать приведенію его опять въ нормальное положеніе (опять-таки безъ изученія свойствъ физическихъ предметовъ вселенной, т. е. наукъ естественныхъ, этого достигнуть нельзя). Науки нравственныя, изучая духовную природу человѣка, излагаютъ врожденныя ему начала и нравственнаго добра и зла, нравственной пользы и вреда (сюда должна войти и философія, дающая направленіе всѣмъ наукамъ). Уклоненіе отъ этихъ началъ имѣетъ послѣдствіемъ разстройство духовныхъ силъ, — точно такъ, какъ несоблюденіе указаній гигіены и медицины, разстройство физическихъ силъ.

«Неудовлетвореніе человѣкомъ своихъ потребностей въ общественной жизни невсегда касается его одного. При усвоеніи

себѣ внѣшнихъ предметовъ, при проявленіи своей дѣятельности, онъ часто приходитъ въ соприкосновеніе и столкновеніе съ другими людьми,—принося себѣ пользу или нанося самъ себѣ вредъ, онъ можетъ причинять пользу или вредъ другимъ».

«Поэтому, удовлетвореніе человѣкомъ своихъ потребностей подчиняется еще третьему роду началъ (мнѣ кажется, что къ этому началу должны быть отнесены всѣ науки политическія). Правовѣдѣніе, изучая правила и законы гражданскіе, ограждающіе какъ личность, такъ и собственность членовъ общества, излагаетъ начало юридическаго добра и зла».

«Изъ этого раздѣленія наукъ на физическія, нравственныя и юридическія или политическія мы видимъ, что онѣ даютъ возможность человѣку познавать добро и зло физическое, нравственное и юридическое, и тѣмъ связываются между собою».

«Вредное для физическаго здоровья,» говоритъ Лилеевъ, «воспрещается и началами нравственности, все незаконное вмѣстѣ съ тѣмъ и безнравственно.... такъ напримѣръ нравоученіе, а равно и правовѣдѣніе опредѣляютъ отношенія людей между собою, но науки юридическія дѣлаютъ это совершенно внѣшнимъ образомъ, независимо отъ источника, изъ котораго отношенія ихъ проистекаютъ».

Но физическое и духовное начала наукъ, дающихъ познанія человѣку о добрѣ и злѣ, очевидно должны подчиняться юридическому или политическому началу, потому что только согласное съ правилами и началами этихъ наукъ удовлетвореніе потребностей производитъ въ человѣкѣ личныя богатства, а еще и потому, что человѣкъ съ своими физическими и духовными сторонами входитъ въ составъ общества и долженъ подчиняться его общимъ началамъ, т. е. общей соціальной цѣли, излагаемой въ правилахъ юридическихъ, или политическихъ наукъ.

Изъ всѣхъ политическихъ наукъ, по важности своей, въ главѣ ихъ должна стоять Наука Бытія, или Политическая экономія, которая опредѣляетъ законы механизма общественной организаціи, имѣя цѣлію его благосостояніе. Очевидно, что, подчиняя своей цѣли всѣ юридическія и политическія науки, она вмѣстѣ съ тѣмъ

подчиняетъ и всѣ науки физическаго и духовнаго началъ, и такимъ образомъ, связывая всѣ науки въ общій узелъ, сама дѣлается фокусомъ современной цивилизаціи, клоня ее и всѣ науки къ пользѣ и благосостоянію человѣка и общества, т. е. къ своей цѣли, которой не имѣетъ философія.

Благосостояніе человѣка и общества, составляя цѣль Политической экономіи, должно стоять выше всѣхъ жизненныхъ вопросовъ и потребностей, а потому и Наука Бытія или Политическая экономія, представляя собою, по своей цѣли, вѣнецъ всѣхъ наукъ, должна сосредоточивать въ себѣ всѣ ихъ отдѣльныя спеціальности, клоня ихъ къ одной общей своей цѣли. Тогда истины одной науки не будутъ противорѣчить истинамъ другой, потому что будутъ соотвѣтствовать одной цѣли Политической экономіи, которая не будетъ имѣть надобности, для вывода своихъ истинъ эмпирическимъ путемъ, вдаваться черезъ чуръ въ область другихъ наукъ и философію, потому что она уже найдетъ необходимыя ей истины приготовленными другими науками, какъ своими частями.

Предметами же Науки Бытія или Политической экономіи непосредственно должны быть явленія жизни, происходящія въ общественномъ организмѣ, съ точки зрѣнія экономической, предоставляя другимъ наукамъ выработывать спеціально каждой свои истины, обусловивъ ихъ частныя цѣли своею общею цѣлію. Такъ. естественнымъ наукамъ, напримѣръ геологіи, она предоставитъ отыскивать естественные законы образованія земли; астрономіи, небесную механику, или устройство вселенной; физикѣ, всѣ существующія въ пространствѣ вещества, разсматривая явленія природы со стороны дѣйствія силъ механическихъ; химіи — со стороны силъ химическихъ, и т. д. Такъ точно историческое развитіе обществъ, она предоставитъ исторіи, юридическія явленія жизни народа — правовѣдѣнію, духовныя — психологіи, физическія — физіологіи и т. д., присвоивая себѣ право слѣдить за общимъ ходомъ ихъ идей, чтобы истины наукъ не противорѣчили однѣ другимъ, и чтобы онѣ не оставались однимъ только умозрѣніемъ, а непремѣнно бы примѣнялись къ пользамъ и нуж-

дамъ человѣка удовлетворая ея общей цѣли, т. е. *благосостоянію человѣка и общества.*

Пока философія не обратится къ эмпирическому способу изслѣдованія міровыхъ законовъ вселенной и жизни вообще, пока она будетъ отдаваться одному умозрѣнію, блуждая въ заоблачномъ пространствѣ отвлеченныхъ идей, до тѣхъ поръ она будетъ оставаться не въ ладу съ цѣлію Науки Бытія или Политической экономіи. Вотъ почему, для вывода своихъ истинныхъ экономическихъ законовъ, Политическая экономія должна теперь проявлять свою собственную философію, которыабы своими изслѣдованіями выводила истины, основываясь на естественныхъ законахъ природы способомъ эмпирическимъ, потому что только неуклонное слѣдованіе естественнымъ законамъ и составляетъ благо человѣка и общества, иначе она придетъ къ ложнымъ заключеніямъ.

Наука Бытія должна, какъ общая наука, обнимать всѣ науки, имѣющія своими цѣлями удовлетвореніе нуждъ только въ частности. Она должна своей философіей вырабатывать для нихъ основныя истины и клонить ихъ къ одной общей своей цѣли, *благосостоянію*, т. е. цѣли жизни человѣка и общества.

Жизнь государства, какъ и жизнь человѣка, повинуясь однимъ и тѣмъ же законамъ природы, имѣетъ однѣ и тѣже эпохи: младенчество, юность, зрѣлость и старость. Эта аналогія позволяетъ смотрѣть на государство, какъ на живое, органическое существо, полное страстей, инстинктивныхъ, нравственныхъ и умственныхъ побужденій, въ коемъ душа и глава есть верховная власть, въ какомъ бы видѣ она не проявлялась, т. е. въ одномъ или въ нѣсколькихъ лицахъ вмѣстѣ.

Народъ составляетъ все существо государства, какъбы физическое его начало. Эти два начала: духовное (власть), и физическое (народъ) по естественному закону природы, по которому существуетъ всякое разумное существо, должны служить равно другъ для друга и тѣсно соединяться въ одно органическое цѣлое, называемое государствомъ, жизнь и судьба котораго опредѣляется природою. На этомъ основаніи интересъ народа и вла-

сти долженъ быть одинъ: *благоденствіе, или счастіе цѣлаго государства* (*). Для опредѣленія свойствъ, качествъ и достоинствъ государства, какъ органическаго существа, устройства его механизма, изученія законовъ его жизни, а также каждой составной его части, до послѣдняго атома включительно, возмемъ идеальное, т. е. естественное государство въ извѣстномъ возрастѣ и будемъ предварительно разсматривать его вообще, а потомъ скальпировать и анатомировать его какъ трупъ органическаго существа съ тѣмъ, чтобы изъ разсмотрѣнія его остова и устройства всего организма, опредѣлить образцы свойствъ, качествъ и достоинствъ всѣхъ составныхъ членовъ и частей трупа идеальнаго государства, до первоначальной составной единицы включительно, ихъ связь и убѣдиться: какимъ образомъ они подчиняются волѣ духовнаго начала или открыть естественные законы механизма общественной жизни, т. е. истины Науки Бытія, или Политической экономіи, которая должна ихъ передать, какъ основанія государствовѣдѣнію.

Организмъ идеальнаго государства укажетъ намъ, вмѣстѣ съ этимъ изслѣдованіемъ, свое образцовое устройство, степень до которой должно достигать въ сбереженіи и усовершенствованіи его частей, принаравливая все къ одной цѣли *жизни государства*, состоящей въ исполненіи естественныхъ законовъ общаго механизма управленія, т. е. свойства всей государственной машины (**). Теорія Науки Бытія, или Политической экономіи, изъ

(*) Вотъ почему въ тѣхъ странахъ, гдѣ власть пренебрегаетъ этимъ естественнымъ закономъ, т. е. разъединяетъ свой интересъ отъ интереса народа, тамъ она подвергаетъ себя и народъ, какъ въ живомъ организмѣ, тѣмъ большей опасности отъ болѣзни, чѣмъ болѣе сдѣлано отступленія отъ этого естественнаго закона природы.

(**) Совершенство этого механизма должно состоять: въ быстромъ, свободномъ и легкомъ дѣйствіи и исполненіи не только цѣлымъ организмомъ государства, но и послѣднимъ его атомомъ мысли и воли власти, которая должна быть выраженіемъ свойствъ матеріи, или народа, въ примѣненіи управленія къ духу и характеру общества и современной цивилизаціи. Достигнуть этого можно только, свободнымъ и безпрепятственнымъ движеніемъ и дѣйствіемъ каждой составной части этой ма-

разсмотрѣнія жизни идеальнаго государства, должна вывести естественные законы, по коимъ совершается механизмъ управленія и существованія не только цѣлыхъ корпорацій, или сословій, какъ большихъ составленныхъ частей и членовъ государства, но каждой частицы, до послѣдняго атома включительно, ихъ права, кругъ дѣйствія, въ которомъ онѣ, слѣдуя основной идеѣ, въ достиженіи общей цѣли, какъ въ живомъ организмѣ развиваютъ свои духовныя и физическія силы. Теорія Науки Бытія должна также изслѣдовать и опредѣлить естественные законы пользованія частей и частицъ идеальнаго государства не только землею, какъ основнымъ матеріаломъ ихъ существованія, отъ которой зависитъ жизнь и благоденствіе атомовъ, а слѣдовательно и государства, но всѣмъ, что представляютъ собою физическій и духовный міры, для удовлетворенія ихъ нуждъ. Такой способъ изслѣдованія жизни государства, какъ органическаго существа, входящаго въ соотношенія съ цѣлымъ міромъ, съ коимъ оно связывается не разрывно не будетъ ли способомъ эмпирическимъ современной философіи, для открытія общихъ законовъ, которая нынѣ стремится естественнымъ путемъ къ тому, чтобы каждая ея истина, не оставалась однимъ только умозрѣніемъ, а непремѣнно-бы примѣнялась къ пользамъ и нуждамъ человѣка, слѣдовательно, уже предполагаетъ цѣлію благоденствіе.

Человѣка, принимаемаго нами за основаніе идеальнаго государства, будемъ понимать не идеаломъ, который создаетъ человѣческая фантазія, а такимъ, какъ сотворила его природа, съ естественными свойствами, называемыми людьми, совершенствами и несовершенствами, добродѣтелями и пороками.

Природа, въ основу безконечной жизни всего человѣчества, положила извѣстную долю духовныхъ и матеріальныхъ свойствъ,

---

шины. Свобода же въ дѣйствіи можетъ быть достигнута, при возможно-полномъ удовлетвореніи нуждъ и естественныхъ побужденій человѣка, которыя опредѣляются его природою; однимъ словомъ, его свобода зависитъ отъ удовлетворенія его законныхъ побужденій. Гдѣ стѣсняется благосостояніе человѣка, тамъ совершенство механизма государственной машины не достижимо.

поразительнаго разнообразія, производящихъ въ борьбѣ удивительную гармонію, которая и составляетъ все совершенство жизни.

Слѣдовательно, странно былобы предполагать, чтобы общественная жизнь была такъ устроена, чтобы ни зло, ни порокъ, ни ложь, ни заблужденіе не имѣли бы въ ней мѣста. Въ этомъ-то и состоитъ гармонія соціальной жизни, въ которой необходимы диссонансы, т. е. заблужденія и такъ называемое зло, заключающіеся въ самой природѣ человѣка. Если будемъ требовать отъ людей, чтобы они не имѣли, такъ называемыхъ, недостатковъ, то тогда необходимо сперва по требовать, чтобы человѣкъ не имѣлъ свободной воли. Однимъ словомъ,—исказить его природу.

Идеалъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ его, есть прототипъ, или собраніе однихъ только совершенствъ въ одно цѣлое, для того, чтобы имѣть единственный образъ, который бы служилъ нормою для несовершенныхъ людей: уничтожать въ себѣ недостатки, не замѣчаемые въ идеалѣ, и развивать достоинства, присущія ему.

Очевидно, что собраніе только похвальныхъ качествъ, (называемыхъ такъ, сообразно различнаго пониманія людей) или такой идеалъ заключаетъ уже въ самомъ себѣ несовершенства, во первыхъ, потому что создается несовершенными людьми, а несовершенный человѣкъ можетъ только создать несовершенное, а во вторыхъ созданіе одностороннее, потому что въ немъ сосредоточиваются только однѣ добрыя качества; между тѣмъ какъ въ физической и духовной природѣ человѣка, для выполненія цѣли безконечности жизни всего человѣчества, борьбою, положена почти равная часть такъ называемыхъ добрыхъ и злыхъ разнообразныхъ качествъ, которыя, находясь въ постоянномъ безпрерывномъ противудѣйствіи, осуществляютъ безконечность жизни.

Слѣдовательно, подъ словомъ идеалъ человѣка, общества и государства будемъ разумѣть не (такъ называемое) совершенство, не мѣрку, или лекало, которыя даютъ способъ приводить

все къ единству, а человѣка, общество и государство, созданные природой, повинующіеся непреложимъ, естественнымъ законамъ, выше и совершеннѣе которыхъ ни чего быть не можетъ. Подъ выраженіемъ подражать и достигать до идеала будемъ понимать опять таки не прихоть или капризъ человѣческой воли, осуществить свою собственную фантазію, а только стремленіе уничтожать преграды, препятствующія исполнять естественные законы, по коимъ долженъ существовать человѣкъ, общество и государство.

Вотъ почему дѣло Политической экономіи, или Науки Бытія будетъ состоять въ томъ, чтобы, анализируя идеалъ, подмѣчать въ немъ эти естественные законы, которымъ должно повиноваться, а не идти противу ихъ и выразить ихъ въ своихъ правилахъ, въ противуположность утопистамъ, которые, хотя и съ гуманною цѣлію, берутъ на себя дерзкую обязанность создавать свое идеальное общество и человѣка, сообразно капризу своей фантазіи.

Такое подражаніе идеалу т. е. слѣдованіе естественнымъ, непреложнымъ законамъ природы, возможно для человѣка и общества, если идеалъ будетъ выведенъ наукою по естественнымъ законамъ, къ которымъ человѣкъ и общество должны стремиться, какъ къ основному условію своего благополучія, а слѣдовательно и возможному счастію.

Другое дѣло идеалъ, представляемый наукою, для достиженія какой-нибудь частной цѣли, назначаемой соображеніями человѣка, наприм: идеалъ для арміи, для воина вообще и т. п., который долженъ создаваться сообразно съ условіями, вынуждаемыми обстоятельствами, безъ чего предлагаемая наукою цѣль достигнута быть не можетъ, да и тутъ основаніемъ ему должна служить природа.

Изслѣдованіе естественныхъ законовъ, по которымъ производится развитіе духовныхъ и физическихъ силъ государства, выражающихъ его жизнь, должны составлять отдѣлъ Науки Бытіи, подъ названіемъ Государственнаго хозяйства, или науки государство-

вѣденія, что будетъ совершенно соотвѣтствовать жизни живаго, разумнаго, органическаго существа.

Котта сказалъ, что: «міръ управляется самъ собою, по вѣчнымъ законамъ». Государство есть тотъ же міръ, только въ маломъ видѣ, а потому оно, какъ органическое существо и должно управляться само собою, т. е. слѣдовать естественнымъ законамъ бытія каждаго отдѣльно—взятаго существа.

Дѣло государственнаго хозяйства, какъ части Политической экономіи, или Науки Бытія, есть изслѣдованіе и открытіе этихъ законовъ.

Для яснаго уразумѣнія этой жизни необходимо представить себѣ въ образецъ идеальное государство, созданное природой, а не мудростью человѣческой, анализируя въ немъ раздѣльно, какъ дѣлаетъ это физіологія, когда разсматриваетъ жизнь органическаго существа вообще, слѣдующее:

1) Явленія жизни.

2) Причины этихъ явленій.

и 3) Взаимное ихъ вліяніе другъ на друга.

Переводя это на языкъ Политической экономіи, мы разсмотримъ предварительно:

1) Физическое начало государства, или то, чѣмъ управляетъ власть, т. е. въ чемъ проявляется жизнь.

Начало это, взятое отдѣльно, можно понимать какъ бы бездушнымъ трупомъ органическаго существа, или машиною, представляющею необыкновенную сложность. (*) Слѣдовательно, первый пунктъ будетъ состоять въ изученіи какъ устройства

(*) Само собою разумѣется, что народъ, состоящій изъ отдѣльныхъ лицъ, нельзя понимать, лишенныхъ совершенно духовныхъ свойствъ к качествъ, даже и въ то время, когда онъ безусловно, т. е. страдательно выполняетъ произволъ власти, которая управляетъ имъ. Государство состоитъ изъ живыхъ разумныхъ существъ, какъ и власть, одаренныхъ также душою, умомъ и сердцемъ, но, принимая безусловное повиновеніе народа законамъ, предписанныхъ властію, мы допускаемъ подобное срав-

механизма машины, цѣли, свойствъ и качествъ ея, такъ и каждой составной ея части, до послѣдняго атома включительно.

2) Духовное начало, или того кто управляетъ, т. е. власть.

и 3) Образъ дѣйствія власти, или законы механизма управленія государствомъ, т. е. самую жизнь народа, выражающуюся въ его дѣйствіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ власти къ народу и обратно. (*)

Тогда предметомъ науки Государственнаго хозяйства, какъ части Политической экономіи, должна быть вся политическая жизнь государства, въ ея обширномъ значеніи, а цѣлью—цвѣтущее его состояніе, или благосостояніе народа.

По принятому нами физіологическому анализу идеальнаго государства, первую часть науки Государственнаго хозяйства, содержащую въ себѣ физическое его начало, назовемъ *Общественной экономіей*, которая, на основаніи цѣли всей науки, будетъ имѣть сущностью своею не только выраженіе нормы всѣхъ физическихъ, или матеріальныхъ предметовъ государственнаго организма, необходимыхъ для совершенной жизни государства,

---

неніе, ибо народъ, въ то время, дѣлается какъ бы машиною, въ которой дѣйствуетъ одна общая сила, долженствующая происходить изъ свойствъ матеріи, составляющей машину, клонящая всѣ частныя дѣйствія къ одной общей цѣли, сообразной съ назначеніемъ и свойствами этой машины.

(*) Это раздѣленіе науки на 3 части, выведенное ихъ естественной жизни государства, какъ живаго существа, опредѣляетъ совершенно предметъ и цѣль ея и нѣсколько совпадаетъ съ мнѣніемъ соціалистовъ, которые раздѣляютъ ее также на 3 части, имѣющія безчисленное множество подраздѣленій, а именно: 1) Экономію, 2) Нравственность и 3) Политику (l'economie, la morale et la politique. Vidal, pag. 17. De la repartition des richesses). Подъ словомъ экономія они понимаютъ физическія нужды, подъ словомъ нравственность — нравственныя нужды, подъ словомъ политика понимаютъ приложеніе и осуществленіе разомъ правилъ экономіи и нравственности, или философіи. По ихъ понятію третья часть, т. е. политика есть искусство управлять, по правиламъ науки, нравственность, или философія ищетъ точности, или истины; экономія пользы, а политика осуществить истину и пользу.

но выразить его физическія нужды, потребности, побужденія и отыскать средство упрочить ихъ полное удовлетвореніе, сообразно правилъ справедливости, т. е. естественныхъ законовъ, или истины.

Не смотря на то, что общественная экономія будетъ отдѣльно заниматься физическими предметами и нуждами, ее нельзя назвать наукою матеріализма, потому что въ живомъ организмѣ государства всѣ физическія его нужды и побужденія проявляются въ сознаніи человѣка, слѣдовательно въ, области духовнаго міра, который есть необходимое слѣдствіе, или свойство организма.

Сознавъ необходимость такого обширнаго объема для Политической экономіи, которой всѣ науки, не исключая и философіи, должны служить подспорьемъ, а для разработки ея истинъ цѣлая вселенная, въ которой человѣкъ является какъ вѣнецъ творенія, извлекающій изъ нея все, что можетъ служить для удовлетворенія его нуждъ раждается вопросъ: что же тогда останется на долю философіи и не должна ли будетъ Политическая экономія занять первое мѣсто, какъ мать всѣхъ наукъ, дающая имъ и современной философіи одну общую цѣль: *служить къ пользѣ и благосостоянію человѣка и всего человѣчества.*

При такомъ взглядѣ приходится рѣшить серьезной полемикой людей съ здравымъ смысломъ нѣкоторые вопросы, а именно:

1) Должна ли философія, какъ эмпирическій способъ изслѣдованія истинъ, войти въ область Политической экономіи, или Политическая экономія, имѣющая такую общую и положительную цѣль: какъ *благо человѣка*, со всѣми науками, подчиниться не утвердившейся еше наукѣ философіи, которая притомъ не имѣетъ и опредѣленной цѣли?

2) Можетъ ли философія, какъ здравый смыслъ вообще и какъ рядъ отвлеченныхъ истинъ, назваться наукою?

и 3) Если понимать раздѣльно философію и Политическую эко-

номію, то что тогда должно принадлежать къ области философіи и Политической экономіи, потому что у этихъ наукъ является одинъ общій предметъ, бытіе, или *жизнь*, которая одна и таже какъ въ инфузоріи, въ животномъ, въ человѣкѣ, въ обществѣ и въ цѣлой вселенной и повинуется однимъ и тѣмъ же законамъ. (*)

—

(*) Подобное предложеніе и взглядъ не могутъ не показаться странными для людей, привыкшихъ жить духовную жизнію, въ особенности въ области обсолютныхъ и независимыхъ идей трацендентальной философіи, не терпящихъ, чтобъ ихъ что-либо стѣсняло, даже и такая цѣль, какъ *благоденествіе, или счастіе человѣка и всего человѣчества*. Всѣ возраженія, замѣчанія и упреки не только почитателей трацендентальной философіи, но вообще всѣхъ на мои воззрѣнія я приму съ признательностію, потому что онѣ будутъ служить къ разъясненію истины.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМІЯ.

ФИЗІОЛОГІЯ ИДЕАЛЬНАГО ГОСУДАРСТВА.

—

ГЛАВА III.

Земля какъ жилище человѣка.

«Законы природы есть строгое выраженіе необходимости.»
(Малешотъ).

Разсматривая вообще физическое начало идеальнаго государства мы видимъ, что земля, какъ часть всей нашей планеты, составляющая его территорію, служитъ вѣчнымъ основаніемъ, или остовомъ всего его существа и его потомковъ; изъ нея выробатываются всѣ живые его соки, служащіе средствомъ къ существованію, росту и силѣ государства, какъ органическаго существа. «Весь безпредѣльный, прекрасный Божій міръ», говоритъ Бѣлинскій, «есть ничто иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи (мысли единаго вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи. Только пламенное чувство смертнаго можетъ постигать, въ свои святыя мгновенія, какъ велико тѣло этой души вселенной, сердце котораго составляютъ громадныя солнца, жилы—пути млечныя, а кровь—чистый эфиръ. Для этой идеи нѣтъ покоя, она живетъ безпрестанно, т. е. безпрестанно творитъ, чтобы разрушать. и разрушаетъ, чтобы творить.... и т. далѣе. Въ заключеніи авторъ говоритъ: «Гордись, гордись человѣкъ своимъ высокимъ назначеніемъ, но не забывай, что Божественная идея, тебя родившая, справедлива, что она тебѣ дала умъ и волю, которые ставятъ тебя выше всего творенія, что она въ тебѣ живетъ, и жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе есть борьба; не забывай, что твое безконечное

и высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи я,—въ чувствѣ любви.» (Т. II, стр. 19 и 20).

Вотъ поэтическій взглядъ на назначеніе вселенной и человѣка, выведенный изъ общей міровой идеи. Постараемся отъ него перейти къ болѣе научнымъ доводамъ новыхъ мыслителей, чтобы доказать постепенность и неразрывную связь матеріи и силы цѣлой вселенной, ея назначеніе и какъ она дробится въ созвѣздія, млечныя пути, планетныя системы, наконецъ въ отдѣльныя планеты, переходитъ на человѣчество, государства, общины, семейства—до человѣка включительно, который представляетъ собою тотъ же міръ, ту же вселенную, только въ маломъ видѣ, и жизнію своею выполняетъ тѣ же естественные, непреложные законы.

«Міръ безграниченъ, міръ безпредѣленъ», говоритъ Котта. Земля идеальнаго государства есть частица міра, а потому ей присущи тѣ же свойства какъ и цѣлому. Земля, въ свою очередь, представляетъ основную матерію, а матерія видоизмѣняема до безконечности, потому, что при разложеніи одной формы она переходитъ въ другую.

«*Привитыя нашему конечному понятію понятія о времени и пространствѣ не прилагаются къ матеріи.*» (Бюхнеръ). Матерія представляется въ безконечно большихъ и безконечно малыхъ формахъ. Телескопъ и микроскопъ даютъ намъ теперь идею о безпредѣльности и безконечности матеріи, какъ общаго основанія жизни цѣлаго міра (*).

Ни наблюденія, ни мысль о безконечно-большомъ и безконечно-маломъ не доводятъ насъ до конечной точки и, кажется, никогда не дойдутъ до нея, потому-что матерія безпредѣльна.

Въ отношеніи къ безконечно великому пространству вселенной, вся наша планета есть ничто иное, какъ ничтожный атомъ.

Пространства, которыя отдѣляютъ планеты, такъ громадны, что умъ нашъ, не смотря на могущество воображенія и мысли, путается и теряется (**).

Земля, какъ планета, есть частица матеріи цѣлаго міра, а земля идеальнаго государства, есть частица нашей плане-

---

(*) «Увидятъ ли, съ усовершенствованіемъ инструментовъ, монадовъ, какъ великановъ среди міра карликовъ еще съ меньшимъ организмомъ?» спрашиваетъ Котта, при видѣ вооруженнымъ глазомъ цѣлаго міра мельчайшихъ животныхъ въ каплѣ воды.

(**) Бюхнеръ говоритъ: «*всякое ограниченіе уничтожаетъ возможность существованія міра, мы должны признать матерію безконечною въ обпихъ отношеніяхъ* (въ безконечно большомъ и въ безконечно маломъ), *а также и независимой отъ ограниченій въ пространствѣ и во времени*». Валентинъ, авторъ физіологіи, говоритъ: «Самый сильный микроскопъ никогда не откроетъ формы и положенія молекулярныхъ частицъ матеріи.

ты;—она есть, такъ сказать, организмъ, или тѣло государства, слѣдовательно и должна быть его собственностію, а не частныхъ лицъ, которыхъ, въ идеальномъ государствѣ, по справедливости, еслибъ они и были дѣйствительно собственниками-владѣльцами земли, принимаютъ только, какъ арендаторовъ, примѣняющихъ свой трудъ къ землѣ, отдающихъ поземельную ренту, какъ избытокъ произведеній своего труда, природы и земли въ общую кассу, изъ которой разливаются на весь организмъ государства продукты, необходимые для поддержанія органовъ цѣлаго механизма управленія (*).

Справедливо называютъ землю матерью человѣка. Человѣкъ создается изъ земли и въ землю обращается. Все органическое царство на землѣ слѣдуетъ этому естественному, непреложному закону природы. Каждому существу на землѣ опредѣлено представлять собою конечную, живую машину, или орудіе, посредствомъ котораго перерабатывается жидкое начало всей природы въ твердое, т. е. каждое органическое существо приращаетъ своими смертными остатками основный материкъ земли (**).

(*) Если съ земли собирается въ казну поземельная подать, то какому бы частному лицу не принадлежала земля, какъ собственность, переходящая даже въ потомство, съ которой владѣлецъ свободно можетъ дѣлать, что хочетъ, то она все-таки должна считаться въ сущности собственностію государства, а временный ея владѣлецъ арендаторомъ, потому-что онъ платитъ извѣстный процентъ, какъ бы за ея пользованіе, который установляетъ правительство, кромѣ того и жизнь владѣльца, какъ индивидума, слишкомъ кратковременна, въ сравненіи съ жизнію государства, а тѣмъ болѣе съ существованіемъ земли.

(**) Что доказывается остатками ископаемыхъ допотопныхъ и послѣ потопныхъ существъ органической и неорганической жизни, какъ то: каменно-угольная формація представляетъ намъ растенія всѣхъ возможныхъ видовъ, послѣдующіе слои земли безчисленное множество кораловъ, раковинъ, мадрепоровъ, наконецъ, скелетовъ и костей животныхъ, какъ-то: мастодонтовъ, мамонтовъ, гиганстскихъ оленей, ящерицъ и другихъ. Взглянувши на карту нашей земли въ силлюрійскій, каменноугольный и третичный періоды легко убѣдиться, какъ постепенно изъ воды, или жидкости прибывали твердыя части материка ея. Бюхнеръ говоритъ: «Геологическія изслѣдованія пролили чрезвычайно интересный свѣтъ на исторію образованія и развитія земли. По камнямъ и слоямъ земной коры и по найденнымъ въ нихъ остаткамъ органическаго царства, которыми была населена прежде земная кора, геологи читаютъ исторію земли, какъ по древней исторической хроникѣ. Эта исторія открываетъ ясныя знаки мощныхъ, отдѣльныхъ другъ отъ друга періодовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ земныхъ переворотовъ, то силою огня, то силою воды, то совмѣстнымъ дѣйствіемъ обѣихъ силъ. Новѣйшая наука, съ тою же ма-

Этотъ общій законъ природы, по всему вѣроятію, повторялся въ происхожденіи и образованіи всѣхъ небесныхъ міровыхъ тѣлъ. Шекспиръ, какъ великій поэтъ и философъ, выразилъ эту же мысль, сказавъ:

«Кто поселялъ въ народѣ страхъ,
«Предъ кѣмъ дышать едва лишь смѣли.
Великій Цезарь нынѣ прахъ,
И имъ замазываютъ щели (*).

Бюхнеръ говоритъ: «матерія не уничтожаема, ни малѣйшая пылинка въ мірѣ, какъ бы она не была мала, или велика, не можетъ ни потеряться, ни прибавиться. Допустивъ, что въ природѣ можетъ прибавиться или убавиться малѣйшій атомъ,—мы должны допустить, что міръ такимъ образомъ пришелъ бы въ безпорядокъ: законы тяжести поколебались бы, уничтожилось бы самое необходимое, самое непогрѣшимое равновѣсіе матеріи.»

Самое соединеніе и формы человѣка, животнаго и всякаго предмета, могутъ уничтожиться, но сама матерія никогда. Кцольбе говоритъ: «Углеродъ, вошедшій въ видѣ шпатовыхъ кристаловъ въ древесные сосуды или мускулы, можетъ, по разложеніи этихъ тѣлъ, *принять иной видъ, въ другомъ соединеніи, но по основному существу своему* (als Grundstoff) *онъ не измѣнится* и не уничтожится.» Слѣдовательно, атомы земли, или матеріи, сами по себѣ, неизмѣн-

---

тематическою точностію, съ какою она вымѣрила безпредѣльныя небесныя пространства, проникла за нѣсколько милліоновъ лѣтъ назадъ, непроницаемую завѣсу, которая долго скрывала отъ людей въ таинственности и всякаго рода суевѣріемъ страхѣ, исторію земли.... Узнали, что все *прошедшее* земли состояло въ томъ же, въ чемъ состоитъ и настоящее». «Конечно, земля», говоритъ Бурмейстеръ, «произвела тѣ же самыя силы, которыя мы и теперь видимъ на ней дѣйствующими каждодневно, съ тою же силою; онѣ никогда не были напряженнѣе и вообще никогда не подвергались никакимъ катастрофамъ къ развитію или порожденію, но за то огромное пространство времени, въ которое совершился обмѣнъ ихъ или измѣненіе. Капля незамѣтно долбитъ камень. Незначительныя и едва зммѣтныя силы, дѣйствуя долго, производятъ невѣроятныя и на первый взглядъ чудесныя явленія.»

(*) Гуфеландъ разсказываетъ Луціану, когда столѣтняго философа Демонакса спросили, какъ онъ желаетъ быть погребеннымъ, отвѣчалъ: «не заботьтесь объ этомъ, самый запахъ ужъ покажетъ, какъ надо схоронить мое тѣло.» «Но развѣ ты хочешь», возразили ему друзья его, «чтобы тебя съѣли собаки или разклевали птицы?... «А почему же бы и нѣтъ? сказалъ Демонаксъ: «при жизни моей я служилъ людямъ, а по смерти послужу животнымъ.» Можетъ ли быть истиннѣе взглядъ на жизнь и смерть, какъ этотъ взглядъ; да и скоро ли придетъ къ нему современное общество, которое бальзамируетъ трупы, закладываетъ ихъ въ склепы и хочетъ сохранить ихъ на тысячи лѣтъ.

ны и неразрушимы; сегодня въ одномъ, завтра въ другомъ соединеніи они образуютъ безчисленное множество различныхъ формъ, въ которыхъ матерія представляется нашему мышленію въ вѣчномъ и неудержимомъ потокѣ измѣненій. Пылинка, разъ существовавшая, не можетъ уже исчезнуть, что подмѣчено человѣкомъ въ безчисленныхъ случаяхъ. «Разложеніе и соединеніе, распаденіе и возрожденіе повсемѣстно подаютъ другъ другу руку.» (Бюхнеръ).

Изъ этого можно вывести заключеніе, что земля, какъ матерія, безконечно-видоизмѣняема;—уничтоженію подвержены только ея произведенія и формы.

Не только въ смерти, но и въ жизни безостановочно мѣняется тѣло, но въ высшемъ смыслѣ оно безсмертно, потому, что ни одна частица его не пропадаетъ (*).

Многіе понимаютъ, какъ и должно быть, подъ жизнію существованіе. Частицы всякаго живаго организма существуютъ и по его смерти, т. е. когда прекратится его существованіе, какъ животнаго. Слѣдовательно, подъ жизнію должно разумѣть всѣ разнообразныя формы, доступныя нашему наблюденію въ безчисленныхъ видахъ органической и неорганической природы. Эти безчисленныя формы общей органической и неорганической жизни, составляютъ между собою неразрывную цѣпь, такъ, что мы, перейдя всѣ ея ступени, съ трудомъ можемъ разграничить жизнь, напр. отличить патогонца отъ обезъяны, животнаго отъ полипа, полипа отъ растенія, отъ корала, а коралъ отъ камня. Анализируя жизнь въ различныхъ проявленіяхъ, мы только можемъ сказать, что въ каждой ея формѣ есть особенность, зависящая отъ самобытности и слож-

---

(*) Фихнеръ говоритъ: «Если смерть насъ не уничтожаетъ, то мы не можемъ все таки оставить прежняго нашего образа существованія за собою. Мы сдѣлаемся тою же самою землею, изъ которой взяты.» Субстанція, или атомы остаются и послѣ разложенія матеріи. Предметъ, вещество распадается въ пыль, но изъ пыли является новое. Плиній говоритъ: «Земля есть фениксъ, который сгараетъ и обращается въ пепелъ, изъ котораго является юный фениксъ,—прежній, но только помолодѣвшій.» Итальянскіе философы среднихъ вѣковъ подтверждаютъ ту же истину. Бернардъ-Телезіусъ въ 1508 году сказалъ: «Тѣлесная матерія во всѣхъ веществахъ одинакова и остается одна и та же всегда; мрачная, недѣятельная матерія не можетъ быть ни увеличена, ни уничтожена.» И наконецъ Жбордано Бруно, сожженный въ Римѣ, въ 1600 году, говоритъ: «Изъ сѣмени образуется стебель, изъ стебля колосъ, изъ колоса зерно, изъ зерна хлѣбъ, изъ хлѣба питательный сокъ, изъ сока кровь, изъ крови животное сѣмя, изъ семени зародышъ, изъ зародыша человѣкъ, изъ человѣка трупъ, изъ трупа земля, камень или другіе массы.»

ности ея условій, что вынуждаетъ изучать жизнь каждой группы отдѣльно.

Общій законъ жизни, при различіи формъ матеріи, есть ихъ постоянный обмѣнъ.

Общая жизнь нашей планеты видна въ каждомъ геологическомъ музеѣ, въ каждой каменоломнѣ. Образованіе каждаго кристала не менѣе таинственно, какъ и жизнь каждаго растенія и животнаго (*).

Земля и теперь какъ и прежде безпрерывно измѣняется, постоянно напластываются новые слои изъ смертныхъ остатковъ органическаго царства, постоянно совершаются вулканическія изверженія или наносы; постоянно возникаютъ и исчезаютъ острова, постоянно возвышаются и понижаются морскіе берега. Все это совершалось многими вѣками и теперь постоянно совершается.

Наука прослѣдила приблизительно вѣрно исторію земли и доказала, что со времени ея существованія, вездѣ дѣйствовали только тѣ элементы и силы и по тѣмъ же естественнымъ законамъ, которые мы видимъ и теперь (**).

Образованіе земли, какъ планеты, совершалось медленно, что доказываютъ геологическія наблюденія, слѣдуя неизмѣннымъ, постояннымъ законамъ дѣйствія силъ, присущихъ природѣ.

Чтобы лучше понять естественные законы приращенія, или роста земли и существованія человѣка, наисовершен-

---

(*) Льюсъ говоритъ: »Приливъ и отливъ морей не менѣе таинственны, чѣмъ біеніе человѣческаго сердца. И если терпѣливое наблюденіе и наведеніе дали намъ возможность выяснить кое-что изъ законовъ природы относительно кристализаціи и колебаній океановъ, то эти пріемы, быть можетъ, дадутъ намъ возможность понять и кое-что изъ законовъ жизни.» «Безконечное множество формъ», говоритъ Бюхнеръ, «въ которыхъ намъ представляется матерія, она заимствуетъ ихъ не извнѣ, а условливаетъ сама собою. Тамъ, гдѣ по нашимъ понятіямъ наступаетъ смерть, происходитъ только образованіе другаго предмета. Даже и въ древнемъ мірѣ были нѣсколько знакомы съ этой истиною, которая теперь кажется ясна и составляетъ основу точной философіи. Эмпедокль, греческій философъ, жившій за 450 лѣтъ до Рождества Христова, называетъ дѣтьми или людьми съ узкимъ пониманіемъ тѣхъ, которые думаютъ, что можетъ произойти что-нибудь прежде не существовавшее или что-нибудь совершенно уничтожиться.»

(**) Росмеслеръ это подтверждаетъ слѣдующими словами: «Эта вѣчная одинаковость въ существѣ явленій ясно показываетъ намъ, что огонь и вода во всѣ времена имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть однѣ и тѣ же силы, что сила притяженія, а слѣдовательно и явленія тяжести, электричества, магнетизма, вулканическая дѣятельность во внутренности земли, всегда были таковы, какъ и теперь.»

нѣйшаго существа изъ царства животныхъ, необходимо прослѣдить первобытное происхожденіе земли и образованіе царства животныхъ (*).

Весь вопросъ состоитъ въ разрѣшеніи: откуда и какъ произошло первое зарожденіе органическихъ существъ. Теперь мы видимъ, что все органическое происходитъ изъ прежде существовавшаго зародыша, произведеннаго однородными родителями или чрезъ непосредственное выростаніе изъ живаго организма, напр. яйца, изъ сѣмени или посредствомъ размноженія: дѣленіемъ, почками, отпрысками и т. д. (**).

Переходя отъ потомковъ къ предкамъ, невольно дойдемъ до необходимости предположить причину, которая первая положила начало органическому царству на землѣ и человѣку въ особенности. Но здѣсь истощаются средства естественныхъ наукъ; онѣ могутъ только прослѣдить различныя видоизмѣненія матеріи и органической жизни, но не могутъ открыть самаго происхожденія матеріи и органической жизни.

Вникнувъ глубже въ физіологію материковъ, перейдя всѣ фазы геологическихъ періодовъ земли, въ теорію Лапласа и Гершеля, въ Палеонтологію, въ различныя наружныя свойства земли и океановъ, производящихъ могущественное вліяніе на климаты и ихъ различное дѣйствіе и на органическую природу, мы можемъ нѣсколько уразумѣть естественные, непреложные и постоянные законы жизни вселенной, въ самомъ обширномъ значеніи.

Взаимное дѣйствіе небесныхъ свѣтилъ, вліяніе ихъ на землю и дѣйствіе различныхъ частей физической неорганической ея природы на органическія созданія, въ особенности на человѣка, составляетъ процессъ, который можетъ быть названъ жизнію земнаго шара.

Гумбольтъ и Риттеръ первые ознакомили насъ съ общими явленіями современной жизни земнаго шара въ ихъ связи о взаимной зависимости.

Новѣйшія изслѣдованія естествоиспытателей убѣждаютъ насъ, что неорганическая природа живетъ своею самобыт-

---

(*) Бурмейстеръ говоритъ: «Извѣстно, что существованіе животныхъ на земной поверхности находится въ зависимости отъ силы этой поверхности, отправленія этой силы опредѣляются съ математическою точностію изъ существующихъ отношеній.»

(**) Организмъ, какъ говоритъ физіологія, возникаетъ въ видѣ клѣточки; во все продолженіе своего существованія значительная часть его состоитъ изъ клѣточекъ, а остальная часть его изъ превращенныхъ клѣточекъ, или ихъ продуктовъ.

ною жизнію, какъ и органическая, что жизнь заключается въ движеніи, во взаимномъ дѣйствіи различныхъ обмѣнивающихся силъ природы.

Развѣ нѣтъ *движенія въ водѣ, въ вѣтрѣ,* развѣ неорганическая природа не имѣетъ самобытныхъ такихъ же влеченій и отвращеній какъ и органическая, видимыхъ нами въ томъ таинственномъ сродствѣ различныхъ веществъ, которое открыла химія? Неорганическая природа точно такъ же имѣетъ свой образъ дѣятельности и покоя, въ томъ могущественномъ взаимномъ притяженіи тѣлъ, которое держитъ въ стройномъ порядкѣ и управляетъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ, брошенныхъ въ безконечномъ пространствѣ. Тотъ же самый законъ міровой жизни, выполняемый притягательною силою, выражается въ движеніи магнитной стрѣлки, когда приближаютъ къ ней частицы желѣза или подъ вліяніемъ сѣвернаго сіянія. А электричество, магнетизмъ? Развѣ не приходятъ частицы веществъ, помѣщенныхъ одно подлѣ другаго, во взаимное отношеніе, подъ вліяніемъ этихъ силъ. Жизнь неорганической природы можно формулировать такъ: *взаимный обмѣнъ дѣйствій различныхъ элементовъ и ихъ отправленій,* но развѣ жизнь органическая можетъ быть формулирована иначе? Она есть тотъ же обмѣнъ, только въ другой высшей степени.

Физическая и химическая жизнь матеріи одна и та же, и повинуется однѣмъ и тѣмъ же силамъ, какъ въ органической, такъ и въ неорганической природѣ; она проявляется только въ различныхъ степеняхъ и видахъ, что зависитъ отъ формы, состава и величины вещества.

Много существовало и существуетъ гипотезъ, относительно опредѣленія жизни. Замѣчательныя изъ нихъ взгляды: Аристотеля, Канта, Травирануса, Биша, который опредѣляетъ жизнь: «*совокупностью отправленій, не допускающихъ смерти,*» равносильное опредѣленію Шталя. Кромѣ того заслуживаютъ вниманія: Дюже, Беклара, Де-Бленвиля и Герберта-Спенсера. (*) Но всѣ эти опредѣленія односторонни.

Жизнь, какъ мы сказали, есть постоянный обмѣнъ въ организмѣ внутреннихъ и внѣшнихъ элементовъ и ихъ отправленій, доходящихъ иногда до противуположности, которыя повинуются неизмѣннымъ и вѣчнымъ силамъ природы.

Жизнь каждаго организма возможна только при обмѣнѣ его внутреннихъ условій съ внѣшними въ той средѣ, въ кото-

(*) О существованіи жизненнаго начала есть три довода, Льюисъ говоритъ: «1) что жизнь противудѣйствуетъ химическому сродству, 2) что жизнь предшествуетъ организаціи и 3) что жизнь есть нераздѣльная единица». (Т. 2, стр 346—349).

рой ему опредѣлено существовать, и всѣ попытки метафизиковъ объяснить жизнь—жизненными силами и химиковъ—химическимъ сродствомъ, безъ эмпирическаго изслѣдованія физіологіи, останутся навсегда утопіями. Вліяніе среды мы можемъ видѣть безпрерывно, и знаемъ, что даже незначительное измѣненіе внѣшнихъ условій иногда прекращаетъ жизнь или дѣлаетъ невозможнымъ ея проявленіе, напр. недостатокъ воды или пищи, возвышеніе или пониженіе температуры и т. подобныя условія. На покатостяхъ хребтовъ горъ, на однѣхъ и тѣхъ же высотахъ, надъ уровнемъ моря, мы встрѣчаемъ почти вездѣ однѣ и тѣ же породы растеній и животныхъ. Перемѣните условія, и жизнь этихъ породъ исчезнетъ или замѣнится новыми, которымъ онѣ свойственны. Зерно растенія, лежавши тысячи лѣтъ, какъ-бы безъ жизни, будучи посажено въ землю, разростается въ пышное растеніе. Значитъ жизнь его была только пріостановлена на извѣстной степени дѣятельности. Съ появленіемъ почвы, свѣта, теплоты, и влаги, т. е. внѣшнихъ условій, дѣйствующихъ на внутреннія условія жизни, заключающіяся въ зернѣ, оно снова проявляетъ дѣятельность своей жизни, которая какъ-бы уничтожилась только по видимому (*).

Проявленіе жизни вещества, или матеріи суть ни что иное какъ различныя силы, которыя могутъ быть названы свойствами этой матеріи: какъ электричество, магнетизмъ, теплота, свѣтъ, тяготѣніе и т. п., а взаимное ихъ дѣйствіе, по непреложнымъ, постоянно - одинаковымъ законамъ, составляетъ явленія жизни. Эта-та общая жизнь проявляется одинаково и въ горѣніи, и въ движеніи воды, и въ растеніи, и въ животномъ, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ она направляется къ одной цѣли: *благу отдѣль-*

(*) Льюисъ говоритъ: «микроскопическія животныя, извѣстныя подъ именемъ коловратокъ, по видимому умираютъ, когда изъ мха, на которомъ онѣ живутъ, испариться вода; въ этомъ состояніи, пріостановленной жизни онѣ могутъ пробыть цѣлые года, чтобы при погруженіи въ воду снова вступить въ полную дѣятельность; ихъ можно сушить и воскершать пятнадцать разъ къ ряду; но онѣ при этихъ опытахъ не умираютъ, не разлагаются. Лягушки и жабы, въ особенности эти послѣднія, могутъ, когда ихъ подвергаютъ сильному холоду, быть совершенно заморожены, всѣ ихъ жидкости превращаются въ ледъ, ихъ ткани коченѣютъ, но эти животныя не мертвы. Пусть онѣ будутъ осторожно подвергнуты дѣйствію теплоты, и онѣ оттаятъ,—по прошествіи осьми минутъ жизнь снова закипитъ въ нихъ.»

Этотъ примѣръ достаточно ясно указываетъ все важное вліяніе внѣшнихъ условій, или физической природы на жизнь.

наго существа, для котораго она назначена. Законъ природы опредѣляетъ каждому минералу свою особую форму, которая образовывается, повинуясь внутренней, ему одному присущей силѣ,—т. е. его особенному свойству. Соединеніе различныхъ веществъ органической и неорганической природы, подчиняясь своимъ свойствамъ, или силамъ, присущимъ атомамъ ихъ матеріи, производитъ цѣлое, и даетъ ему опредѣленный видъ. Подобное соединеніе образовало различныя части земной поверхности, какъ то: материки моря, озера, острова и полуострова; каждая изъ таковыхъ частей земли, отдѣльно взятая, имѣетъ свои самобытныя свойства, ей присущія, происходящія отъ различнаго расположенія, величины, фигуры, положенія, относительно солнца, морей, сосѣдственныхъ земель, которыя даютъ особенный, имъ присущій, характеръ. Это различіе условій, возбуждаетъ, въ разнообразныхъ до безконечности видахъ, свойство, или дѣятельность силъ этихъ частей земнаго шара и, какъ отдѣльному цѣлому, каждой изъ нихъ обусловливаетъ климатъ, растительность и животную жизнь, т. е. даетъ особенный физическій характеръ;—слѣдовательно, форма матеріи, расположеніе частей, свойства вещества, какъ въ неорганической такъ и въ органической матеріи характеризуютъ жизнь, осуществляющуюся по одному и тому же цѣлосообразному закону, который установленъ для произведенія извѣстныхъ результатовъ (*).

По этому то *на форму и относительное размѣщеніе основныхъ составныхъ частей цѣлаго*, какъ въ органической, такъ и въ неорганической природѣ, должно смотрѣть какъ *на главное условіе главнѣйшихъ явленій физической жизни*. Это есть общій естественный законъ жизни органическаго и неорганическаго царствъ. Повинуясь этому закону, живетъ наша планета, живетъ государство, человѣкъ и послѣдняя, невидимая простымъ глазомъ, инфузорія. Изъ созерцанія природы видимъ, что въ ней все существуетъ не только для себя, но и составляетъ необходимую часть великаго цѣлаго, въ которомъ всему назначена особая роль. Неорганическая природа существуетъ не только для себя, но

(*) Напр. Европа своимъ умѣреннымъ климатомъ обязана положенію своему въ отношеніи къ главнымъ воздушнымъ и морскимъ теченіямъ и сосѣдству съ знойными странами Африки. Если бы мы перенесли ее на востокъ, она бы сдѣлалась холоднымъ и суровымъ материкомъ, отношенія тепла, влаги и климата, а съ нимъ вмѣстѣ растительная и животная жизнь подверглись бы самымъ рѣзкимъ перемѣнамъ, которыя имѣли бы неисчислимое вліяніе на судьбы человѣческаго общества.

служитъ базою для органическаго царства и чрезъ соединеніе этой двойной цѣли даетъ начало явленіямъ несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ тѣ, которыя назначены ей самой чисто-физическими и химическими ея законами.

Тоже самое мы можемъ сказать и о всемъ земномъ шарѣ, который не составляетъ еще конечной цѣли творенія природы, но служитъ только необходимымъ условіемъ для существованія человѣка и причиной его развитія.

Выполняя эти двѣ цѣли, земной шаръ производитъ дѣйствія, которыя болѣе возвышены, чѣмъ собственная его природа. Этотъ естественный законъ, *что высшее твореніе обусловливаетъ необходимость творенія низшаго и включаетъ его въ среду своей собственной дѣятельности*, мы находимъ во всей природѣ. Слѣдуя этому закону, мы примемъ въ наукѣ бытія, что неорганическая природа создалась для органической,—т. е. земля для человѣка, какъ тѣло для души. Чтобы лучше уразумѣть общій законъ, связывающій все въ одно цѣлое, называемое вселенной, мы будемъ смотрѣть на землю какъ на жилище и поприще дѣятельности человѣка, съ которой онъ неразрывно связанъ, а подъ словомъ—земля идеальнаго государства мы будемъ разумѣть не только землю, но и всѣ ея произведенія, до человѣка включительно, какъ одно тѣло. Въ этомъ насъ убѣждаютъ общіе міровые законы, которые связываютъ всю вселенную въ одно цѣлое,—наприм. появленіе какой нибудь кометы, въ видимую область нашей планетной системы, измѣняетъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, временно температуру и климаты странъ, имѣющихъ очень знаменательное вліяніе на всю природу земли и на человѣка. Вліяніе фазисовъ луны на природу и человѣка. напр. лунатизмъ, измѣненіе нѣкоторыхъ болѣзней при полнолуніи и т. п. Эти явленія доказываютъ связь отдаленныхъ частицъ вселенной, которыя представляютъ собой ничто иное, какъ одно цѣлое, живущее одною жизнію.

Природа, земля и человѣкъ стоятъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ и составляютъ части одного великаго цѣлаго. Съ этой точки, при изслѣдованіи земной поверхности, какъ жилища человѣчества, мы будемъ понимать и землю идеальнаго государства, взятаго нами для анализа.

Обыкновенное изображеніе очертанія материковъ земнаго шара, есть кривая линія, зависящая отъ формы самыхъ материковъ, которые, при внимательномъ взглядѣ, доказываютъ одинъ общій законъ, управляющій ихъ образованіемъ.

Лордъ Бекопъ, первый указалъ на сходство въ образованіи материковъ, которые къ югу съуживаются, а къ сѣверу разширяются; за нимъ Рейнгольдъ Ферстеръ развилъ этотъ взглядъ еще болѣе и доискивался причины сходства въ строеніи громадныхъ земныхъ массъ, какъ и Палласъ. Замѣчательную паралельность, существующую между берегами Атлантическаго океана, открылъ Гумбольтъ. Изъ послѣдователей его замѣчателенъ Стефенсъ (Steffens) и Ламаркъ; но Карлъ Риттеръ болѣе всѣхъ ученыхъ содѣйствовалъ къ открытію и сдѣлалъ выводы, для философіи Науки Бытія, относительно наружнаго вида и распредѣленія земныхъ массъ, и разрѣшеніемъ вопроса: *какія условія въ видѣ поверхности земнаго шара могутъ назваться самыми благопріятными, для развитія человѣка и человѣческихъ обществъ.* Онъ раздѣляетъ земной шаръ на два полушарія, изъ коихъ одно можно назвать материковымъ, а другое воднымъ. Первое можемъ себѣ представить тогда, когда Лондонъ возмемъ за центръ одного полушарія (*).

Такимъ образомъ, земной шаръ съ небольшими исключеніями, раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна будетъ заключать въ себѣ большую часть материка, а другая воды.

Взаимное дѣйствіе этихъ двухъ противуположныхъ стихій кладетъ основаніе жизни земнаго шара и его главнымъ свойствамъ. Риттеръ первый указалъ на разнообразіе очертанія береговъ, различныхъ материковъ и выразилъ всѣ противуположности и все вліяніе, происходящее отъ того на ихъ природу.

Въ этомъ общемъ сходствѣ материковъ и въ частной ихъ противуположности мы открываемъ одинъ и тотъ же законъ жизни, раскрывающій порядокъ, который не могъ быть установленъ безъ цѣли.

Все живущее на землѣ распространено по всей ея поверхности, которая, начиная отъ дна океана до предѣловъ вѣчныхъ снѣговъ, служитъ обиталищемъ для органическаго царства и можетъ быть разсматриваема какъ тонкая оболочка огромной массы нашей планеты.

Какъ горизонтальное, такъ и отвѣсное сѣченіе материка указываетъ огромное ихъ вліяніе на характеръ его природы, напр. повышеніе уровня какой нибудь страны на 50 са-

---

(*) Вникнувъ въ это центральное положеніе Лондона и окружающихъ Англію земель, мы убѣждаемся, что сама природа содѣйствуетъ ей ко всемірной торговлѣ и ко всемірному владычеству (См. Совр. Воен. Искуство, часть II, глава 2, страницы 39—42).

жень, (что составляетъ сущую бездѣлицу въ сравненіи со всей массой земли) достаточно, чтобы понизить среднюю температуру почти на цѣлый градусъ стоградуснаго термометра, а это, совершенно измѣняетъ характеръ страны,— какъ мы замѣтили выше (*).

Бюшъ и Бюфонъ прежде всѣхъ указали вліяніе направленія горныхъ хребтовъ и вліяніе ихъ на климатъ материковъ, что развилъ еще болѣе Гумбольтъ и Риттеръ, послѣдній представилъ намъ истинное строеніе материковъ. Труды этихъ ученыхъ даютъ возможность открыть и въ формахъ рельефа земной коры такое же общее сходство, какъ и въ горизонтальныхъ сеченіяхъ, и подмѣчать условія общаго закона, по которому групируются земныя массы. Всѣ материки, съ малыми исключеніями, идутъ постепенно, возвышаясь, отъ полюсовъ къ странамъ тропическимъ, слѣдствіемъ такого устройства материковъ умѣряется зной тропическихъ странъ и дается имъ разнообразіе климата (**).

Всѣ большіе и пологіе склоны, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, спускаются къ Атлантическому океану, всѣ малые и крутые обращены къ Тихому и его продолженію—Индейскому океану.

Вода, какъ другое начало земнаго шара, производитъ многознаменательное вліяніе, какъ и земля, на его жизнь.

Въ этомъ случаѣ оба океана являются намъ, какъ два бассейна совершенно различнаго геологическаго характера,— разсматривая ихъ въ отношеніи очертанія береговъ и въ отношеніи глубины (***).

Всѣ три океана (****) имѣютъ одну общую черту, разширяясь по направленію къ югу, противуположно материкамъ, но каждый изъ нихъ имѣетъ свою самобытную форму. Тихій океанъ отличается замкнутыми морями, Индейскій, заливами, а Атлантическій внутренними морями. Самую замѣчательную особенность океановъ составляютъ острова.

Вертикальный разрѣзъ океановъ также различенъ, какъ и поверхность твердой земли. Вблизи материковъ моря, по

(*) Барометрическія измѣренія Гумбольта, показывающія замѣчательное строеніе нагорной площади Мексики и высокихъ долинъ Андскаго хребта, утверждаютъ наше предположеніе.

(**) Представимъ себѣ этотъ порядокъ на оборотъ, что они возвышались бы къ полюсамъ, тогда самая образованная половина земнаго шара была бы холодной и необитаемой пустыней.

(***) См. труды Фонъ Буха, Стефенса и друг.

(****) Я разумѣю здѣсь и Индейскій океанъ.

большей части, мелки, и дно ихъ кажется есть продолженіе рельефа сосѣдственныхъ материковъ (*).

Лапласъ находитъ, что средняя глубина морей равна средней высотѣ материковъ, которую онъ считалъ не превосходящею тысячи метровъ, или 3,000 футовъ; но Гумбольтъ, своими изысканіями показалъ, что эта цифра очень велика.

Анатомируя, подобно трупу, нашу планету, мы сдѣлали только краткій очеркъ ея главнѣйшихъ наружныхъ формъ, которыя есть слѣдствіе ея внутренней самобытной жизни, какъ и органическаго существа. Форма нашей планеты вліяетъ на неорганическую и органическую природу, до человѣка включительно, и постоянно на нихъ дѣйствуетъ.

Колриджъ сказалъ, «*что все, что существуетъ, живетъ*» основываясь на этомъ, мы будемъ смотрѣть на весь земный шаръ, какъ на органическое существо, котораго внутренняя жизнь обнаруживается изверженіями огнедышущихъ горъ, внутреннею теплотой и т. п., а потому разсмотримъ физіологію формъ твердыхъ частей земли, чтобы видѣть самобытную физическую жизнь, проявляющуся въ климатахъ, растительности, въ мірѣ животномъ, въ особенности въ обществѣ людей, ихъ взаимное вліяніе, составляющее вмѣстѣ жизнь цѣлаго земнаго шара.

Разсматривая такимъ образомъ, можетъ быть, дойдемъ до общаго закона, который поможетъ намъ, какъ ключь, соединить всѣ частныя явленія вмѣстѣ.

Жизнь вообще будемъ понимать какъ *взаимный обмѣнъ отношеній*, который требуетъ покрайней-мѣрѣ двухъ различныхъ предметовъ, или противуположностей, вызывающій въ каждомъ изъ нихъ взаимное дѣйствіе и противудѣйствіе.

Нѣкоторые понимаютъ жизнь горѣніемъ, но горѣніе есть обмѣнъ, или взаимное дѣйствіе двухъ разнородныхъ предметовъ неорганическаго царства, напр. въ газовомъ освѣщеніи: соединеніе водорода, пропущеннаго черезъ трубку въ воздухъ, въ которомъ онъ встрѣчаетъ кислородъ, производитъ горѣніе и служитъ достаточнымъ объясненіемъ видимаго взаимнаго дѣйствія простыхъ тѣлъ, такъ точно соединеніе двухъ газовъ производитъ воду, имѣющую свои самобытныя свойства. Вода можетъ войти также во взаимныя отношенія съ другими веществами и принять участіе въ новомъ соединеніи и произвести новое вещество.—

(*) Докторъ Юнгъ (Jung) полагаетъ среднюю глубину Атлантическаго океана около 15,000, а Тихаго 20,000 футовъ.

Въ этихъ физическихъ и химическихъ процесахъ мы видимъ *различіе* и *обмѣнъ* самобытныхъ свойствъ предметовъ, т. е. взаимное ихъ дѣйствіе и наконецъ соединеніе. Наприм. помѣстивъ рядомъ двѣ пластинки: одну мѣдную а другую цинковую, взаимный обмѣнъ положительнаго и отрицательнаго электричества возстановится немедленно.—Тоже самое ежели сложимъ двѣ пластинки одного и того же метала неодинаково нагрѣтыя, между ними тотчасъ произойдетъ обмѣнъ различныхъ степеней ихъ теплоты, то же самое мы видимъ, что въ проявленіи жизни, какъ органической, такъ и неорганической природы, главную роль играетъ *обмѣнъ различныхъ свойствъ веществъ*, т. е. каждое вещество отдаетъ то, чего недостаетъ другому.

Законы проявленія жизни прекрасно изложены Агассисомъ. По его наблюденіямъ жизнь начинается съ яйца, во внутренности его составныя части раздѣляются и отъ того устанавливаются различныя отправленія. Жидкое вещество сгущается и сосредоточивается около извѣстныхъ точекъ, потомъ скопленіе это начинаетъ принимать болѣе ясный видъ и болѣе опредѣленный характеръ, такъ, что можно различать уже нѣкоторыя части, какъ то: пищепріемный каналъ, сердце, голову, глаза, далѣе, всѣ различныя отправленія, повинуясь общему закону обмѣна, устремляются къ одной цѣли: отдѣльныя части, сливаясь, соединяются въ одно цѣлое и начинаютъ служить тому существу, которому предназначено жить.

Зарожденіе органическаго существа есть ничто иное, какъ проявленіе въ однородныхъ атомахъ дѣйствій химическаго сродства, изъ которыхъ одинъ сильнѣйшій, включая въ среду своей дѣятельности слабѣйшій, подчиняетъ постепенно всѣ другіе своей цѣли. Условія дальнѣйшей жизни, или развитія животнаго есть умноженіе особенныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ отдѣльное существо приходитъ въ связь съ внѣшнимъ міромъ, получаетъ отъ него разнообразныя впечатлѣнія, наслаждается имъ, и въ свою очередь само дѣйствуетъ на него. Все это можетъ примѣнятся къ цѣлымъ породамъ существъ, къ человѣчеству и къ образованію земли, какъ планеты. Взаимное дѣйствіе органическихъ и неорганическихъ существъ, или человѣческаго общества на природу и природы на человѣка, и общество обусловливаетъ матеріальную жизнь и богатство, составлявшее до сего времени предметъ политической экономіи.

Вотъ по чему законъ жизни есть взаимный обмѣнъ какъ въ отдѣльныхъ существахъ, такъ въ обществахъ и въ цѣ-

лыхъ планетныхъ системахъ, выражающійся въ трехъ различныхъ положеніяхъ: *хаосъ*, гдѣ все смѣшано; *развитіе*, гдѣ все начинаетъ раздѣлятся, и *единство*, гдѣ все соединяется и организуется.

Различіе есть причина, которая возбуждаетъ жизнь—*развитіе* ея есть раздѣленіе, а конечная цѣль, стройное цѣлое, которое допускаетъ всѣ различія, всѣ отдѣльности, соединяя и подчиняя ихъ одной высшей цѣли.

Различія составляютъ непремѣнное условіе *развитія*, а взаимный обмѣнъ, происходящій въ слѣдствіе этихъ различій, производитъ дѣятельность, которою выражается жизнь.

Чѣмъ болѣе различій въ органахъ, тѣмъ дѣятельнѣе и выше жизнь существа. Ежели общество, или государство мы примемъ за цѣлое существо, то чѣмъ разнообразнѣе будутъ личныя свойства единицъ его составляющихъ, тѣмъ полнѣе будетъ его жизнь и совершеннѣе его развитіе. Этотъ же общій законъ мы замѣчаемъ и въ жизни всего земнаго шара, взявъ его отдѣльно, какъ единицу, или атомъ вселенной.

Гершель, Лапласъ и другіе того мнѣнія, что звѣзды, образующія нашу солнечную систему, были соединены первоначально въ одно небесное тѣло, подобно туманнымъ пятнамъ, витающимъ въ безконечномъ пространствѣ, и представляли хаосъ.

Развитіе зародыша началось силою сосредоточенія (тяготенія), которая превозмогла неограниченное распространеніе газообразной матеріи, сблизило и сгустило частицы въ сфероидальную массу.

Сближеніе дало возможность различнымъ, но однороднымъ частицамъ дѣйствовать другъ на друга, сообразно съ ихъ химическими свойствами. — Первоначальная жизнь проявилась свѣтомъ и теплотою.—Туманное облако, отдѣлившись отъ общей массы, въ видѣ сфероида, сдѣлалось видимымъ во мракѣ пространства.—Слѣдуя гипотезѣ Гершеля, этотъ газообразный сфероидъ разрѣшился въ отдѣльныя скопленія, которыя, подъ вліяніемъ тяготѣнія, образовали отдѣльныя небесныя тѣла (*).

Нѣкоторые полагаютъ, что измѣненіе въ температурѣ, а другіе, что постепенное сосредоточеніе матеріи образовало различныя вещества (газообразное, жидкое и твердое),

(*) Насколько правдоподобна эта гипотеза; мы предоставляемъ рѣшать астрономамъ, въ истинѣ которой мы сами сомнѣваемся, съ тѣхъ поръ, какъ дошли до насъ наблюденія, сдѣланныя посредствомъ телескопа Лорда Росса, заставившія измѣнить взглядъ и Гумбольта въ 3-й части его Космоса.

которыя являлись въ однообразномъ видѣ матеріи. Эти три вещества расположились, сообразно своей плотности—и земной шаръ сдѣлался твердой массой, покрытый водой и атмосферой.

Геологическія изысканія и наблюденія надъ постепеннымъ охлажденіемъ земли заставили заключить, почти безошибочно, что земля наша была раскалена до жидкости такъ, что нетолько животное, но никакое растеніе и никакая жизнь не могли появиться на ея поверхности. Съ постепеннымъ охлажденіемъ земли и осадкою окружавшихъ ея паровъ, въ видѣ воды, явилась возможность органической жизни. Въ теченіи безконечнаго, можетъ быть, числа лѣтъ, взаимное вліяніе воды, воздуха и огня образовали ряды пластовъ земли, лежащихъ одинъ на другомъ. Геологія показываетъ намъ, что пласты эти сохранили, для нашего времени, слѣды органическаго, какъ растительнаго, такъ и животнаго царствъ, и что зависимость органическихъ тѣлъ, отъ окружавшей ихъ природы, замѣчается во всѣ предшествующіе доисторическіе вѣка. Этотъ непреложный, естественный законъ сохраняется и донынѣ.

Весьма естественно, что когда наша земля покрыта была водою, на ней только могли появиться водяныя растенія. Когда приготовилась пища и среда для жизни—появились морскія животныя и рыбы.

Съ убылью воды постепенно образовывался материкъ земли и появилась на ней неизмѣримая растительность, которая должна была поглотить въ себя углекислоту, находившуюся тогда въ воздухѣ, убійственную для животныхъ, но необходимую для растеній. Съ очищеніемъ воздуха могли появиться уже земноводныя, потомъ птицы. Съ богатою первобытною растительностію и съ очищеніемъ воздуха, приготовилась пища и среда для травоядныхъ животныхъ, которыя, какъ причина, служили къ появленію плотоядныхъ.—Геологія показываетъ, что каждый слой земли носитъ признаки особаго ему только свойственнаго органическаго міра, изъ чего можемъ заключить, что, съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій существованія, прежнія формы органической жизни исчезаютъ, и жизнь измѣняетъ формы своего проявленія. — Съ постепеннымъ ростомъ и развитіемъ земли, съ которымъ связано постоянное измѣненіе облаковъ, вѣтровъ, свѣта и тепла, и животный міръ, жившій на ней, отъ простѣйшихъ формъ, переходилъ къ болѣе разнообразнымъ и совершеннымъ формамъ,—это уже опредѣленный законъ природы, утвержденный наукою. Атмосфера, море и земля, поглощая неодинаково солнечную теп-

лоту, нарушили прежнее ровновѣсіе. Вслѣдствіе этого, вѣтры и морскія теченія измѣнили свои пути. Климаты сдѣлались разнообразнѣе и дожди начали приносить пользу, орошая и оплодотворяя почву. Атмосфера—эта новая стихія вызвала новую высшую органическую жизнь. Наблюденія доказываютъ, что въ раннія геологическія времена былъ періодъ острововъ. Въ Силюрійскій періодъ мы видимъ на мѣстѣ Европы только Скандинавію, восточную часть Россіи, Богемію, Ирландію и части нѣкоторыхъ странъ отдѣльными островами, — но главный фактъ постепеннаго увеличенія суши остается несомнѣннымъ.

Увеличеніе числа острововъ и соединеніе ихъ въ архипелаги, во времена силюрійской системы, служили къ развитію и приращенію материка; но въ немъ еще мало разнообразія, что доказываетъ преобладаніе водяной стихіи и морской сырой климатъ безъ годичныхъ перемѣнъ господствуетъ надъ землей и моремъ. Органическія созданія представляютъ тотъ же характеръ однообразія и несовершенства отъ одного конца земли до другаго; *трилобиты* Силюрійскаго періода совершенно сходны. Растенія, скопившіяся въ каменноугольныхъ слояхъ, также одинаковы, какъ у полюсовъ, такъ и подъ экваторомъ. Животныя также показываютъ низшую степень животной жизни, характеризующую обыкновенный зародышъ; таковыми являются *Криноиды* (Crinoïdea, морскія лиліи), брахіоподы (brachiopoda, руконогіе) трилобиты, а между рыбами—*ганоиды*. — Таковы же точно и черепокожныя (entomostraca) каменноугольнаго періода. Въ растительномъ мірѣ: гигантскіе папортники, хвощи, пальмы и хвойныя деревья составляютъ главныя породы, — скопившіеся остатки ихъ образуютъ нынѣшніе громадные слои каменнаго угля, который природа отложила для настоящихъ и будущихъ потребностей человѣка (*).

Наблюденія доказываютъ зависимость видимыхъ животныхъ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и что остатки ископаемыхъ растеній и животныхъ суть ничто иное, какъ не развитые члены животныхъ и растеній послѣдующаго развитія; въ нихъ видны прототипы позднѣйшихъ произведеній. Естествоиспытатели вывели положеніе, что: *«чѣмъ древнѣе подобный остатокъ, тѣмъ для большаго числа формъ онъ служитъ образцомъ»*.

(*) Эти слои должны составлять теперь самый интересный предметъ современныхъ обществъ и Науки Бытія, потому-что каменный уголь дѣлается единственнымъ источникомъ паровой силы, а слѣдовательно и политической жизни не только государствъ, но всего человѣчества.

Такъ напр.: до историческія улитки (Laberintodonten), по выраженію Бурмейстера, «суть настоящія прототипы всего класса амфибій во всевозможныхъ его измѣненіяхъ, которыя совершались въ продолженіи многихъ вѣковъ.»Pleseosarus есть первая попытка природы выйдти изъ эпохи рыбъ и насѣкомыхъ. Туловище у него кита, шея птицы, голова алигатора. Plerada Aylus замѣчательное и загадочное животное, изъ эпохи образованія земной коры, есть вполовину летучая мышъ, вполовину насѣкомое, вполовину амфибія. Въ эпоху образованія третичной породы, явились Megatherium, животныя уже очень близко подходящія къ млекопитающимъ, но все еще напоминающія насѣкомыхъ.

Paleotherium является какъ первый представитель высшаго класса животныхъ млекопитающихся, это интересное животное служитъ родомъ, для чрезвычайно разнообразныхъ видовъ животныхъ, начиная съ зайца и кончая лошадью. — Вся Палеонтологія есть живой примѣръ постепеннаго образованія высшихъ органическихъ формъ изъ низшихъ.»

Геологія показываетъ намъ, что различіе земныхъ формъ и разнообразіе породъ увеличивалось все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ видъ земли приближался къ нынѣшнему ея виду.

Каждый переворотъ составлялъ новый шагъ развитія: Одно возвышеніе присоединялось къ другому, поверхность за поверхностью выходила изъ лона водъ и *увеличивала массу суши*, горныя цѣпи появлялись одна за другой и связывали отдѣльные острова. Многіе отдѣльные бассейны, подобные парижскому и лондонскому, приняли особенный видъ и произвели каждый свою фауну. Физическій характеръ каждой страны опредѣлялся постепенно и принялъ свой отличительный характеръ, климаты сдѣлались сложнѣе, что выразилось въ разнообразныхъ видахъ растеній и животныхъ. Третичные бассейны высохли, морскія воды, исчезая во внутреннихъ частяхъ материковъ, замѣнились водами атмосферическими, которыя, падая обильно на землю, изрыли долины, сдѣлали скаты менѣе обрывистыми и своими богатыми наносами уровняли и приготовили почву, которая могла уже принять своего обладателя человѣка.

Эрстедтъ говоритъ: «что въ происхожденіи своемъ тѣла болѣе совершенныя, слѣдовали за тѣлами менѣе совершенными, но наконецъ появились тѣ растенія и животныя, при которыхъ могъ явиться человѣкъ.»

Однимъ словомъ геологическія изслѣдованія положительно доказываютъ, что человѣкъ есть послѣднее твореніе, какъ завершеніе ступеней развитія на пути бытія.

Мы видимъ и въ наше время постоянный, естественный

законъ природы, которому слѣдуетъ образованіе послѣдняго верхняго пласта земли, на которомъ мы существуемъ. Гибель говоритъ: «на погорѣлыхъ мѣстахъ, на только-что взрытой землѣ, на мѣстѣ вырубленнаго лѣса, на высохшемъ морскомъ берегу и на днѣ высохшаго пруда, чрезвычайно быстро разростается пышная растительность такихъ породъ, которыхъ нѣтъ въ окрестностяхъ.

«Гдѣ появляется соленый источникъ, на немъ соляныя производства, тамъ вскорѣ являются очень характеристичныя соляныя растенія и животныя, которыхъ нѣтъ нигдѣ на нѣсколько миль въ окружности».

Замѣчательно то, что гдѣ соединяются воздухъ, теплота и влажность, тамъ развивается безконечный міръ невидимыхъ-животныхъ - инфузорій, съ чрезвычайно странными формами. Великія явленія природы мы видимъ и въ наше время, которыя способны произвести внутри отдѣльныхъ родовъ животныхъ и растеній разнообразнѣйшія органическія формы. Напр: вошь, чесоточный клещъ, брюшные черви и т. п.

Котта говоритъ: «*неразрѣшимая задача. . . .* есть *образованіе земли и произведеніе органическаго міра*» (*). «Можно было бы отвѣчать», говоритъ Бюхнеръ: «на этотъ вопросъ, что всего живущаго существовали *зародыши въ той безформенной массѣ паровъ*, изъ которыхъ мало-по-малу сгустилась земля. Этимъ зародышамъ принадлежала способность раждаться, они ждали только появленія извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или эти зародыши находились въ міровомъ пространствѣ, изъ котораго они спустились на землю, по ея образованіи и охлажденіи, а на землѣ они начали развиваться такъ-какъ они нашли здѣсь всѣ необходимыя внѣшнія условія.»

Какъ совершался и совершается актъ развитія и происхожденія органическихъ существъ на землѣ, усилія науки оказываются безсильны, но изъ вывода наблюденій думать должно, что они происходятъ и совершенствуются отъ *взаимнодѣйствія* естественныхъ силъ матеріи и отъ постепеннаго измѣненія и развитія земной поверхности. «Чѣмъ моложе была земля,» говоритъ Бюхнеръ, «тѣмъ важнѣе и значительнѣе должно было быть и вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ, и потому совершенно возможно, что тѣ же самые зародыши, при перемѣнѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, получали формы совершенно непохожія на первоначальныя.»

Природа, въ періодъ образованія земли, обладала большею силою, что видимъ по громадной величинѣ и стран-

---

(*) До тѣхъ поръ пока не открытъ законъ ея образованія.

нымъ формамъ доисторическихъ животныхъ, чего не замѣчаемъ въ наше время; это становится очевиднымъ, если примемъ во вниманіе, что природа была моложе, слѣдовательно сильнѣе и способнѣе къ произведенію органическихъ формъ.

Нынѣшній видъ земли есть ея собственное произведеніе изъ самой себя,—конечный результатъ дѣйствій естественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ. Бюхнеръ говоритъ: «природа должна была работать чрезвычайно медленно. Ни гдѣ въ этой работѣ мы не замѣчаемъ внезапнаго скачка: одна форма примыкаетъ къ другой, одинъ видъ къ другому.» Линней сказалъ однажды: «природа не дѣлаетъ скачковъ, и всякое новое открытіе въ области естествовѣдѣнія подтверждаетъ это положеніе. Растеніе незамѣтно переходитъ въ животное, — животныя формы постепенно совершенствуются до организма человѣка» и т. д.

Такимъ образомъ, съ помощію удивительнаго по простотѣ своей процесса, части, послѣдовательно являвшихся земныхъ массъ, сливались въ материки, а материки соединялись въ двѣ отдѣльныя части свѣта, которыя намъ нынѣ представляются на земномъ шарѣ: Старый и Новый свѣтъ.

Замѣчательно, что усовершенствованіе родовъ и видовъ органическаго царства идетъ рука-объ-руку съ увеличивающимся разнообразіемъ земли и морей и со всѣми физическими измѣненіями, которыя служатъ основнымъ условіемъ жизни растеній и животныхъ.

Съ созданіемъ человѣка является единство; онъ какъ-бы соединяетъ въ своей физической природѣ всѣ самыя совершенныя организаціи животныхъ и представляетъ собою вѣнецъ этого длиннаго ряда органическихъ созданій.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ образованіе нашей солнечной системы, потомъ материковъ, ихъ населяющихъ существъ и образованіе животнаго внутри яйца, мы находимъ одинъ и тотъ же общій естественный законъ развитія. Сначала однообразную жидкость, потомъ появленіе главныхъ органовъ и наконецъ окончательное соединеніе всего въ одно органическое цѣлое.

Этотъ законъ оправдываетъ то, что всѣ материки, которые богаче одарены природой и лучше организованы, являются болѣе приготовленными къ развитію человѣческихъ обществъ, потому, что представляютъ болѣе разнообразія въ своихъ формахъ, болѣе противуположностей, и болѣе характеристическихъ особенностей своей природы.

Разсматривая нашу планету, мы укажемъ въ ней *различія*, или *противоположности*, служащія началомъ ея жизни, подтверждающія этотъ выведенный нами законъ. Гюйо находитъ три противоположности (*).

1.) Противуположность между материковымъ полушаріемъ и полушаріемъ воднымъ, или между землей и водой.

2.) Противуположность между Старымъ и Новымъ свѣтомъ,—и.

3.) Противуположность между тремя сѣверными и тремя южными материками.

Предполагая, что жизнь каждаго отдѣльнаго существа, какъ единицы, клонитъ всѣ свои разнобразные атомы и противуположности къ одной цѣли и ихъ подчиняетъ ей, мы не найдемъ ничего враждебнаго во взаимнодѣйствіи этихъ противуположностей, ежели онѣ повинуются одной силѣ (**). Но для приведенія въ дѣйствительность всѣхъ органовъ тѣла необходима была для земли душа, и она явилась какъ ея свойство въ человѣкѣ и человѣческомъ обществѣ, одушевляя это громадное тѣло, связало вмѣстѣ всѣ ея отдѣльныя части и довершила образованіе организма земнаго шара, *составляющаго цѣли долгаго процесса жизни.*

Разсмотримъ предварительно противуположныя главнѣйшія элементы нашей планеты, т. е. землю и воду.

1.) Взаимный обмѣнъ свойствъ земли и воды, производящій важныя и благодѣтельныя слѣдствія, есть главнѣйшій процессъ, въ коемъ является жизнь всего земнаго шара. Если мы проведемъ черту, по указанію Риттера, черезъ западный берегъ Перу и полуостровъ Маллаку, земной шаръ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна будетъ заключать въ себѣ преимущественно материкъ, а другая воду.

Всѣ извилистыя очертанія, свойства воды и земли, формы океана, зависятъ отъ формы береговъ его. Поверхность его оживляетъ видъ твердой земли. Вода имѣетъ свойство, поглощая солнечную теплоту, нагрѣваться очень сильно, но служитъ дурнымъ проводникомъ теплоты и потому нагрѣвается и охлаждается очень медленно. Сильное

(*) См. Земля и человѣкъ, или физическая географія въ отношеніи исторіи рода человѣческаго, Арнольда Гюйо.

(**) Вотъ почему политическая экономія, или Наука Бытія, должна смотрѣть хладнокровно на существованіе зла, какъ противоположность добра, истины и порядка. Зло лежитъ въ основѣ естественнаго закона жизни всего существующаго въ природѣ и уничтожить его нельзя, но препятствовать его развитію, или бороться съ нимъ можно,—чѣмъ выполнятся будетъ только законъ жизни, т. е. борьба.

испареніе производитъ въ ней, съ одной стороны непосредственно значительное охлажденіе, умѣряющее жаръ ея поверхности, съ другой, ниспосылаетъ благодѣтельные дожди, оживляющіе всю природу рѣками и ручьями, которые оплодотворяютъ почву. Остывшія на ея поверхности частицы, дѣлаясь тяжелѣе, по закону тяготѣнія, собственною тяжестію опускаются на низъ и уступаютъ свое мѣсто болѣе теплымъ частицамъ низшаго слоя. Нагрѣваніе это происходитъ въ извѣстныхъ только предѣлахъ, не переходя до крайности. Это свойство воды производитъ то, что воздухъ, соприкасаясь съ поверхностью воды, принимаетъ отъ нея равную температуру и сильно пропитывается влагой, — что и составляетъ характеристику морскаго климата.

Чтобы опредѣлить законъ движенія воды, мы вникнемъ въ физическія ея свойства. Повинуясь скрытой силѣ тяготѣнія, мы видимъ, что прѣсныя воды материковъ постоянно стремятся въ общій водоемъ океана, откуда получили свое бытіе. Воды океана повинуются другому закону.

а.) Вѣтры, подымая волны въ океанѣ, производятъ просто механическое дѣйствіе.

б.) Движеніе солнца и луны, надъ поверхностью морей своею притягательною силою, производятъ гораздо большія движенія (приливъ и отливъ).

в.) Неодинаковое давленіе атмосферы на различныя мѣста океана производятъ разницу въ уровнѣ водъ его,—и

г.) Различіе въ температурѣ тропическихъ и полярныхъ странъ производятъ разницу въ плотности воды и нарушаютъ ея равновѣсіе.

Вотъ четыре причины, которыми можетъ быть объясненъ законъ морскихъ теченій вообще, теченій въ океанѣ, экваторіяльныхъ и полярныхъ теченій.

Бездѣйствія нѣтъ въ океанѣ, какъ и во всей неорганической и органической природѣ земнаго шара.

Благодѣтельные результаты общаго закона движенія воды, на земномъ шарѣ, необъятны по послѣдствіямъ, напр. холодныя воды южнаго полюса умѣряютъ зной Перу; теплыя воды Голфъ-стрима (постоянное морское теченіе) смягчаютъ суровость климата Норвегіи и Британскихъ острововъ. Морскія теченія, вмѣстѣ съ вѣтрами, обусловливаютъ направленіе главныхъ линій морскихъ сообщеній, облегчаютъ сношенія одной стороны съ другой и сближаютъ мѣста самыя отдаленныя (*).

(*) Мори говоритъ: что съ открытіемъ Голфъ-стрима плаваніе между Европой и Америкой сократилось почти на половину, и что уве-

Вотъ главнѣйшія свойства, присущія водѣ, которыя, какъ причины, заставляютъ ее проявлять, повинуясь общимъ законамъ и силамъ природы, безъ посторонняго вмѣшательства, какъ въ живомъ органическомъ существѣ, самобытныя движенія, выражающія ея жизнь и производящія безчисленныя, благодѣтельныя явленія для земли и всего неорганическаго и органическаго царства.

Твердая поверхность земли проявляетъ совершенно другія свойства. Она быстро поглощаетъ солнечную теплоту, черезъ что верхній слой ея почти всегда нагрѣтъ болѣе нежели нижній, и какъ, по своему свойству, слой этотъ не можетъ быть, подобно водѣ, замѣненъ нижними, то и нагрѣвается до высокой температуры.

По свойству же лучеиспусканія, которымъ сообщается теплота, съ удаленіемъ солнца въ холодные дни, земля быстрѣе утрачиваетъ, противуположно водѣ, свою теплоту, потому-то земли, удаленныя отъ вліянія океана или морей, имѣютъ климатъ, отличающійся рѣзкими крайностями тепла и холода, болѣе рѣзкими перемѣнами и болѣе сухой атмосферой.

Изъ этого мы видимъ, что свойства твердыхъ частей земли противуположны свойствамъ воды и представляютъ *различіе*, необходимое условіе закона самобытной жизни цѣлаго земнаго шара.

Предположимъ теперь, что земля и вода, какъ часто бываетъ въ природѣ, помѣщены рядомъ и получаютъ отъ солнца одинаковую степень теплоты. Взаимныя дѣйствія ихъ, происходящія отъ различнаго свойства, или ихъ самобытной жизни, должны неминуемо произвести особыя явленія, составляющія свойство всего земнаго шара, какъ планеты, которое, безъ преувеличенія, можно назвать его жизнію.

Основываясь на этомъ законѣ, мы всегда находимъ, что море днемъ и лѣтомъ бываетъ холоднѣе земли, а ночью и зимою теплѣе, а потому воды умѣряютъ всѣ противуположности въ характерѣ климата материковъ. Запустѣніе и смерть наслѣдовали бъ мѣсто жизни безъ воды, и земной шаръ, съ исчезновеніемъ всѣхъ высшихъ породъ животныхъ, пришелъ бы въ первобытное состояніе (*).

личеніе торговли на сѣверѣ Сѣверо-Американскихъ штатовъ и упадокъ ея на югѣ, можно приписать сколько постановленіямъ союза, столько же и Голфъ-стриму. См. The Physical geography of the-sea by Maury, гл. II §§ 107 и 110.

(*) Для доказательства можно сравнить, положимъ, хоть климатъ Ферейскихъ острововъ, гдѣ царствуетъ почти вѣчная весна, съ кли-

Всѣмъ, я полагаю, теперь сдѣлается понятнымъ это разнообразіе климатовъ, происходящее отъ различнаго положенія и фигуры материковъ, острововъ, океановъ, морей и озеръ, дѣйствующихъ, по одному естественному непреложному закону, своими самобытными свойствами, другъ на друга, и производящихъ разнообразныя до безконечности явленія въ климатахъ различныхъ странъ, имѣющихъ могущественное и неотразимое вліяніе на всю органическую жизнь до человѣка включительно.

Въ видѣ земли и воды мы видимъ два противуположные міра, по ихъ свойствамъ, климатамъ, ихъ органическимъ произведеніямъ, такъ—что, обрисовывая ихъ одной общей чертой, можно сказать: что материковый климатъ представляетъ собою удивительное *разнообразіе* формъ, а морской *однообразіе*.

Здѣсь является опять различіе, какъ необходимое условіе всякой жизни, происходящей отъ обмѣна ихъ противуположныхъ свойствъ или передачи того, чего другому недостаетъ (*).

матомъ Якутска гдѣ царствуетъ почти вѣчная зима, находящихся, подъ одною широтою, но въ различныхъ отношеніяхъ къ водѣ, и увидѣть разницу въ средней температурѣ ихъ зимы и лѣта, происходящей отъ присутствія и отсутствія воды.

	Зима.	Лѣто.	Разница.
Якутскъ.	38, 9.	17, 0.	56, 1.
Ферейскія острова.	3, 6.	12, 4.	8, 6.

Тотъ же самый общій естественный законъ вліянія противуположныхъ свойствъ двухъ элементовъ мы видимъ и въ житейскомъ, общественномъ мірѣ; вліяніе женскаго пола, который какъ вода смягчаетъ всѣ рѣзкости характера мужскаго пола, какъ материка. Общество, лишившись женщины, при которой возможно только его счастіе и жизнь, скоро бы уничтожилось, и міръ, не имѣя существа, назначеннаго быть однимъ изъ элементовъ его души, пришелъ бы въ прежнее положеніе.

(*) Морской климатъ, свойственный океаническимъ островамъ, производитъ обильную и однообразную растительность, съ широкими и многочисленными листьями, но бѣдную своими видами; скудность эту замѣчаемъ и въ царствѣ животномъ, по отсутствію большихъ животныхъ, что противуположно климату материковыхъ странъ, подъ тѣми же широтами.

Вліяніе влажнаго климата неминуемо отражается и на человѣка. Въ морскомъ климатѣ мы замѣчаемъ болѣе слабое состояніе клетчатой оболочки, кроткій нравъ и безпечный характеръ—что въ особенности замѣтно на жителяхъ Полинезіи; тоже видно и на жителяхъ другихъ острововъ, климатъ которыхъ отличаетъ ихъ совершенно отъ жителей материковыхъ странъ. Материковый климатъ представляетъ собою совершенно другое; онъ, хотя и не даетъ роскошной расти-

Тоже самое однообразіе, свойственное морскому климату, есть принадлежность царства существъ низшей организаціи, которую мы подмѣтили въ геологическомъ развитіи земнаго шара; оно остается, съ нѣкоторыми измѣненіями, и донынѣ.

Въ первоначальное преобладаніе океаническаго элемента, какъ періода зарожденія, мы видимъ только рыбы и земноводныя животныя. Болѣе совершенную жизнь намъ показалъ періодъ острововъ, подобіе котораго мы видимъ теперь въ океаническомъ полушаріи. Материковый періодъ, или видъ теперешняго нашего сѣвернаго полушарія, представляетъ намъ жизнь въ болѣе совершенныхъ формахъ. Разсмотримъ теперь физіологическую жизнь вообще земнаго шара. Солнце будемъ считать источникомъ жизни всей нашей планетной системы, а свѣтъ и теплоту *главными* свойствати солнца, составляющими основныя условія жизни не только на земномъ шарѣ, но и въ отдаленныхъ небесныхъ тѣлахъ, плавающихъ въ пространствѣ.

Жгучіе лучи солнца, возбуждающіе общую жизнь, разливаясь, по всей поверхности океана, согрѣваютъ верхній слой, какъ его, такъ и вообще всѣхъ водъ, и производятъ изъ него въ атмосферу отдѣленіе часто незримыхъ паровъ: чрезъ это, атмосфера насыщается влагою, которая, встрѣчая болѣе холодные слои воздуха, сгущается въ пузырьки, принимающіе видъ тумановъ и тучь, разносящихся вѣтрами по поверхности земли, которые орошаютъ знойную ея почву обильными дождями. Такимъ образомъ вода дѣйствуетъ на землю. Остальныя части атмосферической воды, не поглощенныя землею, растеніями и животными, если не успѣютъ улетѣть испареніями въ атмосферу, снова возвращаются въ океанъ рѣками.

Такимъ образомъ вода, по своимъ свойствамъ, совершаетъ вѣчный круговоротъ, обновляя и освѣжая землю. Обѣ стихіи: земля и вода, соединясь, представляютъ условія, необходимыя для проявленія органической жизни, которой они произвести не могутъ раздѣльно (*).

тельности, но за то, по разнообразію мѣстности, увеличиваетъ до безконечности число породъ и видовъ органическаго царства. Его болѣе сухой и теплый воздухъ, способствуя лучшему сгущенію соковъ, даетъ растеніямъ сильный ароматическій запахъ. Животныя этого климата сильнѣе и большей величины. Материковый человѣкъ болѣе оживленъ, дѣятеленъ, понятливѣе и обладаетъ болѣе сильной волей. Однимъ словомъ — вся жизнь материковыхъ странъ гораздо совершеннѣе, нежели морскаго климата.

(*) То же самое мы встрѣчаемъ и въ житейскомъ мірѣ общества, гдѣ соединеніе двухъ различныхъ половъ, производитъ новую жизнь, которой они раздѣльно произвести не могутъ.

Атмосфера въ родственной жизни земли и воды исполняетъ роль посредника.

Вотъ первое вліяніе взаимнаго дѣйствія противуположностей жизни, т. е. воды и земли; но чтобы лучше понять этотъ законъ, мы бросимъ бѣглый взглядъ на теорію вѣтровъ, разносящихъ влагу, какъ главныхъ двигателей жизни земнаго шара.

Смотря на очевидное непостоянство вѣтровъ, исчезаетъ всякая попытка открыть какой нибудь общій законъ ихъ движенія, но на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ; переселимся подъ экваторъ, тамъ постоянно цѣлый годъ дуетъ легкій и правильный вѣтеръ, отъ востока къ западу, называемый *пассатнымъ* (*).

Въ остъ-индскихъ моряхъ вѣтры дуютъ шесть мѣсяцевъ въ году отъ сѣвера къ востоку и шесть мѣсяцевъ отъ юго-запада, называемые *муссонами*. Принявъ во вниманіе, какъ постоянное вращеніе земли отъ запада къ востоку, такъ и неравенство температуры, нагрѣтаго воздуха надъ океанами и землей, стремящагося обновляться, становится нѣсколько понятнымъ самобытное свойство воздуха двигаться, называемое вѣтрами, въ которыхъ проявляется его жизнь.

Главнѣйшее свойство атмосферы состоитъ въ равновѣсіи, т. е. въ томъ, чтобы каждый слой ея имѣлъ одинаковую плотность на всѣхъ ея точкахъ. При малѣйшемъ нарушеніи этого условія, происходящемъ отъ неравенства ея температуры, нагрѣваемой болѣе землей и менѣе водой, плотнѣйшія ея частицы стремятся къ низу, а легкія на ихъ мѣсто; такъ-что постоянный обмѣнъ этихъ частицъ, или жизнь воздуха, обусловливается теплотою солнца, отъ этого происходитъ восходящее воздушное теченіе; въ это время боковые слои стремятся со всѣхъ сторонъ туда, гдѣ температура выше. Вотъ почему свѣжій морской вѣтеръ стремится къ берегу и образуетъ легкій береговой вѣтеръ (*).

Атмосфера, посредствомъ своего движенія, приводитъ въ сообщеніе, обмѣномъ температуръ и влажности, самыя отдаленныя страны земнаго шара и, смѣшивая всѣ различія, смягчаетъ крайности этихъ температуръ.

(*) Которымъ начало даетъ какъ вращеніе земли, такъ и неодинаковая температура у полюсовъ и экватора.

(*) Опредѣленіе вѣтровъ, раздѣленіе ихъ и свойства, здѣсь не мѣсто объяснять, мы будемъ довольствоваться тѣмъ, что хотя въ главныхъ чертахъ дали понять ихъ назначеніе, какъ главныхъ агентовъ жизни земнаго шара. Любопытные могутъ обратиться къ теоріи Галлея (Halley) и другимъ.

Здѣсь мы также видимъ, что опять то же *различіе*, производимое солнцемъ, порождаетъ условія, дающія начало жизни другому элементу.

Температура, вѣтры и дожди имѣютъ между собою неразрывную взаимную связь; каждый изъ нихъ, перемѣняя роль, бываетъ и причиной и послѣдствіемъ; наприм. рельефъ страны, горныя цѣпи, плоскія возвышенности и положеніе ихъ, въ отношеніи направленія влажныхъ вѣтровъ,— нарушаютъ общій законъ распредѣленія влаги на поверхность земнаго шара. Такъ: горные хребты, преграждая и препятствуя свободному движенію влажнаго вѣтра, служатъ холодильниками, или сгустителями влаги (*). Они отнимаютъ у вѣтровъ ихъ ношу, распредѣляютъ по окружнымъ равнинамъ, въ безчисленныхъ потокахъ, посылая ихъ странамъ какъ задатокъ жизни.

Каждая система горъ служитъ центромъ огромной системы орошенія.

Мы видимъ ясно, что если общій климатъ обусловливается широтою мѣста, то есть положеніемъ поверхности земли, въ отношеніи солнца, то частный климатъ страны, состоящій въ различномъ распредѣленіи температуры и дождя, зависитъ отъ положенія ихъ материковъ и формы рельефа ихъ поверхности.

Анализируя земной шаръ, мы усматриваемъ, что природа самыми простыми средствами разнообразитъ до безконечности богатство его жизни, и самымъ лучшимъ климатомъ можетъ назваться тотъ, который, пользуясь тропической температурой, соединяетъ въ себѣ условія морскаго и материковаго климатовъ (**).

2.) Противуположность между Старымъ и Новымъ свѣтомъ.

Старый и Новый свѣтъ отличаются какъ формой своего рельефа, такъ и климатомъ, что производитъ различіе въ

(*) Чтобы судить о вліяніи горныхъ хребтовъ на климатъ возмемъ Анды и увидимъ, что страны, лежащія подъ одной и той же широтой, и подъ однимъ тропическимъ небомъ, гдѣ атмосферическія явленія такъ правильны, будучи раздѣлены хребтомъ этихъ горъ, являютъ совершенно различный климатъ. На одной сторонѣ его развивается роскошная растительность, тогда какъ на другой господствуетъ вѣчная засуха.

(**) Нигдѣ человѣческое общество не достигало такой степени развитія, какъ въ странахъ, которыя обладаютъ подобными условіями. Европа, состоящая вся изъ полуострововъ, изрѣзанная морскими водами, представляетъ тому разительный примѣръ. Въ противуположность Европѣ возмемъ Африку и Австралію, гдѣ варварство господствуетъ во всей силѣ.

ихъ органическихъ созданіяхъ и во всемъ физическомъ характерѣ этихъ частей нашей планеты.

Различіе ихъ, какъ причина взаимнаго обмѣна и какъ необходимое условіе жизни земнаго шара, состоитъ въ слѣдующемъ:

а.) Въ числѣ и распредѣленіи составныхъ частей.

б.) Въ астрономическомъ положеніи.

в.) Въ протяженіи и общемъ направленіи.

г.) Во внутреннемъ строеніи.

Старый свѣтъ, если исключить Австралію, состоитъ изъ трехъ материковъ и по преимуществу можетъ назваться материковымъ; Новый свѣтъ состоитъ только изъ двухъ соприкасающихся материковъ, растянутыхъ посреди пространства водъ океана, что противуположно сплоченной массѣ Стараго свѣта.

Разсматривая это различіе въ астрономическомъ отношеніи, мы находимъ, что Старый Свѣтъ стѣснился къ сѣверу и принадлежитъ болѣе сѣверному полушарію и умѣренному климату.

Въ Новомъ свѣтѣ, всѣ страны расположены одинаково въ двухъ поясахъ и въ двухъ полушаріяхъ, а потому можетъ скорѣе назваться тропическимъ.

Относительно протяженія ихъ частей, можно замѣтить то различіе, что въ Старомъ Свѣтѣ онѣ простираются отъ востока къ западу, по направленію градусовъ экватора, а въ Новомъ отъ сѣвера къ югу, по направленію меридіана. Это различіе въ протяженіи даетъ Старому Свѣту то свойство, что на пространствѣ нѣсколькихъ тысячь миль онъ представляетъ почти одинаковую растительность и животный міръ; Новый Свѣтъ на оборотъ. Старый Свѣтъ, по этой особенности могъ способствовать распространенію первобытныхъ племенъ, которыя не могли встрѣчать въ своемъ кочевьѣ, при перемѣщеніи рѣзкихъ перемѣнъ въ климатѣ и имѣть совершенно другое вліяніе на политическую и общественную жизнь народа.

Однообразіе климата Стараго Свѣта сглаживаютъ рѣзкіе переходы отъ одного климата въ другой; между тѣмъ какъ разнобразіе климата Новаго Свѣта умѣряется постепенностію этого перехода. Въ Старомъ Свѣтѣ разнообразіе его частей такъ велико, что каждый материкъ кажется какъ-бы вылитымъ по особой формѣ; въ Новомъ Свѣтѣ оба материка америки, отличаясь простотою своего строенія, кажутся созданными по одному плану.

Различія эти въ организаціи материковъ, производятъ разнообразныя до безконечности противуположности, видимыя

нами во внутреннемъ строеніи этихъ материковъ. Противуположности эти вызываютъ не одинаковую дѣятельность человѣка, которая даетъ характеръ его жизни.

Климаты Стараго и Новаго Свѣта различаются качествомъ людей, которые зависятъ отъ общей наружной формы этихъ частей земнаго шара.

Собраніе огромныхъ озеръ Канады составляетъ особенность Сѣверной Америки. Эти моря прѣсной воды, соединенныя рѣкой Св. Лаврентія, занимаютъ 80,000 квадр. миль пространства и содержатъ въ себѣ почти половину всей массы прѣсной воды нашей планеты.

Въ Америкѣ мы видимъ необыкновенную раскошную растительность, которую производитъ влага и теплота, являющіяся отъ положенія и строенія самой Америки, значитъ, внутренняя ея жизнь зависитъ отъ ея самобытныхъ свойствъ (*).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Старомъ Свѣтѣ животный міръ беретъ такой же перевѣсъ надъ міромъ растительнымъ, какой въ Новомъ Свѣтѣ растительный міръ надъ животнымъ.

Животная жизнь въ Америкѣ на оборотъ какъ-будто подавлена и ослаблена, въ сравненіи съ Старымъ Свѣтомъ, потому что для полнаго ея развитія необходимъ сухой жаръ материковаго климата, но за то міръ насѣкомыхъ и животныхъ, которыя, по своей природѣ, болѣе связаны съ водянымъ, или растительнымъ климатомъ, удивляетъ своимъ богатствомъ.

Разнообразіе внутренняго строенія Стараго Свѣта противуположено простотѣ Новаго Свѣта. Въ этой-то простотѣ его мы находимъ причину однообразія органическихъ созданій Новаго Свѣта, до человѣка включительно (**).

(*) Подъ той же самой широтой, гдѣ въ Африкѣ видны только безплодныя степи сыпучаго песку, въ Америкѣ на пространствѣ 1500 миль тянутся непроходимые роскошные лѣса Амазонской рѣки.

(**) Всѣ племена Индейской породы Америки, начиная отъ береговъ Меккензи до крайнихъ предѣловъ Патагоніи, имѣютъ одинъ и тотъ же мѣдный цвѣтъ кожи и родственное сходство въ чертахъ.

Высшіе животные Новаго Свѣта не только гораздо мелче, но не имѣютъ ни силы, ни свирѣпости, ни понятливости животныхъ той же породы Стараго Свѣта, что происходитъ отъ невольной его подчиненности растительному міру, который подавляетъ все. Вліяніе физической природы отразилось и на человѣка (аборигена). Онъ отличается флегматическимъ своимъ характеромъ. Индѣецъ Америки слабосиленъ, задумчивъ, холоденъ и равнодушенъ; онъ проявляетъ

Новый Свѣтъ, въ сравненіи съ Старымъ Свѣтомъ, составляетъ какъ-бы влажную, пассивную половину земнаго шара, которая ожидаетъ своего пробужденія отъ животворнаго внѣшняго вліянія (*).

Старый свѣтъ, по числу материковъ, по разнообразію своего строенія, по своему материковому климату, по преобладанію животной жизни надъ растительною, по числу и превосходству человѣческой породы, очевидно долженъ стоять выше Новаго Свѣта, уступающаго ему во всемъ, исключая растительности.

Такія противуположности, выполняя непреложный, общій законъ *обмѣна*, или передачи того, чего недостаетъ другому, при взаимномъ естественномъ стремленіи сближаться, для образованія общей жизни цѣлаго земнаго шара, должны развить все жизненное свое богатство, зародыши котораго сокрыты въ каждый изъ этихъ противуположностей *и дойти до той степени совершенства, которую предположила природа всей нашей планетѣ.*

Человѣкъ явился не случайно въ великомъ этомъ планѣ

только свои чувства въ ревности или мести,—другихъ страстей онъ не знаетъ. Общественный бытъ Индейскихъ племенъ въ такой же степени носитъ на себѣ слѣды могущественнаго вліянія окружающаго его физическаго міра. Индѣецъ рѣдко подымается выше состоянія охотника. Богатство почвы никогда не имѣло для него никакой цѣны.

Вмѣсто одной породы, съ мѣднымъ цвѣтомъ кожи, распространенной по обоимъ материкамъ Америки, отъ Лабрадора до мыса Горна—въ Старомъ Свѣтѣ мы видимъ четыре, чуть ли не шесть породъ, которыя свидѣтельствуютъ о разнообразіи физическихъ условій, имѣвшихъ могущественное вліяніе на ихъ образованіе.

Бѣлая порода, которая преимущественно населяетъ Европу, одарена лучшими умственными способностями и составляетъ совершенство во всемъ человѣчествѣ; за нею стоитъ Монгольская и Малайская породы. Если сравнимъ даже кочующія племена восточной Азіи и людей тропическихъ странъ Стараго Свѣта, въ которыхъ встрѣчаемъ бодрость, энергію, веселость, всѣ душевныя ихъ наклонности и силу ихъ мускуловъ съ малосильными и апатичными туземцами Новаго Свѣта, то увидимъ все превосходство всѣхъ вообще породъ Стараго Свѣта передъ Америкой. Числительность народонаселенія Стараго Свѣта говоритъ за себя еще болѣе.

(*) Обмѣнъ противуположностей, есть необходимое условіе, которымъ поддерживается жизнь цѣлаго. Противуположности одинаковы во всей природѣ: ихъ мы тѣ-же самыя встрѣчаемъ въ полахъ растеній, животныхъ и человѣка. Общій выводъ изъ сравненія Стараго и Новаго Свѣта можно сдѣлать такой, что крѣпкая природа Стараго Свѣта какъ бы соотвѣтствуетъ мужескому полу, а нѣжная, влажная природа Америки—женскому полу.

общей жизни земли; онъ является необходимымъ орудіемъ обмѣна, или соединенія различныхъ свойствъ природы и долженъ установить между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ постоянный и вѣчный союзъ.

Въ Новомъ Свѣтѣ мы находимъ роскошную растительность и почву, способную пропитать милліоны, до которой не коснулась рука слабосильнаго и апатичнаго индѣйца; ожидающая мощныхъ обитателей Стараго Свѣта, обремененнаго чрезмѣрнымъ народонаселеніемъ, истощившимъ его почву, ожидаетъ людей полныхъ жизни и ума, побуждаемыхъ жаждою дѣятельности.

Такія поразительныя противуположности долго существовать не могли, при предпріимчивости жителей Стараго Свѣта, для которыхъ, какъ кажется по общему плану, создана Америка. Всѣ полезныя произведенія Стараго Свѣта на первыхъ порахъ сношенія, Европѣецъ началъ переносить на почву Новаго Свѣта: хлѣбъ, кофе, сахарный тростникъ, хлопчатую бумагу, пряности, лошадь, быка, свинью, и т. п. Всѣ они составили богатство Новаго Свѣта, который взамѣнъ далъ: кортофель, какао, ваниль, хину и много другихъ произведеній, вслѣдствіе чего всѣ вопросы, связанные со всемірной торговлей, начали оказывать на развитіе народовъ обоихъ половинъ земнаго шара свое благодѣтельное вліяніе. Истощенная Европа казалось не могла бы существовать, если бы не отдала избытка своего народонаселенія Америкѣ, которая, въ свою очередь, не могла бы выполнить своего назначенія, безъ человѣка Стараго Свѣта.

Старый Свѣтъ можно считать мѣстомъ зародыша, а Новый плодотворной для него почвой.

Въ этихъ взаимныхъ сношеніяхъ не видимъ ли мы жизнь, или лучше сказать борьбу двухъ исполиновъ-материковъ, которые чѣмъ болѣе входятъ въ нее, тѣмъ болѣе запутываются и связываютъ себя цѣпями взаимной необходимости. Мы видимъ, что потребность ихъ борьбы служитъ только къ возбужденію еще большей энергіи къ дѣятельности, въ которой выражается прогрессивно жизнь цѣлаго земнаго шара.

Современныя сношенія еще болѣе утверждаютъ насъ въ этой мысли. Можно сказать, что паръ, соединивъ и связавъ Старый и Новый Свѣтъ въ самыя близкія непрерывныя узы, даетъ возможность ожидать великихъ результатовъ въ будущемъ для всего человѣчества.

4. Четвертую противуположность мы находимъ между тремя сѣверными и тремя южными материками: Европой, Сѣверной Америкой и Азіей съ Африкой, Южной Америкой и Австраліей.

Всѣ три сѣверные материка представляютъ характеръ отличный до противуположности, отъ южныхъ, что имѣетъ могущественное вліяніе на развитіе человѣческихъ обществъ.

Всѣ сѣверные материки болѣе растянуты, южные болѣе сжаты; первые три содержатъ 22,500,000 кв. миль, послѣдніе 16,300,000. Кромѣ того въ сѣверныхъ мы встрѣчаемъ какъ-бы разъединеніе; большее число острововъ дѣлаетъ то, что даетъ различнымъ ихъ органамъ самобытную жизнь и служитъ источникомъ богатства, дѣлаетъ доступнымъ къ приморской и торговой жизни и, представляя болѣе средствъ и побужденій къ развитію, дѣлаетъ ихъ богаче организованными, нежели южные, которые состоятъ какъ-бы изъ сплошныхъ массъ.

Растительная природа имѣетъ въ сѣверныхъ материкахъ почти одинъ и тотъ же характеръ, но сходство это не составляетъ тождества, потому что растенія, при одинаковыхъ родахъ, различаются только своими видами. Ту же сосну, вязъ, дубъ и кленъ встрѣчаемъ на Кавказѣ и Гималаѣ.

Животный міръ представляетъ то же сходство. Наприм. жесткокрылыя насѣкомыя Стараго и Новаго Свѣта имѣютъ одни и тѣ же виды, различаясь чертами своего строенія, которое можетъ замѣтить только опытный натуралистъ. Между позвоночными животными, рыбами и птицами Стараго и Новаго Свѣта, существуютъ тѣ же отношенія.

Главною причиною таковаго сходства служитъ одинаковость климатовъ странъ по долготѣ градусовъ.

Южные материки, отдѣленные гораздо болѣе другъ отъ друга, не имѣли того удобства въ сообщеніи и потому не имѣютъ ничего общаго, ни въ растительности, ни въ животныхъ. Изъ 437 родовъ австралійской флоры только 80 встрѣчается въ Африкѣ.

Астрономическое положеніе двухъ материковыхъ группъ, вслѣдствіе общаго расположенія земель, совершенно различно, потому, что три сѣверные материка почти всей своей массой находятся въ умѣренномъ поясѣ.

Главная же масса южныхъ материковъ, напротивъ, находится подъ жгучими лучами экваторіальнаго солнца. Сѣверные материки можно назвать умѣренными, южные—тропическими.

Цѣль существованія этихъ материковъ, какъ видно, состоитъ не только въ развитіи физической жизни природы но, понимая ея высшее назначеніе, они должны служить средствомъ развитія человѣческихъ обществъ.

Развитіе природы въ этихъ материкахъ идетъ постепенно

отъ полярныхъ странъ до умѣренныхъ поясовъ и отъ умѣренныхъ поясовъ, до мѣстъ наибольшаго жара. Животный міръ постепенно пріобрѣтаетъ большую силу и совершеннѣйшее развитіе; породы его улучшаются, и формы приближаются къ подобію человѣческой организаціи. Этотъ восходящій рядъ достигаетъ такимъ образомъ до своей высшей точки развитія въ человѣкѣ, который представляетъ собою вѣнецъ животнаго міра.

Вотъ общая связь человѣка, общества и человѣчества съ землею и цѣлой вселенной, которыхъ жизнь повинуется однимъ и тѣмъ же естественнымъ, непреложнымъ законамъ, основываясь на чемъ, Наука Бытія, или Политическая экономія должна только, изъ ряда фактовъ, подмѣчать эти законы правильной, нормальной жизни и заносить ихъ въ свои скрижали, а не создавать общество по своей фантазіи (*).

Земля Идеальнаго Государства есть часть земнаго шара, а потому мы и въ ней будемъ подразумѣвать такую же творческую силу, какъ и въ цѣломъ земномъ шарѣ, сообразную съ нынѣшнимъ временемъ, т. е. возможную производительность, необходимую для удовлетворенія побужденій человѣка, его нуждъ, служащихъ къ комфорту, благоденствію и его счастію.

Изъ этаго общаго закона конечной, индивидуальной жизни всѣхъ органическихъ существъ идеальнаго государства и безконечности общаго существованія породъ съ землею, отъ которой они получили жизнь, мы ничего болѣе опредѣлить не можемъ,—да и можетъ ли смертный, конечный человѣкъ постигнуть великую тайну безконечной, въ перерожденіяхъ своихъ, матеріи, лежащей въ его основаніи и продолжающейся за предѣлы его почти моментальной жизни? (въ отношеніи существованія цѣлаго міра).

Можно ли понять, повторяю, этотъ законъ природы человѣку, когда онъ представляетъ собою ничтожную пылинку, или лучше сказать, личинку, въ которой сохраняется его духъ.

Можетъ ли онъ этою ничтожною частичкою своего духа обнять Вселенную, понять этотъ законъ, который открывается намъ только догадкою, чрезъ умозрѣніе философіи естественныхъ наукъ, по фактамъ.

Разсматривая землю идеальнаго государства въ геологическомъ отношеніи, мы видимъ, что она, большею частію, состоитъ изъ смертныхъ остатковъ органическаго царства

(*) Остается только желать, чтобы физическая географія выполняла въ будущемъ подобную цѣль Науки Бытія, или Политической экономіи.

и природою положена въ основаніе жизни всего человѣчества.

На ней каждый человѣкъ долженъ начать и кончить свою конечную жизнь, оставивъ по себѣ слѣды своего существованія, т. е. свой скелетъ, или произведенія своего труда физическаго или умственнаго. Эклезіастъ говоритъ: «пройдутъ поколѣнія, наступятъ другія—земля же останется вѣчно.»

Вотъ почему земля и должна считаться собственностію государства, а владѣтели ея временными арендаторами, потому-что ихъ существованіе, въ отношеніи къ жизни общества, или государства, какъ части человѣчества, есть мгновеніе.

Все это доказываетъ неразрывную связь человѣка съ природой, и зависимость его отъ нея, такъ, что онъ волею, неволею, долженъ покоряться и повиноваться неизмѣннымъ законамъ природы (*).

(*) Въ книгѣ Бокля: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», мы находимъ очевидное подтвержденіе нашей мысли. Онъ говоритъ, что: «въ своей скалистой песчаной родинѣ, Арабы остались грубымъ, необразованнымъ народомъ, не лучше сосѣднихъ звѣрей,,..... «Когда почти 230 лѣтъ тому назадъ, въ новой Англіи поселились колонисты, они были во всѣхъ отношеніяхъ истыми Англичанами. Въ короткое время они замѣтно измѣнились; изъ нихъ выработался особый Американскій типъ, главнымъ образомъ, какъ кажется, подъ вліяніемъ климата. Американецъ отличается своею худощавостью, длинною шеею, безпокойнымъ, почти лихорадочно-напряженнымъ характеромъ. Слабое развитіе железистой системы, сообщающей американцамъ нѣжный и прозрачный складъ фигуры, длинные, упругіе, сухіе волосы, зависятъ, безъ сомнѣнія, отъ большой сухости воздуха. Замѣчено, что въ то время, когда дуетъ сѣверо-западный вѣтеръ, натура американца возбуждается въ самой сильной степени. Такимъ образомъ быстрота и громадность развитія государственной жизни у Американской націи, которой такъ удивляемся мы, составляютъ частію слѣдствіе климатическихъ условій страны. Въ Европѣ точно также развитіе цивилизаціи опредѣлялось первоначально климатическими условіями, Европейскій климатъ и почва весьма быстро вызвали богатство, этотъ непосредственный источникъ могущества». Г. Бокль доказываетъ весьма убѣдительно, научными доводами, на основаніи данныхъ естествознанія, вліяніе пищи (а пища есть произведеніе земли) на образованіе характера народа и почему до сихъ поръ нигдѣ, кромѣ Европы, невозможно было правильное развитіе культуры, какъ бѣдность природы, напр. въ Африкѣ (за исключеніемъ Египта), такъ и ея чрезмѣрная производительность одинаково препятствуютъ развитію культуры; въ послѣднемъ случаѣ потому, что силы человѣка подавляются силами природы. Для примѣра въ этомъ отношеніи можно указать на Бразилію, территорія которой, въ двѣнадцать разъ болѣе французской, но имѣетъ только 6 милліоновъ жителей. Такое же от-

Земля заключаетъ въ себѣ всѣ матеріалы существованія и богатства человѣка; безъ нея онъ не могъ бы существовать. Слѣдовательно, краеугольнымъ камнемъ, должно принять землю, какъ почву, на которой прозябаетъ растеніе, существуетъ животное и отъ которой зависитъ жизнь человѣка, народа, государства и всего человѣчества (*).

Для свободнаго обмѣна мысли, труда, услугъ, произведеній природы и богатства, къ удовлетворенію личнаго интереса каждаго человѣка и для передачи общихъ распоряженій власти, земля идеальнаго государства раздѣлена на пропорціональныя большія и меньшія части и перерѣзана во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ телеграфами, удобными водяными и сухопутными сообщеніями, которыя въ общемъ видѣ представляютъ правильную систему, соотвѣтствующую не только настоящей внутренней и внѣшней жизни атомовъ цѣлаго организма государства, т. е. свободнаго движенія къ полному удовлетворенію частнаго и общаго интересовъ,

---

ношеніе, между силами человѣка и силами природы существуетъ въ большей части Азіи; въ центральной Америкѣ, въ Мексикѣ и Перу и опредѣлилось подобными же условіями, какъ въ Индіи и Египтѣ, что доказывается учрежденіемъ въ ней кастъ и страстью къ сооруженію громадныхъ памятниковъ. Ходъ цивилизаціи тогда только можетъ совершится прогрессивно, когда, при всѣхъ другихъ условіяхъ, явленія природы не такъ могущественны, чтобы развить чрезмѣрно фантазію человѣка. Въ странахъ землетрясеній, дикихъ звѣрей, урагановъ и страшныхъ бурь, гдѣ жизнь невѣрна и человѣкъ не можетъ ручаться за ея лишнюю минуту, мы встрѣчаемъ наибольшее развитіе суевѣрія и страха чрезмѣрной фантазіи на счетъ разсудка. Въ такихъ странахъ сама природа подавляетъ разумъ. Стоитъ вспомнить чудовищную фантазію въ древне-индейской исторіи поэзіи, деспотичный и необузданный характеръ правителей всей восточной исторіи, изъ которой мы знаемъ, что наибольшей популярностью на востокѣ пользовались тѣ боги и короли, которые отличались наиболѣе деспотическимъ и страшнымъ характеромъ.

Въ Европѣ мы находимъ совершенно противуположныя условія, при которыхъ было возможно развитіе греческаго міра, съ его нравами, религіей и общественными тенденціями.

И такъ, мы видимъ, во всей природѣ, въ мірѣ вещественномъ, что всякое явленіе во всемъ имѣетъ свою причину, т. е. естественное слѣдствіе извѣстныхъ причинъ.

(*) «Земля», говоритъ Бурмейстеръ: «находится въ извѣстныхъ неизмѣняющихся отношеніяхъ къ окружающему міру.» Гибель говоритъ: «законы животной жизни остаются неизмѣнны, одни и тѣ же съ самаго начала этой жизни, природа не пробуетъ подобно народамъ и правительствамъ, какія учрежденія лучше. Человѣкъ гибокъ и уклончивъ, а законы природы *неизмѣнны и вѣчны*; отъ нихъ то жизнь и зависитъ въ своемъ развитіи....

но и въ будущемъ, принимая во вниманіе развитіе всего государства.

Если примемъ идеальное государство органическимъ существомъ, то дороги, рѣки и телеграфы суть нервы и жилы цѣлаго его организма, по которымъ разливаются воля, мысль, всѣ жизненные соки и совершается процессъ кровообращенія, или вся его жизнь, т. е. передаются всѣ общія распоряженія, произведенія природы, труда, взаимныя услуги, служащія къ развитію народной жизни, составляющія личный интересъ народа, а слѣдовательно и государства и народное богатство, которое можетъ быть (разсматривая съ точки физіологической) уподоблено крови и питательнымъ сокамъ организма государства, составляющимъ сущность жизни каждаго живаго существа (*).

Свободное и безпрепятственное кровообращеніе доказываетъ нормальное здоровье каждаго организма, такъ точно удобные, ничѣмъ не стѣсняемые пути сообщенія, завѣряютъ въ цвѣтущемъ состояніи государственнаго организма.

Неудобныя сообщенія съ препятствіями обнаруживаютъ его внутреннюю болѣзнь и страданія, доходящія иногда не только до истощенія, но даже до разрушенія государственнаго организма (**).

(*) Мы видимъ, что тому же электрическому току, служащему посредникомъ между внѣшнимъ міромъ и внутреннею жизнію организма каждаго живаго существа, суждено воплотиться и въ телеграфической проволокѣ, которая даетъ власти, или правительству, какъ душѣ и главѣ государства, средство быть въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ отдаленными подчиненными ей частями ея организма и передавать имъ свою волю.

(**) Вотъ почему и должно обращать особенное вниманіе на удобство и устройство всѣхъ сообщеній въ государствѣ. Въ нѣкоторыхъ странахъ, на сухопутныхъ, а въ особенности на водяныхъ путяхъ сообщеній, сидятъ безнравственные чиновники, которыхъ, по алчности къ лихоимству, можно сравнить съ пауками, на раскинутой паутинѣ, ожидающихъ своихъ жертвъ (торговаго груза), которые представляютъ собою страшное препятствіе къ свободной торговлѣ и причину къ возвышенію цѣнъ на доставляемые продукты, а слѣдовательно прямо препятствующихъ свободному удовлетворенію личнаго и государственнаго интересовъ, чрезъ-что наносятъ значительный ущербъ народному богатству и вредятъ жизни государства. Исправить это зло въ государствѣ иначе нѣтъ возможности, какъ нужно исправить прежде нравственность всего народа, начавъ открытую борьбу со зломъ, т. е. покровительствуя истинѣ.

ГЛАВА IV.

Народъ и его назначеніе.

«Законы природы есть строгое выраженіе необходимости.»
(Малешотъ.)

Разсмотрѣвъ землю, какъ остовъ идеальнаго государства, мы видимъ, что для опредѣленія законовъ природы, по коимъ она существуетъ, необходимо анализировать предварительно органическую жизнь всего человѣчества, т. е. народъ и человѣка въ особенности, раздѣльно отъ земли, не смотря на неразрывную ихъ связь.

Главнѣйшее условіе, какъ мы доказали выше, болѣе дѣятельнаго развитія жизни, составляетъ: *различіе или противуположности, ихъ взаимныя дѣйствія, которыя, возбуждая жизнь, заставляютъ ее проявляться въ бесчисленныхъ видахъ.* Такимъ образомъ этотъ законъ жизни, въ организаціи животнаго, достигается большимъ числомъ отдѣльныхъ органовъ, а въ организаціи материковъ разнообразіемъ формъ земли, съ рѣзкими характеристическими чертами отдѣльныхъ странъ, природа которыхъ имѣетъ, на живущихъ въ этихъ странахъ, свой отличительный характеръ.

Изъ физіологическихъ изслѣдованій существа земли мы усматриваемъ, что поверхность ея не одинаково можетъ производить органическую жизнь и что развитіе человѣческихъ обществъ—зависитъ также отъ условій устройства материковъ, ихъ положенія, климата и почвы, болѣе или менѣе благопріятствующихъ ихъ жизни.

Изъ истормческаго изслѣдованія политической жизни общества мы также видимъ, что главныя событія ихъ существованія были связаны съ различіемъ общаго вида природы, почвы, климата, пищи и тѣми противуположностями, которыя представляетъ природа обитаемыхъ ими материковъ (*).

(*) Бокль. Истор. цивилизац. въ Англіи.

Вотъ почему три сѣверные материка, съ умѣренными климатами, сдѣлались мѣстомъ историческаго развитія человѣческихъ обществъ и ихъ образованія, въ противуположность южнымъ, въ которыхъ всегда существовали дикія, невѣжественныя племена.

Изъ могущественнаго вліянія окружающей природы на человѣка и изъ историческаго изслѣдованія человѣческихъ обществъ мы также усматриваемъ, что развитіе физической и умственной ихъ дѣятельности и всѣ главныя событія ихъ жизни не только связаны, но совершенно зависятъ отъ различнаго свойства и противуположностей почвы и климата материковъ, занимаемыхъ ими странъ, и что каждый народъ создаетъ, на собственной своей почвѣ, все, что необходимо для существованія его. Такъ напримѣръ: разсматривая Европу и Азію, какъ одинъ материкъ, мы видимъ, что самая замѣчательная черта строенія этаго материка есть хребетъ, простирающійся отъ Востока къ Западу болѣе чѣмъ на 5,000 миль, раздѣляющій его на двѣ различныя части, отличающіяся своимъ особымъ строеніемъ и климатомъ. Этотъ высокій хребетъ останавливаетъ въ одно время и холодные вѣтры полюсовъ и теплые вѣтры Юга.

Такая противуположность въ природѣ странъ, лежащихъ по обѣ стороны этаго хребта, не можетъ не имѣть огромнаго вліянія на обитателей этихъ странъ. На Сѣверѣ, на пустынныхъ и плоскихъ возвышенностяхъ мы встрѣчаемъ кочующіе и мало развитые народы. На Югѣ, на плодородныхъ равнинахъ, располагающихъ болѣе къ земледѣлію, мы встрѣчаемъ народы, способные къ осѣдлой жизни и къ образованію, такъ, что въ самой срединѣ историческихъ материковъ мы видимъ образованный міръ рядомъ съ варварскимъ.

Въ самой глубокой древности мы встрѣчаемъ уже борьбу этихъ различныхъ, по своимъ свойствамъ, народовъ, зависящихъ отъ своей природы, какъ двухъ противуположностей.

Восточная Азія имѣетъ свою особенную породу людей—монгольское племя; оно отличается преимущественно меланхолическимъ темпераментомъ, умѣреннымъ разсудкомъ, способнымъ вникать болѣе въ мелочи и подробности, нежели возвышаться до общихъ взглядовъ. Монголъ вообще смѣтливъ, изобрѣтателенъ и предусмотрителенъ во всемъ, что касается пользы и удобствъ его жизни.

Въ такомъ народѣ всѣ отношенія и связь между отдѣльными лицами одного и того же народа обусловливаются болѣе родствомъ и самой природой, но не промышленными предпріятіями. Китай можетъ служить истиннымъ предста-

вителемъ Восточной Азіи, онъ доказываетъ до какой степени патріархальный бытъ первобытныхъ обществъ совмѣстенъ съ высшимъ развитіемъ.

Въ Индіи мы видимъ совсѣмъ другое образованіе, зависящее также отъ особенностей окружающей природы. Индіецъ одаренъ большими способностями и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Для него существуетъ повидимому только одинъ духовный міръ, неизвѣстный китайцу. Эти племена, отдѣленныя другъ отъ друга значительными естественными препятствіями, не могли войдти въ обмѣнъ своихъ противуположныхъ свойствъ и потому не могли связаться одной общей цивилизаціей.

Европа имѣетъ совершенно свой самобытный характеръ, опять таки зависящій отъ особенностей ея природы, составляя какъ бы крайній полуостровъ сѣверовосточнаго материка. Въ ней уже нѣтъ тѣхъ громадныхъ формъ, которыя видимъ въ Восточной Азіи и нѣтъ тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыхъ бы не могъ преодолѣть человѣкъ. Прибавимъ къ этому умѣренный климатъ, требующій отъ человѣка труда и усилій и мы увидимъ, что нигдѣ природа не способствуетъ такъ развивать человѣку свои физическія и умственныя силы, для достиженія своего высшаго назначенія.

Но древнѣйшія образованныя общества все таки появились не въ Европѣ, она была слишкомъ удалена отъ колыбели человѣческаго рода. Сѣверная Америка выражаетъ опять другое и ея отличительныя черты — простота, океаническое положеніе и свѣжесть природы; она не представляетъ важныхъ препятствій для сообщеній. Она какъ будто предназначена не для развитія самобытной цивилизаціи, но получить ее извнѣ, именно отъ Стараго Свѣта. Въ Сѣверной Америкѣ какъ будто предназначено сойтиться всѣмъ европейскимъ народамъ, съ ихъ особыми обычаями, вѣрами, цивилизаціей и соединить свои усилія и способности, чтобы развить животворное начало новѣйшихъ временъ.— начало общественной свободы, перваго условія для достиженія совершенства соціальной жизни.

Мы видимъ, изъ сочиненія Бокля (*), что всѣ древнія цивилизаціи носятъ на себѣ слѣды подчиненія человѣческой свободы игу физической природы. Всѣ религіи, какъ бы онѣ не казались различны, состояли въ обожаніи видимой природы. Непреложные и неумолимые ея законы, управляющіе міромъ, внушавшіе къ себѣ страхъ и понятіе о всемогуществѣ, дали

(*) Исторія цивилизаціи въ Англіи.

идею этимъ народамъ боготворить видимые предметы природы, внушавшіе или удивленіе или ужасъ.

Такое же различіе выражаютъ между собою три южные материка и вмѣстѣ представляютъ противуположность тремъ Сѣвернымъ. И такъ, мы видимъ, что назначеніе племенъ и народовъ человѣчества, различныхъ по своей физической и духовной природѣ, образу жизни, характеру, темпераменту и т. п., зависящихъ совершенно отъ окружающей ихъ природы, есть обмѣнъ свойственныхъ имъ различій, или противуположностей, однимъ словомъ, каждый народъ, живущій самобытною жизнію, долженъ удѣлять другимъ народамъ тѣ дары, которыми надѣлила его природа. Образованные народы должны передать ниже стоящимъ ихъ всѣ блага своего образованія. Значитъ, частица земли, имѣющая свой самобытный характеръ, дѣйствуетъ и вліяетъ на другую частицу земли, или почву черезъ людей, живыхъ органическихъ существъ, которыхъ можно считать свойствами ея различной природы, т. е. производить обмѣнъ своихъ мѣстныхъ особенностей или противуположностей.

При такихъ условіяхъ только и можетъ развиться въ настоящемъ блескѣ все физическое богатство всѣхъ странъ, для блага всего міра, что должно составлять сущность и цѣль Науки Бытія, или Политической экономіи.

Этотъ законъ природы, который мы подмѣтили, анализируя свойства земли и всего человѣчества, постепенно обнаруживается. Оконечности Африки, подчиняются Европѣ, Южная Америка ищетъ опоры въ Сѣверной; Азія начинаетъ принимать въ предѣлы свои народы Европы,—въ Австраліи развивается новая жизнь, которой начало кладетъ Европа.

Изъ этого мы видимъ, что каждый народъ имѣетъ свое назначеніе, сообразное своему материку и вмѣстѣ образуютъ неразрывный союзъ; союзъ природы и человѣка, составляющій высокую цѣль общей жизни. Подобно тому какъ земная поверхность представляетъ удивительное разнообразіе въ распредѣленіи материковъ, воды, острововъ, горъ, низменностей, климатовъ и произведеній различныхъ царствъ, такъ точно и родъ человѣческій, какъ произведеніе земли, разбросанъ неравномѣрно на ея поверхности. и представляетъ собою множество государствъ, народовъ, племенъ, сословій, кастъ, которые различаются характеромъ, языкомъ, вѣрою, образованіемъ, даже организмомъ и его свойствами, т. е. способностями. Все это разнообразіе человѣчества, какъ видно изъ наблюденій, происходитъ отъ вліянія различныхъ климатическихъ условій, того земнаго пояса и мѣстности, на которой существуетъ народъ. Это доказы-

ваетъ могущественное вліяніе почвы, или земли и климата на природу, человѣка и общество и ихъ современную зависимость отъ той среды, въ которой они живутъ. Подобно тому какъ образовалась земная поверхность, вслѣдствіе естественныхъ переворотовъ, которые произвели наслоеніе земныхъ пластовъ, такъ и родъ человѣческій, послѣ естественныхъ своихъ сильныхъ, политическихъ и общественныхъ переворотовъ, смѣшавшихъ различныя народности, испыталъ преобразованіе, представляющее удивительное разнообразіе въ народностяхъ различныхъ обществъ, отчасти уже сросшихся.

Вотъ почему историку и наблюдателю чрезвычайно трудно бываетъ разобрать такія сложныя и разнообразныя явленія въ человѣчествѣ, происходящія вслѣдствіе дѣйствія различныхъ силъ, опредѣлить взаимную связь человѣческихъ обществъ и открыть причины и послѣдствія ихъ.

Очевидно, что безъ философическаго изслѣдованія естественныхъ законовъ природы, сдѣланнаго эмпирическимъ путемъ—это недостижимо и приведетъ къ ложному заключенію. Родъ человѣческій какъ и міръ вещественный представляетъ, въ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, такую сложную, запутанную и трудную задачу для разрѣшенія, что никакой человѣческій умъ не въ состояніи разрѣшить ее, не смотря на правильность сочетанія естественныхъ данныхъ.

При внимательномъ взглядѣ на трупъ идеальнаго государства мы видимъ, что его поверхность почти вся покрыта народомъ, составляющимъ часть всей органической жизни;—народонаселеніе его расположено въ большихъ или меньшихъ группахъ, состоящихъ изъ атомовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ какъ растенія, сосущія изъ нея свою пищу, съ тою только разницею, что свободно перемѣняютъ свои мѣста. Эта органическая жизнь, или народъ, идеальнаго государства, составляетъ только часть органической жизни всего человѣчества.

При общемъ взглядѣ на поверхность идеальнаго государства, представляется часть всего земнаго шара, въ умѣренномъ поясѣ, ограничивающаяся естественными рубежами, какъ то: морями, рѣками, горами и т, п. покрытая, органической жизнію, среди которой являются люди по количеству и по качеству первыми существами, составляя собою массу народонаселенія, коему подчиняется все органическое царство и какъ кажется вся повѣрхность земли, до извѣстнаго предѣла.

На этой землѣ групируется народъ въ большія или мень-

шія массы, представляя собою цѣлое органическое существо, располагаясь по частямъ въ городахъ, селеніяхъ, деревняхъ отдѣльныхъ фермахъ и т. п, мало отличаясь своими свойствами и національнымъ характеромъ отъ прочихъ сосѣдственныхъ частей всего человѣчества, повинующихся однимъ и тѣмъ же законамъ естественной жизни всего органическаго царства, которые происходятъ изъ сопряженія свойствъ природы той территоріи, или земнаго пояса, на которомъ находится народъ съ свойствами самой общественной массы и съ эпохою, въ которой живетъ общество и человѣкъ.

Большія рѣки, каналы желѣзныя дороги, шоссе большія и проселочныя дороги и телеграфы изрѣзываютъ всю поверхность идеальнаго государства, какъ нервы и жилы живаго организма, по которымъ отъ центра разносится богатство и распоряженія какъ кровь и мысль всѣмъ органамъ государства, до послѣдняго атома: такъ что Идеальное Государство, въ общемъ видѣ, представляетъ собою живое органическое существо, полное страстей и разумныхъ побужденій.

Народъ Идеальнаго Государства составляетъ часть всего человѣчества. Значитъ жизнь человѣчества, или жизненная сила матеріи, одушевляющая его, существуетъ таже самая и въ народѣ Идеальнаго Государства, какъ его части. Жизнь народа, или сила, какъ свойство матеріи всего человѣчества, точно также безконечна, въ перерожденіи, какъ и сама матерія, и выходитъ изъ какой бы то ни было формы, въ томъ же самомъ количествѣ, въ какомъ вошла въ нее. Сила находится въ тѣснѣйшей связи съ матеріей, совершая вмѣстѣ нескончаемый круговоротъ. (*)

Силу, или жизнь человѣчества и народа можно считать безсмертною, какъ и матерію ихъ; матерія человѣчества безконечна въ перерожденіи, слѣдовательно и духъ, оживляющій все человѣчество и народъ, безконеченъ, кромѣ то-

---

(*) Бюхнеръ говоритъ: какъ несомнѣненъ фактъ, что матерія не создаваемаи не уничтожаема, такъ несомнѣнно и то, что нѣтъ ни одного случая, въ которомъ бы сила произошла изъ ничего или уничтожалась бы; другими словами: сила (духъ человѣчества) не рождается и не умираетъ, это подтверждается (вообще) точными опытами, во всѣхъ случаяхъ. при появленіи силы, можно объяснить ея причину. т. е. можно указать изъ какихъ другихъ силъ явилась разсматриваемая сила и въ слѣдствіе какихъ перемѣнъ. — Эти перемѣны происходятъ не произвольно и при томъ такъ, что ни одна малѣйшая частичка силы не можетъ пропасть, точно также, какъ не пропадаетъ ни одинъ атомъ матеріи.

го, еще и потому, что эта истина вытекаетъ изъ простаго соображенія отношеній между причинами и силами. Этого нельзя сказать въ отношеніи индивидуальности человѣка, потому что онъ представляетъ собою только половину атома всего человѣчества и неспособенъ въ одиночествѣ поддерживать безконечность жизни всего человѣчества. — Человѣкъ индивидуально смертенъ; форма и матерія, изъ которой онъ созданъ, и духъ по видимому обращаются въ ничто.

Опытъ и соображенія доказываютъ, «какъ говоритъ Бюхнеръ: «что ни одно движеніе или измѣненіе, т. е. обнаруженіе силы (*) не можетъ существовать, не произведя безконечную цѣпь послѣдовательныхъ движеній, или перемѣнъ, такъ что каждая новая сила должна тотчасъ же, по своемъ явленіи, сдѣлаться причиною послѣдующей силы и такъ далѣе до безконечности. Этимъ можно объяснить послѣдовательность и зависимость явленій историческо-политической жизни народовъ (человѣчества), которую выражаетъ Бокль, въ своемъ сочиненіи «Исторія цивилизаціи въ Англіи». Иначе можно было бы отнести все къ случаю или подозрѣвать, въ явленіяхъ исторической жизни народовъ, постороннее вмѣшательство внѣшней силы.

Приписывать случаю явленія жизни можетъ только одно невѣжество. По понятіямъ Бокля, съ пріобрѣтеніемъ извѣстной опытности, здравый разсудокъ человѣка начинаетъ приводить въ сознаніе то однообразіе въ послѣдовательности и совпаденіе явленій, которое постоянно проявляется въ природѣ; онъ начинаетъ уяснять себѣ тотъ методъ, по которому совершаются эти явленія, дающія возможность предсказать будущій ихъ ходъ. Съ возрастомъ и образованіемъ человѣкъ ясно начинаетъ уже понимать, что средства существованія его зависятъ положительно не отъ случая, что онѣ есть результатъ его собственной дѣятельности и труда, *онъ что посѣетъ то и пожнетъ*. Постоянство явленій, происходящихъ отъ извѣстныхъ причинъ, даютъ ему право въ послѣдствіи этотъ методъ признавать естественнымъ, непреложнымъ закономъ его существованія. Расширяя свои познанія и опытность, онъ находитъ въ явленіяхъ жизни удивительное разнообразіе, которое ослабляетъ его вѣру въ случай. Разсматривая каждое явленіе въ связи съ предыдущимъ, составляющее только одно ничтожное звено всей цѣпи явленій жизни цѣлаго міра, убѣждается въ томъ, что онъ исполняетъ только въ общемъ механизмѣ

(*) Безконечной, а неконечной. —

свое назначеніе, не имѣя возможности опредѣлить его заранѣе.

Эта правильность явленій природы ниспровергаетъ совершенно ученіе о случаѣ, заставляетъ принять ученіе о необходимой связи всего въ мірѣ и открывать въ немъ по возможности естественные непреложные законы природы, которые управляютъ всѣми явленіями жизни.

Судьба народа зависитъ не отъ однихъ его способностей, но также и отъ обстоятельствъ, какъ и одного человѣка, которыя иногда неожиданно являются на пути политической жизни государства, иногда препятствуя или способствуя народу достигать государственнаго единства.

Судьба его также зависитъ отъ неодинаковости свойствъ элементовъ (племенъ), входящихъ въ составъ организма государства, имѣющихъ болѣе или менѣе преобладаніе одинъ надъ другимъ, что способствуетъ или затрудняетъ ихъ слiяніе въ одно цѣлое.

Въ идеальномъ государствѣ, взятомъ нами для наблюденія, какъ видно, было стремленіе и народа и власти къ созданію и упроченію единства.

Всякое явленіе вообще въ частной и политической, или общественной жизни человѣка и народа создается и вызывается предыдущимъ событіемъ. Это явленіе само въ свою очередь тотчасъ же, по обнаруженіи, становится причиною новаго движенія, равнаго по достоинству первому, что никогда не можетъ быть ни пропуска, ни потери, ни прибыли.

Жизнь человѣчества и всей природы, во всей вселенной, можетъ принимать различныя формы, но по существу своему, ничего не теряетъ при своемъ превращеніи, и остается вѣчно неизмѣнною, что зависитъ отъ силы природы (*).

Эти силы, тѣсно соединенныя съ матеріей, находясь въ безпрерывномъ, постоянномъ движеніи, создали не только человѣчество, но цѣлый міръ отдаленныхъ свѣтилъ и даже формы всѣхъ существующихъ предметовъ на землѣ.

Сила, жизнь, или духъ народа, государства, человѣчества и вообще всей вселенной неразрушимы и вмѣстѣ отъ вѣка производили въ цѣлой вселенной и вѣчно будутъ производить одну и ту же сумму явленій, которую называютъ міромъ. Бюхнеръ говоритъ: «Круговоротъ силы (Kreislauf der Kraft) существуетъ какъ необходимое дополненіе кру-

(*) Наука, излагающая естественные законы силъ, ихъ измѣненія и перевороты, называется физикою. До сихъ поръ открыто только восемь силъ, онѣ суть: электричество, магнетизмъ, тяжесть, тяготѣніе, химическое сродство, сцѣпленіе, свѣтъ и теплота.

говорота матеріи». (Kreislauf des Staffes), «Все это доказываетъ намъ, что ничто не является вновь и ничто не исчезаетъ, и что тайна природы покоится въ вѣчномъ, въ ней самой созданномъ и ею самой поддерживаемомъ кругу, въ которомъ безконечно и безначально перепутаны причины и дѣйствія. — Безсмертнымъ можетъ быть только то, что было вѣчно, и созданнымъ, или сдѣланнымъ не можетъ быть то, что было безсмертно».

Эти общіе законы безконечной жизни, или безсмертія какъ матеріи, такъ и силы, мы примѣнили къ человѣчеству и народу, какъ частицамъ матеріи всей вселенной, безконечной въ своемъ перерожденіи.

Духовныя и физическія силы человѣка, дѣйствуя объективно, сталкиваются и сочетаются съ силами другихъ людей въ различномъ соединеніи, и составляютъ равнодѣйствующія силы, которыя суть побужденія цѣлаго общества, какъ органическаго существа. Значитъ природа человѣка, или естественныя его побужденія служатъ основаніемъ побужденію общества, а побужденія общества — причинами многихъ дѣйствій человѣка.

Органическія силы человѣка, дѣйствующія такимъ образомъ въ общественномъ организмѣ, проявляются различными общественными учрежденіями, напримѣръ естественное побужденіе человѣка признавать высшее существо, переобразовывается въ общественномъ организмѣ, церковнымн учрежденіями; стремленіе человѣка къ борьбѣ, къ самосохраненію, къ присвоенію, въ военной системѣ и т. д. Всѣ эти учрежденія уже не есть выраженіе побужденій одной личности, а цѣлаго общества, т. е. его личнаго интереса. Въ этихъ учрежденіяхъ выражается вся органическая жизнь общества. Вотъ почему очень часто побужденія общаго интереса не гармонируютъ съ побужденіями личнаго интереса человѣка, входящаго въ составъ общества, или большаго числа его членовъ, въ особенности ежели власть, подъ видомъ общаго интереса, старается удовлетворять собственныя фантазіи своего личнаго интереса и доводитъ до враждебнаго раздѣленія общественный и частный интересы, подчиненныхъ ей людей.

Очень часто, по естественному закону развитія народа, общественныя силы стремятся подчинить общему направленію побужденія отдѣльныхъ личностей, которыя, развиваясь самобытно, стараются сохранить свою самостоятельность; очевидно, что изъ столкновенія общаго и частнаго интересовъ, между отдѣльными личностями и обществомъ, т. е. между частями и цѣлымъ должна произойти реакція,

которая иногда оканчивается мирно, иногда порождаетъ страшныя политическія катастрофы.

Это взаимное дѣйствіе противоположностей, или различіе частнаго и общаго интересовъ, составляютъ инициативу общественной жизни каждаго общества, и никогда въ немъ не прекращается, потому что общіе основные, естественные законы, вытекающіе непосредственно изъ самой сущности человѣческой природы, дѣйствуютъ постоянно и непреложно также въ организмѣ общества, какъ и въ цѣлой природѣ. Вотъ почему общество не есть дѣло случая или ума человѣческаго. Власть уже находитъ общество готовымъ и можетъ только пользоваться и направлять существующія народныя силы общественнаго организма, чтобы дать имъ дурное или благое направленіе, но создать этихъ силъ не можетъ, онѣ повинуются вмѣстѣ съ цѣлой вселенной общимъ законамъ природы.

Слѣдовательно, всѣ распоряженія власти, выражающія ея стремленіе насиловать, искажать или противиться естественнымъ законамъ природы, показываютъ совершенное ея заблужденіе.

Въ основаніи человѣческаго общества лежатъ начала, соотвѣтствующія различнымъ сторонамъ человѣческой природы. Эти начала, находясь въ неразрывной между собою связи, стремятся къ одной цѣли, указанной природой, въ которой нѣтъ явленій, совершенно изолированныхъ, а потому и въ обществѣ можно прослѣдить нить, связывающую отдѣльныя послѣдствія съ ихъ причинами.

Законы, управляющіе жизнію человѣчества и народовъ, постоянно все болѣе и болѣе уясняются. Напримѣръ, законы, управляющіе измѣненіями человѣческой рѣчи, колебаніе въ задѣльной платѣ, въ цѣнахъ на необходимыя потребности, неравномѣрнаго распредѣленія богатства, служащаго самымъ обильнымъ источникомъ общественнаго неустройства, климатическихъ явленій; законы, управляющіе не только матеріальными интересами людей, но и нравственными, какъ-то: пропорціей въ смертности, браковъ, рожденій, разныхъ занятій, итога преступленій, отношенія ихъ между собою, вліяніе ихъ на полъ, возрастъ, воспитаніе, образованіе и т. п. уже болѣе или менѣе открыты: Кетле ясно доказываетъ, что убійства совершаются съ такою же правильностію и находятся въ такомъ же постоянномъ отношеніи къ извѣстнымъ обстоятельствамъ какъ и движеніе морскихъ приливовъ и смѣна временъ года; онъ представляетъ слѣдующій выводъ: «во всемъ, относящемся до преступленій, однѣ и тѣ же числа повторяются съ такимъ по-

стоянствомъ, котораго нельзя не замѣтить, тоже бываетъ и въ такихъ преступленіяхъ, которыя, казалось бы, вовсе не подлежатъ человѣческому предвидѣнію, въ такихъ, напримѣръ: какъ убійства, совершаемыя послѣ ссоръ, возникающихъ изъ обстоятельствъ, по видимому случайныхъ. Но мы знаемъ изъ опыта, что не только совершаются ежегодно почти тѣ же числа убійствъ, но что и самыя орудія, служащія для совершенія ихъ, употребляются въ тѣхъ же пропорціяхъ» (*). Опредѣлены болѣе или менѣе законы свойствъ различнаго рода пищи, поддерживающей жизнь и ея связь съ человѣческимъ организмомъ, такъ что изъ всего этого уже пріобрѣтается возможность уяснить себѣ не только ходъ развитія, принятаго нами для изслѣдованія идеальнаго государства и всего человѣчества, но и открыть общіе непреложные законы, которыми управляются дѣйствія народной жизни (**).

Открытія, до сихъ поръ сдѣланныя, должны убѣдить каждаго въ однообразіи явленій духовной природы человѣка, слѣдующихъ одно за другимъ. Драгоцѣнные матеріалы, которые даетъ намъ статистика, убѣждаютъ насъ въ существованіи удивительной правильности во всей нравственной дѣятельности человѣческаго общества.

Изъ этихъ выводовъ легко убѣдиться, что дѣйствія человѣческія зависятъ болѣе отъ состоянія всего общества, нежели отъ свойствъ каждой личности (***).

Такъ, что изъ наблюденій можно заранѣе опредѣлить число, сколько личностей должны лишить себя жизни. Здѣсь только представляется одинъ частный вопросъ: кто именно возьметъ на себя это преступленіе; вопросъ, конечно, за-

---

(*) Кетле. Sur l'homme. Paris, 1835 vol. I, p. 7, vol. II, p. 164, 247.

(**) И такъ, что считается нынѣ необъяснимымъ, то по всей вѣроятности объяснится въ будущемъ, которое откроетъ правильность среди кажущихся безпорядочныхъ явленій всей жизни вобще.

(***) Доказательствомъ этому можетъ служить наблюденіе надъ самоубійствомъ, которое, какъ кажется, могло бы зависѣть отъ личности, его производящей, но на повѣрку выходитъ совершенно иначе. Мы знаемъ, что самоубійство менѣе всего подвержено помѣхѣ, потому что совершается по собственному желанію лица и казалось бы невозможнымъ подвести его подъ общія правила, но факты говорятъ противное. Всѣ собранныя данныя о самоубійствахъ приводятъ къ одному заключенію: что самоубійство есть продуктъ извѣстнаго состоянія общества и что каждый отдѣльный преступникъ только приводитъ въ исполненіе то, что составляетъ необходимое послѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ. См. Taylor's Medical-Jurisprudense 1846, pp. 587 и 597.

висящій отъ частныхъ законовъ, подчиняющихся одному общему, уже опредѣленному нами закону. «Сила главнаго закона», говоритъ Бокль, «такъ непреодолима, что ни привязанность къ жизни, ни боязнь того свѣта не въ силахъ умѣрить его дѣйствіе.»

Изъ наблюденія получается доказанный фактъ, что большею частію причинами самоубійства и преступленій, не смотря на общественные законы, было политическое возбужденіе, дороговизна пищи и т. п., что онѣ подчиняются неизмѣнной и однообразной системѣ, и что проступки людей, какъ говоритъ Бокль, «происходятъ не столько отъ пороковъ отдѣльныхъ виновниковъ, сколько отъ состоянія общества, въ которое эти лица бываютъ заброшены.» Кетле говоритъ, что: "*общество приготовляетъ преступленіе, а виновникъ* есть не болѣе, какъ *орудіе совершенія этого преступленія*». Questelet sur l,Homme, vol II p. 235.

Попадающаяся иногда неправильность въ теченіи нравственныхъ законовъ, происходитъ отъ того, что второстепенные нравственные законы, какъ это случается съ таковыми же въ физическомъ мірѣ, встрѣчаясь на извѣстныхъ пунктахъ съ главными, измѣняютъ нѣсколько ходъ ихъ естественнаго дѣйствія. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій, надъ народомъ Идеальнаго Государства, мы выводимъ великій, общественный законъ, что нравственныя дѣйствія людей происходятъ не отъ ихъ воли, а отъ предшествовавшихъ причинъ, "которыя можно сравнить», какъ говоритъ Бокль, "съ закономъ механики: паралелограмомъ силъ, по которому силы относятся, слагаются и разлагаются, хотя этотъ нравственный законъ подверженъ нарушеніямъ, видоизмѣняющимъ его дѣйствія, но въ сущности не измѣняетъ его положительности.»

Общій законъ этотъ распространяется на всѣ органы отправленія духа, какъ уже доказано. Напр. ошибки даже памяти носятъ на себѣ этотъ общій отпечатокъ необходимаго и неизмѣннаго порядка. (*)

Анализируя этотъ общій законъ общественной жизни, мы ясно видимъ, что дѣйствія личностей, исходя отъ предшествовавшихъ имъ причинъ, всегда бываютъ послѣдовательны, и въ общей жизни, какъ онѣ намъ не кажутся безпорядочными и неправильными, онѣ, если вникнуть въ общественный механизмъ,зависятъ отъ всеобщей его системы и по-

(*) Парижская и Лондонская почтовыя конторы въ наше уже время публиковали, о числѣ писемъ, на которыхъ, по забывчивости писавшихъ ихъ, не былъ обозначенъ адресъ. Число таковыхъ писемъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ повторяется ежегодно.

рядка, которыхъ мы, при современномъ состояніи наукъ, можемъ замѣчать только нѣкоторыя проявленія, не позволяющія отрицать непреложную правильность въ физическомъ и нравственномъ мірѣ, связывающую человѣческія дѣйствія съ законами природы.

Главнѣйшіе дѣятели земли, имѣющіе вліяніе на жизнь человѣчества и подчиняющіе ее въ зависимость себѣ, суть: общій видъ природы, почва, климатъ и пища.

Разсматривая исторически этнографію человѣчества по частямъ и современное его состояніе, сообразно естественнаго раздѣленія земли и общаго вида природы той мѣстности, на которой живетъ извѣстная часть народонаселенія, видимъ тѣсную связь между физическимъ и нравственнымъ мірами, понимаемъ болѣе или менѣе законы, опредѣляющіе эту связь и причины, по которымъ, какъ указываетъ намъ Бокль, многія древнія цивилизаціи, достигнувъ извѣстной степени развитія падали, будучи не въ состояніи сопротивляться движенію окружавшей ихъ природы, т. е. совладать съ тѣми препятствіями, которыя она имъ противупоставляла.

Подъ вліяніемъ природы мы будемъ разумѣть дѣйствія ея предметовъ на органы чувствъ человѣка, дающіе направленіе сближенію понятій и, сообразно своимъ свойствамъ, образующіе у людей различный складъ мыслей. Изъ выводовъ Бокля мы видимъ, что окружающая природа дѣйствуетъ главнѣйшимъ образомъ, возбуждая воображеніе человѣка и внушая ему предразсудки, которые, болѣе или менѣе, препятствуютъ его умственному развитію. Изъ историческаго анализа жизни различныхъ народовъ мы усматриваемъ, что сила, или власть предразсудковъ, въ дѣтствѣ народовъ, бываетъ неограниченна и зависитъ совершенно отъ различной природы, окружающей ихъ, пораждающей соотвѣтствующее различіе въ ихъ характерѣ, сообщая ихъ религіи тѣ особенности, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, никогда не изглаживаются.

Изъ этого можемъ сознать все могущественное вліяніе матеріи на духъ и съ какою неотразимою силою она въ природѣ дѣйствуетъ на судьбу человѣческаго общества.—

Исторія ясно указываетъ намъ, что всѣ цивилизаціи первоначально сосредоточивались въ жаркихъ странахъ, какъ въ Америкѣ, такъ въ Азіи и Африкѣ, потому что эти страны своими средствами, уменьшая нужды и потребности народовъ, давали неравномѣрное распредѣленіе богатствъ.—

Съ обозначеніемъ изотермическихъ линій опредѣлился

законъ природы, коего главнѣйшія условія, относительно плодородія всѣхъ странъ, суть теплота и влажность.—

Бокль, разсматривая исторію Америки, говоритъ. «Такъ, два главныя условія плодородія (теплота и влажность) никогда не соединялись ни въ одной изъ частей материка, лежащихъ къ сѣверу отъ Мексики. На одной сторонѣ всѣ мѣстности ощущали недостатокъ въ теплотѣ, въ другой въ орошеніи. Обстоятельство это, замедляя накопленіе богатства, останавливало успѣхи общества и до тѣхъ поръ, пока въ XVI столѣтіи не было перенесено въ Америку Европейское знаніе, тамъ не случалось примѣра, чтобы какой нибудь народъ, живущій къ сѣверу отъ паралели 20°, достигъ хотя той несовершенной цивилизаціи, которой достигли жители Индіи и Египта».—

Вотъ какіе физическіе дѣятели имѣли вліяніе на развитіе судьбы Сѣверной Америки. Въ южной Америкѣ дѣйствовалъ рядъ совершенно другихъ обстоятельствъ.—

Законъ, въ силу котораго восточные берега холоднѣе западныхъ, не только не примѣнимъ къ южному полушарію, но даже замѣняется въ немъ закономъ прямо противуположнымъ.—

Кромѣ того, растительности Южной Америки способствуетъ и пасатный вѣтеръ, приносящій постоянно влагу съ океана.—Объ растительности Бразиліи, Бокль выражается слѣдующимъ образомъ: «И въ самомъ дѣлѣ все растетъ въ ней такъ сильно и такъ раскошно, что природа какъ будто тѣшится своею необузданною силою.»

Вслѣдствіе этой силы природы для человѣка неоставлено мѣста, «онъ», какъ говоритъ Бюкль, — «теряетъ всякое значеніе, передъ такимъ величіемъ окружающей его природы. Ему противупоставлены такія громадныя силы, что онъ никогда не могъ выдержать ихъ совокупнаго давленія. Вся Бразилія, не смотря на ее громадныя, кажущіяся преимущества, всегда оставалась совершенно нецивилизованною страною».—

«Развитіе земледѣлія тамъ задерживается непроходимыми лѣсами, жатвы истребляются безсчисленными насѣкомыми, горы слишкомъ высоки, чтобъ можно было на нихъ подниматься, рѣки слишкомъ широки, чтобы строить на нихъ мосты,—все направлено къ тому, чтобы сдерживать человѣческій умъ и подавлять его честолюбивыя стремленія.»—

Такимъ то образомъ силы природы опутали духъ человѣка. Нигдѣ нѣтъ такой грустной противуположности между величіемъ внѣшняго (матеріальнаго) и ничтожествомъ внутренняго (духовнаго) міра. Умъ, запуганный такою не-

*

ровною борьбою, не только былъ неспособенъ двигаться впередъ, но безъ посторонней помощи, непремѣнно принялъ бы обратное направленіе.—

Совсѣмъ другое замѣчаемъ въ другихъ человѣческихъ обществахъ, живущихъ въ странахъ, въ которыхъ сила природы, при всей своей дѣятельности, даетъ возможность человѣку совладать съ собою, какъ въ Азіи и въ Африкѣ, въ которыхъ богатство природы не только неостанавливало прогрессъ обществъ, но напротивъ, содѣйствовало ему къ накопленію богатствъ.

И такъ, разсматривая вліяніе физической природы на жизнь народовъ, мы замѣчаемъ, что какъ богатство, или количество средствъ страны, такъ и степень употребленія на пользу человѣка имѣютъ непреложное вліяніе на жизнь цѣлаго общества, такъ, что всѣ общественныя явленія историческихъ народовъ, исключая Европы, болѣе или менѣе подчинялись общимъ законамъ природы.

Климатъ, почва и пища также какъ и окружающая природа находятся въ неразрывной связи съ человѣческимъ обществомъ и зависятъ сами одна отъ другой, такъ напр. пища зависитъ отъ почвы, а почва отъ климата. (*)

Извѣстно всѣмъ, что произведенія этихъ четырехъ дѣятелей производятъ накопленіе богатства, которое ростетъ постепенно вмѣстѣ съ образованіемъ общества, но чтобъ появилось знаніе, необходимо прежде накопленіе богатства, которое даетъ досугъ, а досугъ знаніе.

Безъ богатства, каждый человѣкъ долженъ быть занятъ пріобрѣтеніемъ необходимыхъ потребностей для своего существованія и ему нѣтъ времени обратиться къ созерцательной, умственной дѣятельности, или создавать науки.—

Въ дѣятельномъ народѣ отъ ежегоднаго потребленія остается избытокъ, который постоянно приращаетъ его богатство, дающее возможность образовываться, (такъ называемомъ Адамомъ Смиѳомъ) непроизводительному классу, т. е. непроизводящему богатства, которымъ живутъ; но надобно замѣтить, что этотъ классъ гораздо болѣе производитъ богатства своей умственной дѣятельностью, нежели всѣ прочіе классы.—

Изъ этого мы усматриваемъ, что главнѣйшимъ условіемъ благосостоянія общества Идеальнаго Государства есть накопленіе матеріальнаго богатства, которое даетъ средства, къ жизни

(*) Этотъ вопросъ должна разъяснить физическая географія и указать все вліяніе окружающей природы, климата, почвы и пищи на политическое состояніе обществъ.

и открываетъ путь къ знанію, а слѣдовательно и къ совершенству. (*)

Почва своимъ плодородіемъ, вознаграждающая за трудъ, зависитъ, отъ химическаго своего состава, теплоты и влажности атмосферы и т. п., т. е. отъ климата, отъ котораго зависитъ и правильность труда.

Сухость или влажность почвы также имѣетъ могущественное вліяніе на человѣка и общество. Бокль замѣчаетъ, что «Арабы, въ странѣ своей, благодаря сухости ея почвы, всегда остались грубымъ и необразованнымъ народомъ». Том. I стр. 51.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «разсматривая же исторію богатства, на его первыхъ ступеняхъ, мы находимъ совершенную зависимость его отъ почвы и климата; почвою обусловливается вознагражденіе, получаемое за данный итогъ труда, а климатомъ энергія и постоянство самаго труда. Нѣтъ примѣровъ въ исторіи, чтобы какая нибудь страна цивилизовалась своими собственными средствами, безъ особеннаго благопріятнаго развитія въ ней одного изъ этихъ условій.» Том. I стр. 50.

Изъ всѣхъ этихъ причинъ, какъ видно, почва имѣетъ въ одномъ обществѣ самое могущественное вліяніе на совершенствованіе народа, по способности доставлять средства къ приращенію богатства, въ другомъ,—климатъ, имѣющій вліяніе на способности работника къ работѣ и на правильность его образа жизни. Совершенство народа зависитъ сколько отъ благости природы, столько же и отъ энергіи человѣка, — но благость природы всегда одна и таже, она, безъ примѣненія силъ человѣка, останется неподвижною. Силы человѣка и народа суть физическія и духовныя; послѣднія не имѣютъ предѣла въ своемъ развитіи, между тѣмъ какъ климатъ даетъ человѣку богатство, посредствомъ возбужденія его къ труду, который можетъ развиваться отъ умственной только дѣятельности, что заставляетъ отдать климату предпочтеніе, предъ почвой.

Раздѣляя пищу на азотную и безъ азотную, какъ необходимѣйшее условіе для поддержанія человѣческой жизни, пополняющую теплоту и убыль въ тканяхъ человѣческаго

(*) Въ нѣкоторыхъ государствахъ богатство народа проматывается неразсчетливымъ и деспотическимъ правительствомъ, для удовлетворенія своихъ фантазій, выражающихся въ излишнихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

тѣла, мы увидимъ, что она посредственно, главнымъ образомъ зависитъ отъ климата (*).

Такъ какъ жители жаркихъ странъ требуютъ пищи гораздо менѣе нежели жители холодныхъ странъ, то изъ этого слѣдуетъ, что приращеніе народонаселенія и богатства при равенствѣ другихъ условій, будетъ болѣе въ жаркихъ странахъ. Это ясно указываетъ на связь законовъ народонаселенія съ законами климата.

За общій законъ можно принять, что чѣмъ холоднѣе страна, тѣмъ свойственнѣе ей пища, которая содержитъ въ себѣ болѣе углерода, чѣмъ жарче страна, тѣмъ болѣе кислорода. Въ первомъ случаѣ она состоитъ изъ рыбьяго жира, сала и масла, въ послѣднемъ изъ растеній. Первая пища требуетъ трудовъ и усилій, для добыванія, послѣдняя есть даръ природы. Поэтому въ холодныхъ странахъ мы находимъ человѣка и общество съ предпріимчивымъ и смѣлымъ характеромъ, нежели въ жаркихъ странахъ, гдѣ въ пищѣ преобладаетъ кислородъ.

Это въ нѣкоторой степени доказываетъ намъ законъ развитія общества, его богатства, а также и зависимость его силъ отъ пищи, почвы, климата и окружающей его среды, такъ, что только для научнаго изслѣдованія человѣка и общества мы будемъ брать ихъ отдѣльно отъ земли, природы и другихъ внѣшнихъ условій, которымъ они совершенно подчиняются.

Мы видимъ, что при равенствѣ другихъ условій, отъ пищи зависитъ численное приращеніе народонаселенія, а отъ численнаго приращенія размѣръ задѣльной платы (**).

Бокль, историко-философическими своими изслѣдованіями ясно развилъ и доказалъ намъ все вліяніе причинъ внѣшняго міра на разположеніе людей къ извѣстному складу мыслей, которое придаетъ особый характеръ ихъ религіи и вообще всей умственной дѣятельности. Онъ объяснилъ намъ, что пища, почва и климатъ имѣютъ непосредственное вліяніе на накопленіе и распредѣленіе матеріальнаго богатства, а общій видъ природы—на накопленіе и распредѣленіе умственнаго капитала, т. е. духовнаго, такъ, что становится почти очевиднымъ, хотя еще не вполнѣ, опредѣленный процессъ, посредствомъ котораго внѣшній міръ дѣйствуетъ на человѣческій умъ, руководителя всего су-

---

(*) О пищѣ, въ физіологическомъ отношеніи, смотри ниже: физическое начало человѣка.

(**) Смотри ниже — трудъ человѣка.

щества человѣка, искажаетъ иногда его природное направленіе и даже часто останавливаетъ его естественное развитіе.

Взглянувши такимъ образомъ на человѣчество, распредѣленное по поверхности земли, дѣлается яснымъ неразрывная связь между физическимъ и духовнымъ мірами, законы, опредѣляющіе эту связь и совершенную зависимость человѣка отъ условій, неподлежащихъ его произволу, распоряжающихся свыше его судьбою и судьбами цѣлыхъ народовъ. При изслѣдованіи мы постоянно видимъ, что на всемъ человѣчествѣ лежитъ рука природы, управляющая имъ по непреложнымъ законамъ, которые опредѣлятся только тогда, когда исторія умственной дѣятельности человѣка будетъ связана съ исторіею явленій вещественнаго міра.

Анализируя ученіе Теологовъ и Метафизиковъ, Бокль говоритъ: «Итакъ, отвергая метофизическій догматъ свободной воли и теологическій предопределенія, мы приходимъ къ заключенію, что дѣйствія людей, завися только отъ препятствующихъ причинъ, должны имѣть, извѣстный отпечатокъ однобразія, т. е. должны, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, имѣть совершенно одинаковый исходъ. А какъ всѣ предшествующія причины находятся или внутри, человѣческаго духа или внѣ его, то ясно, что всѣ видоизмѣненія послѣдствій, или другими словами перемѣны, наполняющія исторію, всѣ превратности, постигающія родъ человѣческій, его прогрессъ и его отсталость, его счастіе и его бѣдствіе, все должно быть результатомъ двоякаго дѣйствія внѣшнихъ явленій на духъ человѣка и человѣчества и на внѣшнія явленія. «(*).

Такимъ образомъ мы приходимъ *къ различію*, или *противоположностямъ*, составляющимъ основу жизни вообще, т. е. съ одной стороны духъ, съ другой внѣшняя, осязаемая природа, или сила и матерія.

Духъ человѣка, поставленный внѣ вліянія постороннихъ силъ, повинуясь законамъ собственнаго своего бытія, развивается согласно условій своей природы, матерія, также, повинуясь своимъ условіямъ, развивается самобытно. Эти два предмета, физическій и духовный, какъ двѣ противуположности, производятъ обмѣнъ своего богатства.— Матеріальный міръ, возбуждая духъ (умъ и сердце, какъ его составные элементы) даетъ побужденіямъ человѣка такое

(*) Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. 1, стр. 21 и 22, дальнѣйшее развитіе этого вопроса см. ниже. Изслѣдованіе духовныхъ побужденій человѣка.

направленіе, котораго бы онъ не принялъ безъ внѣшняго вліянія.

Эта борьба матеріи и силы, ихъ взаимный обмѣнъ и состовляетъ жизнь, которой живетъ все человѣчество, государство (народъ) и человѣкъ.

Законъ этой борьбы, или обмѣнъ человѣческаго духа съ внѣшнимъ міромъ, долженъ состовлять предметъ Науки Бытія, или Политической экономіи.

Распредѣленіе человѣческаго рода на земной поверхности слѣдовало, какъ видно, другому закону, нежели все органическое царство. Всѣ породы животныхъ и растеній, по мѣрѣ удаленія отъ экватора, являются все болѣе и болѣе несовершенными, тогда какъ человѣкъ представляетъ намъ совершенство своей породы въ центрѣ умѣренныхъ странъ: въ областяхъ Кавказа, Ирана и Арменіи. Съ удаленіемъ отъ этого центра человѣческая порода теряетъ свое совершенство, пропорціонально разстоянію.

Понятіе въ смыслѣ естествоиспытателей, въ видахъ человѣческаго рода, основано на фактахъ *сходственности и преемственнаго происхожденія* (филіаціи), которыя, съ перваго взгляда, скорѣе допускаютъ большинству склонится къ множеству человѣческихъ видовъ, нежели къ ихъ единству. Научныхъ же положительныхъ доказательстъ, о происхожденіи людей отъ одной пары, не существуетъ, а всѣ различія, можно принять какъ продукты, внѣшнихъ и постепенныхъ видоизмѣненій.—Гуфеландъ говоритъ: «Я думаю, что разновидностей собаки гораздо больше, чѣмъ разновидностей человѣка, между шпицемъ и бульдогомъ гораздо больше различія, чѣмъ между негромъ и европейцемъ».

Не принимая безусловно ни того ни другаго; скажемъ, что виды человѣческаго рода раздѣлаются скорѣе признаками своей породы, потому что въ представителяхъ однаго и того же вида бываютъ весьма разнообразныя и значительныя уклоненія, эти уклоненія относятся или въ области анатоміи или къ области физіологіи.

Новѣйшія изысканія доказываютъ, что цвѣтность человѣческаго рода не можетъ служить отличительнымъ признакомъ вида, а напротивъ походитъ только на признакъ породы.

Не принимая цвѣта кожи за отличительный признакъ, различіе между негромъ и бѣлымъ, между индусомъ и европейцомъ будетъ незначительно въ физическомъ отношеніи.

Прежнія понятія наблюдателей, считавшихъ нѣкоторыя человѣческія породы (какъ австралійцевъ), принадлежащими

къ самымъ униженнымъ представителямъ человѣческаго рода, нынѣ уже отвергнуты болѣе точными изслѣдованіями естествоиспытателей, вопрошавшихъ таинства почвы, отъ которой зависитъ бытъ, характеръ и нравственность человѣка. Открыто, что въ жителяхъ Австраліи не только не изчезли признаки царства, но даже и признаки вида человѣческаго рода, такъ, что австралійцы не только не составляютъ особаго вида, но даже не могутъ считаться отдѣльной породой, будучи очевидно продуктомъ скрещиванія настоящихъ восточныхъ негровъ съ элементомъ жолтымъ, или малайскимъ.

Пикерингъ нашелъ субъектовъ, между дравидійскими племенами Индіи и австралійскими, разобщенныхъ огромнымъ пространствомъ, вполнѣ сходныхъ, что доказываетъ ихъ сродство (*)

Это заставляетъ принять, для объясненія разнообразія человѣческихъ группъ, скорѣе *множественность породъ и единства вида*, нежели множественность видовъ, потому что: разнородность и порода, какъ говоритъ Катрфажъ, «суть собственно уклоненія вида; отличительныя черты разновидности, и породы являются какъ бы нарушеніемъ правъ той *образовательной силы*, которая составляетъ, по словамъ древнихъ, собственность каждаго существа и отличаютъ его отъ существъ сосѣдственныхъ.»

Начиная отъ Аристотеля и Гиппократа до Бурдаха и Миллера, всѣ величайшіе мыслители и физіологи видятъ причину сходства между представителями одного и того же вида, и между особами одной семьи *въ наслѣдственности* и въ той силѣ, по которой родитель повторяется въ своей семьѣ.

Позднѣйшіе мыслители приняли, что причина уклоненія таится внѣ особи, т.е. въ окружающей средѣ, они объясняютъ измѣняемость видовыхъ первообразовъ: *дѣйствіемъ силъ внѣшнихъ* и чуждыхъ особи, т. е. вліяніемъ среды. Но и эти мнѣнія, какъ говоритъ Катрфажъ, «грѣшатъ тѣмъ, что приписываютъ наслѣдственности вліяніе исключительно сохраняющее, а средѣ вліяніе только измѣняющее».

«Изслѣдованія показываютъ, что на дѣлѣ вовсе не то: обѣ эти силы то борются между собою, то стремятся къ одной общей цѣли и порождаютъ попеременно, смотря по обстоятельствамъ, то одинъ то другой результатъ... Наслѣдственность, будучи въ сущности началомъ консерва-

(*) Сравненіе языковъ привело къ тѣмъ же результатамъ.

тивнымъ, имѣетъ важное значеніе въ образованіи породъ, нерѣдко служитъ она также для передачи лишь вліяній среды, и становится причиною измѣняемости, отъ дѣйствія ли среды или иныхъ причинъ, ей самой присущихъ».

Относительно наслѣдственности мистеръ Бокль выражается такъ: «намъ часто говорятъ о наслѣдственныхъ талантахъ, о наслѣдственныхъ порокахъ и наслѣдственныхъ добродѣтеляхъ; но всякій, кто захочетъ разобрать дѣло критически, убѣдится въ томъ, что мы не имѣемъ доказательствъ на существованіе такихъ наслѣдственыхъ свойствъ.

«Способъ, которымъ обыкновенно доказывается ихъ существованіе, въ высшей степени не логиченъ: собираютъ примѣры какой нибудь умственной дѣятельности, встрѣчающейся и у родителей и у дѣтей, и заключаютъ, что эта способность унаслѣдована. Этимъ способомъ можно доказать какое угодно положеніе, потому что во всякомъ обширномъ полѣ изслѣдованія, найдется достаточное количество случайныхъ совпаденій, чтобы составить подобный доводъ въ пользу всякаго воззрѣнія, которое намъ хочется привести. (*)

Въ законѣ наслѣдственности, первое и самое важное это то, что особенности и способности людей зависятъ отъ ихъ организаціи, а организмъ, какъ извѣстно, передается наслѣдственно, мы видимъ наслѣдственность въ неизмѣнности породъ всѣхъ животныхъ, и случай не могъ бы ихъ поддерживать съ такимъ постоянствомъ. Даже въ скрещиваніи особей различныхъ породъ, мы находимъ законъ наслѣдственности. Напримѣръ, извѣстно, что помѣсь жеребца и ослицы будетъ лошакъ, который походитъ и на лошадь и на осла. Льюисъ, въ опроверженіе положенія мистера Бокля, приводитъ множество самыхъ положительныхъ доказательствъ. Онъ говоритъ: «Евреи во всемъ мірѣ похожи на евреевъ, между тѣмъ какъ это сходство сохраняется при постоянныхъ бракахъ между евреями и устраненіи всякой посторонней примѣси.... Еслибъ родичи не передавали потомству своей организаціи, своихъ особенностей и преимуществъ, не существовало бы ничего подоб-

(*) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Удивительно, что такой глубокій мыслитель нашего времени, какъ Бокль, который доискивался во всемъ общихъ законовъ, не пренебрегалъ ни одною мелочью, вдавался въ самыя запутанныя и темныя стороны человѣческой жизни для вывода общихъ естественныхъ законовъ, управляющихъ жизнію людей, могъ сказать голословно о законѣ наслѣдственности, играющемъ такую важную роль въ человѣческомъ родѣ.

наго породѣ, или рассѣ. Всякая дворняшка имѣла бы шансы сдѣлаться столь же цѣнною, какъ собака самой лучшей породы.... Наука говоритъ намъ, что случай не существуетъ. Физіологія учитъ насъ, что потомокъ всегда и необходимо наслѣдуетъ организацію родичей, а если организація передается, то вмѣстѣ съ нею должны передаваться наклонности и способности.» (*)

Если допускать въ наслѣдственности случай, то тогда отъ лошади могла бы родиться корова, но подобное предположеніе никому, я увѣренъ, не придетъ въ голову. Если, при постоянной передачѣ общихъ чертъ, мы видимъ значительное колебаніе личныхъ особенностей, то это зависитъ отъ условій закона наслѣдственности, который заключаетъ въ себѣ различные элементы. Льюисъ приводитъ этому прекрасное доказательство, онъ говоритъ: «Одинъ изъ родителей негровъ можетъ быть высокъ, силенъ, веселъ, глупъ; другой малъ, слабъ, грустенъ, уменъ; но такъ какъ ихъ ребенокъ не можетъ быть въ одно и то же время рослымъ и малымъ, умнымъ и глупымъ, слабымъ и сильнымъ, то онъ, наслѣдуя организацію родителей, можетъ либо походить болѣе на одного, чѣмъ на другаго, или, по видимому, не походить не на одного изъ нихъ, представляя смѣсь ихъ признаковъ; это-то совокупное и часто неравное вліяніе двухъ родителей, запутываетъ вопросъ и производитъ всѣ кажущіяся противорѣчія противъ закона наслѣдственности.»

Онъ приводитъ ясныя доказательства тому, что отъ родителей къ дѣтямъ передаются даже мелкія особенности. Всѣ заводчики знаютъ, что передаются пороки у лошадей. Воровство идетъ также въ наслѣдство чрезъ многія поколѣнія. Доводы Галля въ этомъ случаѣ неопровержимы. Убійство, способность къ музыкѣ и другіе таланты, также болѣзни бываютъ принадлежностью цѣлыхъ семействъ. Сколько знаемъ примѣровъ наслѣдственной слѣпоты, наслѣдственной чахотки, апоплексіи и т. п. Эту истину доказываютъ наслѣдственный, какъ выражается Льюисъ, «Бурбонскій носъ» и «Австрійская губа»; кто не знаетъ наслѣдственную, частую передачу шестаго пальца, отъ шестипалыхъ родителей къ дѣтямъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что организація родителей передается, а вмѣстѣ съ нею наклонности, которыя составляютъ естественныя отправленія организма. Льюисъ приводитъ примѣръ, что даже привычки, твердо укоренившіяся въ орга-

(*) Потому, что онѣ суть составныя элементарныя причины духа.

низаціи особи, могутъ также передаваться, какъ и всякая нормальная наклонность. (*)

Онъ утверждаетъ, что «привычка или пріемъ, особенности въ движеніяхъ или позѣ, зависятъ отъ какой нибудь особенности въ складѣ тѣла, пріобрѣтенной или наслѣдственной и передается наслѣдственно вмѣстѣ со складомъ тѣла; она передавалась бы всегда, если бы тутъ не противудѣйствовалъ второй родитель, организація котораго также наслѣдуется.»

Слѣдовательно, если непреложный законъ наслѣдственности и подверженъ частнымъ измѣненіямъ, то это происходитъ отъ двойственнаго участія родителей, имѣющихъ иногда противуположныя особенности, по удаленіи причинъ противодѣйствующихъ, законъ дѣйствуетъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ.

«Отъ такой же наслѣдственности зависитъ и долговѣчность», говоритъ Льюисъ «жизнь вида неограничена, ограничена только жизнь особи; фактъ, уничтожающій всѣ умозрѣнія Корнаро, Гуфеланда и Флуранса. Есть границы, которыхъ не можетъ переступить ни видъ, ни особь; намъ неизвѣстно ни одного случая, въ которомъ человѣкъ прожилъ бы до двухъ сотъ лѣтъ, но количество лѣтъ, котораго достигаетъ каждая особь, не зависитъ ни отъ вида, ни отъ образа жизни, ни отъ наслѣдованной отъ родителей организаціи. .. Долговѣчность наслѣдственная, какъ талантъ, она можетъ быть растрачена, но существуетъ независимо отъ всякой обработки, и никакое усиліе не создастъ ея. Есть люди съ талантомъ къ долгой жизни.» (**)

Наслѣдственность къ долговѣчности есть уже твердо установившаяся истина, и кто желаетъ убѣдиться въ ней, тотъ можетъ найдти повсюду къ тому положительныя доказательства, въ особенности во всѣхъ обществахъ застрахованія жизни (***).

Въ опредѣленіи закона наслѣдственности остановимся на томъ, что оба родителя всегда вліяютъ на потомство въ

(*) Доказательствомъ этому можетъ служить любопытный разсказъ Жиру, онъ говоритъ: "что онъ зналъ человѣка, имѣвшаго привычку спать навзничь, переложивъ правую ногу черезъ лѣвую. Одна изъ его дочерей съ самаго рожденія отличалась этою особенностію и постоянно въ колыбели принимала это положеніе."

(**) Физіологія обыденной жизни. Т. II, стр. 324.

(***) Многочисленные доводы закона на слѣдственной долговѣчности; любопытные могутъ найти у Льюиса, въ его физіологіи обыденной жизни Т. II, стр. 824—325.

извѣстныхъ непостоянныхъ отношеніяхъ, подверженныхъ извращенію, что препятствуетъ формулировать этотъ законъ, такъ что иногда преобладаетъ элементъ самца, иногда самки, а иногда они смѣшиваются почти въ равной степени.

Разсмотрѣніе причинъ, препятствующихъ обнаруживаться естественному закону наслѣдственности, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, утвердитъ насъ еще болѣе въ его несомнѣнномъ существованіи, т. е. почему потомки иногда сильно отступаютъ отъ своихъ родичей. 1) атовизмъ и 2) какъ называетъ Льюисъ, сила особи.

1) Атавизмъ, или прародительское вліяніе, повинуясь которому, иногда потомокъ являетъ совершенное сходство съ прапрадѣдомъ, или съ прабабкою, но не съ отцомъ и съ матерью, въ чемъ можно убѣдиться, приглядываясь на фамильные портреты, сохраненные въ нѣкоторыхъ семействахъ за нѣсколько поколѣній. Льюисъ объясняетъ это тѣмъ, что самыя свойства сходственности положимъ передались отъ дѣда къ отцу, но онѣ были замаскированы въ отцѣ, какимъ нибудь противудѣйствующимъ или измѣняющимъ вліяніемъ, но при передачѣ отъ отца къ сыну, при устраненіи этихъ препятствій, эти свойства дѣда обнаружились во внукѣ. Что мы и видимъ даже въ талантахъ и болѣзняхъ, которые являются, перейдя иногда отца или мать, во внукахъ или правнукахъ. Напр. чахотка, золотуха, сумашествіе, музыкальное дарованіе, которыя могутъ, какъ выражается Льюисъ: «задремать на одно поколѣніе, и вспыхнуть въ слѣдующихъ съ прежнею силою.»

2) *Сила особи.* Всѣмъ извѣстно, въ особенности заводчикамъ лошадей, что иногда кобыла можетъ давать жеребенка, при послѣдующихъ случкахъ; въ перваго жеребца, не смотря на то, что она его уже давно и не видитъ. Этому много находимъ фактовъ, которые получаются при скрещиваніи животныхъ различныхъ породъ. Тутъ передача зависитъ отъ силы особи, т. е. перевѣсъ падаетъ на того изъ родителей, который сильнѣе, «точно также», говоритъ Льюисъ, «какъ если вы смѣшаете водку съ равнымъ количествомъ воды, содовой воды и имбирнаго пива, вкусъ водки будетъ преобладать болѣе въ простой водѣ, чѣмъ въ содовой, болѣе въ содовой, чѣмъ въ имбирномъ пивѣ.»

Наблюденія Клапрота, Жиру и свидѣтельства Руша не оставляютъ сомнѣнія въ силѣ этого закона.

Жиру дѣлаетъ слѣдующій выводъ: что потомство стараго самца и молодой самки походитъ болѣе на мать чѣмъ на отца, т. е. въ той мѣрѣ, въ которой мать сильнѣе, а

отецъ слабѣе и обратно, этому также множество примѣровъ представитъ каждый заводчикъ лошадей.

Въ заключеніе своихъ доводовъ о наслѣдственности Льюисъ говоритъ такъ: «Мы наслѣдуемъ отъ родителей общія формы очертанія тѣла, органы костные, нервные, мышечные и желѣзистые. Въ передачѣ какой бы то ни было части организаціи нѣтъ абсолютнаго постоянства; но точно также, какъ черты лица могутъ быть прихотливо составлены изъ чертъ лица обоихъ родителей, или глаза и ротъ могутъ быть материнскіе, между тѣмъ какъ подбородокъ, носъ и лобъ напоминаютъ отца, такъ и разныя части тѣла могутъ быть составлены изъ органовъ обоихъ родителей или сложены изъ нихъ. Наслѣдуя такимъ образомъ общее строеніе мы по необходимости наслѣдуемъ и общее свойство. Мы наслѣдуемъ темпераментъ, долговѣчность, силу, раздражительность одного изъ родителей или обоихъ, мы наслѣдуемъ нервную систему, точно также, какъ мышечную и костную; а вмѣстѣ съ нервною системою мы наслѣдуемъ ея общія и частныя свойства, т. е. общую чувствительность системы, форму мозга и чувственныхъ узловъ. (*) Послѣ этого ясно, что всѣ наклонности, зависящія отъ нервной системы, также будутъ передаваться; даже спеціальныя способности, каковы способность къ музыкѣ, къ математикѣ, остроумію и т. д. перейдутъ въ наслѣдство, но даже пріобрѣтенные наклонности и ухватки будутъ передаваться. Но это наслѣдство въ каждомъ данномъ случаѣ подвержено вліянію другаго родителя и часто это вліяніе таково, что видоизмѣняетъ или вовсе предупреждаетъ его проявленія.»

Кромѣ того надобно замѣтить; что закону наслѣдственности препятствуетъ обнаружиться въ полной силѣ еще вліяніе предметовъ внѣшняго міра, или среды, въ которой живетъ человѣкъ. Напр. общій видъ природы, климатъ, почва, пища, могущественное вліяніе которыхъ на природу человѣка мы уже опредѣлили выше.

Легко убѣдиться въ томъ, какъ сильно могутъ дѣйствовать эти предметы на плодъ, находящійся еще въ утробѣ матери. Кому неизвѣстно, что всѣ впечатлѣнія беременной женщины отражаются на ея дитяти. У нѣкоторыхъ народовъ,изъ желанія имѣть здоровыхъ гражданъ, уваженіе беременныхъ женщинъ входило даже въ ихъ гражданскіе законы.

Возрожденіе, или воспроизведеніе организма въ животномъ и растительномъ царствѣ принято уже у всѣхъ нату-

(*) А я прибавлю къ этому и кровь, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ жизненномъ процессѣ.

ралистовъ подъ тремя формами, которыя въ сущности одинѣ и тѣ же, разница происходитъ отъ большаго или меньшаго осложненія организма, что ведетъ къ большему или меньшему обособленію способа воспроизведенія.

Въ наше время сравнительная анатомія пытается доказать сходство анатомическихъ формъ всѣхъ животныхъ вообще, не исключая и человѣка; она указываетъ фактъ, что самые низшіе изъ нихъ соединены съ самыми высшими, до человѣка включительно, непрерывнымъ рядомъ разнообразныхъ и сложныхъ переходовъ. 1) Эѳіопское племя составляетъ переходъ отъ человѣка къ животнымъ, потому что имѣетъ множество общихъ съ ними свойствъ. Напр. Негръ имѣетъ близкое сродство съ обезьяной. 2) Формы всѣхъ животныхъ въ первое время своего индивидуальнаго образованія совершенно похожи другъ на друга. Всѣ зародыши всѣхъ животныхъ похожи другъ на друга, «и часто», говоритъ Бюхнеръ, «невозможно отличить зародышъ овцы отъ зародыша человѣка, будущаго генія. Въ новѣйшее время не безъ успѣха пытались даже прослѣдить въ исторіи развитія животнаго, какъ зародышъ постепенно представляетъ типы всѣхъ животныхъ низшаго развитія, такъ что при этомъ повторяется въ узкихъ рамкахъ миніатюры весь порядокъ творенія.» Не входя въ дальнѣйшія изслѣдованія различія человѣческихъ породъ, мнѣ кажется, что общій видъ окружающей природы, климатъ, почва и пища, по своему вліянію на физическую и духовную природу человѣка, отразились самыми важными послѣдствіями въ общей организаціи обществъ и породили множество видовъ человѣчества, которые не рѣдко отводятъ къ коренному различію человѣческихъ породъ (*). При общемъ взглядѣ на идеальное государство мы видимъ, что народы его составляющіе, какъ все человѣческое, состоятъ подъ десницею высшей необходимости своей судьбы, или назначенія, а лучше сказать: закона природы. Основныя условія народной жизни лежатъ въ природѣ, ею самой опредѣленныя; человѣкъ можетъ только свободно развивать ихъ, но уничтожить ихъ не можетъ.

Въ началѣ своемъ, народы, находясь подъ вліяніемъ своего духа и внѣшнихъ условій, сложились, или образовались не вслѣдствіе произвольной встрѣчи, но вслѣдствіе

(*) Миль (Principls of Political Economy) говоритъ; «Изъ всѣхъ грубыхъ уловокъ, къ которымъ прибѣгаютъ, чтобы не входить въ разсмотрѣніе дѣйствій общественныхъ и нравственныхъ вліяній на духъ человѣка, самую грубую составляютъ объясненія и сходства въ дѣйствіяхъ и характерахъ людей ихъ врожденнымъ различіемъ».

побужденій, лежащихъ въ самой человѣческой природѣ, т. е. потребности жить въ обществѣ. Слѣдовательно народы не сами себя отдѣлили, а были отдѣлены другъ отъ друга законами природы.

Раздѣленіе народовъ составляетъ необходимость, обусловливаемую различіемъ земныхъ поясовъ, т. е. окружающей ихъ природы, отъ которой зависятъ: ихъ бытъ, характеръ и всѣ условія индивидуальной и общественной ихъ жизни. Это различіе земныхъ поясовъ и останется всегдашнею необходимостію, пока земля сохранитъ свою нынѣшнюю натуру. Народы идеальнаго государства двояко связаны силою природы: 1) Ихъ внѣшняя, національная неизмѣняемость обусловливается мѣстностію, на которой они живутъ, ихъ матеріальное развитіе вызывается, управляется и ограничивается естественными законами общественной жизни, носящими въ себѣ условія вѣчной необходимости, потому что основаны на неизмѣнныхъ свойствахъ человѣческой природы. 2) Внутренняя духовная форма народной жизни равнымъ образомъ сводится также на неизмѣнныя и необходимыя основы человѣческаго духа, зависящаго отъ матеріи, изъ коей созданъ человѣкъ, и окружающей его среды, т. е. отъ той же природы. Недостатки, неудобства и просто невозможность одинокаго существованія человѣка и его природы обусловили образованіе семейства, общества и государства.

Итакъ, принявъ за истину, что общество и государство создаются природою, по опредѣленнымъ законамъ, необходимо совершенно отвергнуть мысль, что онѣ суть произведенія мудрости человѣческой, а потому: каждая власть должна, уразумѣвъ законы природы, по которымъ выразились свойства каждаго народа, стремиться только сохранять тотъ порядокъ, который опредѣленъ природою въ устройствѣ и существованіи государства.

Слѣдовательно, каждая власть должна имѣть прежде всего передъ собой истину, или идеалъ государства, который вырабатывается Наукою Бытія, или Политической экономіей, изъ изслѣдованія естественныхъ законовъ жизни человѣка, общества и ихъ природы — и стремиться только уничтожать препятствія, затрудняющія естественное развитіе народной жизни, или достиженія его до идеала. Основываясь на чемъ, мы видимъ, что дѣйствія власти идеальнаго государства суть только отрицательныя, т. е. уменьшеніе зла, происходящаго отъ врожденныхъ недостатковъ людей и обстоятельствъ, возникающихъ въ окружающей ихъ средѣ, препятствующихъ общественному развитію.

Ежели удастся власти, какого бы то ни было государства, уничтожить, хотя отчасти, только зло, препятствующее достигать обществу до идеала, то этого одного уже будетъ достаточно, чтобы государство приблизилось къ своему цвѣтущему, здоровому состоянію.

Вмѣшательство власти въ общественный механизмъ должно быть только тамъ, гдѣ нужно помочь, гдѣ общество безъ его силы не можетъ устранить препятствія; для этого власти необходимо знать нужды своего народа, желать помочь и имѣть къ тому средства. Безъ знанія нуждъ, безъ желанія помогать народу и безъ средствъ, т. е. богатства, власть не достигаетъ цѣли.

Физіократы еще прежде утверждали, что «атрибуты власти должны быть: охраненіе естественнаго порядка вещей отъ нарушенія, возникающаго изъ среды того же самаго общества, на почвѣ котораго должно совершаться его развитіе».

Подобно тому какъ въ младенцѣ съ развитіемъ организма проявляются сперва понятія, потомъ постепенно съ ростомъ является юность, съ нею болѣе ясное сознаніе, затѣмъ приходитъ зрѣлость какъ организма, такъ и ума, такъ точно и въ формирующемся народѣ, какъ въ органическомъ существѣ, съ развитіемъ его организма, является потребность въ болѣе разумной формѣ правительства, въ которой народъ проводитъ свою старость, слабѣетъ, умираетъ, и организація его распадается, оставляя слѣды своего существованія, для будущихъ поколѣній. Таковъ законъ природы. Нѣкоторыя общества проходятъ всѣ возрасты естественнымъ путемъ, другія умираютъ недозрѣлыми. Подобнымъ образомъ, въ силу основнаго закона жизни каждаго органическаго существа, отличающагося отъ неорганическаго, сложилось разсматриваемое нами Идеальное Государство: 1) *закона питанія*, по которому оно росло отъ зарожденія до зрѣлости. 2) *закона развитія*, въ силу котораго организмъ Идеальнаго Государства прошелъ всѣ измѣненія, или возрасты, ведущіе къ смерти и 3) *закона размноженія*, какъ и каждое живое существо, котораго организмъ даетъ начало организмамъ себѣ подобнымъ, передавая свою жизнь отъ поколѣнія къ поколѣнію.

При общемъ взглядѣ на Идеальное Государство мы видимъ, что оно представляется живымъ органическимъ существомъ, полнымъ жизни и стремленій, у коего духъ, или власть выражаетъ собою волю всего народа.

Сравнивъ государство и народъ съ живымъ организ-

момъ мы воспользуемся физіологическими наблюденіями и опредѣленіемъ Льюиса, относительно жизни каждаго органическаго существа, чтобы составить себѣ понятіе о существованіи народа, какъ цѣлой, недѣлимой, органической единицы, или особи.

Жизнь есть динамическое состояніе организма, имѣющая три основныя черты: *ростъ, размноженіе и смерть*, что замѣчаемъ и въ жизни народа, или государства. Всякій живой организмъ состоитъ изъ клѣточекъ, живущихъ самобытно. Жизнь государства обнимаетъ всѣ формы, начиная отъ жизни клѣточки, до жизни цѣлаго организма, или начиная отъ человѣка до жизни государства, какъ органическаго тѣла.

Сравнивъ человѣка съ клѣточкою, составною частію каждаго живаго организма, сдѣлается нѣсколько понятною жизнь государства, состоящаго изъ людей.

Льюисъ говоритъ: «клѣточку разсматриваютъ какъ истинный біологическій атомъ. Ничто не живетъ кромѣ клѣточекъ или того, что мы имѣемъ право считать развившимся изъ клѣточекъ. Какія бы отступленія отъ формы клѣточки не встрѣчались намъ, при анатомическомъ изслѣдованіи,—какъ напр. *въ волокнахъ, сосудахъ, костяхъ, перепонкахъ*, морфологическое изслѣдованіе показываетъ, что всѣ эти части первоначально состояли изъ клѣточекъ. Организмъ возникаетъ въ видѣ клѣточки, во все продолженіе своего существованія, значительная часть организма состоитъ изъ клѣточекъ, а остальная часть его изъ превращенныхъ клѣточекъ, или ихъ продуктовъ.» Т. II. стр. 353, физ. обыденной жизни. Далѣе, стр. 354, онъ говоритъ, «каждая клѣточка въ организмѣ независима: она зараждается, растетъ, размножается, умираетъ, подобно однолѣточному растенію, или животному. Ростъ и смерть органа подобны росту и смерти народа, или дерева, отдѣльныя клѣточки, составляющія органъ, ростутъ и погибаютъ какъ отдѣльныя лица. Тутъ есть нѣкоторое общее единство; которое слагается изъ отдѣльныхъ единицъ! Точно также, какъ жизнь народа, или дерева есть итогъ жизней всѣхъ его особыхъ частей, такъ и жизнь организма есть итогъ жизней его отдѣльныхъ клѣточекъ.»

Кажется послѣ такихъ доводовъ нельзя сомнѣваться въ аналогіи жизни этихъ двухъ организмовъ. Эта аналогія и опредѣленіе жизни опровергаютъ совершенно гипотезу центра жизненной дѣятельности въ организмѣ, потому что теперь уже ясно, что существуютъ и живутъ милліоны подобныхъ центровъ. Въ доказательство этой идеи Льюисъ говоритъ слѣдующее: «По этому мы не удивляемся болѣе, узнавая,

что часть организма можетъ быть разрушена безъ прекращенія отправленій этого органа; это такое же явленіе, какъ продолженіе борьбы со стороны полка, въ которомъ много убитыхъ. Если вожди падутъ, то полкъ разсыплется и каждому рядовому придется управляться по своему; точно также, когда разрушаются извѣстныя управляющія части въ механизмѣ органа, отправленіе этого органа прерывается, а отдѣльныя клѣточки предоставляются самимъ себѣ. Т. II. стр. 154.

Слѣдовательно, итогъ жизней отдѣльныхъ клѣточекъ составляетъ жизнь животнаго и единственно говоря заключается не въ силѣ управляющей, а во взаимномъ содѣйствіи множества силъ. Тоже самое мы видимъ и въ государствѣ, что итогъ жизней отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ его составъ, выражаетъ его жизнь.

Въ каждомъ живомъ организмѣ есть единство—есть согласіе. «Но это, по моему мнѣнію,» говоритъ Льюисъ, «не можетъ быть приписано жизненному началу, существующему независимо отъ организма, это согласіе должно быть приписано органической подчиненности: всѣ части связаны, всѣ содѣйствуютъ одна другой, при посредствѣ нервной системы, какъ всѣ части арміи дѣйствуютъ въ одномъ смыслѣ, благодаря начальству и дисциплинѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ такой связи между частями, не можетъ быть и такой подчиненности органовъ.» Т. II, стр. 349.

Тѣ же органы и ту же нервную систему мы видимъ въ организмѣ Идеальнаго Государства, въ отдѣльныхъ управленіяхъ и непрерывной нити должностныхъ лицъ, приводящихъ въ исполненіе мысль души государства, или власти.

Жизнь каждаго человѣка, въ общественномъ тѣлѣ, какъ жизнь каждой клѣточки, должна быть пропорціональна ея организаціи, потому что жизнь, какъ мы сказали выше, есть итогъ всей дѣятельности этой клѣточки и проста на столько, на сколько проста ея организація.

Жизнь государства можно сравнить съ жизнію высокоорганизованнаго существа, которая должна быть итогомъ дѣятельности всѣхъ его живыхъ силъ.

По сближеніи жизни народа, или государства съ жизнію органическаго существа, мы должны привыкнуть отличать жизнь частей отъ жизни цѣлаго, или отличать явленія, зависящія отъ отдѣльныхъ частей, т. е. которыя основаны на ихъ формахъ и на ихъ механизмѣ. Какъ въ жизни, такъ

и въ смерти организмовъ: человѣка и общественнаго, мы находимъ сходство. (*)

Не то ли же самое встрѣчаемъ мы и въ жизни государства, когда оно, неестественнымъ образомъ своей жизни, зависящимъ отъ нерацiональныхъ распоряженiй, невниманiя и недальновидности правительства, доводитъ свой организмъ до болѣзненнаго состоянiя и разрушенiя, подвергая его внѣшнимъ ударамъ. Одна война можетъ нанести часто смертельный ударъ государству и быть причиною его разрушенiя и политической смерти.

Сознавая духъ владыкою жизни не только всякаго разумнаго, органическаго существа, но жизни каждаго органа и послѣдняго его атома, мы видимъ то же самое и въ Идеальномъ Государствѣ, что всѣ части его организма, до послѣдняго атома, напоены и проникнуты духовною и живительною силою власти, или души, руководящей физическимъ началомъ, т. е. народомъ.

Вотъ почему, не только всѣ достоинства, но и несовершенства каждой верховной власти, состоящей изъ такихъ

(*) „Смерть“, какъ выражается Льюсъ, „есть разрушенiе органическаго единства, а слѣдовательно и явленiй, зависимыхъ отъ этого единства...„

1) *Смерть частей.* Жизнь клѣточки зависитъ отъ двойственнаго процесса сложенiя и разложенiя, уподобленiя и разрушенiя, возобновленiя и траты. Первый изъ этихъ процессовъ сопряженъ съ соединенiемъ элементарныхъ началъ и съ ростомъ вещества клѣточки; второй процессъ сопряженъ съ разъединенiемъ элементарныхъ началъ, съ отдѣленiемъ ихъ отъ вещества клѣточки и онъ-то и есть разрушенiе, или смерть. Такова неразрывная связь между жизнiю и смертью.„

“Частная смерть, или трата веществъ, вслѣдствiе жизненной дѣятельности, происходитъ безпрерывно; но жизнь организма продолжается, онъ переживаетъ смерть органовъ, какъ народъ переживаетъ смерть отдѣльныхъ людей.„

2) *“Смерть организма.* Хотя лишь на основанiи несущественныхъ разностей, мы можемъ отличить слѣдующiе три вида смерти: 1) Смерть естественная, 2) Смерть случайная и 3) Смерть отъ болѣзни. Между тѣмъ ясно, что происходитъ ли прекращенiе жизненныхъ явленiй, вслѣдствiе постепеннаго разрушенiя и засорѣнiя, обусловленнаго старостiю; вслѣдствiе болѣзни или болѣе внезапно, отъ яда, или раны; въ каждомъ изъ этихъ случаевъ смерть происходитъ отъ нарушенiя того соотношенiя между отдѣльными частями жизненнаго механизма, который соединялъ всѣ эти единицы въ одно дѣятельное единство, заставляя каждую изъ нихъ дѣйствовать на другiя. Въ старости, это нарушенiе совершается постепенно. Старецъ умираетъ по частямъ; его отправленiя слабѣютъ, его чувства одно за другимъ утрачиваютъ свою дѣятельность, и многiя причины, возбуждающiя ощущенiя, перестаютъ на него дѣйствовать. Въ болѣзни это нарушенiе быстро; еще быстрѣе оно при несчастныхъ случаяхъ.„

же несовершенныхъ людей, какъ и атомы всего общественнаго тѣла, до малѣйшихъ оттѣнковъ, какъ свойство души, отражаются на организмѣ государства, т. е. на управленіи, въ условіяхъ и недостаткахъ политической жизни народа, а въ нѣкоторыхъ обществахъ доходятъ иногда до бѣдствій и совершеннаго разрушенія общественнаго порядка.

Съ перваго взгляда на Идеальное Государство мы замѣчаемъ, что его цвѣтущая жизнь, т. е. благоденствіе, или счастіе, какъ политическаго тѣла или органическаго существа, зависитъ отъ разумнаго развитія духовной и физической силъ, т. е. правительства и народа, (души и тѣла государства) что должно составлять личный интересъ каждаго общества, или цѣль его политической жизни. (*)

Нельзя не признать, что цвѣтущее здоровье и благоденствіе каждаго органическаго существа зависятъ отъ возможнаго равновѣсія духовной и физической силы. Духъ и тѣло взаимно условливаютъ другъ друга, съ такою необходимостію, что одно безъ другаго быть не можетъ; матерія носитъ въ себѣ всѣ духовныя силы. Матеріалисты говорятъ: «Кто унижаетъ матерію, тотъ унижаетъ самаго се-«бя и всю природу, кто гнушается своимъ тѣломъ, тотъ «унижаетъ и свой духъ и настолько приноситъ себѣ вредъ, «на сколько безсмысленно воображаетъ получить прибыль «для души своей.» (**)

Чрезмѣрное развитіе одного изъ началъ всегда дѣлается въ ущербъ другаго, такъ напр. излишнія физическія упражненія, или заботы объ удовлетвореніи только тѣлесныхъ, или инстинктивныхъ побужденій, доводятъ человѣка до скотской неразвитости, а чрезмѣрныя умственныя занятія и созерцательная жизнь отзываются на истощеніи физической природы человѣка, и чѣмъ болѣе это отступленіе отъ естественнаго закона природы, т. е. равновѣсія, тѣмъ болѣе человѣкъ подвергается душевнымъ или тѣлеснымъ недугамъ, смотря по тому что преобладаетъ, и тѣмъ болѣе онъ отдаляется отъ благоденствія, или цѣли своего существованія.

Если мы представимъ себѣ государство органическимъ существомъ и примемъ за его душу правительство, а за тѣло народъ, то получимъ тѣ же самыя послѣдствія, при

(*) Для послѣдующихъ выводовъ мы примемъ, что духъ каждаго разумнаго существа состоитъ изъ нравственнаго и умственнаго началъ, источниками коихъ суть: сердце и умъ.

(**) Въ государственномъ организмѣ матеріальное начало выражаетъ народъ, а потому власть должна уважать народъ, какъ самою себя, потому что онъ составляетъ ея плоть, или тѣло, однимъ словомъ все ея существо.

нарушеніи равновѣсія, т. е. естественнаго закона между ними. Послѣдствія борьбы проявляются всегда въ преобладаніи одного надъ другимъ. Разсматривая историческую или современную политическую жизнь всѣхъ несовершенныхъ государствъ, мы видимъ постоянно это стремленіе, т. е. борьбу интересовъ правительства и народа (колебаніе въ преобладаніи одного надъ другимъ), т. е. когда народъ пріобрѣтаетъ слишкомъ много свободы и выходитъ изъ повиновенія власти, или когда духовное начало, т. е. власть, подчиняетъ себѣ совершенно физическое, т. е. народъ, и когда въ дѣйствіяхъ своихъ злоупотребляетъ свою власть, проявляя деспотическую идею: *что народъ существуетъ только для удовлетворенія ея прихотей*, забывая естественный законъ, равной зависимости тѣла и духа другъ отъ друга, т. е. что и власть точно также существуетъ для народа, иначе, отдѣляя свой интересъ отъ народнаго, она нарушаетъ естественный законъ равновѣсія, что влечетъ за собою деспотизмъ, а за нимъ и неуваженіе частнаго, или личнаго интереса атомовъ, составляющихъ все существо государства.

Въ обоихъ случаяхъ вина должна падать на правительство, потому что оно, имѣя въ своихъ рукахъ силу, составляя собою духъ существа государства, должно умѣть заставить повиноваться себѣ, (только не безусловно), физическое его начало, или народъ, что видимъ въ каждомъ разумномъ организмѣ, у коего духъ, хотя и остается постояннымъ владыкою своего тѣла, но все таки зависимымъ отъ него, и ничего не можетъ предпринять и сдѣлать, для своего же тѣла, не сообразясь съ его побужденіями.

Фридрихъ Великій въ запискахъ своихъ, говоритъ: «Государь (власть)—первый слуга и первый чиновникъ государства. Онъ обязанъ государству отчетомъ въ употребленіи налоговъ, онъ собираетъ ихъ для содержанія войскъ на защиту государства, для поддержанія чести своего сана, для вознагражденія службы и заслугъ, для возстановленія нѣкотораго равновѣсія между богатыми и бѣдными, для помощи несчастнымъ всякаго рода, наконецъ для поддержанія величія во всемъ, что касается государства вообще. Государь, одаренный просвѣщеннымъ умомъ и честнымъ сердцемъ, будетъ направлять всѣ свои расходы къ пользѣ общей и благу своихъ народовъ.» Такова должна быть каждая власть. Робертъ Моль въ сочиненіи: о политической экономіи, говоритъ: «Призваніе и назначеніе правительствъ въ свою очередь должно состоять въ охраненіи свободы и собственности, къ которымъ приводятся всѣ нравствен-

ныя и матеріальныя потребности человѣческихъ обществъ. Власть, которая посягаетъ на свободу и собственность подчиненныхъ ей людей, непонимаетъ своего назначенія и показываетъ, что она не только лишняя, но даже вредная для общества. Робертъ Моль говоритъ далѣе: «Въ настоящее время не можетъ уже называться новою мыслію, что форма политической власти не есть нѣчто произвольное, а напротивъ того явленіе, обусловливаемое потребностями времени и народной жизни, явленіе въ высшей степени конкретное, но этого не сознавали по видимому представители физіократическаго ученія, при всей склонности къ отвлеченности и чисто философскому мышленію. Безъ сомнѣнія, лучшая для народа форма правительственной власти есть та, которая выработалась въ силу его исторіи, какъ доказываетъ опытъ; она отличается особою крѣпостію и является несокрушимою ни предъ какими народными движеніями, до той поры, пока неутратитъ историческаго смысла.

Неповиновеніе народа можетъ происходить болѣе всего отъ неумѣнья управлять имъ, а неумѣнье отъ невѣжества, слабости характера и другихъ нравственныхъ и умственныхъ недостатковъ власти, служащихъ источникомъ дурныхъ распоряженій, вызывающихъ неповиновеніе.

При общемъ взглядѣ на Идеальное Государство, или на народонаселеніе, отдѣльно отъ воли, оно представляетъ собою сложную, изъ разнообразныхъ элементовъ частей и частицъ, машину, неприведенную въ движеніе, имѣющую стройность, пропорціональность и порядокъ, которая дѣлится на большія и меньшія части, до послѣдняго атома включительно, какъ и каждый организмъ.

На этомъ основаніи устройство каждаго государства можно выразить въ положительныхъ правилахъ государственнаго хозяйства, какъ части общей Науки Бытія, потому что эти правила могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія физическаго, постояннаго элемента Идеальнаго Государства.

Вся масса народонаселенія Идеальнаго Государства раздѣляется самой природой на три пропорціональныя главныя части, составляющія основныя его корпораціи, именно: 1) на высшій, 2) средній и 3) нисшій классы. Послѣдній, по числу атомовъ, назначенію и существу своему, составляетъ какъ бы фундаментъ или туловище всего государственнаго организма и, какъ видно, имѣетъ назначеніе производителя, приготовляя и вырабатывая болѣе физическимъ трудомъ

изъ земли всю пищу для цѣлаго организма (*). Бокль говоритъ: «Въ каждой странѣ, какъ скоро накопленіе богатства достигаетъ въ ней извѣстнаго предѣла, произведеніе труда каждаго человѣка становится болѣе чѣмъ достаточнымъ для содержанія его самаго; слѣдовательно, прекращается необходимость въ томъ, чтобы всѣ работали, и образуется отдѣльный классъ, члены котораго проводятъ жизнь большею частію въ преслѣдованіи удовольствій, и только весьма немногіе занимаются пріобрѣтеніемъ и распространеніемъ знанія. Въ числѣ этихъ послѣднихъ, всегда бываютъ такіе; которые, пренебрегая явленіями внѣшняго міра, обращаютъ все свое вниманіе на изученіе своей внутренней природы.»

Вотъ почему мы встрѣчаемъ, при историческомъ изслѣдованіи, что философствовать начали только у народовъ, которые достигли извѣстной степени благосостоянія и образованія.

Бокль, раздѣляя каждое общество на два класса: трудящихся и нетрудящихся, говоритъ: «послѣдніе, въ совокупности взятые, способнѣе, а первые многочисленнѣе. Запасъ, насчетъ котораго содержатся оба класса, непосредственно производится низшимъ классомъ; физическія силы направляетъ, совокупляетъ и какъ бы сберегаетъ умѣнье высшаго класса.» Т. I, стр. 58. По моему мнѣнію оба класса трудятся каждый по своему: одинъ умственно, другой физически.

Слѣдовательно, если бы власть желала уровнять всѣ классы, то люди, по своимъ способностямъ, свойствамъ, богатству, благосостоянію и наклонностямъ, скоро бы рѣзко отдѣлились другъ отъ друга.

Высшій классъ имѣетъ назначеніе, какъ бы исключительно, потребителя и составляетъ собою благородные члены и органы государственнаго организма.

Средній представляетъ посредника между низшими и высшими, или какъ бы руки и ноги существа государства, посредствомъ которыхъ передаются и разносятся переработанныя произведенія всѣмъ частямъ тѣла.

Взаимныя потребности и отношенія всѣхъ трехъ классовъ, для удовлетворенія личнаго и общественнаго интересовъ, даютъ начало внутренней и внѣшней жизни государства, которую должно имѣть предметомъ своимъ государственное хозяйство

(*) Назначеніе это происходитъ отъ природныхъ свойствъ, сложенія и устройства человѣческаго организма низшей породы, которому дается способность самой природой болѣе къ физическому труду, нежели къ умственнымъ занятіямъ, что мы старались обнаружить выше, въ предыдущей главѣ.

При тщательномъ изслѣдованіи организма Идеальнаго Государства, мы видимъ, что его цвѣтущее состояніе зависитъ отъ условій общественной жизни, проистекающихъ изъ самой массы общества, которыя вырабатывались практическою жизнію, подъ вліяніемъ опыта и постепеннаго движенія цивилизаціи, шедшей впередъ къ своему совершенству и отъ продолжительности его жизни, или его возраста.

Условія эти исподоволь составляли собою общественные законы жизни и опредѣлили положительно кругъ дѣйствій, не только цѣлаго организма Идеальнаго Государства, но въ немъ опредѣлили положеніе и кругъ дѣйствія каждой его части, сословія общины, до послѣдняго основнаго его зародыша, или человѣка включительно.

Въ основаніи этихъ условій, какъ и въ основаніи организма Идеальнаго Государства, положена истина, которая немыслима безъ духовной, разумной свободы человѣка. Истина и свобода обусловливаютъ другъ друга.

Если допустимъ раздѣленіе свободы на обсолютную и ограниченную, то первая, при строгомъ обсужденіи, немыслима, не только въ обществѣ или въ человѣкѣ, входящемъ въ составъ его, но даже въ личности, взятой отдѣльно отъ общества, потому что тогда свобода ея все-таки подчиняется обстоятельствамъ.

Не принимая во вниманіе силы естественныхъ законовъ, которымъ повинуются всѣ животныя и отвергая у нихъ разумъ, можно допустить только, при такой натяжкѣ, обсолютную свободу безсловесныхъ животныхъ, но никакъ не человѣка. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи свободы человѣка, даже отдѣльно отъ общества, какъ разумнаго существа, мы будемъ понимать свободу не безусловно, а ограниченную меньшими только условіями, нежели когда онъ живетъ въ обществѣ, потому что тогда человѣкъ не связывается условіями общей жизни государственнаго организма.

Общая цвѣтущая, здоровая конструкція организма Идеальнаго Государства, какъ видно изъ его изслѣдованія, зависитъ отъ естественныхъ условій, выведенныхъ изъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ здоровой жизни государственнаго организма, которая требуетъ устраненія непріятныхъ столкновеній личныхъ интересовъ людей всѣхъ классовъ, такъ что каждому человѣку законами опредѣлены положительныя для того права.

Условія цвѣтущаго состоянія организма Идеальнаго Государства.

1) Основаніе правительственной власти Идеальнаго Государства заключается въ самомъ народѣ и вытекаетъ

изъ него, какъ его свойство. Этотъ естественный законъ повторяется во всѣхъ частяхъ и членахъ Идеальнаго Государства, т. е. въ сословіяхъ, общинахъ, которыя сами избираютъ своихъ общественныхъ дѣятелей, отвѣтствующихъ за свои упущенія предъ обществомъ, ихъ избирающимъ. Въ Идеальномъ Государствѣ власть существуетъ единственно для блага народа.

2) Каждая личность, входящая въ составъ общества, можетъ свободно удовлетворять свои стремленія къ лучшему, т. е. къ своему благосостоянію и благоденствію, только не вредя своему ближнему и общему интересу.

3) Общественные законы охраняютъ вѣчныя и естественныя права каждой личности; на основаніи чего, каждая личность свободно пользуется своими правами, чѣмъ обезпечивается ихъ всѣхъ благосостояніе и наслажденіе.

4) Всѣ личности, входящія въ составъ Идеальнаго Государства, равно подчиняются закону. Онъ одинаково защищаетъ или наказываетъ каждаго. Общество, въ которомъ не опредѣлено раздѣленіе власти и ненадежно обезпечены права личностей, есть антиподъ Идеальнаго Государства.

5) Основаніемъ къ общественнымъ отличіямъ служатъ только личныя способности, истинное образованіе и добросовѣстность, употребленныя для общей пользы. Всѣ личности, обладающія этими условіями, допускаются ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ.

6) Общество, избирающее общественныхъ дѣятелей, имѣетъ право требовать у нихъ отчета по управленію.

7) Общественныя условія, или законы, запрещаютъ отдѣльнымъ личностямъ только тѣ дѣйствія, которыя вредны для другой личности или для общества.

8) Въ Идеальномъ Государствѣ собственность каждой личности считается священною, на которую никто, даже власть посягать не можетъ. Одно обстоятельство дозволяетъ нѣкоторое отступленіе, это когда собственность частнаго лица можетъ доставить общественную пользу, то владѣлецъ можетъ быть лишенъ ея, приговоромъ общества и то неиначе, какъ прежде онъ долженъ быть прилично вознагражденъ.

9) Каждый законъ есть выраженіе разумной мысли народа.

10) Въ Идеальномъ Государствѣ никто необвиняется, никто не задерживается по произволу, тамъ наказывается какъ заставляющій исполнять незаконное, такъ и исполняющій самовластныя распоряженія, — за то, каждая личность за-

держанная во имя закона, повинуется безусловно, и сопротивленіе дѣлаетъ ее виновною.

11) Общественные законы въ Идеальномъ Государствѣ опредѣляютъ только общія крайне-необходимыя наказанія, сообразныя съ эпохою, въ которой живетъ народъ и степенью его цивилизаціи. Ни одна личность не наказывается иначе какъ по смыслу законовъ, не имѣющихъ обратнаго дѣйствія, которые примѣняются гласнымъ судомъ.

12) Всякое безъ нужды суровое обращеніе съ арестованнымъ (будетъ ли онъ признанъ судомъ виновнымъ или невиннымъ), въ Идеальномъ Государствѣ, наказывается строго.

13) Предполагая возможную духовную свободу каждой личности въ Идеальномъ Государствѣ, никто не преслѣдуется за свои мнѣнія, каковы бы онѣ не были, если онѣ не нарушаютъ или не вредятъ общественному благу, на томъ основаніи, что нѣтъ такой даже неосновательной идеи, которая бы не могла принести хотя отрицательной пользы; она можетъ навести на истинную ей противуположную идею. Тамъ каждый высказываетъ свободно свои мысли, потому что нестесненное ихъ сообщеніе есть одно изъ самыхъ существенныхъ, благодѣтельныхъ и главныхъ правъ и потребностей человѣческихъ, отъ котораго зависитъ духовное развитіе и совершенство всего общества. Въ Идеальномъ Государствѣ считаются священными: Богъ, верховная власть и личность, за злоупотребленіе свободы обмѣна мыслей, относительно этихъ трехъ уважаемыхъ народомъ предметовъ, каждый отвѣчаетъ передъ гласнымъ судомъ (*).

14) Богатство каждой личности, входящей въ составъ Идеальнаго Государства, выражаетъ часть богатства всего государства, потому что по достатку отдѣльныхъ частныхъ лицъ, можно заключить о богатствѣ всего государства. Входя въ общество, и принимая добровольно его условія, каждая личность въ Идеальномъ Государствѣ, считаетъ обязанностію добровольно внести часть избытка отъ своего богатства въ общую государственную кассу, для содержанія общественныхъ учрежденій, доставляющихъ ей такія удобства, которыхъ бы она не могла пріобрѣсти, если бы употребляла на то все свое состояніе. На основаніи чего, въ Идеальномъ Государствѣ, установлены, общіе налоги, распредѣленные равномѣрно и сообразно богатству

(*) Каждый, кто уважаетъ себя, будетъ уважать и другаго. Кто посягаетъ на личность и честь ближняго изъ побужденія своихъ страстей, злобы, мести и т. п. тотъ не имѣетъ ни чести, ни благороднаго достоинства, ни уваженія къ самому себѣ.

каждой личности, т. е. каждый индивидумъ платитъ извѣстный процентъ, съ принадлежащаго ему богатства, разумѣется, выраженнаго цѣною на деньги. Идеальное Государство отличается своею бережливостью и оттого пользуется необыкновеннымъ кредитомъ.

15) Общественная сила вызывается естественною потребностію огражденія правъ и возможной независимости, какъ каждой личности, входящей въ составъ Идеальнаго Государства, такъ и самаго государства въ международныхъ его отношеніяхъ съ другими себѣ подобными, единицами. А потому войска, выражая вещественно силу Идеальнаго Государства, устроиваются военною системою, сообразно съ современною, господствующею политическою идеею, съ средствами и политическимъ положеніемъ народа (*). Таковы условія общаго закона естественной, здоровой жизни человѣка,—этой клѣточки общественнаго и всего государственнаго организма, который, какъ видимъ, зависитъ отъ естественной нормальной жизни первоначальной своей единицы. Отъ этихъ условій самобытной и самостоятельной жизни каждаго человѣка, пользующагося свободно своими правами, пользуется все тѣло Идеальнаго Государства цвѣтущимъ здоровьемъ, и успѣшно развиваясь, идетъ къ совершенству.

Эти условія лежатъ въ основѣ естественнаго закона жизни общественнаго организма, служащихъ базою жизни и побужденій каждой личности, входящей въ его составъ, которая получаетъ отъ природы назначеніе жить между себѣ подобными личностями, въ общей массѣ общественнаго организма,не отрицающаго возможности одинокаго,т. е. отдѣльнаго существованія личности. Подъ вліяніемъ этого закона общей организаціи Идеальнаго Государства перейдемъ къ физіологическому разсмотрѣнію законовъ жизни каждой его части и частицы до послѣдняго атома и его зародыша, или человѣка, т. е. клѣточки государственнаго организма.

Человѣкъ Идеальнаго государства и его назначеніе.

«Первый предметъ для человѣка есть человѣкъ».
Фейербахъ.

Всѣ классы народа Идеальнаго Государства дробятся на части или группы, имѣя свои частныя подраздѣленія до послѣдняго человѣка, представляющаго собою не цѣлое, а

(*) См. Современное Военное Искусство, часть II, глава III. Современная военная система.

только половину первоначальной единицы всего человѣчества. (*) Съ перваго взгляда на человѣка является поразительный, индивидуальный его недостатокъ, отнимающій у него возможность выполнять (если мы возьмемъ его отдѣльно) свое назначеніе, налагаемое на него природой и всякое право носить названіе атома общества, государства и всего человѣчества, безконечнаго въ своемъ перерожденіи, потому что онъ, взятый отдѣльно, лишенъ средства воспроизводить себѣ подобныхъ; ему недостаетъ, для выполненія цѣли природы, другой соотвѣтствующей его половины. Эти двѣ половины только вмѣстѣ могутъ составить полный и совершенный атомъ общества, способный поддерживать свойство цѣлаго перерожденіемъ, т. е. *безконечность жизни* всего человѣчества. Подъ словомъ человѣкъ, вообще будемъ разумѣть мужчину и женщину безразлично, какъ нераздѣльныя половины, создающіяся изъ одной и той же матеріи, въ различной пропорціи, въ которыхъ сосредоточиваются различныя, но соотвѣтствующія свойства и качества, необходимыя для дополненія другъ друга, къ составленію атома общества и всего человѣчества. Эту-то половину, происходящую какъ бы изъ раздѣленія недѣлимаго (по предположенію) атома, или основной единицы на двѣ части, составляющія зародышъ Идеальнаго Государ-

---

(*) Здѣсь у мѣста выразить наше понятіе объ атомѣ человѣчества. До сихъ поръ разумѣли подъ словомъ атомъ вообще недѣлимую частицу матеріи, но въ отношеніи къ человѣчеству, государству и обществу, представляя его какъ нѣчто цѣлое, это не примѣнимо. Подъ словомъ атомъ органическаго тѣла Идеальнаго Государства будемъ понимать такую частицу, которая состоитъ изъ недѣлимыхъ соотвѣтствующихъ односущихъ, одаренныхъ не полною жизнію, половинъ (мужчины и женщины), различныхъ по своимъ свойствамъ, какъ положительное и отрицательное электричество, которыя, въ совокупной жизни, находясь въ постоянномъ взаимномъ противудѣйствіи, или борьбѣ, производятъ жизнь, проявляющуюся въ цѣломъ атомѣ, безъ чего не было бы въ немъ дѣятельности, выражающей продолженіе безконечной жизни. Взаимное притяженіе и отталкиваніе этихъ половинъ въ общественной жизни условливаетъ существованіе семейства, народа, или государства и всего человѣчества. Атомъ государства есть условное, необходимое намъ слово, для доказательства истины. — Настоящаго понятія объ атомѣ человѣчества у насъ нѣтъ.

Многіе Философы отвергаютъ вообще существованіе атомовъ, потому что недопускаютъ, чтобы существовало вещество, которое не могло бы дѣлиться, такъ точно и здѣсь; мы видимъ, что и самая половина принятаго нами атома человѣчества, человѣкъ можетъ дѣлиться на части и частицы до безконечности. Въ этомъ дѣленіи теряется воображеніе.

ства, мы предварительно подвергнемъ тщательному изслѣдованію, наблюденію и изученію, какъ образецъ, по которому должны образовываться всѣ атомы каждаго благоустроеннаго общества, изслѣдуемъ естественные законы природы, служащіе сокращеніемъ инстинктивныхъ, нравственныхъ и умственныхъ побужденій человѣка, долженствующія приниматься причинами его поступковъ и дѣйствій, какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ къ обществу и окружающей его природѣ, или законы естественнаго его существованія.

Эти законы, будутъ служить данными, для открытія побужденій атома, существующаго только въ воображеніи, происходящія отъ соединенія различныхъ стремленій, долженствующія составить его личный интересъ, который необходимо принять за начало общества, государства и всего человѣчества.

Анализируя трупъ Идеальнаго Государства, усматриваемъ, что всѣ личности его составляющія, т. е. люди, созданы или какъ бы отлиты по одной общей формѣ; но несмотря на эту общность, въ частности, они представляютъ удивительное индивидуальное разнообразіе. Первое подраздѣленіе людей можетъ быть сдѣлано на полы. Каждый полъ имѣетъ свою особую характеристику. Каждый индивидумъ ихъ есть новый предикатъ, новый талантъ всего человѣчества. Сколько людей—столько силъ и столько свойствъ человѣчества, та сила, которая находится во всѣхъ, нѣтъ сомнѣнія есть почти и въ каждомъ индивидуумѣ, но въ подвергаемомъ нашему изслѣдованію, она такъ опредѣлена, что является новою, самобытною, особенною силою. Каждая личность въ обоихъ полахъ, до мелочныхъ оттѣнковъ, отличается отъ другихъ личностей своего пола оригинальностію и самобытностію своего тѣлосложенія, характера и чертъ лица такъ, что невозможно найти двухъ совершенно сходныхъ при одинаковыхъ условіяхъ общей типической формы. Это индивидуальное разнообразіе и отличіе физической и духовной природы каждаго человѣка отъ другаго, ему подобнаго, и служитъ источникомъ общихъ всему человѣчеству, но различныхъ индивидуально-инстинктивныхъ, нравственныхъ и умственныхъ побужденій въ каждомъ человѣкѣ, которые кладутъ начало общественной, внутренней борьбѣ, какъ борьбѣ добра и зла, составляющую безконечную, въ перерожденіи, жизнь всего человѣчества (*).

(*) По естественному закону, что касается до индивидуальнаго развитія личности, къ удовлетворенію частнаго ея интереса, должно

Несмотря однакоже на такое разнообразіе и его мелкіе оттѣнки, мы возмемъ для наблюденія средину въ обоихъ полахъ, чтобы опредѣлить общія всѣмъ людямъ типическія свойства и качества, которыя они имѣютъ, для выполненія условій совершенной частной и общественной жизни, не обращая вниманія на то, къ какому бы классу непринадлежалъ человѣкъ.

Мы видимъ, что каждый человѣкъ Идеальнаго Государства, по своей природѣ, состоитъ изъ физическаго и духовнаго началъ, какъ и государство, и есть какъ бы, модель его; онъ, своимъ организмомъ и характеромъ, также въ маломъ видѣ, отражаетъ въ себѣ цѣлую націю, какъ иногда капля воды отражаетъ солнце, такъ, что, по первому взгляду на него почти безошибочно можно опредѣлить къ какой націи онъ принадлежитъ. Значитъ, земной поясъ, дающій типъ и характеръ цѣлому народу, или націи, даетъ конечно тотъ же характеръ и каждой личности, входящей въ составъ народа.

Эти же свойства физической и духовной природы человѣка, которыя служатъ выраженіемъ національнаго характера и причинами индивидуальныхъ побужденій, производятъ его личный интересъ, который мы подвергнемъ изслѣдованію и примемъ уже переобразованный, для общественной жизни, за начало благосостоянія, или проявленія индивидуальной жизни человѣка вообще, существованія государства и Науки Бытія, или Политической экономіи, дающей основныя истины государственному хозяйству.

Человѣкъ, между всѣмъ живущимъ на землѣ, есть замѣчательное исключеніе. Вся его фигура обнаруживаетъ близость къ животному и выражаетъ преобладаніе грубаго инстинкта, но при этомъ онъ отличается возвышенной своей природой. За совершенство человѣческой породы мы

предоставлять ей самой. Подводить подъ одно общее правило разнообразныя, различныя и естественныя стремленія каждаго индивидуума должно считать безчеловѣчнымъ, ибо, останавливая жизнь народную, оно противно естественнымъ законамъ.

Допуская въ общихъ распоряженіяхъ излишнюю мелочную заботливость (не говоря объ общемъ удовлетвореніи частнаго интереса личностей), власть отнимаетъ у себя возможность быть полезною обществу. Частный интересъ людей только долженъ приниматься въ общія соображенія, какъ основаніе. Излишняя, мелочная заботливость власти, вредна. Распоряженія ея должны касаться только цѣлаго, т. е. общаго государственнаго интереса, который тогда только можетъ имѣть мѣсто, когда служитъ къ лучшему удовлетворенію личнаго, или частнаго благосостоянія. Это правило въ государственномъ хозяйствѣ должно соблюдаться какъ святыня.

примемъ человѣка Западной Азіи (*). По мѣрѣ удаленія, отъ географическаго центра человѣческаго рода, правильность нарушается и гармонія размѣровъ изчезаетъ.

Европеецъ, хотя считается принадлежащимъ къ центральной породѣ, но черты лица его уже не такъ правильны.

Въ Африкѣ встрѣчаемъ араба, лобъ, котораго уже слегка уклоняется назадъ, а голова несоразмѣрно продолговата. Житель Абиссиніи имѣетъ почти черный цвѣтъ кожи, толстыя губы и вьющіеся волосы. Кафръ имѣетъ сходство уже съ негромъ, Готтентодъ есть совершенное безобразіе и представляютъ собою униженное положеніе человѣка.

Берберы Атласа, хотя принадлежатъ къ кавказскому племени, но своими странными формами доказываютъ весьма разительное перерожденіе. Феллатаки Судана и еще болѣе жители Сенегала представляютъ типы негра Конго. Впалый лобъ, огромный ротъ, толстыя губы, приплюснутый носъ, кудрявая голова и сильно развитая задняя часть головы— показываютъ преобладанія чувственныхъ побужденій надъ всѣми другими. На южной оконечности Африки, мы находимъ Бушеметовъ, безобразнѣе которыхъ уже нѣтъ въ старомъ свѣтѣ.

По направленію отъ центра къ полюсамъ въ Европѣ мы встрѣчаемъ финновъ, лапландцевъ, отъ монголовъ въ Азіи, мы переходимъ къ тунгузамъ, самоедамъ и наконецъ къ эскимосамъ сѣверной Америки.

Въ Азіи и въ Австраліи мы встрѣчаемъ тоже уменьшеніе красоты и правильности формъ человѣческаго тѣла, по мѣрѣ удаленія отъ центра. Монголы, малайцы, папуаны новой Гвинеи. Австраліецъ съ своимъ сухимъ тѣломъ, выгнутыми коленями, сгорбленый, со впалымъ лбомъ и выдающимися челюстями представляютъ собою самый безобразный видъ, и наконецъ туземецъ Фанъ-Дименовой земли выражаетъ собою самую послѣднюю ступень, до которой можетъ дойти безобразіе человѣческой породы.

Въ Америкѣ видимъ тотъ же законъ. Лице индійца имѣетъ правильность, но развитіе скулъ, возвышеніе наружныхъ угловъ глазъ и величина челюстей напоминаютъ безсловесное животное. Въ индійцѣ Южной Америки недостатки эти еще болѣе развиты. Наконецъ аборигены юж-

(*) Въ немъ, сравнительно съ другими, насъ поражаетъ правильность въ чертахъ лица, красота и пропорціональность формъ. Лицевой уголъ въ 90 градусовъ. Всѣ размѣры его тѣла представляютъ совершенную гармонію, которая заключаетъ въ себѣ красоту. Таковъ есть родоначальникъ почти всей бѣлой породы.

ной оконечности Америки, жители огненной земли, Пешерійцы самыя жалкія существа.

Изъ наблюденій мы видимъ: 1) что по мѣрѣ удаленія отъ географическаго центра правильной и красивой человѣческой породы во всѣ стороны, перерожденіе постепенно идетъ прогрессивно,—это заставляетъ Кавказъ принять исходною точкой человѣческаго рода.

2) Что сѣверные материки заселены самой красивой и совершенной породой.

3) Что южные материки заселены исключительно низшими породами. Таже самая противуположность, замѣченная нами выше, въ распредѣленіи земли, является и въ распредѣленіи породъ человѣка, составляющаго причину физической и политической жизни всего человѣчества, зависящей отъ климата и почвы земли, служащей всему основаніемъ. При дальнѣйшемъ наблюденіи мы замѣчаемъ, что и степени цивилизаціи народовъ соотвѣтствуютъ размѣру несовершенства ихъ породы, значитъ также зависятъ отъ земнаго пояса и отъ почвы земли, на которой живетъ человѣкъ. Слѣдовательно, приходимъ къ тому заключенію что земля служитъ основаніемъ и для цивилизаціи человѣка.

Народы сѣверныхъ странъ, одни считаются наиболѣе образованными, тогда какъ народы южныхъ материковъ остались дикими.

Вглядываясь глубже въ природу земли, мы ничего не находимъ, что доказывало бы, что когда нибудь въ тропическихъ материкахъ существовали породы людей совершеннѣе той, которая существуетъ и теперь. Человѣкъ оставался тамъ внѣ предѣловъ образованія. Между тѣмъ исторія намъ показываетъ, что образованіе во всѣ времена только и процвѣтало въ умѣренныхъ материкахъ. Если бы колыбель рода человѣческаго была въ центрѣ тропическихъ странъ, то легко могло бы быть, что ослабляющая и располагающая къ нѣгѣ атмосфера, усыпила бы въ невѣжествѣ навсегда человѣка, а съ нимъ и все общество. Изъ наблюденія мы видимъ, что географическое распредѣленіе человѣческихъ породъ не слѣдовало одному и тому же закону другихъ органическихъ созданій, а шло на оборотъ, по своему особому закону. Распредѣленіе всего органическаго царства, исключая человѣческихъ породъ, и его совершенство идетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ жара и прочихъ силъ, способствующихъ развитію физической жизни, которое можно назвать *физическимъ закономъ*. Законъ, по которому идетъ распредѣленіе человѣчества, противуположный физическому, назовемъ, для отличія, *духовнымъ*.

Эта противуположность законовъ распредѣленія выразилась въ назначеніи человѣка, животныхъ и всего органическаго царства.

Законъ существованія всего органическаго царства, исключая человѣка, состоитъ въ томъ, что ему назначено только приращеніе, но не усовершенствованіе или какъ выражаются нѣкоторые философы, что идея существованія животныхъ, осуществляется вполнѣ самымъ появленіемъ ихъ на свѣтъ, чѣмъ достигается цѣль ихъ созданія,—какъ принадлежащихъ исключительно только одной физической природѣ, по ограниченности ихъ духовной стороны, тогда какъ человѣкъ, одаренный несоразмѣрно большимъ, нежели всѣ животныя, умомъ, который дѣлаетъ его царемъ вселенной, возвышается надъ всей природой своимъ духовнымъ совершенствомъ. Въ человѣкѣ должно принять за основаніе два нераздѣльныя начала, которыя равно зависятъ другъ отъ друга и взаимно условливаются, такъ что одно безъ другаго существовать не можетъ и не мыслимо; это физическое и духовное начала. Мы видимъ что физическое его начало въ немъ не есть цѣль, а только средство. Духовному началу предназначено развиваться вмѣстѣ съ физическимъ, только первому дана еще способность, стремиться къ совершенству.

Западная Азія составляетъ нетолько географическій центръ человѣческой породы, но и служитъ колыбелью духовнаго развитія человѣка. (*) Тамъ получило начало и откровеніе Христа, положившее основаніе истинной свободной соціальной жизни.

Ни одинъ климатъ не можетъ способствовать такъ развитію духовныхъ и физическихъ силъ трудомъ и энергіей, какъ климатъ умѣренныхъ странъ. Перемѣна временъ года, умѣренный жаръ и холодъ, свѣжій и укрѣпляющій воздухъ все побуждаетъ человѣка постоянно къ труду, заботѣ о будущемъ и употребленію своихъ способностей. Природа умѣренныхъ странъ не даетъ почти ничего даромъ, она требуетъ труда, и за него даетъ соразмѣрныя дары, служащіе вознагражденіемъ усилій. Слѣдовательно, представляетъ для ума всѣ средства развитія и дѣлаетъ его владыкою всего существа человѣка.

Вотъ почему умѣренный климатъ будемъ считать и колыбелью Науки Бытія, которая должна дать, незыблемыя основанія жизни человѣка вообще (частной и общественной) выражающейся въ физическомъ и умственномъ его трудѣ.

(*) См. Бокль, Исторія цивилизаціи въ Англіи.

При тщательномъ разсмотрѣніи земли, какъ цѣлаго, становится понятнымъ; отчего такое превосходство пріобрѣтаетъ человѣкъ въ умѣренномъ климатѣ.

Чрезмѣрный жаръ тропическихъ материковъ разслабляетъ человѣка и располагаетъ къ бездѣйствію и покою. Животная жизнь беретъ верхъ надъ духовною, и страсти господствуютъ надъ разсудкомъ. Богатая природа слишкомъ щедра, она, надѣляя человѣка своими дарами, отнимаетъ у него всю энергію къ труду и дѣлаетъ заботу о будущемъ не нужною. Человѣкъ жаркихъ странъ, такимъ образомъ не имѣетъ нужды сопротивляться и покоряется природѣ, а потому живетъ только животною жизнію.

Въ противуположность жаркимъ странамъ, человѣкъ холодныхъ странъ ежеминутно борется съ бѣдной и суровой природой за жизнь. Съ большимъ трудомъ онъ тамъ едва успѣваетъ въ борьбѣ пріобрѣтать скудныя средства, которыя могли бы обезпечить его отъ голодной смерти. Онъ нищій, который считаетъ себя счастливымъ, если умѣетъ добыть себѣ насущный кусокъ хлѣба.

Слѣдовательно, человѣкъ холодныхъ странъ не имѣетъ досуга обратиться къ созерцательной жизни, развить своего ума, отъ образованія котораго зависитъ его человѣческое совершенство.

Эта противуположность тропическихъ и холодныхъ материковъ, въ которыхъ не можетъ развиться образованіе, отъ подавляющей его природы, съ умѣренными материками, и служитъ началомъ политической и духовной жизни всего человѣчества.

Для наблюденія и вывода законовъ Науки Бытія, мы возьмемъ человѣка умѣренныхъ странъ и опредѣлимъ цѣль и назначеніе его жизни.

Фейербахъ говоритъ: «Небо напоминаетъ человѣку о его назначеніи, о томъ, что онъ рожденъ не только затѣмъ, чтобы дѣйствовать, но и затѣмъ, чтобы созерцать» (*).

(*) Не совсѣмъ раздѣляю мысль философа нашего времени, мнѣ кажется скорѣе земля вообще и окружающая природа напоминаютъ человѣку о его назначеніи, нежели одно небо, да и созерцанія его имѣютъ только тогда силу и пользу, когда служатъ для его земныхъ дѣяній, въ которыхъ выражается его жизнь.

О назначеніи человѣка вообще, Бѣлинскій говоритъ: «Всякій человѣкъ есть самъ по себѣ цѣль, и жизнь дана ему какъ удовлетвореніе, какъ счастіе, какъ блаженство, къ которымъ, слѣдовательно, онъ имѣетъ полное право стремиться, сообразно съ своими личными потребностями, наклонностями и средствами.»

Внутри себя носитъ онъ таинственный и безконечный міръ, под-

До сихъ поръ ни историки ни политико-экономы, ни законодатели, ни моралисты, ни философы, строители общихъ философскихъ системъ, никто не вводилъ женщины, ни ея типическихъ свойствъ, имѣющихъ чрезвычайно знаменательное вліяніе на судьбу рода человѣческаго, въ науку. Они какъ бы пренебрегали женщиной, считая ее мелочью, недостойною изысканій науки. Они разумѣли въ тѣсномъ смыслѣ только себя, т. е. свой полъ и полагали, что это совершенно достаточно.

Для нихъ узнать мужчину, значило узнать человѣка вообще, между тѣмъ, какъ видно изъ наблюденій надъ атомомъ Идеальнаго Государства, мужчина также какъ и женщина служитъ только орудіемъ побужденій, образовавшихся изъ сочетанія стремленій обоихъ половъ, и въ этихъ побужденіяхъ основаніемъ лежитъ и доля желаній, положенная женщиной.

Изслѣдованіе физіологіи теперь ясно указываетъ на тѣ особенности организма женщины, которыя производятъ въ ней совершенно другой міръ, отличный отъ мужчины, имѣющій вліяніе на частную и общественную жизнь цѣлаго

ный желаній, стремленій, страданій и радостей и только черезъ удовлетвореніе этаго своего міра, можетъ онъ достигнуть счастія. Это міръ внутреннiй, міръ субъективный человѣка, сфера, въ которой онъ самъ себѣ цѣль и кромѣ себя и личнаго своего удовлетворенія имѣетъ право никого и ничего не знать. Субъективная сторона человѣка истина, и слѣдовательно, дѣйствительна, но всякая односторонняя истина, доведенная до крайности, впадаетъ въ нелѣпость (1). Далѣе Томъ III, стр. 506 и 507, онъ говоритъ; «подъ человѣчностью мы разумѣемъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ, которые равно необходимы для каждаго человѣка, какой бы онъ небылъ націи, какого бы онъ небылъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ не находился,— тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище и безъ которыхъ онъ не человѣкъ.

«подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ—доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и образованію каждаго. Человѣкъ есть разумносознательная сущность и органъ всего сущаго и отсюда получаетъ свое глубокое и высокое назначеніе извѣстное выраженіе: »Homo sum et nihiЬ mihi alienum humani puto, т. е. я человѣкъ и ничто человѣческое несчитаю чуждымъ.» Чѣмъ глубже натура и развитіе человѣка, тѣмъ доступнѣе ему все человѣческое. Онъ пойметъ и радостный крикъ дитяти, при видѣ пролетевшей птички,... и т. д.

---

(1) Этого я не понимаю, истина есть крайній предѣлъ, очищенный отъ заблужденія, за который заблужденія уже переходить не могутъ. Значитъ, по словамъ автора, истина, какъ крайность, есть нелѣпость.

атома государства и всего человѣчества. Это заставляетъ отдать справедливость роли, которую играетъ женщина, въ общественной жизни и уже не считать ее болѣе слабымъ и ничтожнымъ существомъ.

Политико-экономы до сихъ поръ строили цѣлыя системы, которыя должны были дать правила упрочить счастіе человѣка, общества и государства, не принявъ въ свои философическія изслѣдованія физіологіи женщины, отъ которой зависитъ весь родъ человѣческій, безъ которой нѣтъ счастія и нѣтъ общественной жизни.

Нетолько женщина, но всякій другой человѣкъ есть связь человѣка съ міромъ. Человѣкъ чувствуетъ себя зависимымъ отъ міра, потому что чувствуетъ сначала зависимость свою отъ другаго человѣка.

Еслибъ человѣкъ не имѣлъ нужды въ человѣкѣ, то не имѣлъ бы нужды и въ мірѣ. Съ міромъ онъ примиряется посредствомъ другаго человѣка. Безъ него міръ для него былъ бы не только пустымъ и мертвымъ, но и безсмысленнымъ. Только въ другомъ человѣкѣ, человѣкъ дѣлается яснымъ самому себѣ и познаетъ себя, и цѣлый міръ его окружающій.

Все у него будетъ привѣтъ и отвѣтъ, и участіе и утѣшеніе, чистая радость о счастіи ближняго и состраданіе къ его горю, и улыбка на полный блаженства взоръ и слезы на горькія слезы. Ему понятна и возможность нетолько слабостей и заблужденія, но и самыхъ пороковъ и преступленій, онъ будетъ жалѣть слабыхъ и заблуждающихся, проклиная пороки и преступленія...» и т. д.

Томъ III стр. 45 онъ продолжаетъ: «человѣчность всегда и вездѣ; въ войнѣ и мирѣ есть высшая добродѣтель, высшее достоинство человѣка, потому что безъ нея человѣкъ есть только животное тѣмъ болѣе отвратительное, что вопреки здравому смыслу, будучи внутри животнымъ, снаружи имѣетъ форму человѣка.»...

«Въ человѣкѣ уважай человѣка безъ различія, вотъ его правило.»

Томъ I, стр. 401, Бѣлинскій говоритъ: «жизнь человѣческая есть не сонъ, не мечта, не греза, цѣль ея не наслажденіе, не счастіе, не блаженетво, нѣтъ, она есть великій даръ провиденія (1). Далѣе (Томъ IX стр, 260 и 261) онъ выражается такъ: «жизнь не значитъ столько то лѣтъ ѣсть и пить, биться изъ чиновъ и денегъ, а въ свободное время бить хлопушкою мухъ, зѣвать и играть въ карты. Такая жизнь хуже всякой смерти и такой человѣкъ ниже всякаго животнаго, повинуясь своему инстинкту, вполнѣ пользуется всѣми средствами, данными ему отъ природы для жизни и неуклонно исполняетъ свое

---

(1) Если жизнь есть даръ провиденія, то цѣль ея должна быть блаженство, для достиженія которой человѣкъ иногда страдаетъ и жертвуетъ временными выгодами и наслажденіями. Иначе жизнь будетъ не даръ а иго. Это есть очевидное противурѣчіе сказанному выше.

Еслибъ человѣкъ могъ безусловно существовать только для самаго себя, то лишившись своей самости и способности отличенія себя, онъ потерялся бы въ океанѣ природы, онъ не понялъ бы ни себя какъ человѣка, ни природы какъ природы.

Человѣкъ своимъ существованіемъ обязанъ природѣ, а своею человѣчностью человѣку вообще, а главное женщинѣ. Онъ почти ничего не можетъ произвести, ни физическаго, ни духовнаго, происходящаго отъ его индивидуальной силы, одинъ безъ другихъ людей. Основаніемъ всякаго существованія есть равновѣсіе, для этого равновѣсія жизни, мужчины природа создала женщину, а для жизни женщины мужчину. Бѣлинскій говоритъ: «Какъ бы не тѣсенъ, какъ бы не ограниченъ былъ кругъ дѣятельности, избранный мужчиной, но всякая сознательная дѣятельность есть путь къ совершенію подвига жизни, а подвигъ жизни, для всѣхъ равно тяжелъ и ужасенъ. Но правосудное и любящее провидѣніе Божіе, возложивъ на человѣка бремя его жизни и подвига, разочло и взвѣсило силы его человѣческой природы, и въ семъ намѣреніи, дало ему новый, внѣ его са-

---

назначеніе. Жить значитъ чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать. Всякая другая жизнь—смерть.» (1)

«И чѣмъ больше содержанія обнимаетъ наше чуветво и мысль; чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженетвовать, тѣмъ больше мы можемъ. Мгновеніе такой жизни существеннѣе ста лѣтъ, проведенныхъ въ апатичной дремотѣ, въ мелкихъ дѣйствіяхъ и ничтожныхъ цѣляхъ... Все постичь духомъ, все обнять чувствомъ, всѣмъ возобладать и ничему изключительно не покориться—вотъ жизнь!» Бѣлинскій понималъ, что такая жизнь можетъ быть удѣломъ нетолько нѣкоторыхъ избранныхъ, но онъ ее видѣлъ такою во всемъ человѣчествѣ. Т. I, стр. 21 и 22 онъ говоритъ слѣдующее: «Вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути—отрекись отъ себя, подави въ себѣ свой эгоизмъ,попри ногами свое корыстное я, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо, не для награды, а для истины и блага и тяжкимъ крестомъ выстрадай свое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи своего я, въ чув-

---

(1) Въ то время когда жилъ Бѣлинскій, не допускали въ животныхъ никакихъ чувствъ, мыслей, страданій и радостей. Я думаю что, при развитіи современной естественной философіи, онъ самъ измѣнилъ бы свой образъ мыслей во многомъ и не запрещалъ бы и человѣку неуклонно исполнять непреложный законъ природы, т. е. исполнять свое физическое назначеніе, которое онъ допускаетъ только животнымъ.

мого находящійся, источникъ силы, въ той таинственной симпатіи, въ той высокой душевной гармоніи, въ томъ чистомъ, эфирномъ пламени любви, которая соединяетъ его съ женщиной. Женщина — ангелъ хранитель мужчины, на всѣхъ ступеняхъ его жизни; ея бдящій, попечительный взоръ, встрѣчаетъ онъ при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ, и, прильнувъ къ источнику любви и жизни, къ ней обращаетъ онъ съ безсознательною любовью, свою первую улыбку; ея имя произноситъ онъ въ своемъ первомъ младенческомъ лепетѣ; ея любовь напутствуетъ его до самаго того мгновенія, когда жизнь исторгаетъ его изъ нѣжныхъ материнскихъ объятій, потомъ ея взоръ возбуждаетъ въ немъ необузданномъ юношѣ, пламень благородныхъ страстей, порывы къ высокому, въ дѣлахъ и помыслахъ, крѣпитъ его душу, кипящую избыткомъ силъ, и укрощаетъ дикія порывы его буйной воли, и его, юнаго мощнаго льва безсознательно стремитъ, съ удвоенною энергіею, къ его цѣли, маня сладостной наградою своей взаимности. Этимъ послѣднимъ возможнымъ на землѣ блаженствомъ, послѣ котораго человѣку ничего не остается желать для себя. И

ствѣ безпредѣльнаго блаженства. (1) Что? Не рѣшаешся? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется не подъ силу (2). Ну такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: Люби самаго себя больше всего на свѣтѣ, плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды, не бойся зла, когда оно тебѣ приноситъ пользу. Помни это правило, съ нимъ тебѣ будетъ вездѣ тепло! Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни свой хребетъ, ползи змѣей между тиграми, бросайся тигромъ между овцами губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнками, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя, ты неузнаешь, что такое холодъ и голодъ, что такое угнѣтеніе и оскорбленіе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужливость, отвсюду лѣсть и хваленіе и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ сравнитъ тебя съ полубогомъ, и журналистъ прокричитъ во все услышаніе, что ты покровитель сирыхъ и слабыхъ столпъ и опора отечества, правая рука Государя. Но зато въ душѣ твоей каждую минуту будетъ разыгрываться ужасная кровавая драма, ты будешъ въ безпрестанномъ раздорѣ съ самимъ собою, въ душѣ твоей будетъ слишкомъ жарко, а въ сердцѣ слишкомъ холодно, вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтломъ пиру и на мягкомъ ложѣ сна, тѣни по-

(1) Это явно противурѣчитъ съ вышесказаннымъ. Если бы человѣкъ хотѣлъ забыть свое я, то ему не позволитъ его природа, сильнѣй которой нѣтъ ничего на свѣтѣ.

(2) Да, онъ точно не подъ силу каждому человѣку, мы видимъ что природа идеальныхъ людей, какими желаетъ сдѣлать, нашъ добрый философъ, каждаго человѣка, создаетъ рѣдко — они суть исключенія изъ рода человѣческаго.

какая нужда, если смерть или обстоятельства жизни не дадутъ ему выпить до дна Фіалъ блаженства или, если вмѣсто чаръ взаимности, онъ вкуситъ муки отверженной любви? Но если мужчинѣ суждено и блаженство взаимности и блаженство соединенія, то она же въ лѣтахъ его мужества, путеводная, лучезарная звѣзда его жизни, опора, источникъ силы, который не дастъ душѣ его остынуть, очерствѣть и ослабнуть. Въ старости она блѣдный лучь солнца, напоминающій ему, что для него было нѣкогда другое, яркое и пламенное солнце, роскошно освѣщавшее дорогу его жизни, и давшее вкусить ему человѣческія радости!

«И такъ, поприще женщины возбуждать въ мужчинѣ энергію души, пылъ благородныхъ страстей, поддерживать чувство долга и стремленіе къ высокому и великому, вотъ ея назначеніе—оно велико и священно! Для нея: представительницы на землѣ красоты и граціи, жрицы любви и самоотверженія, въ тысячу разъ похвальнѣе внушить освобожденный Іерусалимъ, нежели самой написать его, такъ же какъ въ тысячу разъ похвальнѣе вручить своему избранному щитъ съ завѣтомъ: «съ нимъ или на немъ!» нежели самой броситься въ пылъ битвы съ оружіемъ въ рукахъ. Утѣшительница въ бѣдствіяхъ и горестяхъ жизни, радость и гордость мужчины, она — гибкая лоза, зеленый плющъ, обвивающій гордый дубъ, благоухающая роза, растущая подъ кровомъ его могучихъ вѣтвей, и украшающая его уединенную и суровую жизнь, обреченную на дѣятельность и борьбу.

Предметъ благоговѣйной страсти; нѣжная мать, преданная супруга, вотъ святой и великій подвигъ жизни, вотъ святое и великое ея назначеніе! Природа дала мужчинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый, пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и разрушенію; женщинѣ она дала красоту вмѣсто силы, избыткомъ нѣжнаго и тонкаго чувства замѣнила избытокъ ума и опредѣлила ей быть весталкою огня кроткихъ и возвышенныхъ страстей, и какая дивная гармонія въ этой

губленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ, составятъ около тебя адскую пляску съ страшнымъ хохотомъ будутъ веселиться послѣдними предсмертными страданіями, предъ твоими взорами откроется ужасная картина нравственнаго уничтоженія за гробомъ мукъ вѣчныхъ. Такъ выражаетъ нашъ философъ и моралистъ Бѣлинскій назначеніе человѣка вообще, но онъ беретъ его изъ области своихъ обсолютныхъ убѣжденій, которыя всегда носилъ въ душѣ и сердцѣ и ставитъ этого идеальнаго неестественнаго человѣка краеугольнымъ камнемъ нашего далеко несовершеннаго общества.

противуположности, какой звучный, полный и громкій аккордъ составляютъ эти два совершенно различные инструменты.»

Вотъ краткій поэтическій очеркъ нашего философа моралиста, который выразилъ почти совершенно идеалъ женщины, къ нему можно добавить въ послѣдствіи, только немного изъ физіологическаго наблюденія и сравненія съ мужчиной, т. е. обоихъ половинъ атома Идеальнаго Государства.

Женщина, въ назначеніи своемъ, выражаетъ существо, къ которому относятся заботы мужа объ удобствахъ ея жизни и наслажденіяхъ; плоды его трудовъ и помыслы его самолюбія. Это обстоятельство служитъ однимъ изъ главныхъ рычаговъ, или побужденій, къ поступкамъ въ частной и общественной его дѣятельности.

Часто мужчина, вопреки всѣмъ остальнымъ побужденіямъ, изъ пламенной любви къ женщинѣ, дѣйствуетъ въ жизни, руководствуясь однимъ этимъ естественнымъ чувствомъ. При наглядномъ наблюденіи, хотя жена иногда находится далеко отъ мужа, но ихъ, въ духовномъ отношеніи, нельзя считать порознь. Ея образъ, желанія, совѣты, лучшія надежды, ласки, нѣжную любовь, заботливость, безпредѣльную преданность и проч., онъ носитъ въ сердцѣ, какъ залогъ своего собственнаго бытія; гдѣ бы онъ ни былъ, на аренѣ ли общественной жизни, на войнѣ, въ частныхъ ли своихъ дѣйствіяхъ. за тридевять земель, она вездѣ съ нимъ, какъ неразлучная спутница жизни, какъ неутомимый сотрудникъ, самый близкій, родной, другъ, товарищъ, половинщикъ въ горѣ и радости, въ удачѣ и неудачѣ, какъ нераздѣльная половина его духовной природы, сочувствующая его каждому стремленію, понимая и раздѣляя его каждую мысль.

Анализируя такимъ образомъ женщину Идеальнаго Государства, мы видимъ, что она служитъ чуть ли не главнымъ рычагомъ всей дѣятельности своего мужа, котораго можно принять за исполнителя ихъ общихъ побужденій, смягченныхъ и передѣланныхъ женщиной. Назначеніе мужчины быть представителемъ своего семейства, т. е. атома Идеальнаго Государства, наблюденіе надъ которымъ показываетъ, что мужчинѣ предназначено три поприща, для дѣятельности: а) семейство, б) ремесло и в) отечество; любовь его можетъ развиваться ко всѣмъ тремъ предметамъ.

Мы видимъ часто, что какой нибудь изъ этихъ предметовъ поглащаетъ все существо мужчины, онъ забываетъ для него иногда два другія совершенно.

Въ мужчинѣ соединяются: мужъ, отецъ, охранитель своего семейства, воспитатель, хозяинъ, промышленникъ, художникъ, ученый, солдатъ, чиновникъ, служащій своему оте-

честву, трудящійся для благосостоянія своего семейства, усовершенствованія своего ремесла и т. п., чѣмъ содѣйствуетъ благосостоянію, порядку и безопасности своего отечества.

Вотъ почему частный интересъ человѣка, или его благосостояніе, должно принять за основаніе жизни государства и Науки Бытія, или Политической Экономіи.

Въ сравненіи съ мужчиной женщина имѣетъ только одно поприще, на которомъ она, жена, мать, хозяйка, служащая представительницею своего семейства въ другомъ только родѣ, и по сложности своихъ обязанностей, чуть ли ея поприще не равносильно всѣмъ тремъ поприщамъ мужмужчины. Правда, ея солнце домашній очагъ, но при этомъ солнцѣ есть столько обязанностей, что, въ отношеніи разнообразія, онѣ равносильны занятіямъ мужчины. Она блюстительница порядка внутри дома, на ней лежитъ забота о разчетливомъ употребленіи и сбереженіи добытыхъ мужемъ средствъ, къ довольству и удобствамъ жизни.

Семейство это то же государство, только въ маломъ видѣ.

Женщина, какъ нераздѣльная половина своего мужа, помощница, побуждающая, сочувствующая и учавствующая во всей дѣятельности мужа, на всѣхъ его поприщахъ, первая оцѣнщица его трудовъ, которая первая и награждаетъ его. Она успокоиваетъ, освѣжаетъ и ободряетъ его утомленнаго и раздраженнаго неудачами, она одушевляетъ и подстрекаетъ его къ новымъ подвигамъ и дорожитъ всѣми его заслугами, какъ собственными своими, потому что она въ нихъ соучастница.

Въ психологическомъ отношеніи, при изслѣдованіи атома Идеальнаго Государства, видно, что женщина и мужчина обладаютъ равными способностями, только по роду и свойствамъ. Женщина, будучи возбуждающимъ и одушевляющимъ началомъ, участвуетъ въ общественной жизни посредственно: болѣе или менѣе въ дѣятельности мужчины; вотъ почему поприще мужа должно быть въ то же время и поприщемъ жены. Жена раздѣляетъ труды и мысли своего мужа и сочувствуетъ имъ, потому что понимаетъ ихъ, если не умомъ, то сердцемъ.

Изъ этихъ двухъ различныхъ назначеній, (мужчины и женщины) стремящихся выполнить опредѣленную природой одну цѣль, является необходимость въ одномъ цѣломъ воображаемомъ существѣ общественной жизни, или атомѣ, для поддержанія безконечности жизни всего человѣчества. Въ этомъ стремленіи двухъ различныхъ половъ ясно обнаруживается цѣль жизни человѣка вообще. Человѣкъ безъ цѣли въ жизни великое несчастіе.

И такъ, подъ общимъ именемъ человѣкъ, будемъ понимать, какъ всѣ понимаютъ, мужчину и женщину, безразлично, какъ половину звѣна всей цѣпи человѣчества, безконечнаго въ своемъ перерожденіи, объясняя однако же особенности, присущія имъ обоимъ, каждаго отдѣльно, если это будетъ требовать наше изслѣдованіе Подъ словомъ атомъ Идеальнаго Государства будемъ разумѣть мужчину и женщину въ совокупности, воображаемое, живое нераздѣляемое, самостоятельное существо общественной государственой жизни, составляемой самой природой изъ двухъ разнородныхъ, но соотвѣтствующихъ половинъ, или половъ, которые, какъ положительное и отрицательное электричества взаимно притягиваются въ хаосѣ общественной жизни, составляя чрезъ свое соединеніе, самостоятельный, первоначальный атомъ тѣла всего человѣчества,безъ котораго онъ не могъ бы существовать.

Мы видимъ, что человѣкъ, взятый изолированно, по своей природѣ, представляетъ отдѣльный міръ, но принимая его въ отношеніи къ безконечности жизни всего человѣчества, или ея цѣли, онъ есть ничто иное какъ только половина цѣлаго, далеко неполная, чтобъ назвать ее единицей, или атамомъ, не только всего человѣчества, но и государства. Онъ представляетъ собою половину, которая неудовлетворяетъ всѣмъ условіямъ общественной жизни. Въ человѣкѣ, (въ мужчинѣ или женщинѣ) взятымъ отдѣльно, есть такіе недостатки, что эти половины каждая, безъ содѣйствія и помощи другой, не могутъ представлять цѣлаго атома громадной массы, которую мы называемъ человѣчествомъ. Каждый человѣкъ въ одиночествѣ живетъ не полною жизнію. какъ увядающее растеніе.

Чтобы быть цѣлымъ, самостоятельнымъ атомомъ общественной жизни, человѣкъ требуетъ себѣ въ дополненіе другой своей половины, съ соотвѣтствующими свойствами своей природѣ, эти двѣ половины, односущныя по матеріи, но различныя по качеству, количеству содержанію и по формамъ, при извѣстныхъ условіяхъ сближенія, независимо другъ отъ друга взаимно притягиваются другъ къ другу, какъ бы по закону химическаго сродства и сцѣпленіемъ своимъ составляютъ вмѣстѣ цѣлое, нераздѣльное звѣно безконечной цѣпи всего человѣчества, или атомъ общественной жизни. Чудесная сила общественныхъ законовъ проявляется и въ соединеніи мужчины съ женщиной. Сравнительная статистика намъ показываетъ, что даже число ежегодно заключенныхъ браковъ зависитъ не отъ характера и желанія отдѣльныхъ лицъ, а отъ главныхъ общихъ фактовъ, на ко-

торые лица эти не могутъ имѣть никакого вліянія, потому что доказано положительно, что браки имѣютъ постоянное отношеніе къ цѣнѣ на хлѣбъ. M. Dufau въ своемъ Traité de Statistique, стр. 174, говоритъ: «факты нравственнаго порядка точно также какъ и факты физическаго порядка составляютъ результатъ постоянныхъ опредѣленныхъ причинъ» и т. д., а на стр. 367 онъ говоритъ: «Такимъ образомъ міръ нравственный представляется намъ съ этой точки зрѣнія точно также какъ и міръ физическій, непрерывный рядъ послѣдствій, происходящихъ отъ постоянныхъ опредѣленныхъ причинъ, дѣйствіе которыхъ всего свойственнѣе доказывать статистикѣ» См. о томъ же Moreau-Christophe des prisons en France. Paris 1838, pp 53 и 183 (*).

Кромѣ того браки находятся еще въ полной зависимости отъ средняго размѣра въ массѣ народа.

При первомъ взглядѣ на человѣка Идеальнаго Государства вообще мы замѣчаемъ, что всѣ его физическія движенія, поступки и дѣйствія, въ коихъ выражается жизнь, сознательны, а небезотчетны, иначе они были бы конвульсіями. Это обстоятельство даетъ право сдѣлать заключеніе что все жизненное его начало, или матерія, изъ которой созданъ его организмъ, подчиняется какой-то высшей, невидимой и невещественной силѣ, проявляющейся во всемъ организмѣ, присущей ему, потому-что съ уничтоженіемъ не только самаго организма, но и важнѣйшихъ его органовъ или даже при ихъ поврежденіи, эта сила повидимому изчезаетъ, что невольно заставляетъ считать эту высшую силу, составленную изъ побужденій, или причинъ, дѣйствій и поступковъ, въ которыхъ выражается жизнь, свойствомъ организма.

Нѣтъ сомнѣнія, что душа, съ развитіемъ организма, по мѣрѣ его возраста, въ каждомъ человѣкѣ, вступаетъ въ свои права и остается владыкою всего его существа во всю жизнь, какъ вѣнецъ его матеріальнаго бытія.

Нельзя не замѣтить совершенной зависимости души отъ организма, съ которымъ она нераздѣльно происходитъ.

И такъ, мы видимъ, при взглядѣ на человѣка Идеальнаго Государства, что онъ состоитъ изъ двухъ началъ: физическаго и духовнаго, находящихся во взаимной борьбѣ, а потому и въ тѣсной связи и зависимости между собою, такъ, что раздѣльно немыслимы, но изъ которыхъ каждое, для научнаго изученія, мы можемъ подвергать отдѣльному изслѣдованію; что и надѣюсь исполнить въ послѣдующихъ книгахъ, на сколько это будетъ зависѣть отъ моихъ силъ.

(*) Вотъ почему справедливы пословицы: «Les mariages sont ecrit aux ciel», или «суженаго конемъ не объѣдешь.»

ИСТОЧНИКИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

И

ГОСУДАРСТВЕННАГО ХОЗЯЙСТВА.

Сочиненіе генеральнаго штаба полковника

АСТАФЬЕВА,

состоящаго при николаевской академіи генеральнаго штаба.

—

I-е ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СОВРЕМЕННОМУ ВОЕННОМУ ИСКУССТВУ.

КНИГА II.

С.-Петербургъ.
Печатано въ Военной Типографіи.
1863.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава V. стран.

Физическое начало человѣка. 1

Глава VI.

Духовное начало человѣка 46

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 3-го Апрѣля 1863 года.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМІЯ.

ФИЗІОЛОГІЯ ИДЕАЛЬНАГО ГОСУДАРСТВА.

—

ГЛАВА V.

Физическое начало человѣка.

«Фактъ сознанія, перенесенный отъ индивидума къ роду и «внесенный въ исторію, составляетъ ключь ко всему разви-«тію человѣчества.»

Кузенъ. (Hist. de la Philosophie. II serie, vol. I, p. 131)

Для существованія человѣка необходимы были условія внѣ которыхъ могли уже жить всѣ другія животныя, онъ явился на землѣ послѣднимъ существомъ, какъ вѣнецъ творенія природы, что доказываютъ факты геологическихъ изслѣдованій, какъ половина звена цѣпи всего человѣчества. Человѣкъ (мужчина и женщина) одаренъ развитымъ въ высшей степени организмомъ, слѣдовательно, самымъ сложнымъ, который необходимо требуетъ многосторонняго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Это обстоятельство производитъ главную причину его наибольшей зависимости отъ окружающей его природы. Раздѣленіе организма атома человѣчества, какъ мы выше сказали, можно сдѣлать на два соотвѣтствующіе пола, не-способные къ возрожденію въ одиночествѣ, симпатія и соотвѣтствіе которыхъ происходитъ, какъ говоритъ физіологія, отъ того, что ихъ организмы созданы или, лучше сказать, отлиты въ различныя формы, изъ одной и той же матеріи, съ тою только разницею, что элементы, входящіе въ составъ этой матеріи, находятся въ различномъ содержаніи.

Это различное содержаніе составныхъ элементовъ матеріи атома и различныя формы ихъ организмовъ даютъ начало не одинаковости ихъ свойствъ и побужденій, служа-

щихъ, въ одной половинѣ, какъ бы дополненіемъ другой его половины, которыя, по своему сродству, взаимно притягиваются и дополняютъ другъ друга, сливаясь въ одно цѣлое, получающее, чрезъ это соединеніе, способность къ возрожденію, т. е. къ поддержанію жизни всего человѣчества и право носить названіе атома общества, или звена всего человѣчества. Однимъ словомъ: различное содержаніе элементовъ и неодинаковость формъ двухъ половъ служатъ естественною и единственною причиною, или закономъ, по которому полы проявляютъ различныя свойства, т. е. побужденія, доходящія иногда до противуположности, такъ что мужчину и женщину, выражающихъ собою различные полы, можно сравнить съ полюсами положительнаго и отрицательнаго электричества, разлитаго во всей природѣ, которое производитъ эти свойства.

Такое заключеніе подтверждается выводами и авторитетомъ Льюиса, извѣстнаго современнаго физіолога и философа. Изъ его ученія видно, что различіе не только двухъ половъ; (мужчины и женщины) но даже органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, происходятъ только отъ различныхъ условій, которыя имѣютъ однѣ и тѣ же основныя начала.

Различіе является отъ соединенія, расположенія и сочетанія одинаковыхъ элементовъ, только не въ одинаковомъ количествѣ, которые отъ того вступаютъ въ новый рядъ осложненій. Отъ количественной разницы элементовъ и осложненій, является количественная разница въ отправленіяхъ и явленіяхъ двухъ различныхъ организмовъ. Льюисъ говоритъ: «Жизнь пропорціональна организаціи, чѣмъ сложнѣе послѣдняя, тѣмъ выше и разнообразнѣе первая.» (См. т. II стр. 345).

Слѣдовательно, мы будемъ обращаться при изслѣдованіи только къ тѣмъ особенностямъ организма женщины, которыя отличаютъ ее отъ мужчины, потому что остальное уже извѣстно изъ физіологіи человѣка вообще, имѣя однако же въ виду, что свойства всякаго существа и всякой вещи въ природѣ, зависятъ отъ ихъ матеріи, т. е. отъ состава, сложенія и формы, въ которыя онѣ какъ бы отлиты.

И такъ, чтобы анализировать вполнѣ атомъ общества, необходимо разсмотрѣть человѣка въ двухъ формахъ, какъ двѣ половины атома (мужчину и женщину) имѣющихъ каждая свою физіологію.

При общемъ взглядѣ на мужчину и женщину Идеальнаго Государства, мы замѣчаемъ, что женщина рѣзко отличается отъ мужчины устройствомъ своего организма, она проявъ-

ляетъ собою болѣе нѣжныя нравственныя и болѣе слабыя умственныя способности.

Соединеніе грубыхъ и нѣжныхъ свойствъ мужчины и женщины, составляющихъ вмѣстѣ семейство (первоначальный атомъ общественной жизни) производитъ гармонію, необходимую для существованія общества.

Различіе мужчины и женщины состоитъ не въ большемъ или меньшемъ количествѣ силы, а въ глубокихъ коренныхъ особенностяхъ, но вмѣстѣ соотвѣтствующихъ типахъ, имѣющихъ свои самобытныя свойства, зависящія отъ организаціи, представляющихъ два ряда совершенно отличныхъ физическихъ и духовныхъ явленій.

Различіе и сходство этихъ двухъ типовъ состоитъ въ соотвѣтственности ихъ свойствъ.

Эти двѣ половины, въ политическомъ тѣлѣ, или въ государствѣ, составляютъ одинъ полный атомъ, который, какъ недѣлимая единица, въ мірѣ физическомъ не существуетъ, а только въ воображеніи, ибо каждая половина отдѣльно одарена свободной волей, отдѣльно начинаетъ жизнь и подвержена отдѣльному разрушенію.

Общій законъ природы, найденный соображеніями надъ статистическими данными, показываетъ, что въ Идеальномъ Государствѣ, численное количество мужчинъ и женщинъ почти всегда одинаково, на каждыя 20 дѣвочекъ родится 21 мальчикъ. Это постоянство закона удерживаетъ нравственность народа въ одинаковой степени, безъ колебаній, потому что уменьшеніе въ народѣ индивидуальностей одного пола въ отношеніи другаго повлекло бы за собою порочность и серьезное разстройство общества (*).

Непреложность этого закона заставляетъ предполагать такую же правильность въ числѣ браковъ и въ проявленіи самыхъ побужденій: соединяться поламъ, для образованія атома, и что они подчиняются этимъ же законамъ: Здѣсь можемъ видѣть все вліяніе и могущество физическихъ за-

---

(*) Этому примѣромъ можетъ служить развратъ европейскаго общества послѣ крестовыхъ походовъ, когда уменьшилось число мужчинъ, погибшихъ въ Палестинѣ, относительно женщинъ. (Шпренгель, Histoire de la medecine, vol. II p. 367). Тотъ же самый развратъ обнаруживается отъ избытка женщинъ въ Юкатанѣ. Подобныя слѣдствія происходятъ и отъ избытка мужчинъ (см. Mallet).

Причины численнаго отношенія половъ, какъ можно догадываться, таятся въ физическихъ явленіяхъ, обнаруживающихся въ родителяхъ Фернель доказываетъ, что полы зависятъ отъ свойства сѣмени отца и матери. Замѣчательны по этому предмету воззрѣнія Гиппократа, Анаксагора, Галлена, Бурдака, Шпренгеля и другихъ

коновъ на частную и общественную жизнь человѣка, долженствующую составлять предметъ Науки Бытія.

Физическое начало человѣка вообще состоитъ изъ твердыхъ, мягкихъ и жидкихъ частей: костей, тѣла, мозга и крови. Первыя, т. е. кости, служатъ основаніемъ всего его организма, или остовомъ, тѣло, вмѣстѣ съ кожею, покрываетъ и защищаетъ кости, кровь присутствуетъ въ цѣломъ организмѣ, какъ главный его дѣятель, питая и оживляя его; мозгъ служитъ началомъ умственныхъ отправленій организма, какъ руководителя его. Всѣ части тѣла, составляющія организмъ, мы будемъ разсматривать какъ физическое начало человѣка Изъ цѣлаго организма мы возьмемъ для анализа только кровь, мозгъ и нервы, какъ главные дѣятели, посредствомъ взаимнодѣйствія свойствъ которыхъ совершается процессъ жизни.

Сердце будемъ понимать какъ представителя крови, которымъ выражается ея состояніе, мозгъ представителемъ мысли, или духовнаго начала, а нервы кондукторомъ, или посредникомъ между физическимъ и духовнымъ началами человѣка. Льюисъ говоритъ: «Организмъ возникаетъ въ видѣ кисточки, во все продолженіе своего существованія, значительная часть организма состоитъ изъ клѣточекъ, а остальная часть его изъ превращенныхъ клѣточекъ, или ихъ продуктовъ.»

Значитъ, клѣточку будемъ считать началомъ жизни живаго организма человѣка и условно его атомомъ, потому что нельзя отрицать, что и сама клѣточка не могла бы дѣлиться до безконечности. (*)

Льюисъ говоритъ: «Ничто не живетъ кромѣ клѣточекъ, или того, что мы имѣемъ право считать развившимся изъ клѣточекъ. Какія бы отступленія отъ формы клѣточки ни встрѣчались намъ, при анатомическомъ изслѣдованіи, напр. въ волокнахъ, сосудахъ, костяхъ, перепонкахъ, морфологическое изслѣдованіе показываетъ, что всѣ эти части первоначально состояли изъ клѣточекъ.»

Слѣдовательно, намъ нужно разсмотрѣть, что такое клѣточка, чтобы имѣть начало къ объясненію закона жизни цѣлаго организма человѣка и общества. Изъ наблюденій мы видимъ, что клѣточка по наружному виду состоитъ изъ микроскопическаго мѣшечка, заключающаго въ себѣ пузырекъ, называемый ядромъ клѣточки. Въ нѣкоторыхъ клѣ-

(*) Точно такъ и человѣкъ вообще, мужчина и женщина вмѣстѣ, принятые условно атомомъ человѣчества, можетъ дѣлиться до безконечности.

точкахъ многія зрѣлыя ядра содержатъ въ себѣ круглое и по догадкамъ твердое тѣло, называемое *ядрошкомъ*, котораго, какъ полагаютъ, не присутствуетъ въ молодыхъ или близкихъ къ смерти клѣточкахъ, что видимъ въ кровяныхъ шарикахъ венозной и артеріальной крови, которыя можно понимать, что первая находится на дорогѣ къ смерти, а вторая безпрерывно воскресая обновляется къ жизни.

Мѣшечекъ клѣточки содержитъ въ себѣ зернышки и жидкость, свойство которыхъ выражаютъ жизнь цѣлой клѣточки. (*)

Вотъ едва доступный нашему наблюденію атомъ человѣка, который мы называемъ атомомъ потому, что наши орудія слишкомъ грубы, чтобы дѣлать дальнѣйшія наблюденія и дѣлить еще микроскопическія составныя части клѣточки. Въ дальнѣйшемъ дѣленіи можно руководствоваться развѣ только математическою формулою теоріи предѣловъ и идти въ безконечность.

Природа безпредѣльна въ безконечно большихъ и въ безконечно малыхъ формахъ. Это наводитъ насъ на основную нашу мысль, высказанную въ 1856 году въ 1-й части: о Совр. Воен. Искуствѣ, гдѣ армія сравнивается съ живымъ организмомъ. Общество состоитъ изъ такихъ же недѣлимыхъ единицъ, или клѣточекъ, т. е. людей, одаренныхъ самобытною жизнію, итогъ которыхъ составляетъ жизнь цѣлаго организма государства.

Такимъ образомъ организмъ человѣка, принимаемый нами за цѣлое, почти весь состоитъ изъ мельчайшихъ независимыхъ людей, или клѣточекъ, одаренныхъ самобытною жизнію, потому что каждая клѣточка отдѣльно зарождается, растетъ, размножается и умираетъ, какъ это дѣлается и съ людьми въ общественномъ организмѣ. Въ человѣческомъ и общественномъ организмѣ есть единство, оно составляется изъ отдѣльныхъ единицъ, одаренныхъ самобытною жизнію, итогъ которыхъ выражаетъ жизнь цѣлаго общественнаго организма. Тѣ же самыя явленія мы замѣчаемъ въ организаціяхъ человѣка и общества, такъ напримѣръ: каждый органъ имѣетъ вліяніе на всѣ другіе, или разрушеніе одного изъ органовъ не пріостанавливаетъ

(*) Такъ напримѣръ: «Мышечная клѣточка содержитъ вещество сокращающееся, пигментная клѣточка содержитъ красящія вещества слизистая клѣточка слизь, и т. д.» (Льюисъ). Значитъ, уже клѣточки, при началѣ своего зарожденія въ организмѣ, имѣютъ назначеніе сообразное съ тѣмъ органомъ и его отправленіями, въ составъ котораго онѣ входятъ, иначе если бы онѣ были однообразны, онѣ бы не имѣли свойствъ, соотвѣтствующихъ своей самобытной природѣ.

отправленія другаго или всего организма, потому что люди и клѣточки одарены самобытною жизнію. (*)

Въ общественномъ организмѣ, какъ и въ организмѣ человѣка, необходимо только отличать назначеніе условій частной жизни единицъ отъ условій, которыя ей назначены, когда она вступаетъ въ общую жизнь цѣлаго организма. Такъ напр. Странно было бы требовать отъ отдѣльно взятаго человѣка, въ его частной, независимой, изолированной жизни, соблюденія такихъ условій, которыя онъ долженъ выполнять, когда онъ находится въ общественномъ организмѣ или предполагать въ немъ одну и ту же свободу дѣйствій, въ этихъ двухъ различныхъ положеніяхъ, вынуждаемыхъ различными условіями.

Убѣдившись, что весь организмъ человѣка состоитъ изъ клѣточекъ, одаренныхъ самобытною жизнію, приступимъ къ изслѣдованію крови, мозга и нервовъ, т. е. главныхъ дѣятелей его существованія, которые служатъ орудіями духа.

Кровь.

«Кровь, говоритъ Льюисъ, «это могучій потокъ жизни. Она, таинственный центръ химическихъ и жизненныхъ дѣйствій, на столько же чудесныхъ какъ и необходимыхъ.» (Физіологія обыденной жизни, Т. I стр. 185). (*)

Органическіе процессы въ тѣлѣ человѣка, какъ животнаго, при ихъ отправленіи, поддерживающемъ жизнь, должно

(*) Подобную мысль мы встрѣтили у Льюиса, который развилъ ее еще болѣе, прекраснымъ сравненіемъ. Онъ говоритъ: «Это такое же явленіе, какъ продолженіе борьбы со стороны полка, въ которомъ много убитыхъ. Если вожди падутъ, то полкъ разсыпается и каждому рядовому придется управляться по своему; точно также когда рзрушаются извѣстныя управляющія части въ механизмѣ органа, отправленіе этого органа прерывается и отдѣльныя клѣточки предоставляются самимъ себѣ... Человѣкъ съ половиною легкаго продолжаетъ дышать, посредствомъ этой сохранившейся половины. Онъ дышетъ не такъ сильно, какъ въ то время когда его легкія были цѣлы; количество кислорода, которое онъ можетъ вдыхать, разумѣется будетъ уменьшено, сообраэно уменьшенію въ количествѣ легочныхъ пузырьковъ. Но пока остаются легочные пузырьки и дѣйствуетъ дыхательный механизмъ, будетъ продолжаться и отправленіе дыханія».

(**) Гарвей принимаетъ, что кровь есть: «первородная и важнѣйшая часть, потому что и въ ней и изъ нея возникаетъ источникъ движенія и пульса, а также и потому, что животная теплота и духъ жизни въ ней вкоренены и насаждены и душа въ ней имѣетъ свое пребываніе. Жизнь въ крови, какъ мы читаемъ въ Св. писаніи, потому что въ ней загорается первая заря жизни и души, въ ней же послѣдней померкаетъ ихъ закатъ. Кровь есть производящая часть, источникъ жизни, primum vivens ultimum moriens».

разсматривать, въ свою очередь, какъ средства, поддерживающія кровь въ нормальномъ состояніи, т. е. которыя выводятъ изъ нея все вредное и доставляютъ все необходимое, обновляя ее безпрерывно. (*)

Изъ физіологическаго наблюденія заключаемъ, что кровь, по свойству своихъ клѣточекъ, живетъ самобытною жизнію, она постоянно стремится возстановлять однообразіе своего состава и принимаетъ въ себя изъ пищи только то, что свойственно и сообразно съ ея существомъ, въ такомъ количествѣ, которое ей опредѣлено ея назначеніемъ. Назначеніе же крови питать и возбуждать каждую часть и частицу живаго организма до послѣдней клѣточки, которая въ свою очередь принимаетъ отъ крови, по своей самостоятельности, только то, что сообразно ея натурѣ и свойствамъ, опредѣляемыхъ назначеніемъ того органа, въ которомъ ей назначено существовать.

Если бы ткани не были одарены самобытными жизненными свойствами и способностями, то ихъ ни кровь и вообще ничто не могло бы возбудить къ дѣятельности.

Для поясненія всей дѣятельностм крови въ организмѣ, обратимся къ Льюису. Онъ говоритъ: «этотъ потокъ жизни стремительно протекаетъ чрезъ всѣ части тѣла, по чрезвычайно развѣтвленной сѣти каналовъ. Въ теченіе года по этимъ каналамъ будетъ принесено къ различнымъ тканямъ не менѣе трехъ тысячъ фунтовъ питательныхъ веществъ, и три же тысячи фунтовъ веществъ, уже употребленныхъ тканями, будетъ унесено отъ нихъ.»

Льюисъ говоритъ далѣе: «въ каждое мгновеніе нашей жизни около десяти фунтовъ крови непрерывнымъ пульсирулизнымъ потокомъ устремляется изъ сердца въ большіе стволы артерій, которыя развѣтвляются подобно вѣтвямъ дерева, причемъ сосуды эти становятся все мелче и мелче, по мѣрѣ того какъ они развѣтвляются, наконецъ они становятся невидны невооруженному глазу и называются тогда волосными сосудами (похожими на волоса) хотя по величинѣ они также точно могутъ быть сравниваемы съ волосами,

(*) Законъ кровообращенія вообще таковъ, что венозная темная кровь стрѣмится къ легкимъ, гдѣ, обновясь дыханіемъ, дѣлается алою, артеріальною, а при выходѣ изъ сердца бѣжитъ по артеріямъ во всѣ части тѣла. Кровь въ организмѣ совершаетъ круговоротъ: артеріальная, притекая ко всѣмъ частямъ тѣла, разноситъ имъ пищу, а венозная уноситъ съ собою отъ нихъ все ненужное, превращаясь отъ того на пути своемъ въ венозную. Потокъ крови въ организмѣ, въ своемъ обращеніи, какъ найдено по наблюденіямъ, несетъ до 40 и болѣе разничныхъ веществъ, какъ-то: металлы, газы, соли и проч.

какъ волосъ съ морскимъ канатомъ. Эти волосные сосуды образуютъ сплетеніе, которое тоньше самаго тонкаго кружева, сѣть, которая такъ густа, что въ какомъ бы мѣстѣ мы не прокололи булавкою поверхность нашего тѣла, остріе булавки попадаетъ въ одинъ изъ этихъ сосудовъ и дастъ выходъ содержимому.» (Физіол. обыден. жизни т. I стр. 187). Кровь организма человѣка легко можетъ быть уподоблена общественному богатству, которое разносится, какъ вѣнами: судоходными рѣками, каналами, желѣзными, торговыми и проселочными дорогами во всѣ концы государственнаго тѣла, представляющими собою частую сѣть, какъ артеріи и волосные сосуды, въ организмѣ человѣка. Подобно тому какъ нормальное состояніе здоровья требуетъ, какъ необходимаго условія, постояннаго, свободнаго и безпрепятственнаго сообщенія и доступа крови ко всѣмъ частицамъ нашего тѣла, такъ и здоровое нормальное состояніе организма Идеальнаго Государства поддерживается постояннымъ, свободнымъ и безпрепятственнымъ сообщеніемъ всѣхъ своихъ частей такъ, что каждый отдѣльный его атомъ получаетъ пищу и все необходимое для своего благосостоянія и отправляетъ свой избытокъ по назначенію своевременно. (*)

Нельзя не признать кровь главнѣйшимъ источникомъ нашей жизни, потому что если остановится ея потокъ, то исчезнетъ за этимъ и всякая органическая дѣятельность, а слѣдовательно и жизнь, и всѣ возраженія, прежнихъ мыслителей, а можетъ быть и будущихъ, что они не могутъ представить себѣ живой жидкости, отвѣтимъ словами Мильнъ Эдварда, что: «живетъ не жидкость, а клѣточки», на которыя онъ смотритъ какъ на живыя существа.

Льюисъ понимаетъ, вопреки прежнихъ мыслителей физіологовъ, кровь не жидкимъ мясомъ, а органическимъ образованіемъ, непрестанно проходящимъ рядъ измѣненій, которыя составляютъ условія всякаго развитія и всякой дѣятельности.

Кровь не только организмовъ различныхъ породъ, но даже видовъ и каждой особи не походитъ на другую, опытный наблюдатель тотчасъ отличитъ кровь рыбы отъ насѣкомаго, животнаго отъ человѣка.

(*) Въ нѣкоторыхъ государствахъ, не только на проселочныя, но на большія и желѣзныя дороги и вообще на всѣ пути сообщенія не обращаютъ должнаго вниманія (главнѣйшее условіе здоровой жизни государства) но еще затруднятъ формальностями, дороговизною сообщеній, чѣмъ отымаютъ необходимую свободу у каждаго человѣка пользоваться ими.

Человѣческая кровь также различна. Женская кровь, по своему существу, жиже. Начало различію кладутъ вѣроятно эти твердые шарики, различающіеся своею плотностію и свойствами, какъ двѣ противуположности, коимъ предназначено обмѣниваться взаимно, питать, возбуждать и оживлять двѣ различныя, но однородныя, какъ и кровь, половины, или полы. Эта однородность крови въ человѣкѣ вообще, служащая главнымъ продуктомъ всего его существа, и богатствомъ его жизни. по химическому средству своему, кладетъ, вѣроятно основаніе взаимной притягательной, естественной силѣ обоихъ половъ. Этой крови предназначено въ одномъ полѣ (мужскомъ): составленіе тканей болѣе плотныхъ, въ другомъ (женскомъ) болѣе нѣжныхъ, которыя отъ того получаютъ свое различное назначеніе.

Здѣсь должно искать начало различія организмовъ мужчины и женщины, ихъ различныхъ отправленій и всѣхъ условій жизни, дающихъ обоимъ поламъ различное назначеніе, которое отзывается на жизни цѣлаго общественнаго организма.

Въ какія бы мы мелочныя наблюденія не вдавались, дальше которыхъ уже идти нельзя, всегда мы придемъ къ двумъ различнымъ, но однороднымъ элементамъ, взаимный обмѣнъ коихъ составляетъ жизнь. Нѣкоторые называютъ эти различные элементы противуположностями, а нѣкоторые добромъ и зломъ, какъ Зороастръ и другіе. Однимъ словомъ, жизнь, въ основаніи своемъ, доступномъ наблюденію, является подъ двумя однородными, но различными, до противуположности, началами, взаимный обмѣнъ присущихъ свойствъ которыхъ, составляетъ жизнь. (*)

Разсматривая кровообращеніе совмѣстно съ дыханіемъ, мы видимъ, что движеніе его зависитъ отъ кислорода, который поглащается легкими изъ воздуха, а потому будемъ считать его главнымъ источникомъ нашей жизни. Дыханіе поддерживаетъ жизнь. (**)

(*) Всѣ изслѣдованія крови, ея другія свойства и составныя части, любопытные могутъ найти въ физіологіи.

(**) Поэтому-то легкія у человѣка представляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ, которымъ поддерживается жизнь. Назначеніе легкаго поглощать изъ организма углеродъ и выдѣлять изъ себя теплородъ. То же самое назначеніе въ организмѣ и печени, которая освобождаетъ организмъ отъ избытка углерода, отдѣляя желчь, весьма богатую углеродомъ. Между процесомъ выделенія желчи и процессомъ дыханія существуетъ тѣсная связь. Печень и легкія почти у всѣхъ животныхъ взаимно восполняются. Бурдахъ говоритъ, что: «печень существуетъ во всемъ животномъ царствѣ,» У ребенка, находящагося

Сердце.

Сердце есть представитель крови и нравственнаго состоянія организма, по его ударамъ можно судить о состояніи крови и нравственнаго чувства человѣка.

Уже положительно доказано, что сердце производитъ самостоятельныя движенія, и что не атмосферный даже воздухъ заставляетъ его биться, потому что оно бьется подъ воздушнымъ колоколомъ, когда вытянутъ изъ него воздухъ. Оно одарено самобытною силой, причина которой еще не доказана. Сердце бьется даже у зародыша, когда еще въ немъ не развились нервы и не появилась кровь; въ то время оно представляетъ только соединеніе клѣточекъ, о самобытной жизни которыхъ мы говорили уже выше. (*)

Всѣ впечатлѣнія внѣшняго и духовнаго міра производятъ неотразимое вліяніе на сердце, которое выражаетъ ихъ ускоренными или замедленными ударами. Въ этихъ ударахъ, не смотря на самобытную способность сердца сокращатся, невозможно отвергать и участіе крови, состоянію которой оно служитъ представителемъ. (**)

еще въ утробѣ, легкія не имѣютъ почти ни какой дѣятельности, но за то у него есть огромная печень, полная силъ и изливающая желчь въ изобиліи. Отношеніе печени и легкаго такъ неизмѣнно, что въ человѣкѣ въ зародышѣ печень образуется раньше всѣхъ другихъ органовъ, она преобладаетъ во все время нахожденія младенца въ утробѣ, но быстро уменьшается, когда послѣ рожденія легкія приходятъ въ дѣйствіе, и во всемъ организмѣ устанавливается другая система восполненія. Какъ печень и легкія взаимно замѣщаются при первоначальномъ образованіи своемъ, то весьма вѣроятно, что они въ отправленіяхъ своихъ тоже замѣняютъ другъ друга, и что все исполненное однимъ изъ этихъ органовъ, должно быть исполнено другимъ.

Изъ наблюденій надъ человѣкомъ Идеальнаго Государства, мы находимъ удивительную связь между пищею, дыханіемъ и животною теплотою, что уже составляетъ спеціальный предметъ Физіологіи, которая должна намъ открыть вліяніе внѣшняго міра, поддерживающаго пищею жизнь внутренняго.

(*) Можно было бы заключить, что сердце живетъ самобытною жизнію, и что свойство самостоятельныхъ, составляющихъ его клѣточекъ, заставляетъ сердце, какъ причину, производить независимыя движенія.

(**) Льюисъ говоритъ: «Сердце, слѣдовательно, отличается отъ другихъ органовъ вовсе небольшею раздражительностію, а тѣмъ, что обладаетъ способностью сокращаться самостоятельно, способность, которой незамѣчается въ другихъ органахъ. Другія мышцы сокращаются тогда только, когда что нибудь раздражаетъ ихъ; безъ этого онѣ остаются въ покоѣ. Сердце же въ покоѣ не остается. Вырвите его изъ тѣла и вы увидите, что его ритмическія біенія будутъ продолжаться почти также, какъ если бы оно продолжало находиться въ живой груди. Разрѣжьте его вдоль, на двѣ половины, и каждая изъ нихъ будетъ

Это наводитъ насъ на весьма важный вопросъ, долженствующій разрѣшиться въ современной физіологіи, именно: къ опредѣленію *зависимости нравственности человѣка отъ его крови.*

Разрѣшеніе такого вопроса, послужитъ основаніемъ всей дѣятельности человѣка въ его частной и общественной жизни, которыя составляютъ предметъ науки Бытія, и поведетъ къ новымъ открытіямъ въ нравственномъ мірѣ.

Кровь, составляя пищу, какъ первая потребность, поддерживаетъ и развиваетъ жизнь клѣточекъ, изъ коихъ образуется мозгъ и нервы, однимъ словомъ весь организмъ, а потому она не можетъ не имѣть на мозгъ и нервы могущественнаго вліянія, выражающагося въ различныхъ ощущеніяхъ, которыя будутъ зависѣть отъ большаго или меньшаго ея притока, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, отъ ея состоянія, на которое имѣетъ вліяніе внѣшній міръ.

Входя въ такое необходимое и близкое соотношеніе съ мозгомъ и нервами, кровь въ свою очередь, принимаетъ на себя всѣ ихъ впечатлѣнія, состояніе и сущность которыхъ выражается пульсомъ и ударами сердца. Этимъ процессомъ физическое начало животнаго человѣка доходитъ до духовнаго и обратно.

Вотъ гдѣ нужно искать взаимную зависимость нашего духа (если онъ находится въ мозгу и нервахъ) отъ тѣла или крови, т. е. зависимость духовнаго міра отъ физическаго, какъ и физическаго отъ духовнаго.

Кровь, или его представитель сердце указываетъ состояніе духа и тѣла, въ которомъ находится каждый изъ нихъ порознь, а иногда служатъ выраженіемъ состоянія ихъ обоихъ вмѣстѣ и въсвоюочередь сама кровь оказываетъ вліяніе

продолжать биться. Разрѣжьте его поперекъ, отрѣжьте предсердія отъ желудочковъ и все-таки обѣ части будутъ биться по-прежнему. Это одно изъ тѣхъ зрѣлищъ, которыя наводятъ на душу анатома нѣчто въ родѣ ужаса. Онъ съ дѣтства привыкъ къ мысли, что біеніе сердца какимъ-то таинственнымъ образомъ связано съ жизнію и ощущеніями, а теперь онъ видитъ, что это біеніе совершается при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ нельзя и предполагать ощущеній, или жизни, какое значеніе имѣютъ эти біенія? Это неравномѣрныя движенія жизни, это не трепетъ ужаса, это не волненіе, они не внушены инстинктомъ. Мертвъ и разрушенъ чудный механизмъ, главною пружиною котораго такъ недавно еще было это сердце и теперь рядомъ, съ недвижимымъ трупомъ, лежитъ этотъ органъ, бьющійся какъ бы въ агоніи послѣднихъ усилій.»

Эм. Руссо говоритъ, что: «въ сердцѣ одной женщины были еще замѣтны ритмическія движенія двадцать семь часовъ спустя послѣ того, какъ она была гильотирована».

на дѣятельность мозга и нервовъ. Напр.: уменьшеніе крови кровопусканіемъ, у слабонервныхъ разрушаетъ иногда окончательно ихъ нервную систему и ставитъ въ неестественное состояніе всѣ отправленія, зависящія отъ нея, что, безъ сомнѣнія, отражается на мозгъ, а слѣдовательно и на духъ.

Въ свою очередь всѣ душевныя волненія передаются крови; мы видимъ, что отъ страха человѣкъ блѣднѣетъ, отъ стыда или негодованія краснѣетъ, отъ радости у него сверкаютъ глаза и сильнѣе бьется пульсъ, душевныя потрясенія въ состояніи измѣнить не только кровь, но и молоко женщины до такой степени, что оно можетъ сдѣлаться вреднымъ для ребенка.

Слѣдовательно, мы видимъ, что кровь, которой представителемъ есть сердце, вліяетъ непосредственно на духъ, чрезъ мозгъ и нервы и въ свою очередь испытываетъ на себѣ всѣ впечатлѣнія физическаго міра чрезъ нервы, а внутренняго, или духовнаго міра чрезъ мозгъ.

Поэтому можно заключить, что кровь есть одинъ изъ важныхъ дѣятелей какъ физическаго, такъ и духовнаго начала человѣка. (*)

Мозгъ.

Въ организмѣ человѣка вообще мозгъ можно принять болѣе важнымъ органомъ, нежели сердце, потому, что отъ него зависитъ сознаніе, а отъ сознанія всѣ дѣйствія и вся его жизнь. (**)

И такъ, примемъ за истину, что у человѣка величина и составъ мозга въ прямомъ отношеніи къ степени и силѣ его умственныхъ отправленій. Сравнительная анатомія показываетъ намъ, что объемъ мозга, начиная съ низшихъ, по организаціи животныхъ, постоянно увеличивается и кончается человѣкомъ и находится въ прямомъ отношеніи къ умственнымъ способностямъ. У всѣхъ животныхъ, у которыхъ не имѣется настоящаго мозга, а только нервные

(*) Этотъ законъ—вліянія крови на духъ, остается въ физіологіи еще до сихъ поръ нетронутымъ.

(**) Либихъ говоритъ: "Дѣйствія мозга въ прямомъ отношеніи къ его массѣ.,, Съ этимъ согласенъ и Малешотъ, который выражается такъ: "Если не подлежитъ сомнѣнію, что составъ, форма и свойство какого нибудь тѣла другъ друга условливаютъ, и что всякая перемѣна въ одномъ изъ нихъ, производитъ перемѣну и въ другомъ, то не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что матеріальный составъ мозга имѣетъ вліяніе на мысль, а мысль на оборотъ—на составъ мозга, что мозгъ есть органъ мысли и что они находятся въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ, что взятые отдѣльно, независимо другъ отъ друга, они не существуютъ и не мыслимы,,

узлы или начало образованія мозга, какъ говоритъ физіологія: имѣетъ и малыя ограниченныя способности, что жизнь этихъ животныхъ скорѣе походитъ на прозябеніе, чѣмъ на жизнь человѣка, стоящаго въ главѣ всѣхъ живыхъ существъ. Изъ этого наблюденія мы можемъ сознать всю важность мозга въ организмѣ человѣка. Физіологія уже опредѣлила законъ природы, что масса мозга увеличивается по мѣрѣ болѣе совершеннаго устройства организаціи, и умственное развитіе зависитъ какъ отъ величины, вѣса и формы строенія, устройства изгибовъ, такъ и химическаго состава мозга. Волентинъ говоритъ, что «*нерѣдко качество мозга замѣняетъ его количество*». Профессоръ Герике не такъ давно доказалъ, отношеніе изгибовъ мозга къ его дѣятельности. Изъ наблюденія надъ человѣкомъ Идеальнаго Государства видно, что чѣмъ извилистѣе и глубже изгибы мозга, тѣмъ болѣе въ нихъ впадинъ и вѣтвей, чѣмъ болѣе симметріи и правильности, тѣмъ совершеннѣе организація и тѣмъ лучше его способности. Мозгъ человѣка вообще, какъ утверждаютъ физіологи, до 25 лѣтъ увеличивается, до 50 лѣтъ остается въ одномъ положеніи, а съ 50 лѣтъ уменьшается. (*)

(*) По наблюденіямъ Симса мозгъ увеличивается постоянно и наибольшаго развитія достигаетъ между 40 и 50 годами, а затѣмъ начинаетъ уменьшаться. Вотъ почему старики обращаются въ дѣтство. Фохтъ говоритъ: "Съ постепеннымъ развитіемъ мозговыхъ полушарій развиваются и умственныя способности.,, Нейнакъ и Бибра нашли, что мужской мозгъ больше женскаго на 6 унцій, а Гофманъ на 2 унціи. "У женщинъ средній вѣсъ головнаго мозга,, говоритъ Льюисъ, «ровняется пятидесяти унціямъ. У женщинъ, этотъ средній вѣсъ пятью унціями меньше. Если принять 50 унцій $3\frac{1}{2}$ драхмы за вѣсъ всего головнаго мозга, то три главныя части его будутъ имѣть слѣдующій вѣсъ:

Большой мозгъ	43 унц.	$15\frac{1}{4}$ драх.
Мозжечокъ	5 »	4 »
Вароліевъ мозгъ и прод. мозгъ	6 »	$15_{\frac{1}{4}}$ »
	50 »	$3\frac{1}{2}$ »

Этотъ выводъ чрезвычайно важенъ для насъ, потому что онъ даетъ намъ положительное основаніе, на которомъ впослѣдствіи будутъ опираться какъ на фактѣ, всѣ наши доказательства и выводы, относительно умственныхъ способностей мужчины и женщины, имѣющихъ огромное вліяніе на физическую и духовную дѣятельноть всей ихъ жизни, что выражается въ ихъ естественномъ назначеніи, опредѣленномъ закономъ природы, противъ котораго ни тотъ ни другой переступить не въ состояніи. Эту истину доказываетъ намъ исторія. Отъ сотворенія міра еще не являлось женщины генія, хотя изъ нихъ многія отличались нѣкоторыми талантами.

По наблюденіямъ Лаурета люди, у которыхъ головы имѣютъ въ

Патологія представляетъ множество убѣдительныхъ фактовъ, что всякое, сколько нибудь значительное страданіе мозга непремѣнно отражается и на такъ называемой душѣ. Воспаленіе мозга производитъ помѣшательство и бѣшенство; изліяніе крови въ полость мозга, помраченіе разсудка и совершенную безчувственность, продолжительное давленіе на мозгъ — слабоуміе и идіотизмъ и т. д. У всѣхъ помѣшанныхъ бываетъ пораженъ мозгъ. Всѣ почти медики согласны съ тѣмъ, что душевное страданіе не можетъ быть безъ разстройства *отправленій мозга.* (*)

Наблюденія приводятъ къ такому заключенію, что объемъ, форма и составъ мозга имѣютъ такую тѣсную связь съ умственными способностями человѣка, что умственная дѣятельность его, въ свою очередь, оказываетъ существенное вліяніе на развитіе мозга. Многіе говорятъ, что мозгъ и нервы, въ разныхъ мѣстахъ своего протяженія, имѣютъ и различный химическій составъ, для мозга важенъ также и фосфоръ. (**)

Всѣ эти прежніе выводы, что процессы воли и ощущенія происходятъ изъ головнаго мозга, Льюисъ, новѣйшими физіологическими изслѣдованіями и доводами, основанными на осязательныхъ фактахъ, разрушилъ окончательно. Онъ доказалъ, что у животныхъ ощущеніе не есть спеціальность головнаго мозга, что оно можетъ совершаться и другими частями нервной системы, такъ, что животныя, имѣющія хоть эти только части, способны къ цѣлесообразной дѣятельности, даже если нѣтъ у нихъ головнаго мозга. Онъ доказываетъ, что и спинной мозгъ, какъ самостоятельный

окружности менѣе 16 дюймовъ — слабоумны. Съ слишкомъ малымъ объемомъ мозга неразлучно и слабоуміе. По словамъ Пархане уменьшеніе разсудка у помѣшанныхъ находится въ связи съ уменьшеніемъ мозга. При большемъ развитіи черепа умственное разстройство встрѣчается гораздо рѣже.

(*) Сравненіе череповъ за нѣсколько вѣковъ привело Причарда къ заключенію, что нынѣшніе жители Великобританіи, вслѣдствіе ли многихъ вѣковъ высшей умственной дѣятельности или по какой нибудь другой причинѣ — имѣютъ несравненно обширнѣйшія мозговыя чаши, чѣмъ имѣли ихъ предки. Изыскзнія по этому предмету Блуменбаха, Мортона и Бурдаха заслуживаютъ особеннаго вниманія и могутъ повести къ важнымъ открытіямъ т. е. общаго закона природы, относительно усовершенствованій человѣческой породы, которое производитъ цивилизація.

(**) Малешотъ даже сказалъ, что безъ фосфора невозможна мысль. «Мозгъ не только органъ мысли и всей умственной дѣятельности», говоритъ Бюхнеръ, «но и единственное, исключительное мѣстопребываніе души, въ немъ рождается воля и всякое произвольное движеніе.»

органъ нервной системы, способенъ къ ощущеніямъ, у всѣхъ животныхъ, имѣющихъ нервы, потому что нервы передаютъ впечатлѣнія и спинному мозгу, производя на него извѣстное дѣйствіе, вызывая реакцію, которая и есть ощущеніе. Онъ доказалъ, что движенія, производимыя спиннымъ мозгомъ, суть произвольныя, какъ и головнаго мозга, а не механическія, что въ нихъ проявляется также цѣлесообразность, какъ слѣдствіе ощущенія.

Изъ всѣхъ наблюденій можемъ вывесть заключеніе, что разумъ есть одно изъ отправленій мозга и что если и должно признать большой мозгъ органомъ мысли, то его нельзя все-таки признавать исключительнымъ сѣдалищемъ ощущенія и воли, Лучше всѣхъ опредѣляетъ значеніе мозга Льюисъ, въ своей «Физіологіи обыденной жизни.» Изображеніе его тѣмъ еще имѣетъ для насъ особую важность, что поясняетъ нашу основную мысль, сравненіе общественнаго организма съ организмомъ человѣка. Онъ говоритъ: «Въ мозгу всѣ впечатлѣнія, получаемыя путемъ чувствъ и внутренностей, соединяются, слагаются, видоизмѣняются и какимъ-то глубокотаинственнымъ способомъ переработываются въ идеи. Мозгъ есть главнокомандующій надъ всею арміею, повѣряющій и внушающій всѣ дѣйствія подвластныхъ ему чиновъ. Ошибочно было бы думать, что эти подчиненные не имѣютъ также своей самостоятельной дѣятельности. Генералы, полковники, капитаны, сержанты суть индивидуальности, точно также какъ и главнокомандующій, лишь съ меньшею властію, и отправляющія разныя обязанности, каждый по своему чину. Но если главнокомандующій убитъ, при арміи остаются его генералы, если убиты и генералы, полки сохраняютъ своихъ полковниковъ, даже отдѣльный взводъ долженъ быть удержанъ въ порядкѣ энергическимъ капраломъ. То же самое, какъ мы увидимъ ниже, происходитъ съ животными, когда ихъ лишаютъ мозга, каждая отдѣльная часть организма, каждая клѣточка имѣетъ своего главнокомандующаго, т. е. генерала, полковника, или капрала. Мозгъ въ качествѣ главнокомандующаго нуждается, какъ выражается Льюисъ далѣе, въ огромномъ притокѣ крови. (*) По оцѣнкѣ Галлера это количество равняется пятой части всей крови, разносящейся по тѣлу. Также и по массѣ, мозгъ преобладаетъ надъ остальною частію нервной системы, но это справедливо только относительно высшихъ животныхъ, у лягушекъ, гадовъ и рыбъ, онъ по объему меньше спиннаго мозга. Льюисъ психологическія явленія

(*) См. Совр. Воен. Искусство, часть I, стр. 41 1856 года.

раздѣляетъ на умственную и душевную дѣятельность, въ нихъ онъ подразумѣваетъ въ каждой по три группы, всего шесть центровъ. Въ первой группѣ онъ помѣщаетъ ощущенія, впечатлѣнія (perseption) и идеи, въ своихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, слагающія умственную дѣятельность. Ко второй группѣ онъ причисляетъ ощущенія, инстинкты, или позывы и душевныя движенія въ своихъ различныхъ сочетаніяхъ, представляющія душевную дѣятельность (т. II стр. 96 Физіологія обыденной жизни). (*)

Относительно спиннаго мозга можно сказать, что каждая часть его, какъ утверждаетъ новѣйшая физіологія, можетъ дѣйствовать, какъ самостоятельный центръ, и что каждая часть его есть маленькій мозгъ, какъ и головной, но этому вопросу, по его трудности, еще суждено разрѣшаться въ будущемъ.

Изъ всѣхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ мозгомъ человѣка Идеальнаго Государства, можно сказать, что всѣ центры головнаго большаго, малаго и продолговатаго, а также и спиннаго мозга, обладаютъ чувствительностію, а потому при вещественномъ своемъ проявленіи, должны считаться органами духа, какъ содѣйствующіе общей сознательности. Слѣдовательно, мозгъ и сердце вообще будемъ считать принадлежностію и выраженіемъ духа и матеріи или въ матеріи духа, который есть ея свойство.

Нервы.

Чтобы понять удивительное сочетаніе въ человѣкѣ крови или сердца и мозга, какъ представителей духовнаго и физическаго началъ человѣка въ матеріи, необходимо обратиться за объясненіемъ къ помощи физіологіи, которая говоритъ, что связью души съ тѣломъ служитъ цѣлая нервная система, которая проходитъ, начиная отъ черепа и позвоночнаго столба, т. е. головнаго и спиннаго мозга (въ коихъ доказано сознаніе) черезъ весь организмъ, касаясь своими тончайшими вѣтвями почти каждой точки тѣла, выходя къ перефизической поверхности кожи.

Посредствомъ нервовъ, мозгъ какъ главнокомандующій какъ власть въ государствѣ, управляетъ всѣми самостоя-

(*) Такое подраздѣленіе не совсѣмъ логично. Какимъ образомъ можно раздѣлить психическія явленія на умственную и душевную дѣятельность. Допуская это, мы уже умственную дѣятельность тогда не включаемъ въ душевную, значитъ душа можетъ быть безъ ума, или умъ можетъ обойтись безъ души. Не лучше ли было бы душевную дѣятельность подраздѣлить на умственную и нравственную, источниками коихъ суть умъ и сердце имѣющихъ представителей въ физическомъ мірѣ мозгъ и сердце вещественное.

тельными органами и частями тѣла. Мозгъ, принявши впечатлѣнія, какаго бы они свойства ни были, матеріальныя или нематеріальныя, передаетъ ихъ тѣлу или духу по назначенію. Эту передачу мы видимъ при всякаго рода душевныхъ волненіяхъ. У человѣка отъ радости сверкаютъ глаза, сильнѣе бьется пульсъ; одно воспоминаніе, о какомъ нибудь отвратительномъ предметѣ, можетъ произвести рвоту. Умственная дѣятельность увеличиваетъ аппетитъ, по наблюденіямъ Деви, даже и животную теплоту. Въ свою очередь физическое состояніе тѣла отражается на душѣ. Извѣстно, какое сильное вліяніе имѣетъ на настроеніе духа отдѣленіе желчи. Не нормальное состояніе яичниковъ производитъ страданіе половыхъ органовъ, влеченіе къ убійству и къ разнаго рода преступленіямъ (*).

Приписывая нервамъ, какъ посреднику, взаимную передачу тѣлу и духу своихъ впечатлѣній, мы тѣмъ нисколько не утверждаемъ, чтобы эта способность была у нихъ единственная.

Въ послѣднее время Льюисъ открылъ у нихъ еще способность ощущать, доказавъ, что единство лежитъ въ основѣ всего разнообразія дѣйствій различныхъ животныхъ и что всѣми этими дѣйствіями руководятъ ощущенія, которыя всѣ имѣютъ начало въ нервной системѣ. Этимъ самымъ опровергнулъ, до сихъ поръ еще существующій, софизмъ нѣкоторыхъ мыслителей, находящихъ, что дѣйствія многихъ животныхъ разумны, а тѣже дѣйствія другихъ животныхъ механическія, что нѣкоторыя животныя имѣютъ разумъ, а другія только инстинктъ. Льюисъ ясно доказалъ, что вся-

(*) Подтвержденіе этому мы находимъ у Льюиса. Онъ говоритъ: «читатель можетъ быть удивится, что раздраженіе нервнаго центра останавливаетъ дѣятельность сердца, вмѣсто того, чтобы ускорить его... Тѣже самыя явленія слѣдуютъ за сильнымъ и непосредственнымъ раздраженіемъ продолговатаго мозга; сильное его раздраженіе останавливаетъ, а умѣренное ускоряетъ біеніе сердца. Отсюда видно, что сильный приливъ горя или радости, можетъ мгновенно убить человѣка. Отсюда понятно, что сильное волненіе производитъ трепетаніе сердца. Всякій знаетъ послѣдствія мгновеннаго взрыва сильнаго волненія... Одни падаютъ въ обморокъ, а другіе умираютъ... боль уменьшаетъ дѣятельность сердца. Такимъ образомъ, боль можетъ иногда быть причиною смерти... Возбужденіе умственной дѣятельности внезапно останавливаетъ или усиливаетъ отдѣленія. Недостаточное или слишкомъ сильное отдѣленіе подавляетъ или разстраиваетъ умственную дѣятельность. Какая нибудь идея производитъ трепетаніе сердца, разстраиваетъ отправленіе печени, плохо-функцирующая печень нарушаетъ спокойствіе духа. Такъ неразрывно связана наша умственная жизнь съ тѣлесною.» Томъ II, стр. 122 и 123. Физіологія обыд жизни.

кое животное низшаго разряда, имѣющее нервную систему, способно къ нервнымъ отправленіямъ, которыя сходны съ такими же отправленіями человѣка. Животныя имѣютъ ощущенія и нѣкотораго рода сознательность, которую нельзя назвать инстинктомъ, потому что она одинакова съ сознательностію животныхъ высшаго разряда. По его ученію, подъ безконечнымъ разнообразіемъ формъ, въ которыхъ является нашимъ глазамъ все царство животныхъ, скрывается извѣстнаго рода единство и жизнь животныхъ повинуется однимъ и тѣмъ же естественнымъ законамъ, которые онъ подмѣтилъ въ ихъ нервной системѣ. Онъ доказываетъ, что нервные центры имѣютъ также свои общія свойства и свои общіе законы, что ощущенія, происходящія, вслѣдствіе органическихъ процессовъ, не похожи на ощущенія, передаваемыя посредствомъ органовъ пяти чувствъ, и что боль имѣетъ опять свои самобытныя свойства, не-похожія ни на первыя, ни на вторыя. Такъ на-примѣръ: ощущенія звука не похожи на ощущенія голода, а голодъ не походитъ на ощущеніе жажды и т. д., между тѣмъ, всѣ эти ощущенія суть элементы сознанія и всѣ есть принадлежность нервныхъ центровъ.

Такимъ образомъ, пользуясь физіологическими открытіями Льюнса, намъ удалось нѣсколько объяснить темный переходъ отъ матеріи къ силѣ одушевляющей, которая еще долго, а можетъ быть и никогда намъ не откроется. Анализируя органы чувствъ человѣка вообще, т. е. нервы, мы видимъ, что они служатъ (съ небольшими исключеніями) органами сознательныхъ отправленій и принадлежатъ равно какъ и къ духовной, такъ и къ физической сторонѣ человѣка, а потому должны быть поставлены выше непосредственно физическихъ органовъ, поддерживающихъ только питаніе и обновленіе тканей.

Фейербахъ говоритъ: «у животнаго, кромѣ инстинкта и внѣшнихъ чувствъ (нервовъ), нѣтъ другаго хранителя. Птица, лишившись глазъ, теряетъ и своего генія защитника. Она должна упасть въ яму, потому что для ея спасенія не совершается ни одного чуда.»

Человѣкъ, какъ всякое животное, повинуется одному и тому же физическому закону природы всѣхъ животныхъ, а потому долженъ вѣрить и надѣяться на свои пять чувствъ, беречь ихъ, потому что онѣ его натуральные хранители.

Всѣ органы чувствъ дѣйствуютъ посредствомъ нервовъ, онѣ передаютъ мозгу всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра и обратно всѣ впечатлѣнія, черезъ волю и нервы, переходятъ

на внѣшній міръ. Нервная система въ человѣкѣ, съ своими центрами, составляетъ важнѣйшую часть его организма.

По наблюденіямъ Льюиса, нервная система состоитъ изъ соединенія нервныхъ волоконъ, или нитей бѣлаго цвѣта мозга, наполненныхъ, болѣе или менѣе, жидкостью, соединяющихся въ пучки, различнаго объема, которые и составляютъ нервные узлы, или центры. Нервы не похожи на нервные узлы, послѣдніе состоятъ изъ клѣточекъ и крупинокъ, переплетенныхъ волокнами, тогда какъ нервы просто волокна. Нервными центрами называютъ какъ одинъ узелъ, такъ и нѣсколько, тѣсно соединенныхъ, узловъ, имѣющихъ сѣрый цвѣтъ мозга.

Главнѣйшіе центры всѣ соединяются вмѣстѣ и расположены внутри черепа и позвоночнаго столба. Если сѣрому веществу мозга Бюхнеръ и другіе философы и физологіи приписывали важное значеніе и высшія свойства разумной дѣятельности души, то, по наблюденіямъ Льюиса, мы видимъ что сѣрое вещество тоже самое находится и въ позвоночномъ мозгу, какъ и въ головномъ, а потому можемъ признать и за-нимъ не малую долю сознанія, что и замѣчаемъ у нѣкоторыхъ животныхъ, проявляющихъ свои духовныя ощущенія, напримѣръ: радость, чувство страха и т. п. хвостомъ, который есть продолженіе позвоночнаго столба. Льюисъ не утверждаетъ, какъ другіе, чтобы электричество было главнымъ дѣятелемъ нервной системы, а говоритъ, что если это и электричество, то оно является въ живой нервной системѣ съ другими особенными свойствами. Онъ предполагаетъ общее свойство волоконъ и нервовъ, (состоящее въ способности принимать въ себя дѣйствія внѣшнихъ причинъ, воспроизводить ихъ, переходъ изъ состоянія покоя въ состояніе дѣятельности, возбуждать соединенный съ ними нервный центръ и производить въ немъ чувствительность, вслѣдствіе которой авляется ощущеніе) все это назвать нервностью.

Онъ доказываетъ фактически, характеристику нервовъ или этого свойства, т. е. нервность, тѣмъ, что только посредствомъ нитей, или волоконъ можно производить ощущенія въ нервныхъ центрахъ, потому, что если мы станемъ непосредственно касаться, т. е. гальванизировать или даже рѣзать сѣрое вещество спиннаго и головнаго мозга, находящееся въ нервныхъ центрахъ, то животное не будетъ ничего ощущать, изъ чего онъ выводитъ заключеніе, что только нервъ можетъ возбуждать ощущеніе въ центрѣ, что и составляетъ характеристическое, особенное его свойство, открытое и названное Льюисомъ *нервностью*.

*

Нервность, какъ утверждаетъ Льюисъ, раздражая нервъ, возбуждаетъ въ узловомъ центрѣ ощущеніе, въ железѣ, отдѣленіе, въ мышцѣ сокращеніе. Какъ волокна и нервы имѣютъ свое свойство—нервность, такъ нервные центры имѣютъ свое свойство: *чувствительность*, дѣятельное состояніе которой, возбужденное нервомъ,—есть *ощущеніе*.

Такимъ образомъ черезъ нервы въ человѣкѣ его внутренній, или духовный міръ имѣетъ постоянное сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, значитъ, человѣку назначено быть посредникомъ отношеній двухъ міровъ. Человѣкъ ничто безъ предмета, а предметы, изъ области духовнаго и физическаго міровъ, могутъ только передаваться мозгу, (главнокомандующему) нервами, находящимися открытыми болѣе въ пяти внѣшнихъ чувствахъ. У человѣка для мысли служатъ прежде всего глаза, а потому мысль должна нервоначально основываться на предметахъ вещественнаго міра, которые человѣкъ можетъ усвоивать себѣ только посредствомъ чувственной дѣятельности, а не выводить предмета изъ идеи, но на оборотъ, идеи выводить изъ предмета, для него предметъ доженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть внѣ его головы. Вотъ гдѣ нужно отыскивать истинныя начала философіи, а не въ абсолютномъ.

Человѣкъ есть ничто иное какъ духовный естествоиспытатель, а естествоиспытатель ничего неможетъ сдѣлать безъ матеріальныхъ средствъ, безъ хорошихъ инструментовъ, которые у него суть нервы, болѣе обнаженные, изъ внутренняго его міра. Слѣдовательно, болѣе воспріимчивы ко всѣмъ впечатлѣніямъ внѣшняго міра суть нервы, находящіяся въ органахъ пяти чувствъ, какъ то: зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія.

Изъ физіологическихъ наблюденій Льюиса мы видимъ, что существуютъ два вида центровъ, первичные и вторичные, по этому должно заключить, что есть первичныя и вторичныя ощущенія.

Такъ напримѣръ: отъ глаза идетъ нервъ къ первому оптическому центру, черезъ этотъ нервъ свѣтомъ производится первичное ощущеніе въ оптическомъ центрѣ, оно передается вторичному центру, который находится въ большомъ мозгу и производитъ въ немъ вторичное ощущеніе, отличающееся отъ первичнаго, и составляетъ его духовную переработку, такъ, что изъ этого процесса мы видимъ, что въ первомъ, свѣтъ только ощущается, а во второмъ это ощущеніе замѣчается, изъ втораго центра, замѣченное ощущеніе можетъ перейти въ третій и т. д. и при этихъ дальнѣйшихъ переходахъ можетъ явиться пред-

ставленіе и всѣ его разнообразныя сочетанія. Этотъ же законъ передачи первами впечатлѣній исполняется и въ другихъ нервичныхъ центрахъ органовъ чувствъ, напримѣръ: обонянія, слуха, осязанія. Въ мозгу совершается переработка всѣхъ нервичныхъ ощущеній, служащихъ матеріаломъ для духовной дѣятельности, которая дѣйствуетъ уже во вторыхъ центрахъ.

Льюисъ говоритъ, что «большому головному мозгу принадлежатъ самыя благородныя отправленія, въ немъ всѣ впечатлѣнія, полученныя путемъ чувствъ и внутренностей, соединяются, слагаются, видоизмѣняются и какимъ то глубоко-таинственнымъ способомъ перерабатываются въ идеи » (Томъ 2, стр. 81).

Изъ этого можно вывесть то заключеніе, что безъ нервовъ или нервныхъ центровъ и ихъ первичныхъ ощущеній, духовная дѣятельность немыслима, т. е. безъ матеріи.

Льюисъ говоритъ, что «приверженцы прежней философіи, противуполагали эту духовную дѣятельность физіологіи и доказывали, что въ отправленіяхъ и дѣятельности мозга нѣтъ факта, который бы соотвѣтствовалъ различію двухъ большихъ сторонъ духовной жизни: умственной и духовной;» (*) но Льюисъ уяснилъ этотъ вопросъ. Изъ его наблюденій мы видимъ, что внѣшнее впечатлѣніе не можетъ прямо дѣйствовать на второй центръ, а во второмъ центрѣ не-мыслима дѣятельность до тѣхъ поръ, пока она не будетъ возбуждаться въ первомъ центрѣ. Такъ, что вся духовная дѣятельность образуется изъ первичныхъ ощущеній первныхъ центровъ, которые сами непосредственно не могутъ получить внѣшнихъ впечатлѣній, а только черезъ нервы. Таковъ основной физіологическій законъ, для классификаціи всей духовной жизни и вліянія его на мысль и чувство, на представленіе и душевное движеніе, открытый Льюисомъ; законъ, заключающій въ себѣ зародышъ всѣхъ будущихъ открытій, который прольетъ новый свѣтъ на всѣ науки, а въ особенности на современную философію.

Органы чувствъ можно понимать пятью окнами, продѣланными въ организмѣ животнаго, какъ и человѣка, чрезъ которыя духъ его, посредствомъ нервовъ, сообщается изъ своего жилища, съ окружающей его природой и принимаетъ всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра,

(*) Должно понимать умственной и нравственной, потому что по нашему понятію духовное начало человѣка, какъ мы замѣтили выше, состоитъ изъ умственнаго и нравственнаго элементовъ, источниками которыхъ суть: умъ и сердце (нравственность), представителями коихъ, въ свою очередь въ физическомъ мірѣ, суть: мозгъ и кровь.

Простымъ, пристальнымъ созерцаніемъ глазъ человѣка можно замѣтить и познакомиться съ самимъ хозяиномъ, который смотритъ изъ подъ черепа, черезъ глаза. Какъ часто, не желая быть предметомъ наблюденія, которое могло бы открыть его намѣренія, онъ закрываетъ ставни своихъ оконъ, опуская вѣки.

Природа, можетъ быть, съ намѣреніемъ ограничила человѣка только пятью чувствами, считая ихъ достаточными, для достиженія цѣли, предполагаемой его жизнію; она не прорубила шестаго окна, или не дала чувства, видѣть невидимое и слышать неслышанное, тогда, можетъ быть, открылся бы человѣку цѣлый невѣдомый ему міръ. Но это было бы болѣе совершенное существо, нежели человѣкъ. Въ будущемъ лежитъ еще, можетъ быть, многое сокрытое отъ насъ. Геологическія изслѣдованія, все болѣе и болѣе, открываютъ факты, по которымъ опредѣляются яснѣе естественные законы, показывающіе намъ постепенность усовершенствованія формъ органическаго царства, это позволяетъ предполагать, что можетъ быть природа въ будущемъ произведетъ еще болѣе совершенное существо, нежели человѣкъ (*).

(*) Фреръ въ Парижѣ, по наблюденію надъ черепами, нашелъ что чѣмъ древнѣе типъ человѣка, тѣмъ у него уже лобъ. Цивилизація произвела повидимому ту перемѣну въ формѣ черепа человѣка, что передняя часть стала выпуклѣе, а задняя площе. Наблюденія надъ черепами всѣхъ вѣковъ дало возможность прослѣдить постепенное усовершенствованіе человѣческой породы, которую производитъ умственное развитіе. «Имѣя передъ глазами такіе факты», замѣчаетъ Бюхнеръ, едва ли кто будетъ считать невозможнымъ, что родъ человѣческій, въ теченіи своего возраста, развивался постоянно изъ всего грубаго, можетъ быть, животнаго состоянія все болѣе и болѣе, до настоящей своей высоты.» Эти наблюденія рождаютъ въ человѣкѣ надежду, что можетъ быть со временемъ явится изъ него перерожденіемъ другое болѣе совершенное созданіе.

Геологическія изысканія указываютъ, что въ низшихъ слояхъ земной коры находятся слѣды органическихъ тѣлъ какъ растительнаго царства, такъ и животнаго. Притомъ замѣчено, что чѣмъ ниже слой, тѣмъ несовершеннѣе формы, бывшей на немъ органической жизни. Напр. въ первыхъ плостахъ мы находимъ несуществующихъ теперь амфибей. Когда появилось уже существующее нынѣ различіе въ климатахъ, то произошли безконечно разнообразныя органическія формы, даже видимыя теперь.

Въ третичной породѣ геологи находятъ млекопитающихъ животныхъ самыхъ совершенныхъ формъ, которыя теперь не существуютъ, развѣ въ слабомъ сходствѣ, таковы: динотеріумы, нахидермы и т. п.

Но высшія органическія существа начинаютъ являться только въ аллувіальномъ слоѣ земной поверхности, тамъ мы встрѣчаемъ человѣка, какъ вѣнецъ творенія, съ болѣе совершеннымъ организмомъ, нежели

Слабонервные или трудно больные, находящіеся при смерти, черезъ возвышенную чувствительность и раздражительность всей нервной системы или черезъ сны видятъ, хотя неотчетливо, другую жизнь и даютъ понятія о существованіи другаго міра и о связи его съ нашимъ міромъ. Впрочемъ, это можно считать также, до нѣкоторой степени, и слѣдствіемъ ихъ воображенія и не нормальнаго состоянія.

Вообще приписываютъ нервамъ передачу всего сверхъестественнаго, чудеснаго, какъ то: животный магнетизмъ, ясновидѣніе, сонъ, лунатизмъ, предчувствіе, явленіе привидѣній, дѣйствія симпатическихъ средствъ и т. п.

Все это Бюхнеръ отвергаетъ положительно. Онъ говоритъ «все что мы знаемъ только по впечатлѣніямъ, притомъ такъ, что извѣстный родъ знанія, принадлежитъ извѣстному органу чувствъ, съ уничтоженіемъ котораго пропадаютъ и соотвѣтствующія знанія». Онъ говоритъ далѣе: «сверхъ чувственныхъ и сверхъ естественныхъ предметовъ и способностей нѣтъ и никогда ни гдѣ небывало, да и не можетъ быть, иначе нарушилась бы и раціональность законовъ природы. Какъ камень можетъ упасть только по направленію къ центру земли, такъ человѣкъ не можетъ ничего знать безъ своихъ чувствъ, и въ самомъ дѣлѣ подобное нарушеніе законовъ нигдѣ небыло замѣчено умными и свободными людьми. Духи, привидѣнія, чудеса являются только дѣтямъ, да непросвѣщеннымъ, суевѣрнымъ людямъ. Все что расказывается о вмѣшательствѣ въ нашъ міръ высшаго міра, или міра духовъ, все это совершенно безсмысленно. Никогда еще мертвое животное не оживало, не существуютъ ни одушевленные столы ни призраки... и т. п. Для естествоиспытателей, наученныхъ опытомъ и наблюденіями, нѣтъ никакого сомнѣнія въ этой истинѣ.»

Нельзя не согласиться отчасти съ тѣмъ, что говоритъ философъ нашего времени, въ отношеніи къ дѣтскимъ вымысламъ невѣжества суевѣрныхъ людей или людей съ пылкимъ воображеніемъ, которые преувеличиваютъ все и дѣлаютъ изъ мухи слона, но не могу согласиться съ нимъ, чтобы не было ничего такого, чтобы могло насъ поражать сверхъестественностію. Положимъ, что это для насъ пока еще загадка, которую предстоитъ разгадать научнымъ образомъ будущимъ поколеніямъ, что намъ не дано шестаго

всѣ существовавшія до него животныя, какъ завершеніе ступеней развитія на пути бытія. Ближайшихъ къ африканскому типу породы людей находили въ дилувіальной породѣ, что даетъ право заключить что настоящій человѣкъ не послѣдній еще членъ творенія.

чувства: видѣть невидимое и слышать неслышимое, что ощущаемъ мы иногда всей нервной системою, при слабости ея, это могутъ подтвердить многіе, какъ испытавшіе сами и какъ очевидцы, а потому мнѣніе Философа нельзя принять за авторитетъ Если мы признаемъ, что животныя принимаютъ впечатлѣнія всей нервной системой, которая только частью открыта для внѣшнихъ впечатлѣній, въ органахъ пяти чувствъ, какъ въ окнахъ, чрезъ которыя сообщаются духовный и физическій міры, и если мы, при извѣстныхъ условіяхъ, (напр. при слабости нервъ) поставимъ себя въ такое положеніе, что отнимемъ возможность у нѣкоторыхъ органовъ чувствъ: принимать ощущенія (положимъ въ темной вомнатѣ глаза не могутъ сообщать видимыхъ измѣненій атмосферы) то при перемѣнѣ хорошей погоды на дурную, слабонервный, или раненый человѣкъ будетъ чувствовать ее всею нервною системою. Мозоль не органъ чувства, а онъ даетъ себя чувствовать даже ранѣе нежели совершится перемѣна погоды. Значитъ, мало что чувствовать, безъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, но даже предчувствовать, а потому и предсказывать, какъ предсказываетъ барометръ будущую перемѣну погоды. Основываясь на этомъ, почему же не предполагать у нѣкоторыхъ (опять таки, при извѣстныхъ условіяхъ ихъ организаціи) при большей раздражительности, чувствительности и впечатлительности всей ихъ нервной системы, временной, вызываемой способности видѣть невидимое и слышать неслышимое, для которыхъ наши извѣстные пять органовъ, въ нормальномъ состояніи, оказываются слишкомъ грубыми. А двойное зрѣніе, а мало ли чудесъ, чудесъ потому, что естественныя и другія науки находятся еще во младенчествѣ, которымъ предстоитъ, при своемъ усовершенствованіи въ будущемъ, открыть и подтвердить фактами многое, — до совершенства еще далеко. Если бы все было уже извѣстно, то ничего бы не осталось для будущихъ поколѣній и царствовало бы *всесознаніе*, которое, по выраженію Лесинга: «предполагаетъ скуку», а по моему даже смерть. Возьмемъ напримѣръ сны, открывающіе иногда будущее, которымъ и невѣрующій ни во что сверхъ-естественное по неволѣ повѣритъ, изъ убѣжденія въ истинѣ значенія сновъ, къ чему въ особенности склонны всѣ слабонервные. Я полагаю, что многіе, даже умные люди, не изъ невѣжественнаго суевѣрія, а просто изъ опыта надъ собою, какъ естествоиспытатели составили, изъ ряда фактовъ, каждый себѣ даже свою систему, по которой разгадываютъ свои и чужіе сны и предсказываютъ что случится. Такую систему отчасти можно считать неразъяснен-

нымъ, естественнымъ закономъ природы, который рано или поздно можетъ въ будущемъ открыться людьми. (*)

Разстроенные нервы представляютъ часто больному человѣку видѣнія, это уже подтвердивъ каждая сестра милосердія, каждый наблюдательный медикъ и духовникъ, которымъ приходилось слѣдить за послѣдними минутами жизни отходящихъ въ вѣчность людей. Видѣнія даже можно произвести искуственно. Кому не встрѣчались эти несчастные, подвергнувшіеся пьянству, которые у насъ только въ Россіи допиваются до чертей чего не замѣчено у другихъ націй. Наконецъ, большіе пріемы белладонны (belladonna, сонная одурь) могутъ произвести въ человѣкѣ искуственно видѣнія.

Какимъ же образомъ отвергать эти явленія, когда онѣ производятся въ насъ дѣйствіями даже внѣшнихъ предметовъ. Развѣ организмъ нашъ не подверженъ дѣйствію среды и внѣшнихъ вліяній, которыя могутъ производить на него разнообразныя впечатлѣнія, могущія быть равносильными съ вышесказанными.

Бокль, относительно призраковъ, выражается такъ: «Не сознаемъ ли мы, напримѣръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, существованія призраковъ и привидѣній; а между тѣмъ не признано ли всѣми, что ни призраки, ни привидѣнія не существуютъ? Если кто попытается опровергнуть этотъ аргументъ, сказавъ, что такое сознаніе есть кажущееся, а не дѣйствительное, то я спрошу тогда, что же рѣшаетъ, какое сознаніе настоящее, а какое поддѣльное.» Даже Платонъ чрезвычайно затруднялся въ отысканіи мѣрила,

(*) Мнѣ случалось видѣть людей, которые, пробудясь отъ сна, говорили впередъ, что получатъ письмо, услышатъ какую нибудь пріятную или непріятную новость, опредѣляли пріѣздъ или свиданіе съ человѣкомъ по сердцу, какое нибудь несчастіе, смерть близкихъ имъ людей и т. п. и къ удивленію моему предсказывали впередъ, что случится, почти всегда вѣрно, по извѣстнымъ имъ явленіямъ сна. Нѣкоторые, предъ тѣмъ какъ получить письмо, или извѣстіе, слышатъ во снѣ выстрѣлъ, или громъ. Радостное свиданіе съ кѣмъ нибудь у иныхъ открывается черезъ испугъ, или видятъ его самаго во снѣ и т. п. Здѣсь невольно сознаешъ отчасти справедливость попадающихся иногда въ продажѣ лубочныхъ книжечекъ, въ которыхъ, разумѣется съ полнымъ невѣжествомъ, перемѣшаннымъ съ суевѣріемъ, разъясняются сны, по извѣстнымъ страннымъ даннымъ, которыя, по большей части бываютъ въ явѣ на оборотъ. Такія идеи, которыя печатаются почти у всѣхъ народовъ и признавались за истину во всѣ вѣка, человѣкъ не могъ высосать изъ пальца, значитъ, онѣ суть въ его природѣ;— это не вымыселъ. Гораздо полезнѣе будетъ обратить физіологическія изысканія на этотъ еще неразрѣшенный вопросъ, нежели отвергать его положительно.

въ умѣ человѣка, съ помощію котораго мы можемъ отличить истину отъ лжи, призрачныя явленія отъ сновъ.

Не могу также согласиться и съ тѣмъ, чтобы не было предчувствія, которому тоже виною бываютъ у нѣкоторыхъ слабыя нервы. Многіе, я полагаю, не изъ невѣжества, суевѣрія или по страсти вѣрить во все сверхъ-естественное, раздѣлятъ со мною убѣжденіе, что въ человѣкѣ есть предчувствіе, которое подтвердятъ собственнымъ опытомъ.

Трудно-больные часто опредѣляютъ заранѣе минуту своей смерти: видятъ ея приближеніе, указываютъ на нее. Положимъ это многіе назовутъ инстинктомъ, но нельзя не допустить опредѣленія заранѣе того, что совершится въ будущемъ.

Сколько примѣровъ, которыхъ многіе были очевидцами, что умирающій видитъ своихъ усопшихъ, близкихъ родныхъ, приходящихъ за нимъ.

Есть много предсказаній, предчувствій, которыя всегда останутся тайной, пока не объяснитъ ихъ физіологія. Многія животныя, въ здоровомъ нормальномъ своемъ состояніи, одарены необыкновенною способностью предчувствовать и предвидѣть, напр. воронъ, собака, лошадь въ особенности рекина (акула), которая, какъ говорятъ, плаваетъ за кораблемъ, предчувствуя на немъ, за нѣсколько дней впередъ, смерть пассажира. Допустивъ вѣру въ предчувствіе, т. е. въ предсказаніе будущаго, которое подтверждается фактами, можно допустить мысль объ опредѣленіи впередъ срока, который назначенъ душѣ распоряжаться организмомъ, иначе впередъ нельзя было бы опредѣлять минуту своей смерти, а это все—вѣру въ непреложные, естественные законы, по которымъ, съ изумительнымъ постоянствомъ, совершается жизнь, выражающаяся въ безконечномъ разнообразіи формъ.

На это есть много доказательствъ, въ особенности у того, кто находился на войнѣ, въ сраженіяхъ, гдѣ смерть въ огромномъ количествѣ собираетъ свои жертвы. Многіе, наканунѣ роковаго дня предсказываютъ свой конецъ, объясняя даже обстоятельства, служащія предвѣстниками ихъ смерти, и рѣдко кто изъ нихъ ошибался. Въ особенности бываютъ поразительны: покорность своей судьбѣ и тихая грусть, посѣщающая человѣка предъ смертью.

Нельзя согласиться также съ отвергающими животный магнетизмъ, котораго очевидныя проявленія намъ *открылъ и доказалъ* Реймондъ. (*)

(*) Въ наше время появилась книга подъ заглавіемъ «Philosophie Spiritualiste», или le livre des esprits par Allan Kardre», въ которой

При такихъ фактахъ, въ которыхъ самъ убѣдился, невольно, закрадывается въ душу сомнѣніе и недовѣрчивость къ словамъ извѣстнаго философа нашего времени, которому, быть можетъ, не случалось удостовѣряться лично и скажемъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ: «есть многое въ природѣ, другъ Горацio, чего не снилось нашимъ мудрецамъ.» Положимъ, что это все теперь чудесное, сверхъ-естественное, показывающее связь нашего естественнаго міра съ воображаемымъ другимъ міромъ, есть еще неразгаданные, естественные законы, которые разъяснятся въ будущемъ, но въ настоящемъ они все-таки существуютъ какъ чудеса, какъ факты, которымъ нельзя не вѣрить людямъ, лично убѣдившимся въ ихъ существованіи.

Всѣ впечатлѣнія, получаемыя душею, отъ окружающаго

авторъ печатно утверждаетъ, что открытъ цѣлый міръ тѣней, нѣкогда умершихъ людей, которые живутъ въ ассоціаціи, допускаютъ даже съ собой фамильярное обращеніе, являются когда ихъ вызываютъ, говорятъ иногда даже неглупо, а умно, шутятъ и издѣваются надъ нами смертными матеріальными людьми. Кардекъ приводитъ теперь въ ясность легкое сообщеніе загробнаго міра съ нашимъ, заставляетъ говорить: Сократа, Платона, Фенелона, Сведенборга и прочихъ. Духи объяснили спиритуалистамъ, по ихъ вопросамъ: доказательства существованія Бога, что такое безконечность, атрибуты божества, начало вѣщей, духъ и матерію, даже что такое дуэль и много, очень много, вышла цѣлая книга со взглядомъ и понятіями загробныхъ тѣней, на нашъ матеріальный міръ, которая, по увѣренію Кардека, должна положить основаніе современной раціональной философіи, освобожденной отъ предразсудковъ и утопій, потому что она есть собраніе поученій духовъ.

Только эти загробныя идеи великихъ людей, когдато умершихъ, сильно смахиваютъ на наши земныя и заставляютъ думать, (что они не говори) что они разсуждаютъ не лучше нашего или что все это говоритъ человѣкъ, неосвободившійся отъ своей матеріальной покрышки, желающій представиться духомъ. Даже и подобному торжественному заявленію множеству сверхъ-естественныхъ фактовъ незнаешь, вѣрить или невѣрить, потому что самъ неодного изъ нихъ не испыталъ, но немогъ же человѣкъ высасать все это изъ пальца, иначе это верхъ дерзости и безразсудства, вѣдь вѣроятно, что нибудь да было подобное... А Юмъ? Кто изъ насъ непомнитъ разсказы очевидцевъ: о летаніи не только столовъ, но его самаго по комнатѣ и по воздуху какъ птицу.

Какъ бы нибыло все это невѣроятно, чудесно, не естественно и странно, но кой чего изъ этого всего отвергать рѣшительно не должно, пока собственный опытъ не убѣдитъ хоть въ одномъ фактѣ. Будемъ надѣяться, что можетъ быть г. Кардекъ, его сотрудники и послѣдователи современемъ, безъ увеличеній и прибавленій, дадутъ возможность каждому невѣрующему ознакомиться съ проявленіями животнаго магнетизма.

внѣшняго міра, чрезъ нервы, производятъ то или другое побужденіе, которое волей передается организму. Полагать должно, что воля, давая толчекъ извѣстному нерву, посредствомъ его переноситъ побужденіе къ перефирію, что даетъ возможность духовному міру сообщаться съ внѣшнимъ. Такимъ образомъ душа, находясь въ организмѣ человѣка, имѣетъ тѣсную связь въ цѣлой вселенной.

Н. А. Чацкинъ, въ письмѣ объ успѣхахъ современной физіологіи (Русск. Вѣстн. 1858 года, Мартъ, кн. II, стр. 176) выражаетъ дѣйствіе воли, какъ способности души на организмъ, слѣдующимъ образомъ: «Взпомните только опытъ, при которомъ мы, дотрогиваясь булавкой до отрѣзаннаго конца нерва, вызывали укороченіе соединенныхъ съ нимъ мускуловъ, производили слѣдовательно тоже, что производитъ въ неповрежденномъ нервѣ воля. Правда, что сходство не объясняетъ намъ связи между волей и матеріальнымъ движеніемъ, которое сообщается концу нерва. Какимъ образомъ явленія въ мірѣ духа переводятся на языкъ міра вещественнаго, какого рода связь между ними. Этого умъ не въ состояніи уловить. Пусть мысль и движеніе представляютъ только двѣ разныя формы, проявленіе одинакаго начала, но между субъективнымъ атомомъ воли и объективнымъ движеніемъ матеріальныхъ частицъ, условія нашего пониманія, полагаютъ все-таки цѣлую бездну, и какъ бы ни былъ разумъ убѣжденъ въ неразрывномъ единствѣ, во взаимномъ прониканіи вещества и духа, онъ тщетно пытается схватить это единство, въ опредѣленномъ образѣ; ему дано только разсматривать въ отдѣльности явленія обоихъ міровъ; подобно двумъ сторонамъ медали, изъ которыхъ одна всегда отъ насъ отвращена, когда мы смотримъ на другую.»

Такъ отзывалась физіологія объ нервахъ, до появленія Льюиса, который первый рѣшился представить намъ сущность нервной системы сравнительно, проведя ея проявленія отъ самыхъ простѣйшихъ зачатковъ жизни въ низшихъ организмахъ, до полнаго развитія въ самомъ совершеннѣйшемъ организмѣ, подобно сравнительной анатоміи. Этотъ методъ позволяетъ теперь принять все царство животныхъ и все человѣчество, какъ одну неразрывную цѣпь, живущее безконечною жизнію съ постепенными ступенями развитія, идущаго отъ низшихъ къ высшимъ организаціямъ. Этотъ методъ кладетъ прочный конецъ прежде бывшему раздѣленію живыхъ существъ, по сознанію, которое давало право у низшихъ отрицать душу и называть ее инстинктомъ.

Обратимся теперь къ проявленію жизни вообще въ физическомъ началѣ человѣка.

Физіологическія изслѣдованія показываютъ, что въ первый мѣсяцъ беременности, зародыши обоихъ половъ, наглядно совершенно подобны и что различіе ихъ является постепенно въ послѣдствіи.

Различіе это, недоступное наблюденію, существуетъ и опредѣляется, какъ уже дознано, въ моментъ зачатія, въ оплодотворенномъ яйцѣ.

Даже въ дѣйствительной жизни, на первыхъ порахъ, по рожденіи, нельзя различить полы (разумѣется исключая дѣторородныхъ частей.)

Съ развитіемъ организма, являются черты вее болѣе ихъ отличающія, которыя съ годами уже рѣзко разграничиваютъ между собою мужчину и женщину, формы и мускулы мальчика становятся болѣе плотными, упругими и угловатыми, всѣ члены получаютъ крѣпость и силу, потому что составъ крови его пола отличается отъ состава крови женщины и этой крови предназначено служить для состава тканей болѣе плотныхъ.

Съ возрастомъ сознаніе силы придаетъ мужчинѣ болѣе смѣлости, свободы въ движеніяхъ, что имѣетъ вліяніе на поступки его цѣлой жизни.

Тѣло дѣвушки съ возрастомъ не утрачиваетъ нѣжности, и въ ея тѣлѣ и темпераментѣ все остается что то дѣтское.

Наглядныя наблюденія ясно доказываютъ, что мужчина и женщина различаются не только большей или меньшей нѣжностью, силой, ростомъ, объемомъ, но и всѣми частями тѣла, которыя различны у обоихъ половъ. Мнѣніе Аристотеля, касательно женскаго пола, высказано, въ послѣднее время, съ нѣкоторыми измѣненіями. Есть анатомы, которые утверждаютъ, что женщина есть ничто иное какъ мужчина, задержанный въ своемъ развитіи. Физіологія говоритъ: «у женщины средина тѣла соотвѣтствуетъ лобковой кости, у мужчины она приходится гораздо выше, между лобковой костью и пупкомъ. Всѣ кости женскаго скелета вообше сравнительно меньше, тоньце и легче. Общая форма женскаго туловища представляетъ конусъ, имѣющій широкое основаніе внизу, и къ верху съуживается, а мужской имѣетъ видъ также конуса, обращеннаго основаніемъ къ верху, у мужчины шея короче, грудь и плечи шире, ноги длиннѣе. У женщины голова меньше, а шея тоньше и длиннѣе, ноги и въ особенности голени короче, тазъ шире, выпуклѣе, все туловище длиннѣе, животъ больше, бедра толще и болѣе раздвинуты, а колена сходятся и нѣсколько заворачиваются внутрь. Выпуклость груди у муж-

чины зависитъ отъ крутоизогнутыхъ ключицъ и высокоподнятыхъ реберъ. У женщины болѣе плоскія ключицы, ребра отлогія, но весьма подвижныя, болѣе назадъ отведенныя плечи, и болѣе окруженный бюстъ: Кисти рукъ и слѣды ногъ соразмѣрно гораздо меньше, при полнотѣ и округлости локтей, икръ и прочихъ сопредѣльныхъ частей, должны казаться еще меньше и нѣжнѣе. Вся эта округлость мягкихъ формъ и нѣжныхъ волнистыхъ линій, придаютъ ея движеніямъ недоступную мужчинѣ легкость, плавность и граціозность.

Личные мускулы у женщины, какъ и всѣ прочіе, будучи гораздо мягче и подвижнѣе, недолго сохраняютъ слѣды впечатлѣній, и оттого физіономія ея не легко принимаетъ постоянное выраженіе, какъ на крѣпкихъ мускулахъ мужчины. Оттого же самаго женское лице преимущественно способно къ притворству.

Нервы женщины тоньше, слабѣе и несравненно воспріимчивѣе и подвижнѣе нежели у мужчины, оттого женщины не могутъ выдерживать продолжительнаго однообразнаго напряженія, но зато дѣйствуютъ чрезвычайно быстро.

Кровеносные и лимфатическіе сосуды женщины, также какъ и всѣ прочія ткани, отличаются мягкостію и растяжимостью, и именно потому, что всюду на путяхъ своихъ встрѣчаютъ много нѣжной и жирной клѣтчатки, обволакивающей всѣ мускулы и всѣ внутренности.

Сердце, главный резервуаръ и двигатель крови, также меньше, но зато растяжимѣе, подвижнѣе и краснѣе.

Горло уже, стѣнки его тоньше, гибче, оттого голосъ нѣжнѣе и звучнѣе. Желудокъ также какъ и всѣ прочіе брюшные внутренности меньше и податливѣе.

Кожа состоитъ изъ мягкой полупрозрачной ткани, теплая бѣлизна и нѣжность которой совершенно необходима, для полной прелести женскмхъ формъ.

Сквозь нея и нервы принимаютъ такъ легко впечатлѣнія, что женщина осязаетъ такъ тонко.

Не смотря на это различіе мужчины отъ женщины, въ разныхъ человѣческихъ группахъ позвоночной хребетъ, служащій основаніемъ организму, состоитъ изъ однаго и того же количества позвонковъ, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ. Оставъ головы представляетъ гораздо болѣе уклоненій у животныхъ, нежели у человѣка.

Органическое тѣло не существуетъ безъ плоти и крови, плоть и кровь неразлучны съ половымъ развитіемъ, которое есть существенная принадлежность тѣла, оно проникаетъ мозгъ и кости. Существо мужа—мужественность, су-

щество жены — женственность. Человѣкъ существуетъ или какъ мужъ или какъ жена. Добродѣтель и нормальное состояніе его заключается въ томъ, чтобы человѣкъ какъ жена былъ женою и какъ мужъ былъ мужемъ.

Разсматривая организмъ обоихъ половинъ атома идеальнаго государства, мы замѣчаемъ, что они, въ физическомъ отношеніи, представляютъ образцы формъ тѣлосложенія, какія указываетъ физіологія и здоровье, которое пріобрѣтается правильнымъ воспитаніемъ, образованіемъ въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ и правильнымъ гигіеническимъ образомъ жизни, сообразнымъ съ климатомъ и съ условіями окружающей ихъ природы, что составляетъ естественный законъ частной и общественной жизни человѣка идеальнаго государства. Общій законъ всѣхъ трудовыхъ силъ человѣка и общества есть жизненная энергія, происходящая отъ здоровья тѣлеснаго организма, какъ ея хранилища. Жизнь производитъ жизнь, и чѣмъ организмъ имѣетъ въ себѣ болѣе задатковъ, тѣмъ болѣе въ немъ можетъ быть жизненной энергіи, перваго условія трудовыхъ силъ, какъ главнаго средства пріобрѣтать богатство, которое позволяетъ достигать благосостоянія, т. е. цѣли Науки Бытія, или Политической экономіи.

Слѣдовательно, если бы власть желала достигнуть совершенства въ управленіи государствомъ, то должна прежде всего заботиться, какъ мы видимъ въ идеальномъ государствѣ, о распространеніи въ народѣ правилъ естественнаго воспитанія и образованія, которыя были бы основаны на истинномъ пониманіи физіологическихъ свойствъ человѣка, и окружающей его природы, а именно относительно.

а) Воспитанія дѣтей, какъ будущихъ членовъ и дѣятелей общей государственной семьи и б) народной гигіены, т, е. правильнаго образа жизни, для постояннаго сохраненія здоровья въ нормальномъ состояніи (*).

Всякая власть должна въ государствѣ, какой бы она ограничный кругъ дѣйствія не имѣла, заботиться объ этихъ главныхъ условіяхъ человѣческой природы и уничтожать, въ общественной жизни, зло, препятствующее слѣдовать

(*) Въ послѣднее время вопросъ о воспитаніи дѣтей достаточно подвинуть впередъ, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ удовлетворителенъ, недостаетъ положительнаго руководства, нужно рѣшить сперва полемикой, какое воспитаніе лучше, домашнее или общественное, въ какихъ лѣтахъ и при какихъ обстоятельствахъ, можно отдать преимущество тому или другому способу, такъ точно какъ нѣтъ, частной и народной гигіены, примѣненной ко всѣмъ разнообразнымъ условіямъ мѣстности, характера, быта и національности человѣка.

естественнымъ законамъ. Что же можно сказать о той власти, которая невниманіемъ своимъ къ нуждамъ и первымъ потребностямъ въ жизни ввѣренныхъ ей людей, уничтожаетъ иногда эти необходимыя условія благодѣнствія общественной жизни государства, безъ которыхъ оно нетолько не можетъ процвѣтать, но даже существовать (*).

Здоровье, нетолько есть условіе пріятнаго физическаго существованія, но оно необходимо и для всей духовной дѣятельности и счастія человѣка, которое должно составлять предметъ и цѣль Науки Бытія, или Политической экономіи. Разстроенными и больными органами нельзя не принять ни произвесть отчетливаго впечатлѣнія. Испорченная кровь, слабые нервы и болѣзненный мозгъ неспособны доставить нормальной пищи для тѣла, а также произвести продолжительное напряженіе (**).

Поддержать здоровье человѣка, при всѣхъ случайныхъ, зависящихъ и независящихъ отъ него обстоятельствъ жизни, предохранить отъ болѣзни и удержать организмъ въ нормальномъ положеніи можетъ только соблюденіе одного общаго правила: *жить какъ повелѣваетъ природа*, никогда

(*) Многіе считаютъ неважнымъ вліяніе здоровья въ организмѣ, на поступки и дѣйствія человѣка, но я нераздѣляю этого убѣжденія. Изслѣдованіе физіологіи, исторіи, біографіи великихъ людей, какъ общественныхъ дѣятелей и опытъ говорятъ совершенно противное. Нѣтъ никакого повода выводить заключеніе, чтобы тѣло не имѣло никакого вліянія на дѣятельность нашего духа. Тѣло подчасъ дѣлаетъ духъ рабомъ своимъ. Самый характеръ человѣка зависитъ отъ матеріи, изъ которой созданъ его организмъ, отъ расположенія членовъ и частей его тѣла и отъ темперамента, а темпераментъ отъ крови.

Моисей сказалъ: «Жизнь человѣка въ его крови.» Читая біографіи великихъ людей, убеждаемся, что иногда огромное вліяніе имѣлъ (неговорю ужъ о здоровьи) самый ихъ темпераментъ на состояніе и расположеніе ихъ духа, отъ котораго зависятъ соображенія и дѣйствія, часто выходящія даже совершенно противуположными тѣмъ, какія бы должны были быть, еслибы эти люди пользовались цвѣтущимъ здоровьемъ и небыли бы удручаемы болѣзнями, однимъ словомъ, еслибы ихъ тѣло было въ нормальномъ состояніи. Вотъ почему Наука Бытія, или Политическая экономія должа обратить особенное вниманіе на нормальное состояніе здоровья человѣка, и выводить свои истины, относительно только человѣка, пользующагося цвѣтущимъ здоровьемъ, не стараясь подводить свои соображенія подъ безчисленныя оттѣнки, отступающія отъ нормы.

(**) Бюхнеръ говоритъ: «Просвѣщеніе научило насъ уважать матерію какъ въ самомъ человѣкѣ, такъ и внѣ насъ. Мы столько же заботимся о нашемъ тѣлѣ, сколько о духѣ, которые нераздѣльно составляютъ одно, и чтобы мы ни дѣлали для одного, то непосредственно дѣлается достояніемъ другаго. In corpore sano mens sana.»

не нарушать ея непреложныхъ законовъ, отступленіе отъ которыхъ тѣмъ болѣе наказывается ею же самой, чѣмъ болѣе было это отступленіе.

Возвращеніе снова къ природѣ, или неукоснительное исполненіе ея законовъ, т. е. устраненіе всѣхъ причинъ, производящихъ болѣзнь, постановка человѣка въ благопріятныя условія естественной жизни, возстановляетъ здоровье, т. е. сама же природа или ея законъ: *воздержаніе, правильный образъ жизни, вода, воздухъ, умѣренная (духовная и физическая) дѣятельность и покой* могутъ излечить такія болѣзни, которыхъ не излечитъ безъ нихъ никакая медицина и всѣ аллопатическія аптеки (кухни), въ которыхъ приготавливается медленный ядъ, разрушающій организмъ и вмѣстѣ съ нимъ человѣческую жизнь. Однимъ словомъ образъ жизни, предписанный намъ природой, съ которой человѣкъ долженъ жить какъ можно ближе.

Это требуетъ средствъ свободно пользоваться этими условіями, что не всегда возможно, въ особенности въ большихъ городахъ, въ которыхъ иногда нельзя нетолько жить, но даже дышать отъ зловонія и нечистоты.

По этому самому можно заключить, что всѣ элементы, для развитія болѣзни и здоровья, какъ зло и добро, человѣкъ заключаетъ въ самомъ себѣ, или въ своей природѣ, т. е. встрѣчаетъ вокругъ себя по всюду (*). Отъ его воли и силы характера зависитъ обратиться къ тѣмъ или другимъ. Врачъ его, который можетъ распорядиться этими матеріалами, или естественной аптекой, находится также въ немъ самомъ, т. е. въ свойствахъ его организма, подчиненнаго одному общему закону природы, по коему существуетъ органическія и неорганическія тѣла (**).

(*) Бываютъ и такія обстоятельства, которыя иногда заставляютъ человѣка, не зависимо отъ него, подвергаться причинамъ, производящимъ болѣзни.

(**) Теперь уже доказано, что органическія тѣла состоятъ изъ той же матеріи, изъ которой состоятъ неорганическія, что составные элементы ихъ одни и тѣже, и что въ царствѣ органическомъ нѣтъ ни одного атома, который бы не былъ въ царствѣ неорганическомъ, только въ различномъ соединеніи. Химія и физика доказали, что извѣстныя силы дѣйствуютъ въ живыхъ организмахъ совершенно также, какъ и въ мертвыхъ тѣлахъ. Многіе доказываютъ, что дыханіе и пищевареніе ничто иное какъ химическіе процессы.

Вирховъ говоритъ: «Жизнь есть не что иное какъ особаго рода машина, хотя гораздо сложнѣе обыкновенныхъ, въ ней обыкновенные механическіе законы зависятъ отъ необыкновенныхъ и чрезвычайно разнообразныхъ условій.» Льюисъ говоритъ: "жизненные процессы за-

Это оживляющее свойство организма, или сама душа, независимо отъ человѣка, начиная съ его зародыша, безъ посторонней помощи, съ заботливостію матери, распоряжается всѣми элементами его жизни. Душа, дѣйствующая въ человѣческомъ тѣлѣ, по извѣстнымъ общимъ законамъ, стремиться изгнать болѣзни, сохранять, развивать, возстановлять упавшія силы человѣка и удерживаетъ организмъ его въ томъ видѣ, какъ предписываетъ законъ природы, что и видимъ на всѣхъ больныхъ, которые, бросивъ всѣ лекарства и докторовъ, безъ ихъ помощи нерѣдко возстановляютъ еще скорѣе свое разстроенное здоровье. Выска-

---

висятъ отъ химическихъ, но сами они не химическіе и не могутъ быть объяснены химіей. Въ жизненныхъ явленіяхъ есть нѣчто особенное, что необходимо выходитъ за черту химическихъ изслѣдованій. Химическій анализъ можетъ вести насъ до порога жизни, но на самомъ порогѣ прекращается его руководство. Здѣсь прибавляется новый рядъ законовъ, требующихъ объясненія.» Послѣднія доводы Льюиса кажется убѣдительно говорятъ о невозможности проникнуть тайны жизни.

Гуфеландъ въ своемъ: Enchiridion medicum, или руководство къ практической медицинѣ 1848 года, стр. 19, 20 и 22, говоритъ о цѣлительной силѣ природы, въ излеченіи болѣзней, слѣдующее: «излеченіе наружныхъ (хирургическихъ) болѣзней представляетъ убѣдительные для сего примѣры, каждый хирургъ согласится, что не онъ приводитъ въ заживленіе рану, переломъ, язву, но единственно природа, помощію своихъ удивительныхъ операцій, напр. выпотеніе лимфы, соединеніемъ, нагноеніемъ, изверженіемъ испортившагося и т. д. Но тоже самое разумѣть должно объ излеченіи внутреннихъ болѣзней, сокрытыхъ отъ нашихъ чувствъ, съ тою только разницею, что здѣсь мы не видимъ собственными глазами, тѣхъ процессовъ, которыми природа совершаетъ отдѣленіе испорченнаго, возрожденіе новаго, поправленіе неправильнаго. Да и въ чемъ состоитъ помощь врача при леченіи болѣзни. Если мы, напр. дѣлаемъ кровопусканіе въ воспаленіяхъ, то неужели этимъ излечиваетъ болѣзнь, — мы удаляемъ только одно препятствіе къ излеченію, уменьшаемъ избытокъ крови, раздражительности и тѣмъ только способствуемъ природѣ исполнить *собственное излеченіе* и безъ содѣйствія которой никакое кровопусканіе не поможетъ. Въ динамическихъ нервныхъ болѣзняхъ мы подкрѣпляемъ силы больнаго, но сами неизлѣчиваемъ болѣзни въ такомъ состояніи и до такаго времени какіе нужны природѣ, для совершенія своихъ цѣлительныхъ дѣйствій».

«Но самое убѣдительное и разительное доказательство цѣлительной силы природы усматривается въ переломахъ болѣзни, которыми продолжительные, лекарствамъ не уступающіе недуги вдругъ совершенно уничтожаются, или поправляются. Больной, котораго вечеромъ обрекли мы на смерть, *получаетъ ночью обильный потъ и утромъ уже внѣ опасности. Сколько больныхъ выздоравливаетъ, при разныхъ противуположныхъ даже и безразсудныхъ способахъ леченія* и гдѣ таится причина сихъ явленій, какъ не въ спасительной силѣ природы?»...

завъ все о силѣ природы въ человѣкѣ, мы тѣмъ нисколько не уменьшаемъ значенія истинной медицины, необходимой впрочемъ для людей потерявшихъ здоровье или несовершенныхъ, которые, не смотря на общее правило пользоваться дарами природы, иногда должны прибѣгать къ ея пособію (*).

(*) До сихъ поръ аллопатическая метода, какъ бы механически производила въ организмѣ кровопусканіями, слабительными, рвотными чрезмѣрной діэтой, мушками, смѣшанными лекарствами, въ большихъ пріемахъ, приличныхъ лошадямъ, при неискусствѣ и равнодушіи къ больнымъ, большей части врачей, страшныя опустошенія и мученія рода человѣческаго, уничтожая природныя силы организма человѣка. Нынѣ развитіе образованія кладетъ, кажется прочный конецъ ея системѣ, выводя истины гомеопатіи, которая имѣетъ принципомъ, изгонять болѣзнь, вводя въ тѣло подобный элементъ болѣзни. Гомеопатія беретъ за основаніе, что *подобное излечивается подобнымъ*: (*similia similibus curantur*) и малыми дозами достаточными, чтобъ пересилить болѣзнь, чистаго не смѣшаннаго лекарства, спеціально дѣйствующаго на одну только пороженную болѣзнію часть организма, изцѣлять, помогая природѣ. а не уничтожая ея силы, какъ дѣлаетъ аллопатія. Желая здоровья и счастія ближнимъ, я высказалъ свое убѣжденіе, которое досталось мнѣ тяжелымъ опытомъ тридцатилѣтняго страданія и мученія отъ болѣзни, а болѣе отъ аллопатическаго леченія.

Одному только случаю обязанъ я за то, что онъ заставилъ меня обратиться къ гомеопатической методѣ, и я получилъ быстрое изцѣленіе отъ самой сложной и продолжительной болѣзни, надъ которой трудились 30 лѣтъ искусные аллопаты, въ разныхъ мѣстностяхъ. Убѣдительныя доказательства о превосходствѣ гомеопатической методы леченія находятся въ письмѣ англійскаго доктора Гарнера, подъ заглавіемъ, «*почему я предпочелъ гомеопатію*».

Въ общественномъ гомеопатическомъ домашнемъ лечебникѣ, доктора Молинари, (изданіе Форбрихера 1860 года, стр. 202) находимъ въ пользу Гомеопатіи слѣдующіе. Издатель говоритъ: «Вотъ собственныя слова Молинари, который былъ извѣстнымъ врачемъ—аллопатомъ, прежде нежели перешелъ къ гомеопатіи я, старый медикъ, испытавъ съ горестію всѣ возможныя, самыя лучшія, хваленыя, вѣрныя и героическія средства, противъ невральгіи, которою страдалъ долгіе годы; лучшіе врачи въ Европѣ терзали меня всѣмъ возможнымъ, съ огромнымъ высасываніемъ крови и влагъ мушками и т. п., наконецъ я перешелъ и чрезъ послѣднее слово и послѣднее великое средство ихъ науки, чрезъ леченіе виноградомъ!»

«Все было тщетно. Въ отчаяніи я обратился къ гомеопатіи; которую унижалъ, какъ почти всѣ аллопаты, и ею былъ изцѣленъ быстро и совершенно.»

«Съ этой минуты я сдѣлался гомеопатомъ, и спасительному истинному способу этаго леченія посвящаю всѣ минуты и все мое мышленіе и чувства до конца жизни»

Въ сынѣ отечества за 1862 годъ № 246, 13 октября, находимъ статью, подъ заглавіемъ: «*Священникамъ и грамотнымъ людямъ: о домашнемъ леченіи въ народѣ*», докторъ Дорикера, который убѣдитель-

*

Отъ здоровья человѣка зависитъ состояніе его духа, который, какъ иниціатива, руководствуетъ всѣми добрыми и злыми побужденіями его жизни. Вотъ почему въ Наукѣ Бытія особенное вниманіе должно обращать на физическое состояніе здоровья и на истинныя средства, которыя могутъ постоянно поддерживать человѣка въ нормальномъ состояніи, но женщина, по своему назначенію и природѣ, должна обращать особенное и даже мелочное вниманіе на свою красоту и здоровье. Человѣкъ находитъ удовольствіе въ созерцаніи своей формы. Это удовольствіе есть необходимое, невольное слѣдствіе совершенства изящества его формы. Прекрасная форма изящна сама по себѣ, она необходимо отражается въ себѣ самой. Каждый человѣкъ любитъ себя и свое бытіе, потому что бытіе есть благо.

Для человѣка нѣтъ существа красивѣе человѣка, но это не составляетъ признака ограниченности, потому что онъ и внѣ себя находитъ красивыми и другія существа. (*)

но доказываетъ, что поправить нынѣшнѣе плачевное состояніе народнаго здоровья могутъ: 1) вмѣстѣ съ грамотностію и просвѣщеніемъ вообще распространеніе въ народѣ общепонятныхъ и доступныхъ всѣмъ сословіямъ понятій о правилахъ гигіены и 2) развитіе вмѣстѣ съ тѣмъ домашней медицины.

Домашнюю медицину онъ предполагаетъ гомеопатическую, какъ болѣе доступную, потому что болѣзнь лечится по припадкамъ, стоитъ дешевле, безвредна, приводитъ скорѣе и вѣрнѣе къ выздоровленію. Но мнѣ кажется, что голосъ этаго истиннаго друга человѣчества, желающаго ближнимъ добра, останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ всякая истина, которую всегда топчетъ и преслѣдуетъ грубое невѣжество и недобросовѣстность.

Впрочемъ, своихъ убѣжденій я никому не навязываю, а говорю что испыталъ, и чему самъ вполнѣ вѣрю по опыту и сознанію. Превосходство однаго способа леченія передъ другимъ могутъ только рѣшить безпристрастные, добросовѣстные теоретически и практически образованные спеціалисты, которые бы знали хорошо обѣ методы, и имѣли бы въ виду, забывая свои личныя выгоды, одно только здоровье людей, отъ котораго зависитъ счастіе человѣка и всего человѣчества.

(*) Хотя многіе и утверждаютъ, что нѣтъ красоты въ человѣкѣ и что красоту всякій понимаетъ относительно, по своему; но какъ бы то ни было, а красота все таки существуетъ самобытно и производитъ свое дѣйствіе на самое дикое и грубое чувство, слѣдовательно есть, а потому и можетъ имѣть вліяніе на человѣка.—О красотѣ бываютъ различныя понятія, зависящія отъ многихъ причинъ, а въ особенности отъ различія внѣшнихъ впечатлѣній. Такъ напр. негръ и европѣецъ представляютъ себѣ красоту различно. У дикихъ разкалываніе тѣла считается красивымъ, а образованнымъ людямъ это кажется безобразнымъ. Въ эстетическомъ чувствѣ ничего нѣтъ постояннаго, оно переходитъ изъ одной крайности въ другую. «Законъ красоты», какъ опредѣляетъ Дирикеръ, «заключается въ гармоніи, въ равновѣсіи матеріи

Красота женщины, въ общественномъ организмѣ, иногда составляетъ ея силу, почти равную физической силѣ мужчины. Женщина иногда красотой приковываетъ къ своей колесницѣ поклонниковъ, какъ своихъ невольниковъ, которые считаютъ для себя закономъ исполнять ея малѣйшее желаніе и каждый капризъ. Есть ли послѣ этого возможность не признать могущество красоты, предъ которой сила Геркулеса ничего не значитъ. Вотъ почему женщины должны обращать особенное вниманіе на всѣ средства, сохраняющія ихъ красоту и здоровье. (*)

и свойствахъ ея, полное сліяніе тѣла и духа, совершенное соотвѣтствіе всего или очертаніе предмета съ внутренней идеей или назначеніемъ. его.»

Онъ говоритъ далѣе: "представьте себѣ женщину, которую природа, при рожденіи, надѣлила всѣмъ, что есть физически и нравственно прекраснаго, всѣмъ, что нужно для осуществленія истиннаго типа-истиннаго идеала женщины, и отпустила ее на свѣтъ Божій съ поцѣлуемъ любви, какъ одну изъ своихъ избранныхъ. Представьте себѣ форму, съ самымъ богатымъ содержаніемъ, прекрасно развитый, чудесно пропорціональный и совершенно правильный станъ, очаровательную головку на прелѣстныхъ плечахъ, грація во всякомъ движеніи, прелесть во всякой чертѣ, и во всемъ привлекательномъ лицѣ, выраженіе дивной души, находчивый, проницательный, тонкій умъ, живое восторженное воображеніе, съ самымъ тонкимъ, естетическимъ чутьемъ, чувство оживляющее все къ чему не прикоснется своимъ волшебнымъ магнетизмомъ, потому что онъ вытекаетъ изъ сердца, полнаго любви, доброты, кротости, состраданія и самоотверженія. Однимъ словомъ, представьте себѣ женщину, которая всѣмъ существомъ своимъ выражаетъ идею истинной женшины.»

Вотъ идеалъ красоты женщины, изображаемый ея физіологомъ.

Красота физическая возвышаетъ нравственныя достоинства, составляетъ всю силу и могущество женщины, и существуетъ только непосредственно для глазъ; она посредствомъ глазъ дѣйствуетъ на наше сердце и душу. О нравсгвенной красотѣ человѣка скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

(*) Переходы возраста жизни у женщины совершаются весьма значительными переворотами въ организмѣ, часто даже опасными для здоровья, напримѣръ: 1) періодъ формированія, или начало зрѣлаго возраста и 2) переходная пора, или начало старости. Регулы, признакъ и мѣрка здоровья женщины. Безъ нихъ нѣтъ красоты. Остановка или разстройство ихъ всегда повреждаетъ здоровье всего организма, и обратно: всякое значительное вредное впечатленіе на организмъ отражается также и на регулахъ. Всякос внѣшнее, вредное вліяніе: испугъ, волненіе, ушибъ, простуда и т. п: въ это время зараждаютъ опасныя болѣзни, иногда разстраивающія организмъ женщины на цѣлую жизнь. Всѣ эти явленія производятъ цѣлый рядъ, болѣе или менѣе рѣзкихъ измѣненій въ нравственномъ состояніи, какъ напримѣръ: отъ неправильности регулъ можетъ сильно воспламеняться воображеніе и увлекать женщину страстью или притуплять ея умъ и

Потерявъ здоровье, это ничѣмъ незамѣнимое богатство и наслажденіе жизни, человѣкъ часто бываетъ принужденъ проводить лучшіе годы жизни, а иногда и всю жизнь, въ страданіяхъ, т. е. въ неестественномъ состояніи.

Для этого не мѣшало бы людямъ, пользующимся властію, обратиться къ древнимъ народамъ и у нихъ поучиться, какъ должно заботиться не только о возрастаніи крѣпкихъ и сильныхъ гражданъ, но и о воспитаніи женщинъ, которыя были бы способны произвести и вскормить здоровыхъ дѣтей. Главною причиною разрушенія здоровья современнаго общества людей, должно считать: 1) Сидячій образъ жизни, 2) невоздержность, 3) условія общественной жизни, несообразныя съ природою человѣка и 4) неравномѣрное развитіе въ образованномъ классѣ духовнаго начала предъ физическимъ, а въ бѣдномъ физическаго предъ духовнымъ, т. е. пренебреженіе законовъ, установленныхъ природою, для жизни и незнаніе ихъ, что происходитъ отъ ложнаго пониманія истинныхъ началъ жизни и образованія.

Народная гигіена должна быть сообразна съ климатомъ, съ общими и частными условіями индивидуальной жизни человѣка. Въ ней могутъ заключаться всѣ правила относительно сбереженія здоровья и поддержанія его всегда въ нормальномъ состояніи, а именно:

1) Содержаніе дѣтей.
2) Правильное развитіе организма.
3) Воспитаніе.
4) Образованіе.
5) Сохраненіе здоровья вообще.
6) Пища.
7) Питье.
8) Сонъ.
9) Чистота и опрятность (тѣла и одежды).
10) Атмосфера.
11) Движеніе.

доводить ее до опатіи или раздражать и ожесточать ея характеръ, что влечетъ за собою невольные капризы, истерику, слезы, меланхолію и т. п. отражающіеся часто на семейную и общественную жизнь мужчины, слѣдовательно цѣлаго атома общества.

Значитъ, невниманіе женщины къ своему здоровью и къ средствамъ сохранить себя въ эту пору будетъ явное неповиновеніе естественному закону природы, вредное для частной и общественной жизни, и та женщина: которая, изъ за минутнаго удовольствія, пренебрежетъ условіями, могущими сохранить ея здоровье, есть преступница передъ своею совѣстію, обществомъ и естественными законами.

12) Покой.

и 13) Поправленіе разстроеннаго здоровья и т. д. (*)

Въ Идеальномъ Государствѣ почти каждый человѣкъ, мужчина и женщина (исключая разумѣется небольшаго числа тѣхъ, которые отъ природы или по независимымъ отъ нихъ обстоятельствамъ лишились здоровья) соблюденіемъ естественныхъ законовъ природы, и правилъ народной гигіены имѣютъ всѣ органы чувствъ совершенными и пользуются цвѣтущимъ здоровьемъ, отъ котораго получаютъ нормальное состояніе духа, служащаго инициативой всѣхъ ихъ побужденій, поступковъ и дѣйствій, что даетъ возможность вполнѣ наслаждаться жизнію.

Ростъ человѣка Идеальнаго Государства, который имѣетъ вліяніе на существованіе, также зависитъ не отъ его воли онъ составляетъ опредѣленную мѣру, между извѣстными величинами минимумъ и максимумъ всего человѣчества. (**

Самыя главныя физическія качества организма человѣка имѣющія вліяніе на его характеръ, поступки и всю жизнь служащія причинами разнообразныхъ побужденій, иногда проявляющихся вопреки разсудку, который долженъ быть царемъ всякаго разумнаго существа, суть темпераменты.

а) Сангвинический.

б) Лимфатическій.

в) Холерическій.

г) Нервный. (***)

(*) Женщины требуютъ особенныхъ условій:

1) Сохраненіе дѣвушки во время формированія.

2) Сохраненіе здоровья замужней женщины.

3) Содержаніе беременной.

4) — роженицы.

5) — кормящей грудью.

и 6) — женщины въ переходную пору.

Наконецъ общія правила для поправленія красоты. Этаго нельзя считать мелочью, потому что въ женщинѣ каждая мелочь многознаменательна и имѣетъ вліяніе на ея помыслы и даже иногда составляетъ главнѣйшую причину ея заботъ въ жизни, которыя непосредственно дѣйствуютъ на существованіе мужчины, а слѣдовательно и общества.

(**) Максимумъ роста человѣческой породы, мы находимъ у патагонцевъ, представителей самой высокой рассы, которые доходятъ до 5 футъ и 11 дюймовъ, а минимумъ роста у лапланцевъ, 4 фута. Сравнивая послѣднія цифры съ цифрою роста патагонцевъ, находимъ, что ростъ самаго крупнаго племени относится къ росту самаго малорослаго какъ 1 : 2, 3.

(***) Большею частію встрѣчается у женщинъ. потому что унихъ нервная воспріимчивость до таго преобладаетъ, что, при совершен-

д) Флегматическій.

ж) Меланхолическій и другіе. (*)

Кто не убѣжденъ въ томъ, что всѣ эти виды темпераментовъ, въ разнообразныхъ, до безконечности, сочетаніяхъ, (хоть по биному Ньютона) могутъ произвести безконечное разнообразіе въ характерѣ людей, въ ихъ поступкахъ и дѣятельности, составляющихъ самую сущность жизни.

Убѣдившись въ физическомъ различіи организмовъ мужчины и женщины, мы вправѣ вывесть заключеніе, на основаніи принятаго убѣжденія, что духъ ихъ, владыка ихъ жизни, какъ свойство различной матеріи и различныхъ формъ организма, также долженъ проявлять различныя свойства въ соединеніи двухъ половъ, и воспроизводить другія побужденія, служащія инціативой дѣйствій и поступковъ, частной и общественной жизни людей различныхъ половъ, принимающихъ живое участіе въ общемъ политическомъ существованіи Идеальнаго Государства, нежели тѣ начала, которые до сихъ поръ разсматривали и принимали за основаніе Политической Экономіи.

Слѣдовательно, начало общественной жизни человѣка, какъ ясно видно изъ наблюденій, надъ атомомъ Идеальнаго Государства, таится въ его организмѣ, т. е. въ его матеріи и формѣ, а потому человѣка и должно принять за основаніе изслѣдованій и для изысканія правилъ общественной жизни. Всѣ другія начала Политической Экономіи и цѣлыя теоріи, безъ этого естественнаго основанія, будутъ ничто иное какъ безполезныя и непримѣнимыя утопіи.

Дѣйствія человѣка происходятъ отъ побужденій, а побужденія отъ тѣлосложенія, отъ темперамента, а темпераментъ отъ крови и т. д. Это заставляетъ утвердительно сказать, что вся его жизнь, т. е. существованіе, зависитъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ природы и отъ безчисленныхъ, болѣе независимыхъ отъ него обстоятельствъ, побуждающихъ его къ выбору того или другаго рода средствъ и дѣйствій, сообразно его сознанію, происходящему изъ его

номъ отсутсвіи другихъ признаковъ, отличающихъ извѣстныя раздѣленія темперамента, нельзя найдти другаго выраженія, какъ нервный. Женщинамъ вообще свойственны темпераменты: Сангвиническій и флегматическій, такъ какъ Холерическій характеръ у нихъ встрѣчается рѣдко, то и его измѣненіе меланхолическій рѣдокъ.

(*) Въ Enchiridion medicum, Гуфеланда замѣчено то же, что люди Сангвиническаго темперамента живутъ менѣе другихъ, потому что возбужденное состояніе ихъ нервовъ ускорятъ обращеніе ихъ соковъ и приближеніе конца. Люди, съ флегматическимъ темпераментомъ и съ короткой шеей, на оборотъ, медлены и покойны.

разсудка и совѣсти, предметовъ его внутренняго духовнаго міра, которые есть ничто иное, какъ свойство той же матеріи (крови и мозга) изъ коего состоитъ его организмъ и формы, въ которую онъ отлитъ, т. е. зависитъ отъ его же природы.

Самыя врожденныя свойства человѣка, разматриваемыя какъ способности, также мало подчиняются ему, какъ и при дѣйствіи ихъ въ видѣ побужденій, потому что, какъ бы мы ни старались продолжительно и усиленно изощрять и развивать какую бы то ни было слабую отъ природы способность, она никогда не возвысится до степени совершенства, которой можетъ достигнуть другая врожденная сильнѣйшая способность. Такъ, напримѣръ: одинъ человѣкъ можетъ имѣть природное преимущество предъ другимъ въ дальнозоркости, въ ручной работѣ и т. п., которыхъ никогда не въ состояніи достигнуть человѣкъ, лишенный отъ природы этихъ способностей. Это различіе имѣетъ вліяніе на жизнь и дѣйтвія къ пріобрѣтенію богатства, главнаго предмета Науки Бытія, или Политической Экономіи.

Болѣе тщательныя статистическія наблюденія надъ обществомъ Идеальнаго Государства, какъ напримѣръ: надъ числомъ браковъ, числомъ родившихся мужчинъ и женщинъ, умершихъ, числомъ различнаго рода преступленій и т. п., открываютъ намъ опять новые, естественные, неумолимые законы природы, ограничивающіе произволъ человѣка.

Постоянныя наблюденія надъ статистическими числами и ихъ взаимными отношеніями за нѣсколько лѣтъ, и выводы средней цифры позволяютъ почти очень близко опредѣлять на будущее время, подобно тому, какъ въ астрономіи точку и минуту появленія планеты, число напр. въ будущемъ году браковъ, сколько родится людей мужескаго и женскаго пола сколько ихъ умретъ, опредѣлить роды смерти, сколько будетъ насильственныхъ смертей,преступленій,сколько убійствъ, даже какими орудіями они будутъ совершены и т. д.

Прежде принятыя понятія у большинства смѣняются новыми необыкновенно туго. Опытъ доказываетъ намъ, съ большей очевидностію, что, напр.: само общество подготовляетъ преступленіе и что преступникъ является лишь орудіемъ. Эта мысль кажется невѣроятной для многихъ и смущаетъ обыденный взглядъ, она какъ-то враждебно и разрушительно укладывается близь традиціонныхъ понятій и нарушаетъ ихъ гармонію. Одряхлѣвшій старикъ повторяетъ слова Макбета: «Наша судьба въ нашей груди», а дѣло выходитъ наоборотъ, что доказываетъ историческій взглядъ,

на жизнь человѣка, Бокля, въ сочиненіи его: «Исторія цивилизаціи въ Англіи»; онъ, съ особеннымъ, справедливымъ сочувствіемъ, относится въ вопросѣ: *о свободной волѣ* человѣка и общества къ статистикѣ, такъ прочно и успѣшно разрабатываемой въ Англіи, которая указываетъ на равномѣрность явленій и доказываетъ, что число дурныхъ поступковъ людей зависитъ отъ различныхъ измѣненій въ окружающемъ ихъ обществѣ.

Убійства, напримѣръ, совершаются съ такою правильностію какъ совершается приливъ и отливъ, какъ мѣняются времена года, та же правильность открывается въ самоубійствахъ, что казалось бы невѣроятнымъ. Всѣ преступленія повторяются въ опредѣленныхъ формахъ; точно также какъ браки, относительно которыхъ статистики доказали, что они стоятъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ цѣнамъ на хлѣбъ и къ заработанной платѣ.

Ограниченность ума, бѣдность и недостатокъ образованія — три главныя двигателя къ преступленію. Преступникъ чаще заслуживаетъ состраданіе нежели презрѣніе. Ферстеръ говоритъ: «лучше всего будетъ, если мы не будемъ никого осуждать».

Слѣдовательно, если человѣкъ дѣлаетъ добро или зло, разсматривая его съ одной физической стороны, при совершенной не развитости духовной, то онъ служитъ только орудіемъ природы.

Это заставляетъ насъ не только смотрѣть, но и переносить зло и всѣ страданія, происходящія отъ ближнихъ, съ христіанскимъ терпѣніемъ, какъ научаетъ насъ Христосъ, сказавши, умирая на крестѣ: «*Отче, отпусти имъ, невѣдятъ бо что творятъ*.» Вотъ почему общественные или государственные законы, должны быть основаны болѣе на снисхожденіи, они должны только исправлять и отнимать у людей вредныя, для общественной жизни, средства, дѣлать зло; но не уничтожать человѣка, который, какой бы не былъ преступникъ, ежели у него отнять средства вредить или исправить его, можетъ быть полезнымъ обществу.

Странно видѣть: какимъ образомъ человѣкъ индивидуально считается преступникомъ ежели онъ убиваетъ себѣ подобнаго, а общество, которое состоитъ изъ такихъ же людей или власть, которая иногда безжалостно казнитъ и изтязаетъ тысячи людей не считаются? Неужели преступленіе измѣняется съ числомъ или званіемъ людей и можетъ назваться въ одномъ беззаконнымъ, а въ другомъ законнымъ поступкомъ и неужели въ одномъ изъ нихъ должны быть человѣческія, гуманныя чувства, а вдругомъ нечеловѣческія и звѣрскія. Это что-то не

такъ тутъ, должна быть ошибка въ господствующей современной идеи, которую должны очистить еще время и образованіе.

Вдумываясь во всѣ эти обстоятельства приходимъ къ вопросу: какой же произволъ послѣ этого остается человѣку, когда ясно видно, что онъ оказывается подъ такимъ вліяніемъ законовъ его физической природы, что дѣйствіямъ и самой жизни его не только указаны предѣлы, но и направленіе, по тѣмъ поступкамъ, которыя происходятъ отъ его несовершенной организаціи и выводятся на будущее время по прошедшимъ? Какіе скрытые отъ насъ законы природы откроются еще въ будущемъ намъ неизвѣстно; но, судя уже по тѣмъ даннымъ, которыя имѣемъ, можемъ съ достовѣрностію сказать, что кругъ дѣйствій и произволъ человѣка теперь весьма ограниченъ. Человѣка, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ легкимъ, ничтожнымъ предметомъ, который мчится въ стремительномъ потокѣ общественной жизни всего человѣчества, имѣя возможность производить только едва примѣтныя движенія.

Гамлетъ думаетъ: «что мы только мыслимъ, но не творимъ.» Лафатеръ говоритъ: «что четовѣкъ свободенъ какъ птица въ клѣткѣ и можетъ двигаться лишь въ извѣстныхъ опредѣленныхъ предѣлахъ». Человѣку кажется, что онъ дѣйствуетъ свободно потому, что ему извѣстно лишь одно желаніе, или побужденіе, но причина этого побужденія таится въ его организмѣ. Съ пераго взгляда на массу народа и на человѣка отдѣльно Идеальнаго Государства кажется, что они дѣйствуютъ по собственному, совершенно свободному выбору, но вникая глубже, при историческомъ изслѣдованіи причинъ, въ тѣсную и неразрывную связь духа и матеріи, въ зависимость человѣка и всего народа отъ опредѣленнаго уже прежде ихъ назначенія, отъ окружающей ихъ природы и среды, убѣждаемся въ противномъ и тамъ, гдѣ казался произволъ или случай открывается дѣйствіе естественныхъ непреложныхъ законовъ природы.

Въ нашихъ глазахъ совершается великій процессъ переворота въ выработавшихся, до сихъ поръ, представленіяхъ о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни и знанія. Книга Бокля: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», представляетъ одно изъ знаменій этого переворота. Кто не пришелъ ко взглядамъ, выработанныхъ этимъ ученымъ трудомъ философскаго мышленія, тому стоитъ лишь оглянуться на окружающую дѣйствительность и прійдти немного въ себя, чтобы согласиться со взглядомъ Бокля.

Но самыя убѣдительныя доказательства представляетъ намъ Льюисъ, въ своей физіологіи обыденной жизни (*). Онъ говоритъ: „Еслибъ кто нибудь сталъ опровергать это заключеніе (что всѣ психическія дѣйствія не произвольны), на томъ основаніи, что душа одушевляетъ все тѣло, а не нѣкоторые только его части, еслибы намъ сказали, что принять такое положеніе, значитъ возвратиться къ ученію Сталя, нашъ отвѣтъ состоялъ бы въ слѣдующемъ: мы должны слѣдовать логикѣ, куда она ни поведетъ насъ. Тотъ, кого безпокоитъ мысль о возвратѣ къ прошлому, тотъ кто нерасположенъ вѣрить, что всѣ явленія совершаются въ его чувствительномъ организмѣ, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну родственную сущность, одно общее имя— духъ, (который однако же есть свойство матеріи) имѣетъ полную свободу попытаться составить себѣ какое нибудь другое убѣжденіе.“ (Т. II. стр. 190).

Изъ сравненія организмовъ обоихъ половъ, составляющихъ атомъ Идеальнаго Государства, мы видимъ, что нѣкоторыя части тѣла и свойства духа, у нихъ развиты неодинаково, напримѣръ: у мужчины, какъ говоритъ физіологія: «преобладаетъ плотное мускульное волокно, придающее ему физическую силу, у женщины мягкая клѣтчатка, у перваго, мозгъ болѣе пятью унціями, съ величиною котораго не разлучны и большія умственныя способности, нервы болѣе крѣпки, у послѣлней сердце, какъ главный представитель крови, растяжимѣе, подвижнѣе, краснѣе, первы воспріимчивѣе. Отсюда съ одной стороны: способность къ напряженію, превосходство въ задаткѣ разума и физическая сила; на другой: тонкая чувствительность, любовь, впечачлительность, воспріимчивость, доходящая до инстинкта, и подвижность, въ первомъ энергія, настойчивость, рѣшительность,— во второй, быстрота, легкость, нѣжность и прелесть.

Слѣдовательно, отъ насъ теперь будетъ зависѣть чему и въ какихъ обстоятельствахъ отдать преимущество: физической ли силѣ и здравому сужденію мучжины или проницательному, инстинктивному, тонкому пониманію женщины, зависящему отъ впечатлительности ея нервной системы. Красотѣ ли и нѣжности женщины, увлекюащимъ и часто покоряющимъ себѣ самаго сильнаго, въ физическомъ отношеніи, мужчину, или силѣ физической, которой обладаетъ мужчина передъ женщиной.

Сравнивъ также свойства сердца и нервной системы, ко

(*) Переводъ съ англійскаго Борзенкова и Рачинскаго,

торыя развиты въ высшей степени у женщины, получающей отъ того способность болѣе инстинктивно и мгновенно обнимать и понимать иногда вообще, не вдаваясь въ разсужденія, самые сложные вопросы, съ мозгомъ мужчины, который по величинѣ имѣетъ перевѣсъ въ умственномъ отношеніи передъ женщиной, мы находимъ: на одной сторонѣ силу чувствъ инстинкта, быстроту, тонкость впечатлѣній, безпредѣльную преданность и теплыя чувства, обнимающія все существо женщины, которая представляетъ собою олицетворенную любовь и состоящую какъ будто изъ одного сердца, на другой—холодный, зрѣлый умъ, какъ владыка всего, обнимающій и подчиняющій себѣ всѣ условія жизни.

Изъ всего этого можно вывесть заключеніе, что ни та, ни другая сторона не имѣетъ преимущества (не принимая въ ихъ физической природѣ вещественную силу за превосходство) а что только онѣ вмѣстѣ составляютъ совершенство и разнятся не степенями развитія, а свойствами, не количествомъ, а качествомъ. Но, при всемъ равенствѣ этихъ всѣхъ условій все таки умъ мужщины беретъ перевѣсъ въ атомахъ идеальнаго государства.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ физическое начало атома человѣчества, мы перейдемъ къ духовному началу человѣка.

ГЛАВА VI.

Духовное начало человѣка.

Всѣмъ извѣстно, что, по мѣрѣ развитія организма, являются явственнѣе его свойства, выражающія душу, которая, наконецъ, съ возрастомъ человѣка и съ появленіемъ сознанія, вступаетъ въ свое *ограниченное* господство надъ организмомъ.

Платонъ считаетъ мѣстопребываніемъ души мозгъ, Аристотель сердце, Гераклитъ и Іудеи кровь, Эпикуръ грудь, Фициній опять сердце, Картезій мозговую железу, Земерингъ мозговыя пустоты, Кантъ воду, находящуюся въ мозговыхъ пустотахъ, Энемозеръ находитъ душу во всемъ тѣлѣ, а Фишеръ вовсей нервной дѣятельности.

И такъ, мы видимъ, что всѣ великіе мыслители принимали за мѣстопребываніе души главныхъ представителей жизни, или матерію, какъ то: мозгъ, сердце, кровь нервы и т. п. которые уже нами разсмотрены въ предыдущей главѣ.

Съ перваго взгляда видна вся односторонность такихъ понятій, изъ которыхъ каждое могло имѣть свое основаніе. (*)

(*) Такъ наприм. доказательствомъ мнѣнію, что душа находится въ мозгу, въ сердце и нервахъ, могли служить опыты физіологіи. Стоитъ только перерѣзать у животнаго нервы, идущіе отъ мозга къ перефирію и тотчасъ исчезаетъ всякая чувствительность. Ежели перерѣжемъ у человѣка нервъ, соединяющій желудокъ съ мозгомъ, то человѣкъ не будетъ ощущать ни какой иотребности въ пищѣ или, ежели перерѣзать глазной нервъ, то зрѣніе тотчасъ исчезнетъ. Тоже самое, если у человѣка выпустить большое количество крови онъ лишится чувствъ. Замѣтимъ однакожъ, при этомъ, что такіе очевидные факты, выводимые изъ опытовъ, могли многихъ привести къ ложному убѣжденію, считать мозгъ или кровь или нервы исключительнымъ мѣстопребываніемъ души. Но неосновательность и односторонность такого положенія при анализѣ открывается сама собою, потому что, перерѣзывая нервы мы прерываемъ только проводники ощущеній, передающіе темныя впечатлѣнія мозгу, который нхъ освѣщаетъ разумомъ.

Эго доказываетъ только то, что мозгъ, представляющій главное свойство души; служитъ источникомъ сознанія, но никакъ не сама душа, потому что жизнь животнаго, съ лишеніемъ мозга, не прекращается. Такіе опыты только показываютъ, что мозгъ, сердце, кровь и нервы суть самостоятельные главные органы жизни, но ни какъ не мѣстопребываніе души.

Древніе вообще смотрѣли на духъ какъ на одну изъ формъ жизни. Греческіе писатели употребляли слово душа, для выраженія понятія о жизненномъ началѣ.

Льюисъ, въ своей «физіологіи обыденной жизни», говоритъ «Психологія — наука о душѣ, физіологія — наука о жизни».

«Всѣ, признающіе психологію наукою, признаютъ также, что задача ея состоитъ въ разъясненіи законовъ мышленія, о сущности души и ея свойствъ. Эта наука можетъ (я, Льюисъ слѣдую мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ, что она должна) искать средствъ изслѣдованія въ физіологическихъ законахъ, также точно, какъ и наша физіологія ищетъ помощи у химіи: но результаты, дабытые ею, какъ независимою вѣтвію знанія, не могутъ быть подводимы подъ основныя правила физіологіи; о годности или негодности ихъ нельзя заключать потому, подходятъ-ли онѣ подъ физіологическіе законы или противурѣчатъ имъ» (т II стр.).

Все это отчасти справедливо, но нельзя не признать психологію (науку о душѣ) зависимою частью отъ физіологіи (науки о жизни вообще), т. е. какъ части отъ цѣлаго и что психическіе законы могутъ быть только выведены a posteriori, какъ слѣдствіе осязательныхъ фактовъ и очевидныхъ физіологическихъ законовъ, что между этими двумя науками есть неразрывная, родственная и постоянная связь, какъ зависимой части съ цѣлымъ.

Разсматривая человѣка идеальнаго государства нельзя не признать въ немъ разницы между органическими или жизненными и психическими явленіями, въ основаніи ихъ видно одно общее начало жизни, такъ, что онѣ сливаются въ этомъ общемъ началѣ, и ихъ различить такъ же трудно, «*какъ явленія растительной и животной жизни.*» (Выраженіе Льюиса). Онъ говоритъ:«Психическія явленія также таинственны, какъ и физіологическія».

«Жизнь есть динамическое состояніе организма, жизнь есть продуктъ организаціи, а не организація есть продуктъ жизни», т. II (стр 348). По мнѣнію Льюиса душа есть синонимъ жизни.

Прежніе физіологи и психологи не только отдѣляли понятіе о жизни, но дали душѣ, какъ выше сказано, особенное мѣстопребываніе: въ головномъ мозгу, въ сердце, въ крови и т. п., и принимали существованіе мертвой матеріи и живой сущности (два совершенно противуположныхъ предмета). Но таковое мнѣніе уже отвергнуто, потому что противорѣчитъ всѣмъ свидѣтельствамъ науки. Льюисъ, въ другомъ мѣстѣ своей книги, говоритъ: «Жизнь пропорціональна организаціи. Жизнь отдѣльной клѣто-

чки есть итогъ всей дѣятельности этой клѣточки и проста на столько, на сколько проста ея организація». «Жизнь высоко организованнаго животнаго есть *итогъ дѣятельности всѣхъ живыхъ* его силъ и сложна по стольку, поскольку сложенъ организмъ» ..... «Тѣло есть единица, всѣ его части подчинены одна другой; всѣ связаны высшимъ единствомъ; наше сознаніе убѣждаетъ насъ въ томъ, что жизнь едина и нераздѣльна». (г. II стр. 349.) Но такой выводъ не можетъ служить доказательствомъ единства жизни, онъ можетъ привести еще къ болѣе ложнымъ заключеніямъ. Оторвите ноги у паука, разрубите змѣю или разрѣжте червяка на части и вы увидите, что каждая отдѣльная часть будетъ нѣсколько времени жить, т. е. столько, сколько она имѣетъ собственной силы жить, что доказываетъ противное; иначе выдетъ, что душу можно дѣлить на части съ чѣмъ согласится нельзя. *Единство заключается не въ силѣ управляющей, а въ содѣйствіи отдѣльныхъ силъ*, на томъ основаніи, что фактами науки открыта, до нѣкоторой степени самостоятельная жизнь частей и цѣлаго; каждое изъ нихъ имѣетъ индивидуальное зарожденіе, свою самобытную жизнь и свою отдѣльную смерть. Самостоятельная жизнь частей, соединяясь съ таковою же другихъ частей, воспроизводитъ новыя явленія, новыя силы или интелекты. Такимъ образомъ слагается жизнь цѣлаго животнаго. (*) Тоже самое мы видимъ въ жизни государства, какъ живаго органическаго тѣла. Каждый человѣкъ, входящій въ его составъ, самъ по себѣ живетъ, какъ клеточка въ государственномъ тѣлѣ, самобытною жизнію.

Вмѣстѣ взятые люди составляютъ цѣлое общество, или государственный организмъ, который также живетъ своею самобытною жизнію, повинуясь одной управляющей силѣ (власти), по извѣстнымъ, естественнымъ законамъ, установленнымъ его природою, а не человѣческою мудростію, и жизнь государства можетъ быть почти тождественною съ жизнію высокоорганизованнаго разумнаго животнаго.

Извѣстный писатель Фридрихъ говоритъ: «*сила безъ матеріальнаго субстрата не мыслима.*»

Жизненная сила животнаго можетъ только проявляться

(*) По этому, жизненную силу, одушевляющую всѣхъ животныхъ, будемъ понимать не инстинктомъ, какъ понимали до сихъ поръ, но чемъ то выше инстинкта, признавая въ ней разумъ и чувства, сообразныя съ совершенствомъ организаціи каждаго животнаго. Однимъ словомъ, пока еще не нашли приличнаго выраженія, назовемъ духомъ вообще.

разнообразнѣе будутъ эти органы, тѣмъ разнообразнѣе будутъ проявленія жизненной силы.

Разнообразіе это зависитъ отъ различнаго устройства матеріальныхъ субстратовъ, а потому душевныя отправленія, какъ особыя проявленія жизненной силы, обусловливаются свойствомъ и устройствомъ мозга, (какъ источника сознанія, зависящимъ отъ крови, единственной своей пищи) находящагося въ головѣ, въ спинномъ хребтѣ, и если подобное вещество назвать мозгомъ, то и въ нервахъ.

Неразрывная связь мозга, крови (сердца) и нервовъ, главныхъ дѣятелей жизни, производитъ взаимнодѣйствіемъ то, что одна и таже жизненная сила варитъ посредствомъ желудка и думаетъ посредствомъ мозга, а потому сдѣлаемъ заключеніе, что эта сила, или душа особеннымъ образомъ соединяется посредствомъ нервъ съ мозгомъ и сердцемъ (кровью), въ которыхъ она проявляется очевиднѣе всего. Независимое же состояніе души отъ тѣла, при жизни, трудно допустить человѣку, не принимающему голословныхъ доводовъ (*).

(*) «Отношеніе души къ тѣлу говоритъ Бюхнеръ: «совершенно опредѣлено и если иногда кажется, что пересиливаетъ духъ, а въ другой разъ матерія, то различія эти можно приписать индивидуальности. У одного человѣка пересиливаетъ духовная природа, у другаго тѣлесная: одного можно уподобить богамъ, другаго животнымъ. Отъ животнаго до высокоразвитаго человѣка идетъ непрерывная цѣпь послѣдовательныхъ духовныхъ развитій. Но обѣ эти природы постоянно такъ условливаются другъ другомъ, что прямое сравненіе между ними собственно не можетъ существовать и хотя случается что одна пересиливаетъ другую; но онѣ все таки нераздѣльны. Случайныя особенности индивидумовъ не могутъ насъ при этомъ озабочивать».

«Въ газетахъ попадаются иногда описанія того жалкаго умственнаго состоянія, до котораго доходили люди съ юныхъ лѣтъ, удаленные по расчетамъ или по жестокости воспитателей, отъ всякаго соприкосновенія съ обществомъ».

«Жизнь этихъ людей походила на прозябеніе и они не имѣли никакихъ человѣческихъ понятій».

«Отъ чего же духъ ихъ неразвился съ помощію собственной внутренней силы, хотя и былъ стѣсняемъ нѣкоторыми внѣшними препятствіями? На это не трудно отвѣчать. Душа не развилась у такихъ людей потому, что не испытала внѣшнихъ впечатлѣній той среды и тѣхъ предметовъ, въ которыхъ обыкновенно живетъ каждая личность, входящая въ составъ общества. «Нельзя не согласиться отъ части съ тѣмъ, что душа, какъ мы привыкли ее понимать, много зависитъ отъ этой среды, въ которой живетъ человѣкъ и отъ количества впечатлѣній, но тѣмъ не менѣе нельзя отвергать у такихъ людей самобытнаго существованія души, если бы даже жизнь ихъ походила болѣе на прозябеніе, нежели на жизнь. Жизнь, или сила въ органическомъ царствѣ, въ растеніяхъ и въ животныхъ вездѣ одна и таже, только развитіе

Бюхнеръ утверждаетъ, что душа, (въ организмѣ) не мыслима безъ предметовъ, въ которыхъ она проявляется.

Душа есть жизненный процессъ, вполнѣ зависимый отъ свойствъ и формы живаго организма. Льюисъ это доказываетъ еще нагляднѣе. Онъ говоритъ: «Первый пунктъ, заслуживающій тутъ нашего вниманія, есть тотъ, что ни одинъ нервъ не исходитъ изъ большаго мозга».

«Большой мозгъ есть узловой центръ, въ которомъ всѣ нервы связаны посредственно, но изъ котораго не беретъ своего начала не одинъ нервъ. Вообще это обширное скопленіе нервныхъ волоконъ образуетъ лишь связующій аппаратъ, посредствомъ котораго мозгъ подвергается дѣйствію всѣхъ прочихъ центровъ, и въ свою очередь дѣйствуетъ на нихъ. Мы по этому имѣли полное право заключить, что ни одно изъ ощущеній, вызываемыхъ внѣшними стимуллами, не можетъ быть возбуждено прямо въ большомъ мозгу, но должно дойдти до него посредствомъ узла возбужденнаго нерва.» Т. II стр. 93.

Не есть-ли это ясное и убѣдительное доказательство зависимости души, покуда она въ организмѣ, отъ нервовъ крови, и невозможность безъ нихъ самостоятельнаго проявленія въ душѣ не только сознанія, но даже по видимому мысли и первоначальнаго понятія о чемъ бы то ни было, безъ ощущеній и впечатлѣній, которыя могутъ доставить душѣ только кровь и нервы, т. е. плоть.

Это кажется должно положить рѣшительный конецъ философскимъ спорамъ: объ отысканіи истины a priori. Послѣ этого можно думать, что въ мозгу, т. е. въ умѣ не можетъ проявиться ни одно независимое (отъ организма, внѣшнихъ предметовъ и фактовъ), понятіе.

Главнѣйшее свойство души есть умъ, или разумъ, который можетъ создавать и творить a priori только какъ архитекторъ или естествоиспытатель, т. е. изъ доставленныхъ ему матеріаловъ памятью, которая есть ничто иное какъ остающіяся отраженія впечатлѣній пяти чувствъ, т. е., организма.

Принявъ за истину, что душа скрываетъ въ себѣ итогъ разнообразныхъ свойствъ различныхъ органовъ тѣла, можно полагать, что она выражаетъ собою какъ бы букетъ

ея зависитъ отъ большаго или меньшаго количества органовъ: посредствомъ которыхъ она принимаетъ впечатлѣнія и проявляетъ свое существованіе, отъ той среды, въ которой ей суждено находиться, и количества внѣшнихъ предметовъ, имѣющихъ на нее существенное вліяніе.

физическаго существованія организма. Вглядываясь въ неразрывную связь и зависимость души отъ организма, невольно сознаемъ, что важнѣйшія ея свойства не могутъ проявляться безъ мозга, безъ этого главнаго органа души, отъ коего зависитъ сознаніе (*).

Это доказывается очевидными фактами физіологіи. Напр., развитіе, ослабленіе и болѣзни души идутъ рука объ руку съ увеличеніемъ, уменьшеніемъ и болѣзнями мозга, а болѣзни мозга зависятъ отъ неестественнаго состоянія крови и нервовъ. Малешотъ говоритъ: «*невозможно, чтобы здоровый мозгъ не думалъ,*» а я скажу развѣ когда онъ отдыхаетъ, или спитъ, но и въ то время онъ производитъ иногда весьма гармоническія проявленія своей дѣятельности въ мысляхъ но чаще безсвязныя. «Авторъ говоритъ далѣе: «точно также невозможно, чтобы мысль принадлежала какому нибудь другому органу кромѣ мозга».

Въ послѣднее время Льюисъ своими физіологическими изысканіями кажется далъ возможность сдѣлать болѣе истинный взглядъ на душу и совершенно опровергнулъ пристрастное значеніе, которое прежніе физіологи придавали нѣкоторымъ частямъ тѣла: какъ головному мозгу, приписывая ему исключительное и спеціальное значеніе; считая его единственнымъ органомъ ощущенія, сознанія и мѣстопребыванія души. Изъ такого заблужденія невольно вытекало то, что тѣ животныя, у которыхъ нѣтъ головнаго мозга, необходимо должны были считаться уже не животными. а чѣмъ то въ родѣ растеній или неорганическихъ тѣлъ; но эти физіологи не хотѣли видѣть, что у этихъ животныхъ есть мозгъ, вообще имѣющій весьма большое сходство съ головнымъ, по своему строенію и свойствамъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ физіологовъ отвергали даже иногда способность у головнаго мозга людей, къ производству ощущеній. Они, въ доказательство существованія особеннаго независимаго отъ организма духовнаго агента, приводили то явленіе, что когда мозгъ занятъ размышленіемъ, то тогда впечатлѣнія не дѣйствуютъ на него и отражаются отъ него (вѣроятно какъ резиновый мячь), не производя на него ни какого вліянія. Слѣдовательно, для образованія ощущеній долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, существовать, кромѣ первовъ и мозга,

(*) Доказано уже Льюисомъ, что съ потерею мозга нѣкоторыя животныя низшей организаціи не только не теряютъ жизни, но даже и сознанія, слѣдовательно, это приводитъ къ заключенію, что духъ ихъ оживляющій заключается не въ одномъ мозгу. Мозгъ можно считать мѣстомъ проявленія высшихъ способностей души, но не жизни.

особый, въ организмѣ человѣка, дѣятель, который бы желалъ чувствовать и сознавать ощущенія. Эти же физіологи отвергали самостоятельное значеніе спиннаго мозга и способность его къ ощущеніямъ, приписывая ему только чисто механическія отправленія. Льюисъ блестящимъ образомъ опровергнулъ всѣ эти, существовавшія до сихъ поръ, заблужденія рядомъ физіологическихъ выводовъ и совершенно новымъ взглядомъ на нервную систему и ея отправленія. Физіологическое наблюденіе надъ человѣкомъ Идеальнаго Государства не дозволяетъ допускать, что единственное мѣстопребываніе души въ мозгу.

Для доказательства возмемъ сонъ, который изъ-стари сравнивается со смертію. Всякій убѣжденъ, собственнымъ опытомъ, что умственныя отправленія мозга успокоиваются во время сна, а съ тѣмъ вмѣстѣ на время какъ будто изчезаетъ и душа, т. е. лишается сознанія, своего главнаго свойства.

Въ самомъ дѣлѣ наблюденія показываютъ, что человѣкъ какъ бы умираетъ на все то время какъ изчезаетъ въ немъ сознаніе, первое главное и основное свойство души, даже въ болѣзненномъ состояніи, если человѣкъ теряетъ сознаніе временно, то онъ какъ бы не живетъ все то время, пока не возвратится къ нему сознаніе, но онъ очевидно живетъ, потому что въ это время замѣтно присутствіе жизни, обычной дѣятельностію крови и нервовъ какъ и во снѣ.

Не смотря на то, что такая жизнь походитъ скорѣе на жизнь животнаго, потому что тогда человѣкъ живетъ внутренними только отправленіями, но онъ все таки живетъ. Это доказываетъ, что въ мозгу сосредоточиваются только главнѣйшіе органы души, что съ лишеніемъ сознанія, низшія ея свойства, состоящія въ нѣкоторыхъ физическихъ отправленіяхъ, зависящія отъ крови и нервовъ, могутъ оставаться въ каждой клѣточкѣ тѣла, изъ которыхъ каждая живетъ самобытною жизнію, но изъ нихъ конечно ни одно не можетъ сравниться съ жизнію цѣлаго, проявляющагося въ сознаніи души, въ которой сосредоточиваются отдѣльные интелекты жизни всѣхъ частей организма.

Еслибъ тѣ, которые желаютъ вѣчно жить положительно сознали мысль о вѣчной жизни, т. е. о продолженіи ея въ томъ видѣ, въ какомъ она есть на землѣ до безконечности, то мнѣ кажется, что она была бы еще возмутительнѣе, нежели мысль о смерти. Ихъ устрашаетъ вѣчный покой, отсутствіе страданій, желаніе жить и страхъ смерти,

вложенные природой въ каждый организмъ. Законъ природы, который дѣйствуетъ не одинаково на всѣхъ животныхъ, не исключая и человѣка, зависитъ отъ свойства ихъ организацій. Иные легче переносятъ приближеніе смерти, иные даже желаютъ ее, будучи утомлены страданіями и безнадежностью своего безвыходнаго положенія. Жизнь, по преимуществу, въ преклонныхъ лѣтахъ, болѣе нравится безчувственнымъ и равнодушнымъ ко всему людямъ, существующимъ болѣе животною жизнію, которыхъ не возмущаютъ страданія и бѣдствія ближнихъ и общественная безурядица.

Не знаю, какой благоразумный и мыслящій человѣкъ, страдающій за себя и за другихъ, чувствующій человѣчески, проживъ узаконенное число лѣтъ, ставши въ тягость себѣ и другимъ, не промѣнялъ бы безсмертія вѣчнаго жида, на смерть, на этотъ вѣчный сонъ.

Мнѣ кажется, мысль о вѣчной жизни гораздо страшнѣе смерти для тѣхъ, которые испытали ея тяжкое бремя. — Фихте сказалъ: «*Кто не существуетъ тотъ и не чувствуетъ никакой боли.*»

Да и что прибавится тому, кто утѣшаетъ себя дѣтскою фантазіею или желаніемъ жить на землѣ безъ конца, мнѣ кажется, что будетъ одно только повтореніе жизни, съ тѣми же страданіями, борьбою съ несправедливостію, вѣчнымъ поденнымъ трудомъ умнаго человѣка для глупцевъ. Это значило бы «носить воду въ рѣшетѣ» Монтонъ говоритъ: «*Всѣ люди боятся собственно не смерти, а мысли умереть, кандидатъ смерти представляетъ себѣ, что онъ самъ будетъ лежать въ мрачной могилѣ.*»

Нѣтъ сомнѣнія, что изслѣдованія современной физіологіи, какъ болѣе раціональныя и приближающіяся къ истинѣ, скоро сдѣлаются общимъ достояніемъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что дѣйствія всѣхъ существъ животнаго царства, какъ проявленія дѣятельности мозга, происходящей отъ крови и нервной системы, цѣлесообразны и сознательны, а мозгъ, кровь и нервы, общіе всѣмъ животнымъ, служатъ выраженіемъ дѣятельности души.

Духовное начало человѣка Идеальнаго Государства, какъ видно изъ наблюденій, состоитъ: 1.) изъ нравственнаго и 2.) умственнаго элементовъ, источниками коихъ суть сердце (представитель физическаго начала) и умъ, представитель духовнаго начала), составляющіе основаніе инстиниктивныхъ нравственныхъ и умственныхъ побужденій.

Разсматриваемый нами человѣкъ Идеальнаго Государст-

ва надѣленъ всѣми добрыми и злыми духовными качествами, которыя суть необходимая принадлежность, или свойство его организма. Каждый человѣкъ одаренъ душою, т. е. умомъ и сердцемъ (нравственностью).

За идеалъ, въ нравственномъ отношеніи, въ Идеальномъ Государствѣ, принимаютъ Христа. Догматы Христіянской религіи и ученіе Спасителя даютъ образецъ, по коему каждый человѣкъ можетъ образовать свое сердце. Каждый человѣкъ Идеальнаго Государства стремится достигать до идеала и достигаетъ его на столько, на сколько позволяютъ ему его силы.

При разсмотрѣніи духовнаго начала человѣка, Идеальнаго Государства вообще, необходимо предварительно вникнуть въ связь его физическаго и духовнаго началъ и въ ихъ взаимную зависимость и вліяніе другъ на друга.

Съ развитіемъ сознанія, зависящаго отъ ума и сердца, и приращеніемъ организма, душа, не смотря на то, что пріобрѣтаетъ господство въ организмѣ и остается владыкой его, пока существуетъ въ человѣкѣ сознаніе, т. е. до опредѣленнаго, извѣстнаго срока, она все таки зависитъ отъ организма, какъ его свойство. Въ ней сосредоточиваются всѣ духовные интелекты, какъ то: воля, умъ (разсудокъ), память, понятіе, сознаніе, сердце (нравственность) совѣсть, любовь и многія другія чувства, съ происходящими отъ нихъ способностями, подчиняющими по видимому только себѣ тѣло, которое испытываетъ страдательно вліяніе духа.

Духъ человѣка состоитъ изъ двухъ противуположныхъ началъ: разсудка и любви, происходящихъ отъ мозга и сердца, или крови. Холодный разсудокъ, въ существѣ духа, по закону природы, стоитъ выше сердца,—но оба эти духовные предмета, подчиняются одной общей идеи, вложенной природой въ каждой живой организмъ, именно: *желанію жить, желанію лучшаго, стремленію къ благосостоянію.*

Не смотря на то, что разсудокъ и сердце (нравственность), взятые отдѣльно, представляютъ какъ бы противуположныя свойства, (разсудокъ болѣе эгоизмъ, а сердце любовь и состраданіе) но вмѣстѣ, взятые въ человѣкѣ, находясь подъ взаимнымъ вліяніемъ, они оба подчиняются впечатлѣнію физическаго начала, которое осуществляетъ деспотическое свое побужденіе, или *желаніе жить, желаніе лучшаго и даже комфорта.*

Подъ вліяніемъ этого побужденія они оба проявляютъ въ себѣ основное свойство—эгоизмъ. (*)

(*) «Prima haritas ab ego.» Первая мысль о себѣ, которая проникаетъ все существо каждой особи.

Духъ животныхъ вообще не есть какая нибудь сущность вещества, отдѣльная отъ матеріальнаго основанія. Онъ, пока находится въ организмѣ, не раздѣленъ отъ него, есть его свойство и присущь ему (*).

Бюхнеръ говоритъ: «Нѣтъ силы безъ матеріи, какъ матеріи безъ силы и временное ихъ проявленіе конечно. Сила и матерія одна другую дополняютъ, одна другую необходимо предполагаютъ.»

Любихъ говоритъ: «Изъ ничего не можетъ проявится сила». Кота говоритъ: «Ни что не даетъ намъ права предполагать существованіе силъ самихъ по себѣ, не зависимо отъ тѣлъ, изъ которыхъ онѣ исходятъ и на которыя дѣйствуютъ». Малешотъ говоритъ: «Сила—это свойство матеріи, всегда ей присуща и отъ нее нераздѣльна».

И такъ, скажемъ вмѣстѣ съ Бюхнеромъ: что «нѣтъ силы безъ матеріи, какъ нѣтъ матеріи безъ силы. Раздѣльное представленіе ихъ ничто иное какъ отвлеченное понятіе».

Уясняя себѣ по возможности физіологическими законами проявленіе души въ организмѣ человѣка на столько, на сколько возможно, мы пришли къ тому, что, посредствомъ нервовъ, мозгъ принимаетъ впечатлѣнія какого бы онѣ свойства ни были: матеріальныя или духовныя, и что посредствомъ ихъ онъ управляетъ всѣмъ существомъ человѣка и передаются ощущенія духу и тѣлу, т. е. крови (сердцу) и мозгу (разуму). Въ духовномъ мірѣ представителями крови и мозга, т. е. физическаго начала человѣка, являются сердце или чувства и разумъ (**).

Посредникомъ между ними является совѣсть. Эти два не матеріальные предмета, разумъ и сердце (нравственность), коимъ соотвѣтствуютъ матеріальные: мозгъ и сердце, съ ихъ разнообразными интелектами, составляютъ или воспроизводятъ посредствомъ нервъ, духъ животныхъ, который, не смотря на его очевидную зависимость отъ физической природы, т. е. отъ мозга и крови (физическаго сердца), назначенъ природою ограниченнымъ владыкою всей жизни животнаго. Слѣдовательно, духовное начало человѣка, Идеальнаго Государства при наблюденіи, представляется намъ какъ противуположность физическому началу.

(*) Малешотъ говоритъ: «азоту, углероду, водороду и кислороду сѣрѣ и фосфору присущи ихъ свойства отъ вѣка.»

(**) Подъ сердцемъ, въ духовномъ отношеніи, будемъ разумѣть не матеріальное сердце, но составимъ себѣ отвлеченное понятіе о такомъ сердце, которое будемъ считать источникомъ всѣхъ чувствъ и страстей, непосредственно зависящихъ отъ крови.

Разсмотримъ послѣдовательно всѣ невещественные предметы, составляющіе вмѣстѣ духъ, какъ представителей физической природы человѣка, и потомъ бросимъ взглядъ на совокупное ихъ взаимное дѣйствіе, въ которомъ выражается душа.

Практическія изслѣдованія жизни убѣждаютъ насъ въ томъ, что всякая частица матеріи имѣетъ какія нибудь свойственныя ей силы, посредствомъ которыхъ она играетъ какую нибудь роль во всѣхъ даже химическихъ преобразованіяхъ; мы даже умомъ не можемъ себѣ представить силы безъ матеріи (*).

Вглядываясь въ разнообразіе физіогномій и формъ человѣка, въ которыхъ выражается его душа и характеръ, невольно сознаемъ справедливость системъ Галля и Лафатера, изъ коихъ первый, по выпуклостямъ и углубленіямъ черепа, а второй по образованію чертъ лица, опредѣляютъ характеръ человѣка, нѣкоторыя наклонности и свойства его духа.

Каждая черта организма даетъ понятіе о свойствахъ души. Возмемъ хиромантію, излагающую признаки, по которымъ опредѣляютъ характеръ, наклонности и свойства духа по рукѣ. раздѣляя ее: на духовную, маторную и т. п. выражающія своею формою нѣкоторыя способности души. Физіологіи предоставляется рѣшить въ будущемъ сомнительный вопросъ: душа ли, по своему образу и свойствамъ, даетъ формы живому организму или матерія и формы самаго организма имѣютъ вліяніе на образованіе и свойство духа или то и другое вмѣстѣ. Не смотря на сомнѣніе, мы все таки примемъ за точку отправленія нашихъ изслѣдованій, что сила есть не что иное какъ свойство матеріи, изъ которой созданъ человѣкъ, что душа, пока она въ человѣкѣ нераздѣльна съ матеріей. Душа въ человѣкѣ проявляется возбужденіемъ (**).

(*) Дрозбахъ говоритъ: «что предметъ безъ свойствъ есть химера; при здравомъ разсудкѣ не мыслимъ и, сколько показываютъ наблюденія. не существуетъ въ природѣ».

(**) Мульдеръ говоритъ, что: «*силы не сообщаются, а возбуждаются*». — Бюхнеръ выражается такъ: «хотя намъ кажется, что магнетизмъ передается, но онъ не можетъ передаваться, а можетъ только возбуждаться въ тѣлѣ и открываться посредствомъ измѣненія его средняго безразличнаго состоянія. Сила безъ матеріи, точно также не можетъ быть, какъ зрѣніе безъ глазъ, мысли безъ мозга. *Кюльбе* говоритъ: «явленія электричества и магнетизма, точно также какъ свѣтъ и теплота, суть слѣдствія взаимныхъ отношеній тѣлъ и ихъ частицъ. Фохтъ объясняетъ это такъ: «вѣдь никто не станетъ утверждать, что способность отдѣлять желчь можетъ быть безъ железокъ или способность сокращаться безъ мускуловъ».

О существованіи силы, мы всегда узнаемъ по перемѣнамъ, которыя замѣчаемъ въ предметахъ внѣшними нашими чувствами.

Другаго средства составить себѣ понятіе о силѣ у насъ нѣтъ.

Движеніе матеріи, безъ внѣшней причины, повинуется всегда въ ней же самой находящейся потребности, и совершается по естественнымъ законамъ, которые ею условливаются, напримѣръ: прозябеніе растенія, движеніе воды, горѣніе, ростъ животнаго и т. п.

Этотъ самый законъ находятъ и астрономы въ самыхъ отдаленныхъ міровыхъ пространствахъ.

Наши мыслительныя и познавательныя способности, суть ни что иное какъ представители или отраженіе, а лучше повтореніе въ душѣ законовъ существованія физической нашей природы. Такъ: чувство есть отраженіе матеріальнаго сердца, или крови, а мысль и разсудокъ-мозга. Чѣмъ глубже вникнемъ въ вѣчные законы, управляющіе духовнымъ міромъ и въ духовную жизнь Идеальнаго Государства и человѣка, тѣмъ становится очевиднѣе связь этихъ законовъ съ законами физическаго міра.

Историческія изслѣдованія законовъ духовнаго міра и объясненіе, на основаніи ихъ человѣческихъ дѣйствій, составляетъ такую же задачу для историка, какъ и для естествоиспытателя (*).

Бокль доказалъ, что какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи нѣтъ произвольныхъ переходовъ, безотчетныхъ случайныхъ комбинацій, но все развивается на началахъ самой строгой законности, и чѣмъ обширнѣе нашъ горизонтъ, тѣмъ болѣе исчезаютъ кажущіяся отклоненія. Онъ первый показалъ, что историческое изслѣдованіе должно основываться на послѣднихъ результатахъ естествовѣденія и тѣхъ естественныхъ, необходимыхъ законовъ, которые дѣйствовали и дѣйствуютъ на образованіе человѣческаго духа.

Умъ и сердце (нравственность) должно разсматривать какъ двухъ представителей духовнаго начала человѣка, почти одинако могущественныхъ, столкновеніе которыхъ производится въ человѣкѣ.

(*) На этотъ путь, въ настоящее время, навели насъ физіологическія изслѣдованія Льюиса и историческія Бокля. О подобномъ историческомъ изслѣдованіи, хотя, намекаетъ Вольтеръ, и встрѣчались отдѣльныя мысли, но острогомъ историческомъ анализѣ, до появленія сочиненій Бокля (исторіи цивилизаціи въ Англіи) мы не встрѣчали.

Чаще всего исторія являлась безсвязнымъ хронологическимъ перечисленіемъ фактовъ.

Желаніе жить, естественное желаніе лучшаго, т. е. стремленіе къ совершенству, какъ видно, при анализѣ человѣка Идеальнаго Государства, составляетъ главнѣйшую цѣль его жизни, выражающуюся въ его дѣятельности; оно проникаетъ все его существо, а потому и находится въ духовной и физической его природѣ, т. е. въ большой или меньшой степени въ сердцѣ и въ разумѣ; но во всякомъ случаѣ, можно признать, если разсматривать ихъ отдѣльно, по преимуществу, разумъ источникомъ эгоизма, а сердце—любви. Эти же два начала должно признать и за основаніе общественной жизни, которой исходною точкою служитъ человѣкъ.

Нравственный элементъ человѣка, или сердце.

Всѣ чувства и страсти, проистекающія изъ физической природы, проявляющіяся въ духовномъ мірѣ, человѣкъ, сосредоточивъ вмѣстѣ, инстинктивно, въ переносномъ смыслѣ, назвалъ сердцемъ. Это сердце, подъ которымъ разумѣютъ чувство, есть не матеріальное сердце, а воображаемое, отвлеченное понятіе, напоминающее вещественное сердце, которое въ своихъ ритмическихъ ударахъ выражаетъ каждое чувство. Слѣдовательно, подъ сердцемъ, въ духовномъ отношеніи, будемъ понимать источникъ чувствъ, или нравственность, началомъ которой служитъ кровь. Безъ разсудка сердце, само по себѣ, есть резервуаръ слѣпыхъ, инстинктивныхъ, естественныхъ побужденій всего организма человѣка.

Всемогущество разума и *любовь сердца* заставляютъ человѣка Идеальнаго Государства сознавать свое достоинство.

Любовь, главное свойство сердца, укрѣпляетъ слабыхъ и ослабляетъ крѣпкихъ, унижаетъ высокихъ и возвышаетъ униженныхъ, идеализируетъ матерію и матеріализируетъ духъ. Она есть метаморфозъ матеріи въ духѣ. Въ любви природа становится духомъ, а духъ природою.

Какихъ чудесъ не дѣлаетъ любовь въ частной и общественной жизни, что разлучаютъ часто предразсудки или непреодолимыя обстоятельства, то соединяетъ любовь.

Сознаніе любви есть примиреніе человѣка съ самимъ собою, т. е. съ своею сущностью. Власть, не носящая въ сердцѣ своемъ заботъ о благѣ ввѣренныхъ ея попеченію людей, не любитъ ихъ.

Между тѣмъ христіянская религія говоритъ намъ, что

самъ Богъ изъ любви къ человѣчеству низшелъ на землю и воплотился въ человѣка, чтобы сдѣлать его счастливымъ.

Не даромъ принято людьми выраженіе о страстно любящемъ человѣкѣ: «*онъ есть сама любовь*».

Любовь, чуждая эгоизма, возведенная до совершенства, по истинѣ можетъ считаться божественною; ею можетъ обладать только Богъ, существо безтѣлесное, которому нечего желать; но человѣку, у котораго въ основѣ жизни лежитъ матерія, заключающая въ себѣ, естественное, эгоистическое чувство, или *желаніе жить, желаніе лучшаго*, проникающее все его существо, гнѣздящееся въ физическомъ и духовномъ его началахъ, предназначена одна только эгоистическая любовь. Вотъ почему человѣку нельзя приписать божественной и абсолютно-безкорыстной любви. Самое близкое родство людей не допускаетъ мысли о любви безъ эгоизма. Дитя любитъ свою мать не безотчетно, а корыстно, изъ выгодъ, которыя она ему доставляетъ съ самаго ранняго возраста. Она кормитъ его грудью, согрѣваетъ и доставляетъ приволье и наслажденіе—значитъ, удовлетворяетъ самымъ существеннымъ необходимымъ потребностямъ организма, однимъ словомъ даетъ благосостояніе (предметъ Науки Бытія). Дитя въ свою очередь доставляетъ матери наслажденіе, удовлетворяя ея самолюбіе. Каждый, человѣкъ какъ эгоистъ любитъ самаго себя болѣе чѣмъ другаго. Младенецъ, или дитя, есть какъ бы часть организма родителей, или ихъ произведеніе. Какимъ же образомъ родители, послѣ того не будутъ любить своихъ дѣтей, когда въ нихъ заключаются всѣ ихъ лучшія надежды, удовлетворяющія всѣ ихъ помыслы въ будущемъ, напоминающія имъ, что ихъ дѣти будутъ служить имъ подъ старость подпорою и утѣшеніемъ.

Значитъ, сердце ихъ постоянно говоритъ имъ, о житейскихъ выгодахъ и наслажденіяхъ, т. е. о лучшемъ въ будущемъ нежели настоящее, что лежитъ въ основѣ существованія людей (*). Мужъ и жена любятъ другъ друга не безкорыстно; они одинъ въ другомъ находятъ, недостающія въ себѣ свойства, пользуются ими и пріобрѣтаютъ чрезъ это удовлетвореніе своихъ желаній, они получаютъ другъ отъ друга наслажденіе. Значитъ удовлетворяютъ основному чувству, т. е. *желанію лучшаго*. Возлюбленный любитъ свою возлюбленную и обратно не безкорыстно, а съ эгоистическою цѣлію. Анализируйте глубже ихъ чувство—въ основѣ

(*) Вотъ почему странно видѣть родителей не любящихъ своихъ дѣтей.

ихъ вы увидите, что въ кажущейся, самой безкорыстной любви ихъ влечетъ другъ къ другу наслажденіе, ожиданіе въ будущемъ лучшаго, нежели настоящее, надежда удовлетворить основную потребность жизни: *желаніе лучшаго*. Любовь человѣка къ ближнему, послѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, также не безкорыстна, что уже не требуетъ доказательствъ.

Ни одинъ человѣкъ не любитъ своего ближняго безотчетно. Если кому нибудь кажется, что онъ любитъ другаго совершенно безкорыстно, то пусть онъ хорошенько разберетъ свои чувства къ нему,—неговорю уже о матеріальныхъ выгодахъ, но разбирая одну духовную сторону.

Возмемъ самую симпатію, которая устанавливается чаще между людьми одинаковыхъ взглядовъ и понятій, слѣдовательно, каждый видитъ другъ въ другѣ самаго себя, или сходство съ собою, взаимное сочувствіе, имъ доставляетъ наслажденіе: т. е. первую потребность организма.

Ужъ я не говорю о людяхъ, зависимыхъ, любящихъ своихъ патроновъ, тутъ уже мало одного эгоизма, тутъ играетъ главную роль притворство и лицемѣріе, а владыка любитъ своихъ клевретовъ за то, что они ему льстятъ и потакаютъ, т. е. удовлетворяютъ самолюбію, за которымъ является самодовольствіе и наслажденіе.

Теперь спросимъ: возможно ли уменьшить въ обществѣ зло, или эгоизмъ, безъ свободнаго заявленія своихъ чувствъ, идей и понятій, т. е. безъ гласности,—этого стоглазаго аргуса, который можетъ легко открывать пристрастіе и заднія мысли людей, выставляя зло на общій судъ. Не будетъ ли истинная гласность однимъ изъ лучшихъ человѣческихъ законодательствъ, противъ пороковъ общественной жизни, если они водворятся въ ней, потому что потребность гласности, вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ жизни общественнаго организма и изъ природы человѣка.

Анализируя естественную любовь человѣка Идеальнаго Государства, зависящую отъ крови и нервовъ, предполагающую всегда корысть, выгоду, удобство и благосостояніе, есть ли возможность ее, какъ главнаго двигателя, или point de depart, а вмѣстѣ и всю нравственность человѣка, не признать предметомъ Науки Бытія, или Политической экономіи и не приходится ли психологіи, физіологіи, философіи и циклъ всѣхъ наукъ считать только частями Науки Бытія, или прежней Политической экономіи.

Слѣдовательно, подъ человѣческою любовью, вообще мы будемъ понимать не безотчетно—доброе, но эгоистическое чувство.

Сердце можетъ только обращаться къ сердцу, оно только въ самомъ себѣ въ своей собственной сущности находитъ утѣшеніе. Въ самомъ взглядѣ на возлюбленнаго есть уже блаженство. Этотъ взглядъ есть убѣжденіе любви.

Любовь Божія къ человѣку, есть идеалъ любви человѣческой. «Возлюбимъ его, яко первѣе онъ возлюбитъ насъ.» (Іоаннъ 4. 12). Но для человѣка такая любовь недостижима, потому что онъ, какъ зависимое существо, будетъ всегда любить Бога, какъ своего всемогущаго владыку, съ боязнію.

Сердце, какъ и разсудокъ, есть другое содержаніе или матеріальная сущность человѣка, преобразованная въ духовное. Человѣкъ теряетъ любовь къ жизни, если теряетъ предметъ любви своей, потому что съ нимъ, онъ теряетъ свое сердце (любовь), т. е. другое *начало своей жизни.*

Любовь человѣка къ самому себѣ созерцается, какъ высшая объэктивная истина, какъ высшая сущность человѣка.

Лютеръ сказалъ (томъ XV стр. 44) «кто хочетъ правильно вообразить его (воплощеніе Бога) въ своемъ сердцѣ, тотъ долженъ всякую плоть и кровь любить здѣсь на землѣ и не гнѣваться ни на кого».

Такъ можно только проповѣдывать идеальную любовь, выставлять ее какъ образецъ, къ которому люди должны стрѣмиться въ соціальной жизни, но въ человѣкѣ заключается только корыстная, эгоистическая любовь къ ближнему; онъ любитъ своего ближняго только для самого себя, изъ эгоизма.

Любовь (сердце) обнаруживаетъ себя наслажденіемъ и страданіемъ. Богъ есть совокупность всѣхъ человѣческихъ совершенствъ, а слѣдовательно и блаженнаго состоянія.

Понять значеніе безотчетной, человѣческой любви къ добру, мы можемъ изъ страданія существа свободнаго, отъ всѣхъ страданій, какъ Христосъ, возвышеннаго надъ всѣми человѣческими горестями, невиннаго, чистаго отъ грѣховъ, страданіе просто за блаженство другихъ, страданіе любви (сердца) самопожертвованіе, изъ внутренняго побужденія дѣлать добро, жить и умирать за людей, изъ божественнаго побужденія къ благодѣянію, и желанія всѣхъ сдѣлать счастливыми, и никого, даже самаго презрѣннаго и униженнаго, отъ себя не отвергать. Такую любовь, въ Идеальномъ Государствѣ, каждый, кто только беретъ на себя обязанность государственнаго дѣятеля, носитъ въ своемъ сердцѣ къ

ближнему, какъ образецъ, къ которому стремится постоянно, но никогда до него совершенно не достигая.

Въ нравственномъ отношеніи, государственные дѣятели, взявшіе на себя тяжкую обязанность пещись о другихъ, должны себѣ взять за идеалъ Христа. Этотъ идеалъ долженъ побуждать ихъ къ тому, чтобы они по призванію, забывая себя для общей пользы, изъ любви, служили ближнимъ, хотя-бы должны были и пострадать за нихъ.

Кто не имѣетъ въ себѣ подобныхъ убѣжденій, тотъ не долженъ брать на себя важную обязанность: служить для общей пользы, тотъ не можетъ быть государственнымъ человѣкомъ.

Сердце, какъ источникъ нравственныхъ побужденій, есть совокупность всѣхъ наслажденій и страданій. Существо безъ способности страдать есть существо безъ сердца. Чувства безкорыстія есть принадлежность абсолютной, божественной любви.

Человѣкъ сознаетъ въ себѣ не только источникъ дѣятельности, но и источникъ страданія; онъ проявляетъ чувство, а не одну лишь волю и мысль, которыя часто стоятъ въ противурѣчіи съ его чувствами и сознаетъ также, что оно хотя есть источникъ всѣхъ страданій и горестей, но въ тоже время, ощущаетъ его, какъ божественную силу и совершенство. Божественную сущность сердца добродѣтельный человѣкъ иногда выражаетъ въ жалобныхъ стонахъ пѣсни, въ слезахъ и благотворительныхъ поступкахъ.

Изъ наблюденій можно замѣтить, что всякое существо нравится самому себѣ, любитъ себя и любитъ по праву. Это общій естественный законъ природы. Слѣдовательно, нельзя упрекать человѣка вообще за его большую любовь къ себѣ, нежели къ другимъ, потому что это значитъ упрекать его за то, что онъ существуетъ. Кто удрученъ жизнію—тотъ нерѣдко убиваетъ себя.

Отвлеченное сердце есть источникъ многихъ чувствъ и страстей. Изъ него вытекаетъ состраданіе, человѣчность, честь, честолюбіе, дружба, зависть, злоба, мѣсть, соревнованіе, коварство, и тому подобныя чувства, и страсти, которыя, какъ побужденія человѣческаго организма, суть главныя пружины общественной его дѣятельности, подлежащія необходимому анализу Науки Бытія. До сихъ поръ естественныя науки намъ представляютъ мало фактовъ изслѣдованія этихъ предметовъ, именно съ этой точки зрѣнія, т. е. крови (матеріи), а потому и заставляютъ насъ ограничиться только сердцемъ,

предоставивъ это разработывать въ будущемъ физіологіи и психологіи.

Сердцу доступно только то, что происходитъ изъ сердца. Чувство, или побужденіе, физическое, проходящее чрезъ сердце, какъ чрезъ своего представителя, само по себѣ, что то темное, и потому, до тѣхъ поръ, пока не освѣтитъ его разумъ, и физіологическія научныя изысканія, оно будетъ являться человѣку чѣмъ то матеріальнымъ.

Находя истинное образованіе однимъ изъ главныхъ средствъ, къ достиженію духовнаго совершенства каждаго человѣка Идеальнаго Государства, ясно видимъ, что, не смотря на равенство роли сердца и ума, въ духовномъ началѣ человѣка, должно принять нравственность, или сердце, основаніемъ каждаго образованія. Что пользы въ знаніи безъ добраго и благороднаго сердца. Безъ него образованіе послужитъ скорѣе ко вреду.

Доброе и благородное сердце, и чистая совѣсть вообще, служатъ основаніемъ духовному началу человѣка Идеальнаго Государства, цѣлью правительства и первымъ предметомъ образованія, которымъ человѣкъ приближается къ своему идеалу, или совершенству.

Всѣ свойства отвлеченнаго сердца, человѣка Идеальнаго Государства, слагаются въ одну нравственную постоянную, неизмѣнную систему, не подлежащую прогрессу, которая состоитъ въ слѣдующемъ: дѣлать по возможности добро другимъ, и жертвовать для пользы ихъ, своими собственными выгодами, любить ближняго на столько, на сколько онъ заслуживаетъ, прощать врагамъ все зло, которое происходитъ отъ слабостей, присущихъ ихъ организаціи. Безъ добраго, благороднаго сердца и чистой совѣсти, нельзя совершить ничего не только великаго, но даже истинно полезнаго. Онѣ служатъ источникомъ всѣхъ похвальныхъ побужденій; безъ нихъ истинное образованіе, а слѣдовательно и совершенство недостижимы; безъ истинной нравственности, образованіе даетъ только лоскъ, и средства лучше скрывать свои предосудительныя побужденія страстей, и приводитъ еще къ худшему злу (*).

Умственный элементъ человѣка.

Другой элементъ духовнаго начала человѣка есть его умъ,

(*) См. Соврем. Военных. Искуств. Часть II, Психологія Идеальной арміи.

который повѣряетъ, сравниваетъ и освѣщаетъ всѣ ощущенія и впечатлѣнія внутренняго и внѣшняго міровъ, представляемые мозгу, чрезъ нервы, органами пяти чувствъ, что подало поводъ Бюхнеру заключить, что душа находится въ головномъ мозгу (*). Льюисъ открылъ широкій путь для новыхъ умозаключеній современной психологіи и философіи.

Онъ говоритъ: «что даже животныя, не имѣющія, головнаго мозга, способны къ процессамъ ощущенія и воли, что высшія животныя, когда головной мозгъ ихъ вырѣзанъ, дѣйствуютъ произвольно и обнаруживаютъ замѣтную приспособительность къ цѣли; что по этому трудно отличить дѣйствія произвольныя, отъ непроизвольныхъ, что въ существѣ онѣ одинаковы, и всѣ зависятъ отъ извѣстныхъ причинъ, а абсолютнаго произвола въ нихъ нѣтъ. Всѣ безпозвоночныя животныя, даже нѣкоторыя рыбы не имѣютъ мозга, однако ихъ нельзя назвать машинами, безъ всякой сознательности и ощущенія, въ ихъ дѣйствіяхъ обнаруживаются сообразительность, которая значитъ возможна и безъ головнато мозга».

«До сихъ поръ такія дѣйствія приписывали инстинкту, т. е. безсознательности, но инстинктъ, какъ случай есть одно изъ словъ, подъ которымъ люди сами отъ себя скрываютъ свое незнаніе, что дѣйствія пчелы или рака, обнаруживающія ощущеніе, память, способность изобрѣтать новые пріемы, при новыхъ обстоятельствахъ, не говоря уже о гнѣвѣ, желаніяхъ, о какомъ то необыкновенномъ способѣ взаимнаго сообщенія, что всѣ эти дѣйствія происходятъ отъ слѣпаго инстинкта, могло бы быть понятно, если-бъ мы знали, что такое инстинктъ; но намъ трудно понять, почему совершенно подобныя явленія приписываютъ разуму, когда ихъ представляютъ намъ собаки или обезьяны» (т. II, стр. 77).

Льюисъ положительно доказалъ подобную же сообразительность, и произволъ у низшихъ животныхъ, неимѣющихъ даже головнаго мозга, какъ и у животныхъ высшей организаціи. Онъ опровергнулъ всѣ выводы Флуранса,

---

(*) Но такое положеніе совершенно опровергается физіологическими опытами Льюиса. Онъ доказалъ, что сознаніе зависитъ точно также и отъ спиннаго мозга и отъ нервовъ, волокна коихъ наполнены такимъ же веществомъ какъ и мозгъ. Слѣдовательно, подобные факты заставляютъ нынѣ заключить, что душа, скорѣе, если она зависитъ отъ сознанія, находится вообще въ мозгу, нежели въ одномъ только головномъ.

извлеченные изъ опытовъ надъ курами, у которыхъ онъ вырѣзывалъ мозгъ и полагалъ, что куры, жившія послѣ того по нѣскольку даже лѣтъ, обнаруживали только дѣйствія механическія, рефлективныя По выводамъ Льюиса, животныя, лишенныя мозга, обнаруживаютъ произвольную, самостоятельную дѣятельность и сообразительность въ выборѣ средствъ, для достиженія цѣли Этому Льюисъ приводитъ опыты надъ лягушками, доказывающія убѣдительно его положенія (*).

И такъ, будемъ считать разумъ свойствомъ мозга, которымъ главнѣйшимъ только образомъ выражается духъ животнаго, но не тождественнымъ съ душей, потому что животныя живутъ безъ головы, головнаго мозга, и вовсе безъ мозга, отъ котораго зависитъ мысль.

Разумъ будемъ понимать не абсолютнымъ владыкою человѣка, потому что природа, какъ видимъ, противупоставила уму, какъ высшему, чисто-духовному элементу, зависящему отъ количества, качества и формы мозга, въ сердце человѣка, физическую природу, чѣмъ ограничило его произволъ, сдѣлавъ его ограниченною властью въ жизни.

Дѣятельность и сущность разсудка, при анализѣ человѣка Идеальнаго Государства, ускользаютъ отъ наблюденія, онѣ непостижимы; нѣтъ никакой возможности подмѣтить операціи какъ воли, такъ и мысли и таинственной сущности самопознанія; онѣ останутся навсегда загадкою изъ загадокъ.

Въ Идеальномъ Государствѣ, между человѣкомъ съ здравымъ умомъ и его противуположностью—идіотомъ, можно помѣстить всѣхъ людей, составляющихъ все государство, изъ которыхъ одни будутъ приближаться къ идеалу, а другіе отходить отъ него. Умъ съ глупостью, какъ свѣтъ со тьмою, сливается въ цѣпи человѣчества постепенно, такъ что трудно найдти границу между ними.

Тоже самое можно сказать объ человѣкѣ съ чистою совѣстію и его противуположностію, человѣкомъ съ злою со-

---

(*) Сколь ни основательны факты, приводимые Льюисомъ надъ животными, но ихъ, я полагаю нельзя примѣнить къ человѣку, потому что лягушка Льюиса жила съ отрѣзанной головой, съ вырѣзаннымъ мозгомъ и все таки оказывала цѣле—сообразныя дѣйствія, но съ человѣкомъ подобнаго опыта произвести нельзя,—онъ умретъ безъ головы, и не будетъ ничего сознавать безъ мозга, (органа мысли)—главнѣйшаго свойства души. Эти опыты доказываютъ только, что мозгъ не у всѣхъ животныхъ имѣетъ одинаковую степень важности въ свойствахъ духа, и не въ равной степени служитъ къ ея выраженію.

вѣстію,—и все это много зависитъ отъ количества мозга, отъ устройства органовъ, отъ крови, темперамента, тѣлосложенія, формы организма и т. п., т. е. отъ физическаго начала человѣка.

Изъ наблюденій надъ человѣкомъ, Идеальнаго Государства, ясно видно, что истина и справедливость служили основаніемъ всему, что произвела природа, въ его организмѣ.

Въ основу его жизни природа положила борьбу началъ и элементовъ, изъ коихъ онъ состоитъ. Жизнь не могла бы осуществиться, при равновѣсіи началъ, а потому, отнимая или умаляя одну какую нибудь физическую или духовную способность у человѣка, природа вознаградила его за нее другою. Наприм.: люди, лишенные отъ природы зрѣнія, надѣляются необыкновеннымъ слухомъ, или обоняніемъ или осязаніемъ и обратно; такъ точно и въ духовной природѣ человѣка, мы видимъ вознагражденіе ослабленныхъ или недостающихъ интеллектовъ

Человѣкъ съ плохою памятью, надѣляется развитымъ болѣе разсудкомъ и обратно.

Недостатокъ ума, почти всегда вознаграждается пропорціонально счастіемъ, которое играетъ въ жизни человѣка главную роль. Всѣмъ извѣстно, (разумѣется не безъ исключенія) что чѣмъ глупѣе человѣкъ, тѣмъ онъ имѣетъ болѣе задатковъ быть матеріально счастливѣе и самодовольнѣе. Это доказываетъ, что природа, при безконечномъ своемъ разнообразіи, справедлива, и вознаграждаетъ въ людяхъ недостающіе интеллекты другими, которые бываютъ иногда развиты до чрезвычайности. Наприм.: если у глупцовъ отнять ихъ удачи въ предпріятіяхъ, или счастіе, они не могли бы существовать; невозможность ихъ существованія безъ счастія очевидна, потому что ежели умный человѣкъ, умѣющій найдтится въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, которыя иногда собираются совершенно случайно и неожиданно, часто изнемогаетъ подъ бременемъ ихъ; то глупецъ, безъ счастія, въ такихъ же обстоятельствахъ, долженъ былъ бы погибнуть; но выходитъ всегда почти противное, Онъ часто, не понимая своего положенія, однимъ необдуманнымъ поступкомъ, вопреки здравому смыслу, разрываетъ, или разрубаетъ, какъ Гордіевъ узелъ, счастливо свое затруднительное положеніе, и выходитъ еще въ лучшемъ видѣ, нежели былъ прежде.

Кромѣ того, всѣ глупцы живутъ животною жизнію, пользуются прекраснымъ здоровьемъ и надѣляются хорошимъ желудкомъ, который у нихъ можно сравнить съ сакъ-де-

вояжъ, что въ него не положи онъ все вмѣщаетъ и все удобно переваривает. У нихъ физическое начало уже развивается на счетъ духовнаго. Они не знаютъ умственныхъ, усидчивыхъ занятій, за то не знаютъ и блаженства созерцательной жизни;—въ замѣнъ ея они пользуются счастіемъ здоровой жизни, и чрезвычайно довольны собою, у нихъ все идетъ ладно. Каждый человѣкъ Идеальнаго Государства отчасти доволенъ своимъ собственнымъ я, и своею личностью, на столько, на сколько удалось ему временно удовлетворить свои побужденія. Никакое существо, не можетъ отрицать себя, т. е. своей сущности, никакое существо не считаетъ себя ограниченнымъ: напротивъ, каждый человѣкъ, при постоянномъ желаніи лучшаго для самаго себя, кажется (только) самому себѣ геніемъ, и имѣетъ въ самомъ себѣ свое высшее существо. Но глупцы, въ этомъ отношеніи имѣютъ самолюбіе неизвинительное. Они считаютъ всѣхъ глупцами, а себя мудрецами.

Умный человѣкъ заранѣе видитъ грозящую ему неизбѣжную опасность, и, понимая ея послѣдствія, скрѣпя сердце, идетъ къ ней—значитъ онъ уже несчастливъ тѣмъ, что видитъ заранѣе свое бѣдствіе. Глупецъ, не видя и не понимая ничего, все время идетъ безпечнымъ, веселымъ до самой той минуты, когда его поразитъ несчастіе. Кто же изъ нихъ въ этомъ случаѣ въ выигрышѣ? Отъ таго то идіоты, не зная духовныхъ страданій, не знаютъ и радостей духовнаго міра, но они счастливы, какъ животныя: одной физической своей природой. Умному человѣку не пройдетъ даромъ, если бы онъ сдѣлалъ милліонную долю той глупости, которую дѣлаетъ идіотъ, на каждомъ шагу. Ограниченнымъ людямъ, глупости даже иногда служатъ еще къ ихъ благополучію. Изъ этаго и видимъ ясно, что хотя намъ и кажется, что мы надѣлены произволамъ, и можемъ, какъ будто, по своей волѣ, дѣлать и то и другое, а какъ разсмотримъ, по пристальнѣе, то увидимъ, что мать наша природа, своими непреложными законами, держитъ насъ на помочахъ, и ведетъ не туда куда намъ вздумется, а куда она предположила; т. е. требуетъ, чтобы наши желанія были согласны съ ея велѣніями. Такъ точно во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ человѣческой жизни, мы видимъ, что прямой путь ихъ есть сообразность съ природой, опять таже мать природа, которая для своихъ (невѣдомыхъ дла насъ) цѣлей, заставляетъ человѣка и людей часто дѣлать не то, что они желаютъ, а то, что ей угодно, наказывая иногда, очень строго, за неповиновеніе своихъ непослушныхъ дѣтей, ко-

торые хотятъ уклониться отъ ея благодѣтельныхъ, и вмѣстѣ непреложныхъ и неумолимыхъ законовъ.

Разсудокъ вообще есть ничто иное, какъ сама сущность. У разсудка нѣтъ никакихъ страданій, которыя замѣчаемъ у сердца и нѣтъ страстей, а по этому нѣтъ никакихъ недостатковъ и слабостей.

Ежели возмемъ мужчину Идеальнаго Государства съ здравымъ умомъ, котораго освободимъ отъ вліянія сердца, то увидимъ, что умъ его не имѣетъ ни въ чемъ нужды, и безпристрастностью своею подобится безсмертнымъ богамъ и не себя покоряетъ вещамъ, а вещи покоряетъ себѣ; у него все суета. Это и подобныя имъ выраженія суть мотивы абстрактныхъ идей разсудка. Разсудокъ безъ сердца есть сущность нейтральная, апатичная, неослѣпляемая ни чѣмъ, находящаяся въ человѣкѣ,—чистый безстрастный свѣтъ, мыслящая способнотсь (inteligeance).

Разсудокъ указываетъ человѣку слабости и недостатки въ самыхъ любимыхъ ему лицахъ, даже свои собственные. Потому онъ и становится въ такую мучительную борьбу съ собственнымъ сердцемъ, которое, по слабости своей, иногда препятствуетъ ему исполнять истинный, часто суровый свой приговоръ.

Разсудокъ человѣка есть выше—личная и неличная сила, собственно родовая его особенность, или сущность въ человѣкѣ, имѣющая отношеніе къ предметамъ общимъ, а сердце только къ частнымъ.

Разсудокъ есть сущность все условливающая и всепосредствующая, все поставляющая во взаимной связи и зависимости, потому что сама есть сущность непосредственная и безусловная. Разсудокъ доспрашивается до основанія всѣхъ вещей; потому что самъ въ себѣ имѣетъ свою цѣль и основаніе.

Только то, что не можетъ быть ни откуда выведено, можетъ само выводить, но на все другое, находящееся внѣ себя, смотрѣть какъ на произведеніе; равнымъ образомъ только то, что существуетъ для себя самаго, можетъ понимать всѣ остальные предметы какъ средства.

Разсудокъ такимъ образомъ есть оригинальная первая сущность, признакъ всякой дѣйствительности. То, что безсмысленно, что противорѣчитъ себѣ самому—есть ничто. Не разумнаго, не можетъ дѣлать всемогущество разсудка; не разумное происходитъ отъ того, что противныя ему побужденія сердца (представителя физической природы) въ борьбѣ съ разсудкомъ, оставляютъ на него болѣе или менѣе свое

вліяніе, а потому онъ и дѣлается ограниченнымъ владыкой человѣка и его природы. Здравый разсудокъ, взятый изолированно отъ сердца, самъ по себѣ, есть существо самостоятельное и независимое, потому, что зависимо, то не самостоятельно и не имѣетъ здраваго или ни какого разсудка. Если мы у человѣка Идеальнаго Государства отнимемъ разсудокъ онъ въ то же мгновеніе теряетъ и волю.

Человѣкъ безъ разсудка позволяетъ обольщать себя, ослѣплять, пользоваться собою другимъ, какъ средствомъ, потому что не имѣетъ въ своей волѣ самодѣльной дѣятельности.

Тотъ только, кто здраво мыслитъ,—свободенъ и самостоятеленъ. Только посредствомъ своего разсудка, человѣкъ посвоему произволу дѣлаетъ, находящіяся внѣ его существа, простымъ средствомъ для своего существованія. Вообще самостоятельно и независимо только то, что служитъ себѣ самому цѣлію и предметомъ. Что составляетъ для себя самого цѣль и предметъ, то уже субъэктъ, то уже не можетъ быть средствомъ и предметомъ для другаго существа. Однимъ словомъ отсутствіе разсудка есть бытіе для другихъ, а разсудокъ бытіе для себя. А что существуетъ для *себя самаго*, а не для другихъ, то отвергаетъ отъ себя зависимость (*).

Конечно, человѣкъ Идеальнаго Государства, какъ существо физическое, и въ самой моментъ мышленія, зависитъ отъ существъ, находящихся внѣ его, но на сколько онъ мыслитъ въ дѣятельности разсудочной, на столько онъ дѣлается независимъ въ своей мысли ни отъ какого существа. Дѣятельность мысли есть *самодѣятельность*.

«Если я мыслю, то знаю, что во мнѣ мыслитъ *мое я*, *а не какая нибудь другая вещь*. Я заключаю такимъ образомъ, что эта мысль, находящаяся во мнѣ, не принадлежитъ другой вещи, находящейся внѣ меня, а самому мнѣ, что я слѣдовательно есть субстанція, то есть, что я *существую для себя самаго*, не будучи предикатомъ другой вещи.» (**)

Разсудокъ есть такое существо, которое все дѣлаетъ предметомъ своего употребленія, самъ не дѣлаясь имъ никогда; онъ только есть существо, наслаждающееся самимъ собою, самодовольствующееся, которое никогда не можетъ быть

(*) Слѣдовательно, только совершенно здравый умъ и вполнѣ развитая цивилизація могутъ требовать абсолютной свободы. Сознавая возрастъ и зрѣлость человѣка и общества, степень ихъ образованія можно безошибочно опредѣлить въ какой степени они могутъ пользоваться свободой.

(**) Кантъ глава I стр. 80.

низведено до степени (объэкта) предмета, потому что объемлетъ всѣ предметы и самъ, при твердой волѣ, можетъ быть свободенъ отъ всѣхъ вещей.

Разсудокъ однакоже подчиняется физическому началу только при своей слабости, когда она преобладаетъ и сильнѣе его.

Зависимо то, что имѣетъ свою сущность не въ себѣ самомъ, а внѣ себя; самостоятельно то, что имѣетъ сущность въ самомъ себѣ.

Вотъ почему жизнь несовершеннаго существа, есть борьба между бытіемъ зависимымъ и самостоятельнымъ, — человѣкъ Идеальнаго Государства подверженъ этой борьбѣ, потому, что сущность его находится сколько въ немъ самомъ, столько же и внѣ его, а потому и разсудокъ его мы будемъ понимать самостоятельнымъ, свободнымъ отъ противорѣчій жизни и согласнымъ существомъ съ самимъ собою на столько, на сколько можетъ быть совершенна человѣческая природа, при возможной степени цивилизаціи.

Единство разсудка есть единство природы. Для разсудка сознаніе своего единства и универсальности существенно; онъ самъ есть не что иное, какъ сознаніе себя. Для разсудка невозможно мыслить, чтобы то, что противорѣчитъ себѣ, что безсмысленно, когда нибудь было бы истинно, и на оборотъ, чтобы истинно — разумное гдѣ нибудь было ложно и не разумно; разсудокъ (принимая человѣчество за цѣлое), какъ родовое понятіе, есть существо безконечное. Безконечность его соединена съ единствомъ, конечность, какъ видовое его понятіе, присущее каждой индивидуальности, соединена съ множествомъ. Еслибъ небыло никакого разума, тогда все было бы ни что, бытіе равнялось бы не бытію,— была бы глупость, слѣдовательно потому существуетъ міръ, что было бы безсмысліе въ небытіи его.

Въ безсмысліи его небытія, мы находимъ великій смыслъ его бытія, одно бытіе лишь имѣетъ цѣль, смыслъ и основаніе; бытіе есть потому, что бытіе есть разумъ и истина, бытіе есть безусловная потребность и необходимость, свойство самой природы. Что значила бы вся красота міра безъ свѣта, что внѣшній свѣтъ безъ внутренняго; разумъ есть необходимѣйшее существо, глубочайшая и существеннѣйшая потребность. Разумъ есть самосознаніе бытія, самосознающее бытіе, въ немъ открывается смыслъ, и цѣль бытія; что само по себѣ сильно, то всемогуще еще болѣе; разсудокъ есть абсолютное безразличіе и тождество всѣхъ предметовъ и существъ. Разумность есть не что иное какъ

необходимость. Природа разумна потому, что въ ней все необходимость. Бюхнеръ говоритъ: «Природа разумна, потому, что въ ней все есть необходимое, слѣдствіе предыдущаго.» Вотъ почему духъ нашъ не можетъ пріобрѣсти никакого знанія изъ однѣхъ обсолютныхъ идей, а познаетъ все изъ наблюденій окружающей его природы.

Первымъ помощникомъ уму служитъ память. Какъ низагадочно явленіе памяти, одну ее можно объяснить также продуктомъ извѣстнаго сочетанія матеріальныхъ частицъ (*). Въ человѣкѣ, какъ въ болѣе разумномъ существѣ, органическія эти элементы соединяются въ болѣе сложныя и до безконечности разнообразныя формы, нежели во всѣхъ прочихъ существахъ, а въ особенности въ тѣлахъ неорганическихъ; это служитъ причиною, почему органическія насъ интересуютъ и поражаютъ болѣе нежели неорганическія. Эрстедтъ говоритъ: «лучшее доказательство, что законы природы въ тоже время и законы разума, состоятъ въ томъ, что посредствомъ мышленія, мы отъ однихъ законовъ можемъ дѣлать заключеніе о другихъ, существованіе которыхъ дѣйствительно подтверждается опытомъ и на оборотъ: всякій разъ, когда мы не видимъ въ природѣ оправданія нашихъ доводовъ, мы находимъ ошибку въ процессѣ нашего мышленія».

Основныя качества разсудка и свойства, или интелекты души суть: знаніе, понятіе, мысль и сознаніе, а потому мы ихъ разсмотримъ, какъ главныя способности разсудка, безъ которыхъ онъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ мы привыкли его понимать, составляющія всю его сущность.

Понятіе, познаніе, мысль и сознаніе.

Животное познаетъ предметы какъ и человѣкъ, по впечатлѣніямъ, посредствомъ нервной системы, которая распредѣлена въ цѣломъ организмѣ, и болѣе открыта въ органахъ пяти чувствъ, принимающихъ впечатлѣнія предметовъ внѣшняго міра. Впечатлѣнія, переходя въ нервные центры, дѣлаются ощущеніями, а ощущенія въ мозгу вырабатываются въ понятія, въ познанія, въ мысли, въ сознаніе, въ душев-

(*) Ни одна изъ душевныхъ способностей не страдаетъ столько при пораженіи мозга, какъ память. Бюхнеръ говоритъ: «Извѣстны послѣдствія страданій мозга, отъ внѣшнихъ ли поврежденій его, или отъ внутреннихъ болѣзней, которыя состоятъ именно въ ослабленіи памяти. Мало того, что съ потерею нѣкоторыхъ только частей раненые въ голову теряли и воспоминаніе о нѣкоторыхъ годахъ или періодахъ жизни. Въ старчествѣ, какъ извѣстно, человѣкъ совсемъ лишается памяти.

ныя движенія и т. д. По Льюису ощущенія бываютъ чувственныя и системныя. Чувственныя ощущенія, передаваемыя органами пяти чувствъ, можно считать, въ нѣкоторой мѣрѣ, *безличными*, потому что посредствомъ ихъ животное входитъ въ соотношеніе съ внѣшнимъ міромъ, но не съ собственнымъ бытіемъ, т. е, не съ *я*. Системные же, напротивъ, *личны*, потому что приводятъ насъ въ сознательное сообщеніе съ тѣмъ, что происходитъ въ самомъ животномъ. Вотъ почему разумъ, и духовныя движенія должно считать безличными, потому что первыя и вторыя проявляютъ себя отъ ощущеній, производимыхъ предметами внѣшняго міра, передаваемые органами пяти чувствъ. Умственные процессы не мыслимы, безъ внѣшняго міра потому, что когда человѣкъ даже размышляетъ о своихъ собственныхъ чувствахъ, то онъ ихъ разсматриваетъ какъ нѣчто отдѣльное отъ себя, Вотъ по чему, основываясь на выводахъ Льюиса, можно провести рѣзкую черту между внѣшними чувственными ощущеніями, получаемыми черезъ органы пяти чувствъ, и внутренними, системными ощущеніями, которыя также рѣзко розграничиваютъ впечатлѣнія, возникающія отъ чувственныхъ и позывами, или инстинктами, происходящими отъ внутреннихъ ощущеній и впечатлѣній. Это раздѣленіе ощущеній даетъ различныя формы чувствительности, которыя принято называть мыслями и душевными движеніями. Впечатлѣнія и представленія животнаго вытекаютъ изъ ощущеній, и въ основѣ всякаго умственнаго процесса лежитъ ощущеніе. Вотъ по чему Льюисъ говоритъ: «Я по этому считаю себя вправѣ разсматривать мышленіе, какъ ту форму мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями мозга къ узламъ спеціальныхъ чувствъ. Точно также, душевныя движенія можно разсматривать, какъ ту форму мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями съ узлами внутреннихъ ощущеній». (Т. II стр. 97). Въ сознаніи должна выражаться цѣлесообразность дѣйствій. Сознаніе можно сравнить съ искусствомъ употреблять и совершать только тѣ дѣйствія, которыя соотвѣтствуютъ нашей цѣли. Какъ понятіе, такъ и цѣлесообразность, по выводамъ Льюиса, не даются намъ отъ природы, а пріобрѣтаются опытомъ всей жизни, исподоволь. Напримѣръ, кажущіяся, какъ бы инстинктивныя движенія, которыя производитъ животное, чтобы избавиться отъ боли, только кажутся намъ непроизвольными, инстинктивными, какъ бы внушенными природой, но въ сущности онѣ производятся соз-

наніемъ и цѣлесообразностію. Если вникнемъ пристальнѣе въ жизнь животнаго и прослѣдимъ ее, то увидимъ, что онъ съ раннихъ лѣтъ, при боли или непріятныхъ положеніяхъ тѣла, силится, положимъ, какими попало, непроизвольными движеніями и дѣйствіями избавиться отъ боли и случайно попадаетъ на такое, которое избавляетъ его отъ непріятнаго положенія. Это свое движеніе и дѣйствіе животное замѣчаетъ, и повторенными постоянными опытами у него устанавливается, между этимъ опредѣленнымъ движеніемъ и ощущеніемъ боли, отношеніе, которое и усвоивается исподоволь и входитъ какъ бы въ его природу, Въ доказательство пріобрѣтаемой съ колыбели опытности человѣкомъ и какимъ образомъ произвольныя движенія переходятъ въ цѣлесообразныя Льюисъ приводитъ убѣдительные примѣры Онъ беретъ младенца, потомъ дитя и слѣдитъ всѣ ихъ движенія.

Сознаніе есть характеристическій признакъ сущности, оно соразмѣряется сообразно съ совершенствомъ существа. — Самое тщеславіе человѣческое подтверждаетъ эту истину.

Въ отношеніе къ другимъ предметамъ, человѣкъ сознаетъ себя самаго въ предметѣ; сознаніе предмета есть *самосознаніе* человѣка. Въ томъ, что, животное видитъ предметы, и какъ ихъ видитъ проявляется его собственная сущность. Животное имѣетъ болѣе ограниченный кругъ дѣйствій, нежели человѣкъ, разсудныя идеи животнаго вращаются только около практической пользы, относящейся къ жизни на столько, на сколько совершенъ его организмъ. Между тѣмъ человѣкъ, какъ совершеннѣйшее изъ всѣхъ животныхъ, по своей организаціи, принимая впечатлѣнія отъ окружающей его среды, имѣетъ кромѣ радостей, горя и впечатленій, относящихся къ практической пользѣ, еще какъ-бы чистыя, разсудныя идеи, но которыя все таки должны предполагать также выгоду,—иначе онѣ безполезны. Только одинъ человѣкъ способенъ наслаждаться теоретическимъ созерцаніемъ. Червякъ, живущій и оканчивающій жизнь на листкѣ растенія, имѣетъ ограниченное сознаніе опредѣленнымъ видомъ этого растенія, т. е. ограниченною средою, въ которой существуетъ.

Онъ различаетъ, конечно, сознательно это растеніе отъ другаго, но больше ничего не знаетъ.

Такое ограниченное, и вслѣдствіе этой ограниченности, не ошибающееся сознаніе, называли прежде инстинктомъ, но оно тоже сознаніе

Сознаніе у людей утверждаетъ различіе бытія отъ не-

бытія. Въ сознаніи прежде всего открывается достоинство бытія и значеніе природы,

Человѣкъ не можетъ мыслить себя безъ сознанія себя.

Сознаніе человѣка Идеальнаго Государства зависитъ отъ понятій, а понятія отъ большихъ или меньшихъ познаній, выражающихъ собою образованіе, которое зависитъ отъ развитія ума и сердца. Дѣйствительность его ума, какъ образованнаго человѣка, стремится къ истинѣ, а сердца къ добру, что и должно составлять предметъ нравственной философіи и цѣль жизни каждаго человѣка, какъ половины атома, или звена всей цѣпи человѣчества, сообразно его назначенію.

Высшая степень сознанія есть существенное отличіе человѣка отъ животныхъ; оно заключается въ болѣе совершенной его природѣ.

Человѣкъ сознаетъ *что нибудь* потому, что оно существуетъ.

Еслибъ это *что нибудь* не существовало, было бы *ни что* человѣкъ мыслитъ себя, какъ существо самосознающее.

Природа и матерія не могутъ выходить изъ понятія, напротивъ онѣ служатъ основаніемъ для понятія личности; сознаніе можетъ развиваться только при посредствѣ внѣшняго міра. Оргесъ сказалъ: «*Для діалектика міръ есть понятіе, для дилетанта образъ, для фанатика сонъ, для естествоиспытателя истина*», а истину мы можемъ только сознавать. Эрстедъ, предполагаетъ тождество законовъ природы съ законами разума и справедливо утверждаетъ: что общая дѣятельность разума и законовъ природы предполагаютъ также основное сходство способностей пониманія во всемъ мірѣ (*).

Исторія доказываетъ намъ крайнюю погрѣшность самопознанія со стороны истины, между тѣмъ какъ со стороны факта оно не погрѣшимо. Сознаніе и сужденіе, вмѣстѣ взятыя, не могутъ быть вѣрны, потому что сужденіе, часто бываетъ ошибочно. Сознаніе только можетъ относиться къ настоящему факту, но ни какъ не къ будущему, тогда оно переходитъ уже въ сужденіе.

(*) По мнѣнію Лока самопознаніе есть воспріятіе того, что происходитъ въ собственномъ умѣ человѣка. Бровнъ (Brown) не признаетъ самопознаніе за способность. Рейдъ (Reid) низвелъ сознаніе на степень отдѣльной способности. Кузенъ считаетъ самопознаніе явленіемъ сложнымъ и говоритъ, что «самопознаніе есть необходимое условіе ума». (Hist. de la Philosophie. II serie, vol I p. 131) Вопросъ о самопознаніи запутывается въ современныхъ понятіяхъ признаніемъ двойнаго самосознанія.

Для объясненія какимъ образомъ впечатлѣніе, переходитъ въ ощущеніе, въ мысль и въ сознаніе лучше всего обратиться къ помощи физіологіи. Льюисъ это объясняетъ слѣдующимъ образомъ: онъ говоритъ:» имѣть ощущенія и сознавать ощущенія одно и тоже. А имѣть ощущенія и знать, что мы ихъ имѣемъ,—двѣ вещи розныя. Знаніе не возможно безъ сознательности, но сознательность можетъ существовать безъ знанія и часто существуетъ.» (Т. II стр. 40).

«Вниманіе не творитъ ощущенія. Все, что можетъ сдѣлать вниманіе—это отдѣлить одно ощущеніе отъ множества другихъ одновременныхъ съ ними ощущеній: мало того, можно еще спросить: самое то вниманіе не есть ли оно выдѣленіе одного ощущенія изъ множества другихъ? Только тогда какое нибудь ощущеніе можетъ до такой степени остановить на себѣ наше вниманіе, что мы его замѣтимъ когда оно будетъ выдѣлено изъ множества одновременныхъ ощущеній». Этому выводу Льюисъ приводитъ убѣдительные примѣры, какъ факты, изъ физіологическихъ своихъ изслѣдованій. Раздѣляя мнѣнія глубокаго мыслителя, можно не согласиться съ нимъ только въ одномъ, что бы *имѣть ощущеніе и сознавать его было бы одно и тоже,* потому что какъ бы не былъ быстръ и недоступенъ нашему пониманію переходъ отъ ощущенія къ сознанію, но все таки онъ существуетъ, потому что сознаніе должно быть слѣдствіемъ, или результатомъ ощущенія, т. е. не однимъ и тѣмъ же. Онѣ могутъ въ нашемъ понятіи сливаться, происходить, можетъ быть, въ однихъ и тѣхъ же нервныхъ центрахъ, но существенно отличаться. Съ понятіемъ объ ощущеніи связывается физическій, матеріальный предметъ, а сознаніе есть чисто отвлеченное понятіе, изъ области духовнаго міра животнаго, которое уже испытало ощущеніе.

Льюисъ говоритъ далѣе: «ежедневный опытъ каждаго изъ насъ убѣждаетъ въ томъ, что кромѣ всѣхъ частныхъ ощущеній, которыя могутъ быть раздѣльно замѣчены, есть еще общій потокъ ощущеній, который составляетъ *чувство бытія, сознаніе самаго себя, какъ чувствующаго существа.* Избытокъ энергіи, которая кипитъ въ насъ по временамъ и тяжелая тоска, которая гнететъ насъ въ другое время и дѣлаетъ жизнь бременемъ, почти невыносимымъ, все это чувствованія, которыя не могутъ быть отнесены ни къ одному частному ощущенію, появляются какъ слѣдствія обширной, хотя и темной чувствительности нашихъ внутреннихъ органовъ, изъ которой проистекаетъ такая важная

часть общаго потока ощущеній. Мы можемъ чувствовать біеніе сердца, движеніе кишекъ, можетъ чувствовать, что происходитъ выдѣленіе жидкостей изъ железокъ, все что въ дѣятельности этихъ органовъ совершается *необыкновеннымъ образомъ*—привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе. . . .»

«Когда мы сидимъ у окна и смотримъ на деревья и на небо, то до такой степени бываемъ заняты образами и звуками внѣшняго міра, что не удѣляемъ ни малѣйшей частицы вниманія тому факту, что мы сами существуемъ; а между тѣмъ, въ продолженіи этого времени, органическіе процессы, совершающіяся внутри насъ, производятъ цѣлую массу широкихъ ощущеній; мы и замѣтимъ ихъ, если закроемъ глаза, заткнемъ уши и удалимъ отъ себя всѣ впечатлѣнія, осязанія и температуры и т. д. Отъ этого общаго теченія ощущеній зависятъ тѣ состоянія нашего сознанія, которыя хорошо извѣстны всякому и которыя обозначаются словами *чувствовать себя хорошо* или *чувствовать себя дурно, le bien être* или *malaise* каждаго дня. Изъ двухъ человѣкъ, смотрящихъ въ одно и тоже окно, на одинъ и тотъ же пейзажъ, одинъ будетъ чувствовать не выразимую тоску, будетъ желать покоя, могилы, въ душѣ другаго будетъ разлита ясность и довольство. Общее сознаніе одного образуетъ мрачный фонъ, въ который, такъ сказать, погружаются ощущенія, возбуждаемыя пейзажемъ, другаго общее сознаніе образуетъ веселый фонъ, на которомъ ощущенія играютъ, какъ играетъ волна на поверхности озера, освѣщеннаго лучами солнца. Характеръ чувствованій каждаго человѣка опредѣляется состояніемъ общей его сознательности.» (Т. II стр., 55, 56 и 57).

Это то безчисленное множество разнородныхъ ощущеній, совершающихся въ данную минуту, въ физіологическомъ отношеніи, и производятъ сознаніе, какъ доказываетъ Льюисъ. Онъ говоритъ: «всякое возбужденіе нервнаго центра производитъ ощущеніе; общая сумма этихъ ощущеній составляетъ общее сознаніе, или *чувство бытія, чувство того, что мы существуемъ*. . . . . Льюисъ остроумно сравниваетъ общее сознаніе съ дневнымъ свѣтомъ, онъ говоритъ: «Когда небо покрыто облаками, мы не замѣчаемъ, чтобы солнечные лучи играли между листьями, а между тѣмъ эти то лучи и дѣлаютъ то, что и листья и другіе предметы видимы для насъ. Солнце производитъ общее освѣщеніе, но мы рѣдко обращаемъ на него вниманіе; вниманіе наше обыкновенно бываетъ обращено на предметы, освѣщеніе которыхъ ярче или темнѣе этаго общаго тона.

Есть нѣчто сходное съ этимъ въ общемъ сознаніи, которое слагается и зо всѣхъ ощущеній, возбуждаемыхъ въ насъ непрерывнымъ дѣйствіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ стимуловъ.»

«Оно, такъ сказать, составляетъ дневной свѣтъ нашего существованія. Обыкновенно мы не замѣчаемъ его, потому, что вниманіе наше привлечено тѣми частными ощущеніями, пріятными или не пріятными, имѣющими большую или меньшую степень напряженности, которыя пріобрѣтаютъ перевѣсъ надъ множествомъ другихъ одновременныхъ ощущеній. Сознаніе, въ общемъ смыслѣ, эта общая сумма всѣхъ нашихъ чувствованій, стеченіе многихъ потоковъ ощущеній. Сознательность въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, это другое названіе чувствительности, смотря потому сколько различныхъ родовъ ощущеній.»

До сихъ поръ ни кто еще не выводилъ единство сознательности изъ единства нервной системы; физіологія, философія и всѣ науки воспользуются такимъ открытіемъ великаго общаго нашего современнаго физіолога и мыслителя. Льюисъ формулируетъ явленія сознанія такъ: 1) системная сознательность 2) сознательность чувства и 3) сознательность мысли. Къ системной сознательности онъ относитъ всѣ тѣ ощущенія, которыя возникаютъ въ цѣлой системѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе органическихъ процессовъ и составляютъ элементы *чувствъ бытія*. Существованіе этой сознательности онъ признаетъ у всѣхъ животныхъ, вопреки мнѣнію Декарта, который отвергалъ у простѣйшихъ животныхъ сознаніе. Не смотря на то, Льюисъ признаетъ; что каждое животное можетъ чувствовать, но не выводитъ изъ этого, чтобы оно могло мыслить, потому, что мышленіе есть результатъ организаціи болѣе сложной, чѣмъ та, которая принадлежитъ каждому животному, но способность сознавать онъ признаетъ свойственною каждому животному.

Мнѣ кажется, что сознавать безъ мысли нельзя. Чтобы сознать какой нибудь предметъ, надо прежде представить себѣ его свойство и качество, полезное или вредное ихъ вліяніе, получить объ немъ прежде понятіе чрезъ сравненіе съ другими предметами, что должно въ каждомъ животномъ привести прежде процессъ мышленія и потомъ уже перейдти въ сознаніе. Положимъ, что этотъ процессъ, по быстротѣ своей иногда можетъ быть неуловимъ для наблюденія, но по здравому смыслу онъ долженъ совершиться прежде сознанія. Въ этомъ нельзя согласиться съ почтеннымъ физіологомъ, а предоставить вопросъ полемикѣ бу-

дущихъ изслѣдователей задачи о жизни. Если мы допускаемъ животнымъ низшаго разряда, какъ имѣющимъ нервную систему, которая передаетъ впечатлѣнія, производящія въ ихъ организмѣ ощущенія, — сознаніе, то должно допустить и способность мышленія, какое бы оно ни было, потому что сознаніе безъ мышленія не мыслимо. Льюисъ ниже говоритъ: «Если мы не хотимъ отказаться отъ науки, то мы должны согласиться, что всѣ животныя сознаютъ (имѣютъ ощущенія), хотя не каждое изъ нихъ обладаетъ всѣми формами сознательности. Есть между животными такія, которыя имѣютъ системныя ощущенія, но не одарены чувствами, т. е. зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ (*). Есть другія, животныя, которыя имѣютъ системныя ощущенія чувствъ, но у которыхъ мало, или совсѣмъ нѣтъ того, что называется мыслію (**). Все это зависитъ отъ сложности организаціи. 2.) *Сознательность чувства.* Къ этому классу относятся тѣ ощущенія, которыя получаются черезъ посредство органовъ пяти чувствъ . . . 3.) *Сознательность мысли,* по понятіямъ Льюиса, есть третій и послѣдній классъ. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ явленія и душевныя движенія, которыми занимается психологія; все что можетъ сдѣлать физіологъ—это указать отношеніе, въ которомъ они состоятъ къ низшимъ формамъ сознательности и спеціальные органы нервной системы, которые служатъ для совершенія ихъ.

Въ этомъ взглядѣ Льюиса очевидно то, что онъ высшую способность души, или разумъ считаетъ сознательностью мысли, вотъ почему вѣроятно онъ, у животныхъ низшей организаціи, признавая сознаніе, отвергаетъ способность мыслить .Впрочемъ, онъ самъ нѣсколько объясняетъ свои выраженія, говоря: «что я избралъ, терминъ, правда, не совсѣмъ ловкій: *сознательность мысли,* для таго, чтобы указать на основную связь этихъ явленій съ другими формами чувствительности и въ тоже время показать спеціальность этихъ явленій.»

(*) Недостатокъ органовъ чувствъ не отрицаетъ способности мыслить. Мы знаемъ слѣпыхъ и глухихъ разомъ, которые умнѣе гораздо зрячихъ. Слѣдовательно, пріобрѣтая впечатленія всей нервной системой, черезъ другія органы чувствъ, они получаютъ способности ощущать, мыслить и сознавать.

(**) Мы встрѣчаемъ даже людей съ малою способностію мыслить, похожихъ на животныхъ съ высшей организаціей, но все таки это недоказываетъ основной идеи, чтобы можно было сознавать безъ мысли. Животное можетъ имѣть малую способность мыслить и въ такой же мѣрѣ и сознавать полезность и вредъ отъ предмета, производящаго впечатлѣніе на его нервы.

«Что такое мысль — этаго мы можетъ быть никогда не узнаемъ но (покрайней-мѣрѣ будемъ ее опредѣлять приблизительно). Мы не знаемъ также, что такое жизнь; но царство таинственности можеть быть превращено въ царство таинствъ подчиненныхъ законовъ. (Т. II стр. 12, 63, 64, и 65).

Идея сколько принадлежитъ каждой личности, столько она есть достояніе всего человѣчества и пріобрѣтается долгой и упорной борьбой.

Понятія о ширинѣ, высотѣ, глубинѣ, и. т. п. составились у человѣка Идеальнаго Государства въ слѣдствіе опыта, который передали ему его внѣшнія чувства.

Понятія объ отвлеченныхъ предметахъ, въ наукахъ даже о числахъ въ математикѣ составились, какъ произвольныя выраженія представленій, о вещественныхъ предметахъ видимаго міра и изъ отношеній; безъ этихъ отношеній были бы невозможны математическія законы. Бюхнеръ говоритъ: «всѣ умствованія, какъ скоро онѣ отрѣшатся отъ фактовъ, или отъ вещественныхъ предметовъ, становятся непонятными, мы не можемъ составить ни одного отвлеченнаго понятія, не припоминая при этомъ знакомаго образа или происшествія.»

Такъ точно и умственныя понятія суть слѣдствіе постепеннаго развитія. Природа, развиваясь сама изъ себя, развиваетъ и свои свойства, не зная ни какихъ другихъ законовъ, кромѣ тѣмъ, которые заключаются въ ней самой. Малешотъ говоритъ: «обыкновенно въ школѣ живымъ умомъ дѣтей трудно достается понятіе о мысли, потому что учителя не хотятъ понять того, что это понятіе необходимо должно выводить изъ насущной дѣйствительности. Чѣмъ труднѣе достается такое понятіе о мысли дѣтямъ, тѣмъ ревностнѣе стараются учителя внушить ученикамъ, что они должны оторваться отъ земнаго дерева, отвлечь себя отъ матеріи, чтобы составить совершенно отвлеченныя понятія, при которыхъ утомленный мозгъ блуждаетъ въ заоблачномъ мірѣ.»

«Крамеръ говоритъ: взглядъ на исторію цивилизаціи народовъ показываетъ намъ, что во всѣ времена понятія о добродѣтели, правѣ, и Богѣ были чрезвычайно различны.»

Оправдывая и порицая дѣла себѣ подобныхъ людей человѣкъ доходитъ до сознанія добра и зла, но, сознавая добро и зло, онъ все-таки можетъ быть добрымъ или злымъ человѣкомъ.

Бюхнеръ, опровергая Либиха и идеальную философію, за

предположеніе, что идея (зла или добра) входитъ неизвѣстно откуда, говоритъ: «если бы понятія объ истинѣ, благѣ и красотѣ были врожденныя, то онѣ у всѣхъ были бы одинаковы, но мы видимъ, что понятія эти чрезвычайно не сходны между собою и въ разныя времена и у разныхъ народовъ, доходили до діаметральной противуположности, которая, можетъ быть, только объяснена различіемъ внѣшнихъ впечатлѣній.»

Не отвергая вліянія на человѣка разнообразныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, скажу, что встрѣчаемъ очень часто не только дѣтей, но даже людей, выросшихъ, воспитанныхъ и образовавшихся въ одной и тойже средѣ, совершенно съ противуположными наклонностями.

Только тѣ впечатлѣнія принимаетъ человѣкъ, къ которымъ болѣе или менѣе расположенъ его организмъ. Напримѣръ: положимъ если бы въ природѣ была равная доля добрыхъ и злыхъ впечатлѣній, то человѣкъ, котораго организмъ созданъ болѣе съ злыми зачатками, будетъ принимать болѣе злаго и менѣе добраго и на оборотъ, потому что онъ собою, для внѣшняго міра, представляетъ семя, способное принять изъ почвы то или другое, смотря потому какая почва, что преобладаетъ въ ней и какія семена она способна удержать и взлелеять. Вотъ почему я готовъ утвердительно сказать, что прирожденныхъ понятій не существуетъ и быть не можетъ, но извѣстная доля зла и добра кладется природой уже въ зародышъ человѣческаго организма, который, какъ семя, принимаетъ и развиваетъ только то, что ему соотвѣтствуетъ.

Мнѣніе Бюхнера, что: еслибъ понятія человѣка были прирождены, то онѣ были бы совершенно одинаковы у всѣхъ людей,—несправедливо, потому что какъ бы не были зародыши малы, а нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ различный, самобытный характеръ, потому что природа безконечно разнообразна (*).

(*) Проѣзжая однажды, я встрѣтилъ на почтовой станціи двухъ мальчиковъ, близнецовъ, лѣтъ 4-хъ, которые выросли въ одной средѣ и получили однѣ и тѣже понятія, отъ одной и той же матери. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ голубя и съ видимымъ удовольствіемъ разпарывалъ ему животъ гвоздемъ и любовался какъ струилась по его рукамъ кровь, а другой, братъ его, въ тоже время, со слезами умолялъ его прекратить свое злодѣйство. Что же тутъ могли сдѣлать одинаковыя внѣшнія впечатлѣнія. Ежели бы небыло врожденной причины, т. е. различныхъ условій въ ихъ организмахъ. Нѣтъ, по моему, если кто родится злодѣемъ, тотъ имъ и останется цѣлую жизнь какое хотите дайте ему воспитаніе и образованіе, въ какую не поставьте среду, но если онъ не истинно добрый человѣкъ; то онѣ дадутъ ему

Если въ обществѣ людей Идеальнаго Государства мы находимъ сознательные, общіе нравственные законы, то причину ихъ должны искать въ опредѣленной формѣ тѣхъ обычаевъ, которые образовались изъ господствующихъ понятій, считающихся въ обществѣ необходимыми, для самосохраненія, какъ общественнаго такъ и личнаго интереса каждаго индивидуума, и которые сложились сообразно быту, зависящему отъ земнаго пояса и укрѣпились временемъ, но надо сказать, что эти обычаи и понятія не только въ каждомъ государствѣ, но въ каждомъ народѣ, племени, даже въ каждой провинціи могутъ быть различны («что городъ то норовъ») и законы этихъ понятій и обычаевъ зависятъ отъ духа времени, образованія, земнаго пояса, зрѣлости государства и отъ среды, въ которой существуетъ народъ. Напримѣръ: язычество прославляло, какъ самую высшую добродѣтель,— месть, а христіянство проповѣдуетъ братство.

У Римлянъ истребленіе плода въ женщинѣ не считалось безнравственнымъ, а у насъ считается это преступленіемъ. Общество часто клеймитъ позоромъ то, что въ сущности нравственно и похвально, и не разъ бывали причиной самыхъ ужасныхъ гоненій на тѣхъ, кто заявлялъ идеи, противныя общественному мнѣнію.

Возмемъ для примѣра различныя секты нашихъ раскольниковъ, какія страшныя, извращенныя понятія найдемъ у нихъ. У народовъ, даже находящихся на высшей степени цивилизаціи, чувства собственности, какъ извѣстно, не принадлежатъ къ добродѣтели.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ: что сознаніе зависитъ отъ двухъ причинъ, внѣшней и внутренней: первая — среды, въ которой живетъ общество и человѣкъ, вторая заключается въ особенностяхъ каждаго организма, способнаго принять и развить только тѣ понятія, которыя сродны ему. Изъ этого и выходитъ различіе нравственности, зависящей отъ двухъ противуположныхъ началъ: внутренняго и внѣшняго, дѣлящихъ нравственность человѣка на двѣ части; одной, которою предписываютъ

только лоскъ и средства лучше скрывать свои предосудительные поступки, но онъ будетъ все таки злодѣй, только образованный. Что и видимъ постоянно даже въ высшемъ обществѣ, переполненномъ приличіями свѣта, множество образованныхъ людей съ самымъ лучшимъ, по современнымъ понятіямъ, воспитаніемъ. Еслибъ возможно было пріобрѣсти другія понятія, нежели тѣ, которыя человѣкъ долженъ принять въ себя, какъ сѣмя, на свойственную почву, то можно было бы образовать изъ барса овцу, изъ горлицы коршуна, изъ злодѣя добродѣтельнаго человѣка. См. Совр. воен. Искус. Часть II. Психологія арміи.

гражданскіе законы, общественное мнѣніе, религія, обычаи и совѣсть, правила которой слагаются въ каждомъ человѣкѣ особо, въ слѣдствіе его внутренней жизни, т. е. собственныхъ размышленій и понятій, зависящихъ, какъ выше доказано, отъ индивидуальныхъ особенностей каждой личности.

Совѣсть.

Познанія человѣка, Идеальнаго Государства, зависятъ отъ количества предметовъ и отъ того какъ онъ смотритъ на нихъ. Познаніе выходитъ изъ самаго разума, какъ источника сознанія, потому что все сущее имѣетъ значеніе въ сознаніи, и изъ убѣжденія въ томъ, что само въ себѣ истинно, хорошо и справедливо. Первое онъ достигаетъ умомъ, второе сердцемъ. Внѣшніе предметы даютъ только толчекъ его *я* и возбуждаютъ въ немъ понятія, которыя онъ передаетъ имъ.

Бѣлинскій говоритъ: «Человѣкъ созданъ для сознанія и потому можетъ быть счастливъ только вслѣдствія сознанія, слѣдовательно сознаніе есть его нормальное, естественное, а потому и блаженное состояніе, которое проявляется въ равновѣсіи человѣка самому себѣ, въ мирѣ и гармоніи съ самимъ собою; безсознательность же есть состояніе не естественное, болѣзненное, разрушающее равенство человѣка съ самимъ собою, міръ и гармонію его духа, слѣдовательно разрушающее его счастіе. И такъ, совѣсть добрая, есть состояніе сознанія, злая — состоянія безъ сознанія, первая условливаетъ наше счастіе даже и въ случаѣ потерь, лишеній, страданій, горестей, потому, что лишаясь счастія внѣшняго, мы не лишаемся счастія внутренняго, происходящаго отъ сознанія, и состоящаго въ спокойствіи и гармоніи духа; вторая же и при внѣшнемъ счастіи, состоящемъ въ исполненіи общихъ эгоистическихъ желаній; лишаетъ насъ внутренняго счастія, которое одно истинно и удовлетворительно, потому что приводитъ нашъ духъ въ неравенство, въ дисгармонію съ самимъ собою, вслѣдствіе безсознанія!! . .

«Выньте рыбу изъ воды, — она издохнетъ, потому что вода есть ея стихія, которой она дышетъ; лишите человѣка сознанія, онъ будетъ несчастливъ, потому что сознаніе есть стихія его духовной жизни. И потому, если человѣкъ дѣлаетъ то, чего, по его сознанію, ему дѣлать не должно, онъ разрушаетъ свою внутреннюю гармонію, потому что поступаетъ противъ сознанія. Если человѣкъ наслаждается полнымъ счастіемъ и внѣшнимъ и внутреннимъ, и если, не имѣя твердости лишиться внѣшнихъ выгодъ, условли-

вающихъ его счастіе, онъ, для сохраненія ихъ, поступитъ не добросовѣстно, то непремѣнно лишиться не только своего внутренняго счастія, но и внѣшняго, потому что внѣшнимъ счастіемъ условливается внутреннее, а внутреннимъ внѣшнее.»

Авторъ продолжаетъ: «Напротивъ, хотя человѣкъ, который оставилъ своего отца, мать, братьевъ и сестеръ, жену и дѣтей, составлявшихъ счастіе его жизни, оставляя свое достояніе, обезпечивающее его жизнь, и оставилъ бы для того, чтобы не поступить противъ своего убѣжденія и *подлостію* не купить обладанія условіями своего счастія, словомъ для того, что бы не нарушить заповѣдь Спасителя: «*иже любитъ отца и матерь паче мене нѣсть мене достоинъ и еже не пріиметъ креста и вслѣдъ мене не грядетъ нѣсть мене достоинъ.*» Хотя, говорю, такой человѣкъ и былъ бы мученикомъ, страдальцемъ, но все не лишился бы своего внутренняго блаженства, т. е. все бы остался вѣренъ самому себѣ, въ мирѣ и гармоніи съ самимъ собою и еще въ большей гармонія, нежели былъ прежде, потому что въ самомъ страданіи нашелъ бы новое, высокое блаженство, состоящее въ сознаніи исполненнаго долга, поддержаннаго человѣческаго достоинства, хотя страданіе, тѣмъ не менѣе, осталось бы страданіемъ. И такъ, вотъ что есть совѣсть: сознаніе гармоніи, или дисгармоніи своего духа. Очевидно, что она есть только слѣдствіе сознанія хорошаго, или дурнаго поступка, а не самое сознаніе, и потому не можетъ направлять нашей дѣятельности, которая должна управляться посредственно самимъ разумомъ, или сознаніемъ, другими словами, мы не совѣстію понимаемъ, что хорошо или дурно, а сознаніемъ.»

«Если дикарь душитъ своего престарѣлаго отца, то онъ дѣлаетъ это не по внушенію своей совѣсти, а по неправильнымъ понятіямъ своего разума, и потому то онъ бываетъ правъ предъ своею совѣстію, и очень естественно, что она не только не наказываетъ его за подобный поступокъ, но еще награждаетъ, потому что совѣсть никогда не бываетъ во враждѣ съ убѣжденіемъ, будетъ-ли оно истинно, или ложно. Совершенно добрый поступокъ есть принадлежность только человѣка съ образованнымъ умомъ и сердцемъ. Есть люди съ зародышемъ въ душѣ всего великаго и прекраснаго, но неразвившіе этого зародыша сознаніемъ, и потому они способны только къ мгновеннымъ порывамъ къ добру и дѣлаютъ поступки, которые противорѣчатъ всей остальной ихъ жизни.—

*

«Добрые поступки у нихъ безсознательны, и потому не имѣютъ никакаго достоинства, ни какой цѣны, потому что они не суть слѣдствіе ихъ воли, а слѣдствіе ихъ организма».

«Зародышъ всего прекраснаго можетъ открываться въ нашемъ организмѣ, и пока онъ не разовьется сознаніемъ, всѣ хорошіе поступки будутъ плодами животности, будутъ безсознательны!!

«Только тотъ чувствуетъ человѣчески, а не животно, кто понимаетъ свое чувство и сознаетъ его.»

«У такаго человѣка прекрасный организмъ есть средство а не причина его совершенства, которая должна заключаться въ сознаніи и въ волѣ.

И потому, то справедливо, что истинно; добръ только тотъ, кто разуменъ; слѣд. только тѣ поступки, которые происходятъ подъ вліяніемъ сознающаго разума, могутъ назваться добрыми, а не тѣ, которые проистекаютъ изъ животнаго инстинкта . . . . . .

. . . . . .

«Нѣтъ никакаго свободнаго поступка, который бы не былъ ни добръ ни худъ, потому что поступокъ есть результатъ намѣренія, а намѣреніе никогда не можетъ быть безразлично.—Если поступокъ вышелъ изъ сознательнаго желанія сдѣлать добро,—онъ добръ, хотя бы и не достигъ своей цѣли и не произвелъ бы ни какихъ благихъ слѣдствій, если же въ намѣреніи примѣшивался расчетъ эгоизма,—поступокъ дуренъ, безнравственъ, хотя бы произвелъ благія дѣйствія.

«Добро, тогда только добро, когда оно само себѣ цѣль. Бѣлое не можетъ быть чернымъ, а черное бѣлымъ; кто не уменъ, тотъ глупъ (не совсѣмъ раздѣляю мысль автора), кто не благороденъ,—тотъ подлъ; (тоже) съ совѣстію не можетъ и недолжно быть торга, договоровъ, условій и уступокъ» (*).

«Кто сознаетъ необходимость усовершенствованія и ежеминутно не улучшается столько, сколько можетъ, тотъ подлъ, хотя бы онъ былъ выше тысячи людей, хотя бы цѣлыя тысячи признавали въ немъ идеалъ благородства, — подлъ передъ самимъ собою, виноватъ и преступенъ передъ выс-

---

(*) Уступки иногда необходимы до извѣстнаго предѣла; такъ повѣлѣваетъ умъ человѣка, который существуетъ отдѣльно и въ обществѣ. Человѣкъ создается съ добрыми и злыми зачатками, которые могутъ казаться добрыми въ его индивидуальной жизни и тѣже самые принимаются вредными для общественной жизни.

шимъ судомъ своей совѣсти, потому что идеалъ человѣческаго совершенства есть Христосъ, а всякій обязанъ стремиться къ возвышенію себя до идеала».

У человѣка Идеальнаго Государства примемъ за основаніе его поступковъ, дѣйствій и всей духовной его жизни совѣсть, какъ результатъ сознанія, происходящаго отъ вліянія побужденій сердца и ума.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы такое было въ жизни человѣка, если бы одинъ холодный умъ распоряжался ею, руководствуясь въ добавокъ дурнымъ сердцемъ.

И такъ, для пріобрѣтенія духовной свободы, мы вывели изъ психологическаго изслѣдованія и нравственной философіи: надъ человѣкомъ Идеальнаго Государства, что въ поступкахъ и въ дѣйствіяхъ жизни необходимо нравственно-умственное сознаніе, которое зависитъ отъ истинныхъ понятій, а понятія отъ большаго или меньшаго количества познаній, которыя составляютъ сущность образованія добраго сердца и здраваго ума, двухъ предметовъ духовнаго начала человѣка, борьба которыхъ подчиняется совѣсти. Слѣдовательно, сознаніе преобладаетъ у мужчины по преимуществу, потому что онъ способнѣе принять болѣе познаній, нежели женщина, по устройству своего организма.

Жизнь человѣка, Идеальнаго Государства, какъ разумнаго существа, выражается обдуманными, перечувствованными и основанными на истинѣ поступками. Въ немъ умъ, находясь въ постоянной борьбѣ съ сердцемъ, какъ у развитаго человѣка, остается всегда побѣдителемъ и хозяиномъ всего его существа. Отступленіе отъ этого общаго закона дѣлаетъ женщина, живущая болѣе сердцемъ, которое есть представитель физическихъ побужденій.

Посредникомъ между умомъ и сердцемъ на совѣтъ является совѣсть, которая, какъ высшая нравственная сила, какъ неподкупный судья повѣряетъ смѣло ихъ побужденія, даже иногда управляетъ ими и указываетъ путь къ истинѣ она столько же зависитъ отъ ума и сердца, какъ умъ и сердце отъ нея. Александръ Дроздовъ говоритъ»: если Высочайшій законъ нравственности долженъ имѣть истинное достоинство и нравственную цѣну, то онъ долженъ происходить:

«а.) Изъ идеи высочайшаго добра, б.) обнимать всю область нравственной жизни, слѣд. имѣть характеръ безусловной всеобщности и в.) долженъ имѣть прямое и преимущественное направленіе къ нашему чувству, потому что толь-

ко чувство, зависитъ отъ воли во всѣхъ отношеніяхъ жизни . . . . . .

«Совѣсть, или нравственное чувство добра и зла, основанное на существѣ духовной природы человѣка, развивается вмѣстѣ съ развитіемъ ума, и обнаруживается, какъ совѣсть добрая, во всемъ чистомъ и справедливомъ образѣ дѣятельности и характерѣ человѣка, но она становится совѣстью злою, угрызающею при всякомъ незаконномъ чувствованіи или поступкѣ существа свободнаго и разумнаго. . . .

«Совѣсть принадлежитъ къ существеннымъ свойствамъ духовной природы человѣка и никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ воспитанія или какихъ нибудь общественныхъ, господствующихъ привычекъ. Если бы то или другое было справедливо, то могли бы когда нибудь обойтись безъ этого внутренняго судьи, но опытъ увѣряетъ, что хотя можно усыпить совѣсть, но ни какъ нельзя совершенно искоренить ее въ человѣческомъ духѣ. Изъ одного міра она сопровождаетъ насъ въ другой» (*).

Всѣ частные вопросы въ различіи добра и зла, у человѣка Идеальнаго Государства выводятся изъ основной идеи нравственности и рѣшаются доброю или злою его совѣстью. Человѣкъ никогда не предоставляется своему собственному безотчетному произволу, а какъ видно изъ наблюденій, воля его зависитъ отъ истины или совѣсти, или отъ обѣихъ вмѣстѣ.

Истина.

Для опредѣленія истины мы возмемъ такаго человѣка, Идеальнаго Государства, который имѣетъ нормальную организацію и надѣленъ добрымъ сердцемъ и здравымъ умомъ, въ борьбѣ которыхъ всегда остается побѣдителемъ умъ, теряя однакоже болѣе или менѣе въ этой борьбѣ свои холодные разсчеты. Въ такомъ человѣкѣ мы видимъ, что умъ, владыка всѣхъ побужденій и страстей, можетъ все видѣть въ настоящемъ свѣтѣ, о всемъ имѣть истинныя понятія, выводить вѣрныя умозаключенія изъ сравненій и прямымъ путемъ, безъ уклоненія, доходить до истины, до этого свѣтила всей человѣческой жизни.

Истинно доброе и прекрасное есть вмѣстѣ и естественное. Духъ человѣка Идеальнаго Государства сознаетъ природу первоначальнымъ источникомъ всего добраго, истин-

(*) Опытъ системы нравственной философіи Ал. Дроздова С. П. Б. 1835 г.

наго и прекраснаго, не смотря на то, что, по его понятіямъ, въ ней онъ встрѣчаетъ много и злаго (*).

Умъ, разумъ, или разсудокъ есть кругъ зрѣнія существа. Какъ далеко видитъ человѣкъ глазомъ или мыслію, такъ далеко простирается его сущность и наоборотъ.

Глазъ животнаго ничего не видитъ дальше своихъ потребностей. И насколько широка потребность человѣка, происходящая отъ его духовнаго развитія, на столько широко его неограниченное самоощущеніе. Стоики говорятъ: «*человѣкъ рожденъ для созерцанія міра*».

Доброе имѣетъ также тѣснѣйшее сродство съ истиннымъ и прекраснымъ, каждый добрый поступокъ человѣка есть вмѣстѣ съ тѣмъ истинный и прекрасный поступокъ. Но чтобы различить истину отъ лжи, добро отъ зла, необходимъ человѣку здравый умъ, который не даромъ считаемъ его царемъ, онъ долженъ быть царемъ и общества, руководителемъ частной и общественной жизни, выражающейся въ дѣйствіяхъ и актахъ, происходящихъ отъ инстинктивныхъ и духовныхъ побужденій. Человѣкъ сознаніемъ и совѣстію, происходящими отъ ума и зависящими отъ сердца, понимаетъ истинное назначеніе, цѣль и существо предметовъ, истину, добро и зло, повѣряетъ всѣ побужденія тѣла и души, запрещаетъ или одобряетъ ихъ исполненіе, даетъ законы, или правила для жизни.

Истина, лежащая въ основаніи всей природы, лежитъ въ основаніи общества Идеальнаго Государства и человѣка.

При изслѣдованіи человѣка Идеальнаго Государства мы видимъ: что чѣмъ болѣе независимъ его умъ, тѣмъ онъ совершеннѣе.

Слѣдовательно, для достиженія совершенства въ умственномъ отношеніи, т. е. сознанія истины, умъ его не долженъ стѣсняться ни чѣмъ, для чего долженъ пользоваться полной свободой.

Отъ неточныхъ представленій умомъ свойствъ и качествъ предметовъ и сравненія ихъ происходитъ невѣрное ихъ опре-

---

(*) Но зла въ природѣ нѣтъ, а есть только начало, противуположное добру, начало это людьми называется зломъ, какъ отъ не пониманія естественныхъ законовъ природы, такъ и отъ неравномѣрнаго отклоненія людей отъ истины и между собою, происходящаго отъ неразумнаго проявленія ихъ воли, что бываетъ слѣдствіемъ ихъ неразвитости и безнравственности, т. е. когда физическое начало преобладаетъ надъ духовнымъ. Зло и добро, по моимъ понятіямъ, суть противуположные концы одной и тойже цѣпи, отличающіеся рѣзко одинъ отъ другаго, но эти противуположности сливаются какъ свѣтъ со тьмою въ своемъ протяженіи.

дѣленіе, что отчасти зависитъ также отъ физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ недостатковъ или ограниченности ума, когда онъ бываетъ болѣе или менѣе подавленъ другими побужденіями организма, чрезъ что вытекаетъ изъ ума ложныя понятія, сознаніе, и умозаключеніе, доходящее до заблужденія. Вотъ начало не умышленной, или невинной лжи, начало духовнаго зла, противника истины.

Слѣдовательно, ложъ является отъ большаго или меньшаго несовершенства организма, отъ большей или меньшей слабости ума, долженствующаго иногда уступать отчасти, развитымъ до чрезвычайности, нѣкоторымъ инстинктивнымъ побужденіямъ, коихъ представителемъ является сердце, которое въ борьбѣ съ истинными представленіями ума, оставляетъ большія или меньшія впечатлѣнія надъ нимъ, т. е. надъ его понятіями, сознаніемъ, убѣжденіемъ и уклоняетъ его отъ истины.

Вотъ почему женщины менѣе способны открывать истину, у нихъ умъ, въ дѣятельности, гораздо слабѣе сердца, представителя инстинктивныхъ побужденій, у нихъ болѣе преобладаетъ физическое начало надъ духовнымъ.

Такимъ образомъ въ умѣ человѣка, Идеальнаго Государства, является новая борьба истины съ ложью, лежащая въ основѣ его несовершенной природы, борьба, эта оканчивается у человѣка, съ здравымъ умомъ побѣдою ума.

На понятія человѣка имѣютъ вліяніе внѣшніе предметы той среды, въ которой онъ живетъ, или характеръ окружающей природы.

Одни изъ предметовъ способны возбудить болѣе воображеніе, другіе логическую дѣятельность разсудка. Въ нормальномъ умѣ разсудокъ и воображеніе играютъ каждый свою роль и помогаютъ другъ другу, но иногда разсудокъ бываетъ слишкомъ слабъ, чтобы обуздывать опасное своеволіе воображенія, что очевидно происходитъ отъ несовершенствъ организаціи, т. е. отъ не нормальнаго количества и качества мозга и отъ избытка и состава крови, распаляющей воображеніе. Несоразмѣрность эта, развивающаяся цивилизація народовъ Идеальнаго Государства, стремится исправить, придавая разсудку власть, которая, въ младенческомъ возрастѣ народа, находится всегда у воображенія. Послѣдующимъ поколѣніямъ приходится рѣшать самый любопытный вопросъ; не будетъ ли, съ постепеннымъ ходомъ образованія, чрезмѣрнаго преобладанія холоднаго, эгоистическаго ума и злоупотребленія его власти, надъ воображеніемъ и сердцемъ, преобладанія, опаснаго для общественной жизни.

Силу воображенія мы видимъ и въ Идеальномъ Государствѣ, гдѣ цивилизація подвергаетъ его сильному контролю ума. Изъ этого можемъ заключить, что на какой бы степени не находилось образованіе въ государствѣ суевѣріе и заблужденіе, хотя не въ прежней силѣ, будутъ ослѣплять умъ, человѣка, ограничивать его самобытность, или будутъ всегда имѣть мѣсто, потому что онѣ сродны слабой человѣческой природѣ.

Естественныя явленія, внушающія чувство страха и ужаса человѣку, зараждаютъ въ немъ неясную идею о чемъ то сверхъ-естественномъ, воспламеняющемъ воображеніе и кладутъ начало заблужденію и суевѣрію, которыя мѣшаютъ подвергнуть эту идею болѣе ясному контролю разсудка. При видѣ могущественныхъ явленій природы, человѣкъ невольно сознаетъ свое ничтожество и свою зависимость отъ природы, которая стѣсняетъ его личный произволъ. Это мы можемъ подтвердить фактами. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ явленія природы представляются въ меньшей силѣ, человѣкъ менѣе чувствуетъ себя зависимымъ и свободнѣе отъ предразсудковъ.

Для человѣка Идеальнаго Государства то истина, что не посредственно онъ ощущаетъ или представляетъ *дѣйствительнымъ*, потому что для него первоначально бываетъ *истиннымъ* только то, что дѣйствительно. Истинно есть то, что противуположно мечтательному,—воображаемому.

Вотъ почему истина только можетъ выводиться изъ фактовъ, т. е. a posteriori. Самый способъ опредѣленія истины a priori, въ основаніи своемъ имѣетъ опытъ, пріобрѣтаемый, первоначально чрезъ ощущенія, полученныя органами пяти чувствъ изъ окружающей среды человѣка.

Понятіе бытія и существованія есть первоначальное понятіе истины. Все есть для человѣка истина, что имѣетъ свое существованіе, свою дѣйствительность въ своей опредѣленности.

Только то можетъ быть для человѣка сомнительнымъ, и привести его къ мистицизму и абскурантизму, что онъ отдѣляетъ отъ своей сущности.

Истинный софистъ есть тотъ, для котораго предикаты (свойства) сущности предмета суть ничто. Предикаты имѣютъ внутреннюю, самостоятельную реальность, которая своимъ содержаніемъ вынуждаетъ у человѣка признаніе ихъ, они непосредственно сами собою доказываютъ ему истинность, они утверждаютъ сами себя, свидѣтельствуютъ сами за себя. Мудрость, правосудіе и благо во все не химеры,

потому что онѣ дѣйствительно существуютъ для человѣка и опредѣляются сообразно понятій и той среды, въ которой живетъ человѣкъ. Что не имѣетъ никакихъ опредѣленій, то не имѣетъ и никакого дѣйствія на человѣка, то для него и не существуетъ и не можетъ быть истинной. Отрицать всѣ опредѣленія значитъ тоже самое, что отрицать самую сущность.

Существо, или предметъ, лишенный всѣхъ опредѣленій, есть существо, не имѣющее объэктивнаго бытія, а существо, не имѣющее объэктивнаго бытія, есть существо не существующее.

Въ Идеальномъ государствѣ мы видимъ, что каждый атомъ свободно выражаетъ словомъ и дѣломъ свои—разумѣется, допущенныя общественными законами — физическія и духовныя побужденія, пользуется свободно своими правами и подчиняется охотно самъ, только нѣкоторымъ, условіямъ, необходимымъ для блага-общеетвенной жизни; которая должна быть основана на частномъ благѣ; но эту сознательную его зависимость отъ закона ни какъ нельзя назвать неволей, или рабствомъ, потому что каждый атомъ Идеальнаго Государства, сознаетъ ея необходимость, для общаго, а слѣдовательно и своего блага.

Всякое малѣйшее стѣсненіе естественныхъ правъ человѣка приводитъ его ко лжи и удаляетъ отъ истины, которую завѣщалъ намъ Спаситель міра, чтобы освободить все человѣчество отъ рабства. Онъ сказалъ: *уразумѣйте истину и истина освободитъ васъ*; слѣд. чтобы достигнуть свободы, какъ главнаго условія, въ стрѣмленіи къ совершенству, необходимо любить, понимать и сознавать истину.

Истина и свобода не допускаютъ лжи. Народъ Идеальнаго Государства свободенъ отъ цепей рабства и лжи, потому что пользуется духовной свободой, которая даетъ право высказывать каждому гласно свои страданія и всѣ общественные недостатки.

Въ основаніи человѣка Идеальнаго Государства и самаго государства лежитъ истина, потому что она служитъ основаніемъ духовнаго начала человѣка, для чего каждый атомъ государства проникнутъ ею, и разумно сознаетъ ее, вслѣдствіе чего и пользуются духовной свободой. Вотъ почему всѣ люди, составляющіе Идеальное Государство, благодѣнствуютъ и наслаждаются возможнымъ на землѣ счастіемъ.

Естественные законы организма Идеальнаго Государства, ограничивающіе кругъ частныхъ дѣйствій каждаго человѣка, или его ума, руководящіе его дѣйствіями суть неизмѣнныя

истинны, оправданыя опытомъ вѣковъ, возникшія вмѣстѣ съ жизнію первобытнаго человѣка, которыя опредѣляютъ свободу здраваго ума человѣка.

Эти естественныя законы общественной жизни, Идеальнаго Государства, подтверждаютъ слова Спасителя, который сказалъ: «Аще вы пребудитѣ въ словеси моемъ во истину ученицы мои будите и уразумѣете истину и истина освободитъ васъ.» На это отвѣчали Іудеи—«мы потомки Аврама и никогда никому, не были рабами, какъ же ты говоришъ будете свободны? Но спаситель отвѣчалъ имъ: «Глаголю вамъ, яко всякъ творящій грѣхъ рабъ есть грѣха. Рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ. (Іоанъ 8, 3, 31, 37).

Значитъ, начало рабства и происхожденіе его есть начало зла, основа его нравственное зло, или ложъ (умышленная или не умышленная) таящаяся въ несовершенствахъ организаціи человѣка, т. е. въ самой его природѣ, которая порождаетъ недостатокъ въ сознаніи истины.

Объяснить это можно только такъ: если бъ не было на землѣ зла (грѣха) не было бы и рабства. Съ рабствомъ непременно соединена и ложъ.

Въ Идеальномъ Государствѣ мы видимъ, что общественная и частная жизнь людей основана, согласно словъ Спасителя, *на разумной свободѣ ума*, безъ которой нѣтъ возможности достигнуть благоденствія, которое тогда только посѣщаетъ человѣка, общество и государство, когда въ нихъ преобладаетъ, свобода ума, не допускающая лжи; слѣдовательно истина водворяется сама по себѣ. Чтобы дойти до свободы необходимо *любить истину и разумѣть ее*. Безъ свободы нельзя достигнуть истины, а слѣдовательно и благоденствія, потому что онѣ обусловливаютъ одна другую.

Цѣль современной этнографіи, какъ науки, будетъ состоять въ томъ, чтобы указать нравственное назначеніе истины и свободы и проложить имъ дорогу путемъ народнаго самосознанія къ истинной государственной наукѣ.

Воля, или духовная свобода человѣка.

Прежніе физіологи, а за ними и многіе философы признавали способность совершать произвольныя дѣйствія только головному мозгу какъ мѣстопребыванію души, (*) а дѣйствія, производимыя спиннымъ мозгомъ, они считали рефлектив-

(*) По ихъ только понятіямъ.

ными и не произвольными. Льюсъ, своими физіологическими изслѣдованіями, доказалъ разницу между произвольными и не произвольными дѣйствіями, что характеръ ихъ совершенно одинаковъ, теперь уже извѣстно, что какъ тѣ такъ и другія проистекаютъ изъ одного и того же источника и совершаются по однимъ и тѣмъ же законамъ. Вообще принято называть тѣ дѣйствія произвольными, которыя подлежатъ волѣ человѣка, а не произвольными тѣ, которыя совершаются безъ нашей воли. Наприм. біеніе пульса и т. п. Въ общежитіи такое дѣленіе движеній можетъ быть принято, но наука идетъ далѣе, она хочетъ дойти до основанія, потому что видитъ въ нихъ одинаковые элементы и что онѣ повинуются однимъ и тѣмъ же законамъ, Для доказательства приведемъ слова самого Льюиса. Онъ говоритъ: «миганіе совершается посредствомъ мышцъ не произвольнаго движенія и можетъ быть дѣйствіемъ совершенно произвольнымъ, напримѣр. когда мы подмигиваемъ кому нибудь изъ своихъ слушателей, желая дать ему знать, что мы шутимъ. А между тѣмъ это же дѣйствіе, произвольнѣе котораго ни чего и быть не можетъ, обыкновенно исполняется совершенно не произвольно. Пусть вашъ пріятель быстро проведетъ пальцемъ предъ вашими глазами и несмотря на то, что онъ торжественно увѣрялъ, что не прикоснется къ вашимъ глазамъ, не смотря на то, что вы вполнѣ довѣряете его слову, ни какія усилія вашей воли не помогутъ вамъ удержаться отъ того, чтобы не мигнуть. Напрасно вы рѣшаетесь быть твердымъ, не моргать,—вѣко опускается, какъ только приблизится палецъ. Это миганіе обыкновенно считается дѣйствіемъ не произвольнымъ, потому что оно совершается вопреки нашей волѣ, а между тѣмъ, дѣйствіе это вызвано идеею, идеею опасности; чтобы убѣдится въ этомъ стоитъ только поднести палецъ къ глазу животнаго, или дитяти, у котораго не составилась еще идея объ опасности, оно не моргнетъ. Не моргнете и вы, когда подпесете къ глазу свой соественный палецъ, потому что тогда неявляется идея объ опасности. Здѣсь мы имѣемъ дѣйствіе, въ высшей степени *способное подвергнутся контролю* и очевидно возбуждаемое *стимуломъ идеи*, дѣйствіе представляющее, слѣдовательно, два основныхъ признака произвольныхъ дѣйствій, а между тѣмъ, дѣйствіе это несомнѣнно не произвольное.» (Т. II. Стр. 166, 168).

Послѣ выводовъ Льюиса, произвольными движеніями можно считать тѣ, которыя происходятъ отъ ощущеній, не-

реданныхъ во вторичные центры, а не произвольными тѣ, которыя совершаются въ первомъ ближайшемъ центрѣ. Напримѣръ: ежели кто нибудь уколетъ нашу руку, то мы отдернемъ ее не произвольно, что произойдетъ отъ ощущенія боли въ первомъ центрѣ, которое само прямо произведетъ сокращеніе мышцы и затѣмъ послѣдуетъ движеніе руки. Со всѣмъ другое дѣло когда знаемъ, что уколъ будетъ незначительный, тогда мы удержимся отъ непроизвольнаго дѣйствія и оставимъ руку въ покоѣ. Здѣсь уже ощущеніе передается ко второму центру, къ мысли о незначительности укола и второй центръ останавливаетъ дѣятельность перваго, т. е. движеніе руки. Однимъ словомъ въ сущности между произвольными и непроизвольными движеніями Льюисъ не видитъ никакой разницы, какъ и должно быть, и дѣлаетъ слѣдующій выводъ. Онъ говоритъ: «Мы не признаемъ никакого дѣйствительнаго, ни какого существеннаго различія между дѣйствіями произвольными и не произвольными. Всѣ они произвольны. Сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ. Въ разговорномъ языкѣ принято обозначать различіе между движеніемъ, которое я сдѣлаю рукою, потому что я хочу сдѣлать съ какой нибудь опредѣленною цѣлію, и движеніемъ, которое я сдѣлаю, потому что меня укуситъ пчела. Принято говорить: «*я хочу* написать это письмо, или я написалъ это письмо противъ воли, я неимѣлъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать это. Но наука болѣе требовательна когда она стремится къ точности, и философъ разбирая эти сложныя дѣйствія, не найдетъ ни однаго элемента, который бы соотвѣствовалъ «произволу» въ одномъ изъ этихъ дѣйствій и который бы не встрѣчался въ другихъ; онъ найдетъ только, что всегда извѣстная группа мышцъ приводится въ состояніе дѣятельности извѣстными чувственными и мысленными стамулами.»

Вотъ идеи, которыя даютъ физіологическое понятіе о произволѣ человѣка.

Чтобы лучше понять въ человѣкѣ проявленія господства духовнаго начала надъ физическимъ, выражающимся въ дѣйствіяхъ и поступкаяъ жизни каждаго разумнаго существа, необходимо предварительно разсмотрѣть орудіе, на которое дѣйствуетъ побужденіе и которое, какъ исполнитель духа, даетъ первый толчекъ извѣстному нерву.

Орудіе это есть воля человѣка, какъ результатъ одного, двухъ или всѣхъ вмѣстѣ душевныхъ свойствъ, производящихъ мысль, и сознаніе, для котораго воля служитъ

проводникомъ, заставляя назначенный нервъ приводить въ движеніе извѣстныя мускулы, органы и члены тѣла, для выполненія мысли, или побужденія человѣка.

Воля, какъ слѣдствіе сознательной мысли, возникаетъ въ мозгу, она даетъ первый толчекъ нерву, который служитъ исполнителемъ, такъ сказать, курьеромъ, или лучше телеграфомъ, разносящимъ мускуламъ приказанія мозга (*). Нервы воли очень остроумно сравниваютъ съ клавишами, на которыхъ воля разыгрываетъ, что угодно.

Спиноза говоритъ: «Свобода, которую мы такъ хвастаемся, состоитъ только въ томъ, что мы сознаемъ наши желанія, но не причины, которыя ихъ производятъ:»

Дѣятельность и не дѣятельность каждаго индивидуума зависитъ отъ характера и отъ развитія того народа, среди котораго онъ живетъ.

Поступки людей условливаются ихъ индивидуальною жизнію, зависящею отъ внѣшнихъ вліяній той среды, въ которой они живутъ. Самая же личность, такъ мало оставляющая простора нашему произволу, много зависитъ отъ тѣлесныхъ наклонностей, климата, почвы, національности, пола, возраста, примѣра, воспитанія и проч. Бюхнеръ говоритъ: «Наша рѣшительность колеблется вмѣстѣ съ ртутью въ барометрѣ и сколько дѣлъ, которыя мы приписываемъ нашей свободной волѣ, въ сущности только слѣдствіе вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ.»

Крамеръ говоритъ: «Молодой человѣкъ иначе чувствуетъ, чѣмъ старикъ; лежащій иначе чѣмъ стоящій; голодый иначе чѣмъ сытый, довольный иначе чѣмъ не довольный и т. п.

Тѣлесные недуги имѣютъ большое вліяніе на состояніе нашего духа и сколько преступленій совершилось подъ ихъ впечатленіями совершенно безсознательно. Для свободной воли человѣка остаются весьма тѣсныя рамки. Кота говоритъ: «то, что мы называемъ свободной волей, есть только вліянія сильнѣйшей причины.»

Принцицъ свободной воли одинъ и тотъ же съ заблужденіемъ, прогрессы, и ошибки людей происходятъ одинаково отъ нея. Бастіа говоритъ: »Мы обладаемъ способностью сравнивать, разсуждать, выбирать, а вслѣдствіе того дѣй-

(*) Если прервать связь между мозгомъ и мускулами т. е. перерѣзать нервы, то прекратится всякое проявленіе воли, что видимъ у подверженныхъ апоплексическимъ ударамъ, у которыхъ головной или спинный мозгъ находится не въ нормальномъ состояніи, у нихъ парализируются и нервы, идущіе отъ ногъ и рукъ къ спинному мозгу; чрезъ что, они лишаются иногда возможности производить движеніе руками и ногами.

ствовать. Отсюда происходитъ то, что мы можемъ дѣлать хорошее или дурное сужденіе, хорошій или худой выборъ.»

Нѣкоторые утверждаютъ, что человѣкъ имѣетъ свойственную жизнь: внутреннюю и внѣшнюю, чѣмъ и отличается отъ прочихъ животныхъ, у которыхъ человѣкъ, по незнанію или самолюбію до сихъ поръ, видитъ только одну, потому что у нихъ, по его понятіямъ, внутренняя составляетъ будто бы одно и тоже съ внѣшнею.

Человѣчество отражается въ человѣкѣ, какъ родъ въ видѣ, разумомъ и сердцемъ. Къ совершенству человѣка принадлежитъ сила мысли и сила сердца, т. е. ихъ побужденія, которыя онъ передаетъ волѣ. Сила воли есть энергія характера и совершенства человѣческой сущности. Воля, разумъ и чувства суть высшія силы, абсолютная сущность человѣка, какъ человѣка, основаніе его бытія. Человѣкъ существуетъ для того, чтобы мыслить, чувствовать и хотѣть. Это составляетъ конечную цѣль, а потому есть истинное основаніе и первоначалъ сущности. Цѣль разума есть разумъ; цѣль сердца—сердце; цѣль воли свобода желанія.

Человѣкъ есть истинное, мыслящее, чувствующее и желающее существо, живущее *для самаго себя*. Разумъ (мысль) сердце (чувстро) и воля не суть силы, составляющіе предметъ владѣнія человѣка, а элементы, опредѣляющіе его сущность, потому что безъ нихъ онъ ничто. Онѣ суть абсолютныя надъ нимъ власти, опредѣляющія, одушевляющія господствующія, которыя могутъ только оказывать сопротивленіе другъ другу, въ борьбѣ, не зависимо отъ человѣка. Напримѣръ, какимъ образомъ человѣкъ, *полный чувства*, можетъ противится дѣйствію чувства, любящій любви, и разумный разуму. Кто не испыталъ на себѣ чувства, на примѣръ: любви, которая есть языкъ чувства. Спросимъ себя: что сильнѣе любовь или индивидуальный человѣкъ, владѣетъ ли человѣкъ любовью или любовъ владѣетъ человѣкамъ.

Любовь заставляетъ его иногда съ радостью жертвовать жизнію за возлюбленную или за возлюбленнаго. Это то могучее чувство, побѣждающее даже ьрожденную боязнь смерти, не есть ли не преодолимая все побѣждающая сила, какъ любовь сердца.

Если человѣкъ побѣждаетъ въ себѣ какую нибудь страсть, отказывается отъ той или другой привычки, то эта побѣдоносная сила его ли личная собственная сила, она очевидно есть энергія воли, послѣдующая власть духовнаго на-

чала, зависящая отъ его развитія, иногда съ могуществомъ управляющая человѣкомъ и исполняющая его негодованіемъ къ самому себѣ.

Человѣкъ иногда, понимая будущую долговѣчную пользу, можетъ отказываться отъ настоящихъ кратковременныхъ наслажденій и благъ. Напримѣръ, въ надеждѣ получить здоровье, онъ подвергаетъ себя операціямъ, мученіямъ и страданіямъ.

Значитъ воля только служитъ исполнителемъ движеній сердца и ума, или двухъ началъ человѣка, какъ видно это и въ духовномъ отношеніи, потому что человѣкъ не зависитъ отъ себя индивидуально. Присутствіе воли опредѣляется самосознаніемъ; но нельзя доказать, что самосознаніе есть независимая сила, слѣдователь но нельзя доказать, что и ея проявленія, или воля независимы. Напротивъ того, многіе видятъ въ самосознаніи не силу, но только извѣстное внутреннее состояніе, или извѣстную возможность духа.

Во всѣ времена самые опытные и глубокіе мыслители не соглашались, болѣе или менѣе, съ зависимостью человѣческой воли и становились такимъ образомъ въ оппозицію съ обыденнымъ взглядомъ толпы, который весьма не скоро опрокидывается отъ философскихъ разсужденій.

Вдумываясь съ одной стороны въ убѣдительные, научные, физіологическіе доводы Льюиса ни чего не остается болѣе какъ признать всѣ дѣйствія животныхъ (исключая разумѣется конвульсій) произвольными и сознательными. которымъ движеніе даетъ воля, и что организмъ животнаго и человѣка подчиняется волѣ: свойству духа, который, какъ владыка всего ихъ существа, по своему произволу можетъ сознательно, разумно, ограничиваясь потребностями организма, распоряжается имъ. Но съ сдругой стороны, будучи убѣжденнымъ вышеизложенными доводами въ противномъ, видимъ, что не смотря на господство души надъ организмомъ сама душа зависитъ не только отъ организма, но и отъ всѣхъ предметовъ и обстоятельствъ окружающей среды и отъ естественныхъ общихъ законовъ, заставляющихъ ее поступать не по собственному произволу: а такъ какъ велитъ естественный порядокъ вещей и обстоятельствъ. Здѣсь является безконечный круговоротъ или борьба матеріи и духа, сердца и ума, пересиливающія другъ друга и не оставляющіе произволу собственно человѣка почти ничего; мы видимъ, что хотя тѣло и подчиняется волѣ, но сама воля зависитъ и подчиняется высшимъ законамъ природы, общихъ всему человѣчеству, которые открыли намъ Кетле и Бокль, такъ что невольно приходишь къ убѣжденію что есть, Высочайшее

существо, которое выше воли и души, управляющее судьбою всего человѣчества и человѣка.

Человѣку, какъ дитятѣ, въ забаву и утѣшеніе данъ кажущійся только произволъ, котораго въ сущности почти нѣтъ. Онъ можетъ сколько угодно воображать, что онъ сдѣлалъ то или другое, даже что всѣ поступки всей своей жизни и самую жизнь совершилъ по своему произволу, а если вникнетъ по пристальнѣе, то увидитъ, что въ выборѣ того или другаго поступка, его произволъ не участвовалъ, а вѣрно какія нибудь обстоятельства заставили его окончательно предпринять то или другое и онъ эту чисто исполнительную обязанность называетъ произволомъ.

Случайная совершенно встрѣча, которая бы не состоялась, если бы человѣкъ одной минутой позже или ранѣе вышелъ изъ дому, могла произойти отъ бездѣлицы, не стоющей вниманія, а мѣжду тѣмъ, она свела его съ другимъ человѣкомъ. Вліяніе этого послѣдняго человѣка могло измѣнить не только какое нибудь одно предпріятіе перваго, но цѣлую его жизнь, да еще какъ: изъ нищаго сдѣлать милліонера, изъ милліонера нищаго, изъ невежды (почти животнаго) сдѣлать образованнаго человѣка. Гдѣ же тутъ первоначальная воля, которая даетъ направленіе цѣлой жизни? Разсматривая съ этой точки волю очевидно, что произволъ человѣка зависитъ отъ предметовъ внѣшняго міра, на столько же, на сколько предметы внѣшняго міра зависятъ отъ его духовной природы. Положимъ, я обладаю произволомъ и силою воли необыкновенной. Взглядъ мой на какой нибудь предметъ или дѣйствіе породилъ во мнѣ, положимъ, непріятныя чувства, оставилъ глубокія слѣды на мою душу. Посмотримъ теперь въ состояніи ли мой произволъ уничтожить это впечатленіе, положимъ что я произвольно закрою свои глаза, чтобы не видать отвратительнаго этого дѣйствія, я этимъ ни уничтожу впечатленія, которое можетъ оставить слѣды на цѣлую жизнь и заставить меня, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поступать совершенно иначе, нежели бы я поступалъ, невидавши того, что я видѣлъ. Жизнь наша состоитъ изъ подобнаго ряда впечатленій внѣшнихъ предметовъ, имѣющихъ вліяніе на нашу душу и организмъ вмѣстѣ.

Для яснаго уразумѣвія, что такое обсолютно-свободная воля необходимо отдѣлить понятія о свободныхъ поступкахъ отъ необходимости, или принужденія. Ни что не можетъ насиловать обсолютно-свободной воли, — это фактъ,

который сознаетъ каждый, а между тѣмъ въ дѣйствительной жизни онъ не существуетъ, а только въ воображеніи.

Вникнувъ глубже въ этотъ вопросъ, каждый убѣждается, что мы ни на что не рѣшаемся безъ побудительной причины; абсолютная свобода раждается въ идеяхъ, въ сужденіи или въ сознаніи: что можетъ быть, а не то что есть. Выше мы уже доказали, что сознаніе можетъ быть истинной только въ настоящемъ, но не въ будущемъ, потому что зависитъ отъ сужденія, которое можетъ быть ошибочно. Слѣдовательно абсолютно-свободная воля, какъ и абсолютное движеніе не могутъ существовать какъ истина, а только какъ призракъ.

По этому самому нельзя признать свободной воли за причину дѣйствій, заключающуюся внутри человѣческаго духа, которая бы дѣйствовала независимо отъ побужденій, имѣющихъ начало въ организмѣ человѣка и зависящей отъ окружающей среды. Допустивъ такое убѣжденіе невольно отвергнемъ положеніе Канта, который сказалъ, что: «*свобода, какъ идея, порожденная разумомъ, должна быть возведена подъ транцендентальные законы разума.*» т. е. подъ законы, выходящіе изъ области опыта и неподлежащіе повѣркѣ и наблюденіямъ.

Всѣ наблюденія наши, надъ человѣкомъ Идеальнаго Государства, заставляютъ положительно отвергать, въ его дѣйствительной частной и общественной жизни, абсолютно-свободную волю, которая существуетъ только въ воображеніи, какъ призракъ. Подъ свободной волей будемъ разумѣть (въ видимыхъ дѣйствіяхъ человѣка) одну только такую волю, которая свободна на столько, на сколько, позволяютъ обстоятелсства и законы природы, т. е. подчиненную.

Гдѣ же послѣ этого абсолютный произволъ человѣка? Онъ состоитъ въ большемъ или меньшемъ примѣненіи къ силѣ обстоятельствъ, т. е. въ желаніи лучшаго, въ стрѣмленіи къ комфорту, а это желаніе вынуждаетъ дѣлать то или другое нашъ организмъ, т. е. наше тѣло, которое должно служить одною изъ основъ всему и началомъ Науки Бытія, или Политическій экономіи. Пора намъ кинуть заниматься какими то отвлеченными, абсолютными выводами транцнединстальной философіи, въ ущербъ нашего тѣла, въ ущербъ матеріальнаго богатства, которое составляетъ основаніе всей жизни.

И такъ, мы видимъ, что воля и нервы производятъ

въ человѣкѣ первое столкновеніе духовнаго міра съ физическимъ (*).

Если предмету дается какое нибудь значеніе и достоинство, то оно дается ему ради самаго чувства, которое пробуждаютъ нервы, пусть другой предметъ возбуждаетъ тоже самое чувство, и онъ весьма легко можетъ замѣнить первый.

Воля уже не есть инстинктивное побужденіе; но также и не есть произволъ. Она дѣйствуетъ не абсолютно, но на нее имѣетъ вліяніе много предметовъ, которые, цензуруя побужденіе, превращаютъ его въ волю, ограничивая удаляютъ отъ произвола, что и видимъ въ человѣкѣ Идеальнаго Государства.

У него воля надъ организмомъ не переходитъ въ произволъ, и не есть инстинктивное, простое побужденіе, но сознательное, она между прочимъ зависитъ отъ тѣла, чувства, истины, совѣсти и ума. Всѣ эти физическіе и духовные предметы организма пропускаютъ чрезъ себя волю, придавая или отнимая у нея энергію и силу, не позволяя переходить ей въ произволъ, и, облекая въ сознаніе, дѣлаютъ ее чѣмъ то выше произвола и инстинктивнаго побужденія, которымъ преимущественно одарены всѣ низшія животныя, потому что произволъ употребляютъ только тѣ люди, которыхъ физическое начало преобладаетъ надъ духовнымъ.

Каждый человѣкъ Идеальнаго Государства проявляетъ свою волю сознательно и свободно только въ кругѣ дѣйствій, опредѣляемомъ его духовными побужденіями и общественными законами, не дозволяющими выходить за назначенную черту.

Въ этомъ кругѣ онъ полный хозяинъ своихъ сознательныхъ дѣйствій, какъ надъ своимъ организмомъ, такъ собственностію, на которую, какъ святыню, въ общественной жизни человѣка Идеальнаго Государства, никто посягать не смѣетъ, она ограждена безусловнымъ закономъ, для всѣхъ равно обязательнымъ.

Собственность, доставляя средства, позволяетъ человѣку, съ помощію ихъ, посредствомъ ума и другихъ побужденій, хорошо или дурно, развивать свои физическія и духовныя силы, составляющія вмѣстѣ и частицу силы всего государственнаго организма, Каждый человѣкъ Идеальнаго Государства знаетъ свои права, которыхъ произвольно никто,

(*) Такое положеніе мы допускаемъ только до тѣхъ поръ, пока физіологія, научнымъ образомъ, не откроетъ намъ непосредственно вліяніе крови на мозгъ и нервы, т. е. собщенія матеріи съ духовнымъ началомъ человѣка.

даже сама власть, нарушать не можетъ, потому что онѣ, въ Идеальномъ Государствѣ, составляютъ всю силу и сущность власти, поэтому уважаются ею и всѣми какъ святыня. Это даетъ каждому человѣку самостоятельность, увѣренность въ свое *я* и позволяетъ жить независимо,—небоясь потерять свои права, наслаждатся комфортомъ, по своимъ средствамъ, понятіямъ, достигать истины и возможнаго счастія, составляющаго цѣль частной, индивидуальной жизни каждаго. Слѣдовательно, для счастія человѣка и государства, каждому человѣку необходима *духовная свобода*, въ опредѣленномъ кругѣ дѣйствій, ограничивающаяся, по необходимости и съ его согласія, только его волею.

Правила государственнаго хозяйства, опредѣляющія кругъ частныхъ дѣйствій людей, подчиняются одному общему, естественному закону, которой даетъ каждому человѣку свободу дѣйствовать въ опредѣленномъ ему кругѣ. Безъ извѣстной свободы не можетъ быть счастія на землѣ. Бентамъ, увлекшись, сказалъ: что даже «каждый законъ есть зло, потому что стѣсняетъ свободу.» Несмотря на то, что всякій законъ стѣсняетъ, до извѣстной степени, свободу человѣка, онъ необходимъ для его же счастія, въ общественной жизни, а потому, мы скажемъ, смотря на Идеальное Государство, что тамъ всякое излишнее стесненіе поступковъ и дѣйствій, переходящее законы общественной жизни, опредѣляющихъ кругъ дѣйствій человѣка, не допускается, потому что препятствуетъ развитію физическихъ и духовныхъ силъ и есть посягательство на благосостояніе и счастіе не только человѣка, но народа, а слѣдов. и государства.

Каждое дѣйствіе и поступокъ человѣка Идеальнаго Государства, которымъ выражается его жизнь, суть слѣдствіе ограниченной прежде имъ самимъ его духовной свободы. Воля получаетъ инициативу отъ мысли, вырабатываемой въ горнилѣ совѣсти, борьбою сердца и ума, потому что мысль зависитъ отъ ихъ побужденій, какъ представителей физическаго и духомнаго міровъ, соединяющихся въ человѣкѣ.

Каждый изъ этихъ міровъ представляетъ человѣку безконечное число разнообразныхъ привлекательныхъ предметовъ, которые, по его понятіямъ и сознанію, могутъ возбуждать въ немъ предпочтеніе къ выбору того или другаго, для удовлетворенія его инстинктивныхъ, или нравственныхъ и умственныхъ побужденій. Каждая мысль человѣка Идеальнаго Государства, чтобъ быть истинною, при борьбѣ сердца и ума, переходя въ сознаніе, зависящее отъ истинныхъ понятій и познаній, повѣряется совѣстью и за тѣмъ уже

дѣйствуетъ на волю, которая, какъ исполнитель, передаетъ идею извѣстному нерву.

Христіанство представляетъ всѣхъ людей братьями во Христѣ, оно не поддерживаетъ рабства, а возвышаетъ жизнь до идеи высшей духовной свободы, не подчиненной человѣческому игу, также какъ ограничиваетъ свободу: идей высшей правды, которой всѣ равно должны быть подчинены, и которая тѣмъ болѣе исключаетъ произволъ, потому что власть есть не право личной собственности и грубой силы, а только наблюденіе за исполненіемъ необходимыхъ условій общественной жизни, для того, чтобы сохранить установленный природою порядокъ.

Спаситель, истинами своего ученія, освободилъ все человѣчество отъ духовнаго рабства и вывелъ всѣхъ людей на свободный путь.

Онъ далъ законы соціальной, или общественной жизни,— которая только одна и сообразна съ благоденствіемъ человѣка, общества и государства.

Въ Идеальномъ Государствѣ кто употребляетъ свободу во зло или перейдетъ опредѣленный ей природою и общественными условіями кругъ, тотъ наказывается или лишается свободы. Пользуясь опредѣленными правами духовной свободы, каждый человѣкъ Идеальнаго Государства подчиняется сознательно только нѣкоторымъ условіямъ, необходимымъ для блага частной и общественной жизни; но эту сознательную зависимость человѣка Идеальнаго Государства нельзя назвать рабствомъ, потому что каждый сознаетъ ея необходимость, для общаго блага, а слѣдовательно и своего. И такъ, первымъ и непремѣннымъ условіемъ благоденствія человѣка и общества Идеальнаго Государства, должно считать истинну и духовную свободу, допускающія отдѣльнымъ обществамъ, входящимъ въ составъ государственнаго организма, самоуправленіе, которое подчиняется высшему управленію и такъ, постепенно отъ человѣка доходитъ до духовной власти: главы и души цѣлаго государственнаго тѣла.

Случайность играетъ такую же роль во внѣшнемъ мірѣ человѣка, какъ воля во внутреннемъ. Вся исторія свидѣтельствуетъ намъ о чрезвычайной неточности и замѣчательныхъ противурѣчіяхъ въ проявленіяхъ самосознанія.

«И дѣйствительно»; говоритъ Бокль, «неизвѣстность существованія самосознанія, какъ отдѣльной независимой силы и противурѣчія въ его собственномъ разскрытіи, если бы

признать его отдѣльной силой, составляютъ два изъ многихъ основаній, которыя давно убѣдили меня, что метафизика, слѣдуя своей старой методѣ, никогда не возвысится на степнь науки».

Люди только могутъ, по мнѣнію Бокля, дѣйствовать, на основаніи извѣстныхъ побудительныхъ причинъ; эти причины сами суть слѣдствія, на ихъ дѣйствовавшихъ причинъ и т. д. если бы мы знали связь, обусловливавшихъ ихъ законовъ и ихъ зависимость отъ этихъ законовъ, то могли бы, въ нравственномъ мірѣ, предугадывать извѣстныя явленія точно также, какъ, зная, наприм. характеръ и свойства извѣстнаго лица, мы заранѣе можемъ, довольно вѣрно, предсказать, какъ оно поступитъ при опредѣленныхъ условіяхъ.

По этому то выводу Бокля, вся исторія человѣчества, есть результатъ вліянія внѣшняго міра на человѣчество и на оборотъ.

Одни народы сильнѣе подчиняются вліянію на нихъ природы и превозмогаютъ ея вліяніе до такой степени, что они становятся для нихъ нечувствительными. Но всегда существуетъ и можетъ быть открыта, тѣсная связь между дѣйствіями людей и законами природы, что опредѣляетъ громадную важность естествознанія для исторіи (*). Бокль говоритъ: «исторія человѣческаго духа тогда только можетъ быть понятна, если мы прослѣдимъ ее въ связи съ исторіей и явленіями матеріальнаго міра».

Согласно съ этимъ, въ одной изъ предъидущихъ главъ, мы представили въ частности, слѣдуя выводамъ Бокля, все вліяніе климата, пищи, почвы и явленій природы на человѣка и Государство. Благопріятные условія климата, почвы и пищи умѣренныхъ странъ ведутъ къ богатству и изобилію, между тѣмъ какъ крайній сѣверъ и югъ лишены производительныхъ силъ, отъ недостаточности этихъ условій.

Г. Фрауенштедтъ, немецкій мыслитель, въ статьѣ: «Естественные законы нравственнаго міра», развилъ еще ярче, чѣмъ г. Бокль, необходимое взаимное дѣйствіе духовнаго и матеріальнаго міровъ.

Путь опыта помогаетъ намъ и здѣсь; естественное и нравственное совпадаютъ и должны совпадать одно съ другимъ, разумѣется съ нѣкоторыми уклоненіями, которыя предписываютъ общественныя, естественныя законы организаціи общества, или государства, какъ живыхъ, разумныхъ существъ.

(*) А также и для Науки Бытія.

До сихъ поръ существуетъ традиціонной предразсудокъ о разницѣ *возможности* въ природѣ, *съ долгомъ* человѣка въ нравственномъ мірѣ; въ обоихъ одинаково существуетъ лишь условная возможность, котораа зависитъ отъ возраста общественнаго организма, его формы, силъ, среды его окружающей и предшествующей его жизни. Вотъ почему политико—экономы и государственные люди, вводя условія естественныхъ законовъ въ общественные законы, должны непремѣнно сообразоваться съ вышеозначенными обстоятельствами. Кромѣ героевъ и злодѣевъ на землѣ Идеальнаго Государства существуютъ смѣшенныя существа, которыя дѣйствуютъ, смотря по обстоятельствамъ, такъ или иначе. Если мы измѣнимъ эти обстоятельства, измѣнимъ и дѣйствія этихъ существъ.

Мы можемъ сказать, что извѣстныя свойства дѣйствительности въ нашихъ рукахъ, что мы можемъ уменьшить порокъ, если посмотримъ на него какъ на болѣзнь и заблужденіе. Общество, такъ жестоко иногда преслѣдующее преступленія, должно бы чаще обращаться къ себѣ съ вопросомъ: *нѣтъ ли въ немъ самомъ нѣкоторыхъ условій и недостатковъ, вызывающихъ преступленіе?* Есть извѣстные роды преступленій, которыя прямо зависятъ отъ общественныхъ условій; если мы разберемъ зависимость каждаго преступленія отъ состоянія общесства, то во всякомъ найдемъ большее или меньшее вліяніе его на преступленіе. Весьма вѣроятно, что такое устройство общества, при которомъ преступленіе было бы невозможно, останется идеаломъ, но мы обязаны стрѣмится къ нему во имя любви къ человѣчеству и во имя нашего развитія.

Изъ изслѣдованія духовнаго начала человѣка Идеальнаго Государства, мы видимъ, что сколько разумъ самъ по себѣ есть бытіе сознательное, какъ представитель духовной природы человѣка, столько сердце есть бытіе безсознательное какъ представитель физической природы. Значитъ, организмъ человѣка заключаетъ въ себѣ два элемента, почти противуположныхъ свойстъ. Одинъ изъ нихъ разумъ, другой сердце. Первый, освящая сознаніемъ всѣ предметы вещественнаго и духовнаго міровъ, стрѣмится открывать во всемъ истину, другой, слѣдуя слѣпо побужденіямъ организма, или лучше сказать крови, энергически требуетъ отъ разсудка ихъ удовлетворенія. Слѣдовательно, требованія сердца, какъ безсознательныя, могутъ быть противны истинѣ. Вотъ гдѣ нужно искать начала общественнаго зла. Оно заключается въ самой природѣ человѣка, безъ чего онъ не былъ бы человѣкомъ.

Разсмотрѣвъ волю человѣка, на которой лежитъ исполнительная обязанность, передавать нервамъ впечатлѣнія, созрѣвающія въ сознаніи, получающія инициативу прямо отъ совѣсти, имѣющей обязанность повѣрять и примирять, почти всегда, противурѣчащія въ человѣкѣ, побужденія сердца и ума, мы можемъ сказать теперь, что въ духовной природѣ мужчины Идеальнаго Государства, не смотря на безпрерывно-происходящую борьбу сердца, какъ представителя побужденій организма, съ умомъ, прлдставителемъ духовныхъ побужденій, въ этой почти равносильной борьбѣ, сердце едва ли не всегда уступаетъ уму, или умъ покоряетъ серце. Женщина въ этомъ случаѣ отходитъ отъ этого закона, у нея воля повинуется болѣе голосу сердца, нежели холоднымъ расчетамъ ума.

Умъ въ мужчинѣ Идеальнаго Государства есть владыка всѣхъ его побужденій: физическихъ и духовныхъ, которыя проходятъ чрезъ сознаніе, происходящее отъ ума. Физіологія доказываетъ фактами, что умъ вообще зависитъ болѣе отъ мозга и его формъ, нежели отъ сердца (крови); но все таки отъ матеріи и есть выраженіе ея свойствъ.

Но не смотря на эту борьбу, происходящую, въ природѣ мужчины и женщины порознь, у нихъ истина и сознаніе вырабатываются различно: у одного болѣе умомъ у другой болѣе сердцемъ. Слѣдовательно, въ атомѣ Идеальнаго Государства, т. е. въ воображаемомъ нами существѣ или единицѣ, состоящей изъ мужчины и женщины являются опять два соперника: умъ мужчины, смягченный сердцемъ женщины, и сердце женщины, украшенное умомъ мужчины. Но любовь съ разсудкомъ и разсудокъ съ любовью есть духъ, духъ есть цельность живой, индивидуальной единицы, принимая свойство организма, за самый организмъ.

Здѣсь у мѣста рѣшить вопросъ кому отдать преимущество въ жизни атома, выражающейся борьбой двухъ половъ; мужчинѣ или женщинѣ. Въ общей жизни атома Идеальнаго Государства, не смотря на сопротивленіе сердца, преобладающаго въ женщинѣ, все таки умъ мужчины беретъ перевѣсъ, надъ всѣми побужденіями атома, выражаетъ волю, какъ инициативу ихъ общихъ побужденій, и служитъ руководителемъ цѣлой жизни атома общества и всего Идеальнаго Государства, какъ и въ человѣкѣ вообще

Женщина, хотя и повинуется этому общему закону, но большая часть ея поступковъ, выражающихъ ея жизнь, есть слѣдствіе инстинкта, проявляющагося чрезъ сердце, владыки ея существа.

Умъ вообще есть законодатель, творческая сила—высшее свойство души. Умъ даетъ значеніе не существующему и мертвому. Отъ ума зависитъ все существо мужчины Идеальнаго Государства, его умъ господствуетъ надъ сердцемъ, умѣряя его порывы, признавая его естественныя, необходимыя побужденія, потому что вся жизнь его выражается обдуманными и основанными на правилахъ поступками. У женщины обратно, въ ней сердце господствуетъ надъ умомъ, она рѣшаетъ скорѣе сердцемъ, живетъ болѣе чувствами, опредѣляетъ болѣе инстинктомъ. Въ мужчинѣ Идеальнаго Государства умъ, находясь въ постоянной борьбѣ съ сердцемъ, остается почти всегда побѣдителемъ, утрачивая отчасти, въ этой борбѣ, свои холодные разсчеты; у женщины, обратно; у нее очень часто и почти всегда побѣдителемъ надъ умомъ остается сердце, утрачивая также свои порывы въ этой борьбѣ. Мужчина умомъ поверяетъ побужденія сердца, т. е. тѣла, запрещаетъ или одобряетъ исполненіе этихъ побужденій, даетъ законы, или правила жизни, и есть подъ часъ противникъ сердца, какъ проводника физической природы, съ которымъ ведетъ почти всегда борьбу. Эта та постоянная борьба духовнаго начала съ физическимъ, сердца съ умомъ, за ихъ разнообразныя до безконечности, часто противуположныя побужденія и составляетъ индивидуальную жизнь человѣка Идеальнаго Государства; чѣмъ сильнѣе эта борьба: тѣмъ очевиднѣе проявлявтся жизнь, тѣмъ человѣкъ дѣлается совѣршеннѣе. Если бы не было этой борьбы въ жизни,—былъ бы покой,—была бы смертъ. У женщины большею частію роль ума разыгрываетъ сердце. Вотъ почему должно сознать справедливымъ выраженіе тѣхъ, которые называютъ жизнь борьбою и страданіемъ.

Въ атомѣ Идеальнаго Государства, является опять та же борьба (только умеренная предварительно въ обоихъ) борьба ума вужчины съ серлцемъ женщины. Значитъ цѣлый атомъ представляетъ тоже сочетаніе, ума и сердца какъ и въ человѣкѣ, только болѣе выработанное, болѣе совершенное, т. е. въ общей жизни обѣ половины атома слѣдуютъ закону одного недѣлимаго, разумнаго органическаго существа, или человѣка.

Физіологія доказываетъ фактами, что у мужчины мозгъ занимаетъ болѣе пространства нежели у женщины, и нѣсколько отличается своею формою. Это различіе кладетъ довольно рѣзкую черту въ ихъ жизни и заставляетъ отдать первенство мужчинѣ, по количеству мозга, который есть владыка всего существа человѣка, придавъ мужчинѣ еще физи-

ческую силу мы смѣло можемъ сказать, не смотря на всѣ могучія свойства женскаго сердца, способнаго вести борьбу съ умомъ мужчины, красоту, кокетсво и т. п, что ему, какъ представителю и главѣ семейства, принадлежитъ естественное первенство и власть,опредѣленные природой и этою властью, въ атомѣ Идеальнаго Государства пользуется мужчина. Онъ является представителемъ своего семейства, въ его *я* заключается цѣлый атомъ. Жена, при равновѣсіи свойствъ обоихъ половинъ атома, покорствуетъ мужу, потому что онъ своимъ умомъ и силою физическою защищаетъ ее отъ внѣшняго вреда. а также избавляетъ отъ трудовъ, которые превосходятъ ея силы.

Въ мужчинѣ Идеальнаго Государства выражается воля и инициатива частныхъ, общественныхъ дѣйствій цѣлаго атома, служащихъ проявленіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ побужденій двухъ различныхъ половъ.

Вотъ эту то естественную волю и должна разсматривать Наука Бытія, или такъ называемая Политическая экономія и на этой волѣ основывать свои выводы, какъ на законахъ естественной, общественной жизни.

Перейдемъ теперь къ побужденіямъ человѣка, служащихъ причинами, или началами дѣйствій и поступковъ, въ которыхъ выражается его частная и общественная жизнь.